

ООО «Наука и образование»

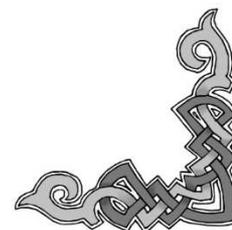
**ГУМАНИТАРНЫЕ,
СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИЕ
И ОБЩЕСТВЕННЫЕ НАУКИ**

Всероссийский научный журнал

www.online-science.ru

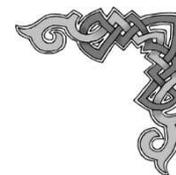

**№ 9
2020**

**ГУМАНИТАРНЫЕ, СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИЕ
И ОБЩЕСТВЕННЫЕ НАУКИ**

2020, № 9

(печатная версия Всероссийского научного журнала
«Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки» –
www.online-science.ru)

Основан в 2010 г.

ISSN 2220-2404 (печать) ISSN 2221-1373 (on-line)

Решением Президиума ВАК Минобрнауки РФ
журнал «Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки» включен
в перечень рецензируемых научных журналов, в которых должны быть опубликованы
основные научные результаты диссертаций на соискание ученых степеней доктора и
кандидата наук.

Свидетельство о регистрации СМИ: Эл № ФС 77-71757 от 30 ноября 2017 г.

Регистрационное свидетельство ФГУП НТЦ «Информрегистр» № 573 от 04.10.2011 г.

Лицензионный договор Научная Электронная Библиотека
(Российский индекс научного цитирования)
№ 223-07/2011R от 15.07.2011 г.

ГЛАВНЫЙ РЕДАКТОР:

Попов Михаил Юрьевич, доктор социологических наук, профессор

ЗАМ. ГЛАВНОГО РЕДАКТОРА:

Бугаенко Юлия Юрьевна, кандидат философских наук, доцент кафедры уголовного права
юридического факультета Кубанского государственного аграрного университета

ЗАВЕДУЮЩАЯ РЕДАКЦИЕЙ:

Шелкова Елена Андреевна

ПЕРЕВОДЧИК:

Шелкова Елена Андреевна

КОРРЕКТОР:

Попов Михаил Юрьевич

УЧРЕДИТЕЛИ:

ООО «Наука и образование»

ФГБОУ ВПО
«Адыгейский государственный университет»

АДРЕС РЕДАКЦИИ И ИЗДАТЕЛЯ:

350049, Краснодарский край, г. Краснодар, ул. Красных партизан, 371, оф. 28

тел. (861) 226-08-65

Электронный адрес: milena.555@mail.ru

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ:

Председатель редакционного совета

Хунагов Рашид Думаличевич – Почётный работник высшего профессионального образования Российской Федерации, доктор социологических наук, профессор, ректор Адыгейского государственного университета;

Члены редакционного совета:

Атоян Корюн Лукашевич, доктор экономических наук, профессор, ректор Армянского государственного экономического университета. Республика Армения;

Вишневецкий Кирилл Валерьевич, доктор юридических наук, профессор, начальник кафедры уголовного права и криминологии Краснодарского университета МВД России;

Волков Юрий Григорьевич, Заслуженный деятель науки РФ, доктор философских наук, профессор, научный руководитель института социологии и регионоведения Южного федерального университета;

Голенкова Зинаида Тихоновна, Заслуженный деятель науки РФ, доктор философских наук, профессор, руководитель Центра исследования социальной структуры и социального расслоения, учебно-образовательного центра Института социологии РАН;

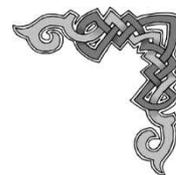
Гришай Владимир Николаевич, доктор социологических наук, профессор, профессор кафедры общегуманитарных и естественнонаучных дисциплин, Эссентукский институт управления, бизнеса и права

Дятлов Александр Викторович, доктор социологических наук, профессор. Южный федеральный университет;

Зеленский Владимир Дмитриевич, Заслуженный юрист Российской Федерации, доктор юридических наук, профессор, Заслуженный юрист Кубани, Почетный работник высшего профессионального образования РФ, руководитель программ магистерской подготовки юридического факультета Кубанского аграрного университета;

Игнатов Александр Николаевич, доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры уголовного права и криминологии Крымского филиала Краснодарского университета МВД России;

Касьянов Валерий Васильевич, доктор социологических наук, доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой истории России Кубанского государственного университета;

EDITORIAL BOARD:

Chairman Editorial Board:

Hunagov Rashid Dumalichevich – Honoured Worker of Higher Professional Education of the Russian Federation, Doctor of Social Sciences, Professor, President of Adyghe State University;

Members of the editorial Board:

Koryun L. Atoyan, Doctor of Economics, Professor, Rector of the Armenian State Economic University. The Republic of Armenia;

Kirill V. Vishnevetskiy, Doctor of law, professor, chief of department of criminal law and criminology Krasnodar Ministry of Internal Affairs university of Russia;

Yuri G. Volkov, Honored scientist of the Russian Federation, Ph.D., professor, research supervisor of Sociology and Regional Studies Institute of Southern Federal University;

Zinaida T. Golenkova, Honored Public Figure of Science, Doctor of Philosophy, Professor, Deputy Director of the Institute of Sociology of the Academy of Sciences;

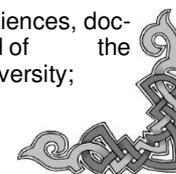
Vladimir N. Grishay, doctor of Sociology, Professor, Professor, of General humanitarian and natural Sciences, Essentuki Institute of management, business and law

Alexander Viktorovich Dyatlov, doctor of Sociology, Professor. Southern Federal University;

Zelensky V. Dmitriyevich, the Honored lawyer of Russian Federation, doctor of law, professor, the Honored lawyer of Kuban, the Honourable worker of higher education of the Russian Federation, the head of programs of master preparation of law department of the Kuban agricultural university ;

Aleksandr N. Ignatov, Doctor of Law, Professor, Professor of the Department of Criminal Law and Criminology of the Crimean branch of the Krasnodar University the Ministry of Internal Affairs of Russia;

Valery V. Kasyanov, Doctor of Social Sciences, doctor of historical sciences, professor, head of the history of Russia at the Kuban State University;

Карепова Светлана Геннадьевна, кандидат социологических наук, ведущий научный сотрудник Института социально-политических исследований Российской академии наук;

Кашкаров Алексей Александрович, доктор юридических наук, доцент, начальник кафедры уголовного права и криминологии, Крымский филиал Краснодарского университета МВД России;

Клещина Елена Николаевна, доктор юридических наук, профессор кафедры уголовного процесса Московского университета МВД России;

Когербаева Айнура Анатольевна, доктор экономических наук, профессор, руководитель ООП «Экономика и управление народным хозяйством» (менеджмент). Киргизско-Российский славянский университет. Бишкек, Кыргызстан;

Коновалов Станислав Иванович, Заслуженный сотрудник МВД России, доктор юридических наук, профессор, профессор Ростовского института защиты предпринимателя;

Куемжиева Светлана Александровна, кандидат юридических наук, профессор, доцент кафедры гражданского права юридического факультета Кубанского государственного аграрного университета имени И.Т. Трубилина;

Кузнецов Вячеслав Николаевич, член-корреспондент РАН, доктор социологических наук;

Маркова-Мурашева Светлана Александровна, доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры теории, истории государства и права Кубанского государственного университета;

Маркович Данило Ж., профессор Белградского университета. Сербия;

Невский Сергей Александрович, доктор юридических наук, профессор, заместитель начальника Всероссийского научно-исследовательского института МВД России по научной работе, начальник научно-исследовательского центра № 1;

Нарбут Николай Петрович, доктор социологических наук, профессор, первый заместитель декана, заведующий кафедрой социологии Российского университета дружбы народов;

Образиев Константин Викторович, доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой уголовно-правовых дисциплин, Университет прокуратуры Российской Федерации

Пан Давей, доктор социологических наук, профессор, директор Института социологии Шанхайской академии общественных наук. Китайская народная республика;

Пудовочкин Юрий Евгеньевич, доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры уголовного права. Российский государственный университет правосудия

Svetlana G. Karepova, candidate of sociological sciences, leading researcher of Institute of socio-political researches of the Russian Academy of Sciences;

Aleksey A. Kashkarov, doctor of law, associate professor, Head of the department of criminal law and criminology Crimean branch of the Krasnodar university of the Ministry of Internal affairs of Russia;

Elena N. Kleshchina, doctor of law, professor of chair of criminal trial of the Ministry of Internal Affairs Moscow university of Russia;

Aynura A. Kogerbayeva, doctor of Economics, professor, head of OOP «Economy and Management of the National Economy» (management). Kyrgyz-Russian Slavic university. Bishkek, Kyrgyzstan;

Stanislav I. Konovalev, Honored police officer of Russia, the doctor of law, professor, professor of the Rostov institute of protection of the businessman;

Svetlana A. Kuemzhieva, Candidate of Law Sciences, professor, associate professor of civil law of legal faculty of the Kuban state agricultural university of I.T. Trubilin;

Vyacheslav N. Kuznetsov, Corresponding Member of the Russian Academy of Sciences, Doctor of Social Sciences;

Svetlana A. Markova-Murasheva, doctor of law, professor, professor of chair of the theory, history of state and law of the Kuban state university;

Daniel J. Markovic, professor, University of Belgrade. Serbia;

Sergei A. Nevsky, doctor of law, professor, deputy chief of the All-Russian scientific and research institute of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation on scientific work, the chief of research center № 1;

Narbut N. Petrovich, doctor of sociological sciences, professor, first deputy dean, head of the department of sociology of the Russian university of friendship of the people;

Konstantin V. Obrazhiyev, doctor of law, professor, head of the department of criminal and legal disciplines University of prosecutor's office of the Russian Federation

Pan Dawei, Doctor of Social Sciences, Professor of Sociology, Director of the Institute of the Shanghai Academy of Social Sciences. Chinese People's Republic;

Yury E. Pudovochkin, doctor of law, professor, professor of department of criminal law. Russian state university of justice

Пусько Виталий Станиславович, Заслуженный работник высшей школы РФ, доктор философских наук, профессор, профессор кафедры политологии МГТУ им. Н.Э. Баумана;

Романова Анна Ильинична, доктор экономических наук, профессор, заведующий кафедрой экономики и управления в городском хозяйстве Казанского государственного архитектурно-строительного университета;

Рыкова Ирина Николаевна, доктор экономических наук, профессор, руководитель Центра отраслевой экономики Научно-исследовательского финансового института Министерства финансов РФ;

Самыгин Сергей Иванович, доктор социологических наук, профессор кафедры управления персоналом и социологии Ростовского государственного экономического университета;

Силин Анатолий Николаевич, Заслуженный деятель науки РФ, доктор социологических наук, профессор, главный научный сотрудник Западно-сибирского филиала Института социологии РАН;

Снимщикова Ирина Викторовна, доктор экономических наук, профессор, профессор кафедры экономики и финансового менеджмента Кубанского государственного технологического университета имени И.Т. Трубилина;

Соколова Галина Николаевна, Заслуженный работник образования Республики Беларусь, доктор социологических наук, профессор, заведующая отделом экономической социологии ГНУ «Институт социологии» НАН;

Сумачев Алексей Витальевич, доктор юридических наук, профессор, Югорский государственный университет;

Тузиков Андрей Римович, доктор социологических наук, профессор, декан факультета промышленной политики и бизнес-администрирования Казанского национального исследовательского технологического университета;

Упоров Иван Владимирович, доктор исторических наук, кандидат юридических наук, профессор. Краснодарский университет МВД России;

Фархутдинов Инсур Забинович, доктор юридических наук, ведущий научный сотрудник, Институт государства и права Российской академии наук, главный редактор научного журнала «Евразийский юридический журнал»;

Харитонов Евгений Михайлович, академик РАН, доктор социологических наук, директор Всероссийского научно-исследовательского института риса.

Vitaly S. Pusko, The honored worker of the Higher school of the Russian Federation, the Doctor of Philosophy, professor, professor of chair of political science of MGTU of N.E. Bauman;

Romanova Anna Ilyinichna, doctor of Economics, professor, the head of the department of economy and management in municipal economy of the Kazan state architectural and construction university;

Rykova Irina Nikolaevna, doctor of Economics, professor, the head of the Center of branch economy of Research financial institution of the Ministry of Finance of the Russian Federation;

Samygin Sergei Ivanovich, doctor of sociological sciences, professor of department of personnel management and sociology of the Rostov state economic university;

Anatoly N. Silin, Honored Worker of Science of the Russian Federation, doctor of sociological sciences, professor, the chief researcher of the West Siberian branch of Institute of sociology of RAN;

Irina V. Snimschikova, doctor of Economic Sciences, professor of economics and financial management at the Kuban State Technological University named of I.T. Trubilin;

Sokolova Galina Nikolaevna, Honoured worker of formation of Republic of Belarus, professor, the doctor of sociological sciences, the manager of department economic sociology of the GNU «Institute of sociology» of NAN;

Alexey V. Sumachev, doctor of jurisprudence, professor, Yugra state university

Jolly-boats Andrey Rimovich, doctor of sociological sciences, professor, the dean faculty of industrial policy and business administration of the Kazan national research technological university;

Ivan V. Uporov, doctor of historical sciences, the candidate jurisprudence, professor. Krasnodar university Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation;

Insur Z. Farkhutdinov, doctor of jurisprudence, the leading researcher, Institute of the state and right of the Russian Academy of Sciences, Editor-in-Chief of the scientific journal «The Euroasian legal magazine»;

Evgeny M. Kharitonov, academicien of RAS, doctor of sociological sciences, director of the All-Russian research institute rice.

*Коллектив редакции журнала поздравляет
членов редакционной коллегии
с Днем Рождения!!!*

Голенкова Зинаида Тихоновна,

Рыкова Ирина Николаевна.

Примите наши самые искренние и теплые поздравления с Днем Рождения и пожелания крепкого здоровья, успешной и плодотворной работы. Пусть в жизни всегда сопутствует хорошее настроение и неиссякаемый оптимизм. Желаем Вам новых творческих успехов!!!

Редакция журнала

СОДЕРЖАНИЕ:

Поздравления	6
--------------------	---

СОЦИОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ

Бабинцев В.П., Гайдукова Г.Н., Шаповал Ж.А. Систематизация факторов, определяющих воздействие городской социобиотехнической системы на субкультурные процессы	15
Бояринова И.В., Реутов Е.В., Реутова М.Н. Интерииоризация негативных геронтостереотипов у представителей старших возрастных групп (по данным регионального исследования)	20
Голобородько А.Ю., Стеценко В.В., Понеделков А.В., Омельченко И.В. Государственная социо-культурная молодежная политика в контексте актуальных тенденций развития политического дискурса	25
Головань С.А. Формирование патриотических ценностей в сознании современной молодежи	30
Иваненко И.Н., Зиниша О.С. Осмысление проблематики местного самоуправления на современном этапе	35
Левченко Н.В. Гражданский активизм в системе образования в районных центрах регионов России	41
Максимов А.А., Бебнев И.С., Сейфиева Е.Н., Скрипниченко В.А. Новая модель общества: формирование цифровой образовательной среды	45
Московцева Е.А. Социальная среда подростков в кризисном социуме	51
Рогач О.В. Возможности использования механизма инициативного бюджетирования при формировании социального капитала местных сообществ	53
Троцук И.В., Королева К.И. Субъективное благополучие – качество жизни или счастье?	57
Чхвимиани Э.Ж., Афаунов А.З., Тарасенко Д.В. Полиция в дискурсе современного российского общества	63
Шагина И.Р., Абдуллаев С.С., Кубекова А.С., Смахтина Т.А. Восприятие дистанционного обучения студентами медицинского университета	67
Шефель С.В., Захарова В.А. Экологическая культура как фактор межэтнического взаимодействия	71

ЮРИДИЧЕСКИЕ НАУКИ

Аверин А.Н., Понеделков А.В., Колимбет П.С., Стельмах С.А. Субъекты противодействия экстремизму	77
Бидова Б.Б. Анализ основных угроз национальной безопасности и национальным интересам	83
Боровских Р.Н., Зыков Д.А. Новеллы уголовного законодательства в свете противодействия распространению коронавирусной инфекции на территории РФ	87
Варченко И.А., Сафонов А.А., Кривошеин А.А. Отдельные вопросы назначения и производства идентификационной почерковедческой экспертизы	91
Веснина С.Н., Неустроева А.В., Степанюгин К.В. Модификация киберугроз в условиях сложной эпидемиологической обстановки, вызванной распространением вируса «COVID-19»	95

Волков В.Р. К вопросу о некоторых основных началах науки уголовного права, повлиявших на содержание дифференциации уголовной ответственности	100
Гаврилов В.Н., Бажко С.И., Попов И.Д. Особенности договора контрактации в Российской Федерации	103
Гончаров Д.К. Криминалистические особенности противодействия незаконной деятельности по организации и проведению азартных игр в новых субъектах Российской Федерации	108
Дзюба А.О., Шманцарь Ю.А. Допустимость генетической дактилоскопии и создания баз данных ДНК с точки зрения криминалистики и конституционных прав и свобод человека	113
Должникова Е.В., Савосина Н.В., Караваев Е.С. Особенности привлечения к административной ответственности за побои в семье	117
Карлов И.В., Рябчиков В.В. Социально-культурные факторы совершения преступлений студентами, обучающимися в ведомственных образовательных организациях	121
Клопова Е.Н. Общественные советы (палаты) как правовая форма взаимодействия органов внутренних дел и института гражданского общества	124
Кудряшов К.В., Понеделков А.В., Косенко О.К., Семеренко А.С. Правовые новеллы российского законодательства о противодействии молодежному экстремизму	127
Макеева Е.А., Макеева И.А., Логинова Е.В. Особенности профориентационной работы образовательной политики советской власти в системе адаптации молодежи к социальным условиям	133
Марьин Е.В. О некоторых вопросах правового обеспечения экономических инструментов в сфере охраны окружающей среды	136
Михайлов А.Е., Семенов С.А., Тараканов И.А. Насильственная преступность: состояние и тенденции	139
Савин А.А. Обязательные составляющие при рассмотрении вопроса о принудительных мерах медицинского характера	143
Савченко Н.И. Содержание некоторых подготовительных действий, предшествующих получению и даче взятки	146
Санников Д.В. Современные проблемы защиты гражданских прав и законного владения в РФ	150
Сафонов А.А., Устюгов С.Н., Куркин П.Г. К вопросу об использовании отдельных видов экспертиз при расследовании незаконного оборота наркотических средств и психотропных веществ	153
Сачков А.Н. Объект состава организации деятельности по привлечению денежных средств и (или) иного имущества	157
Украинчик А.В. Понятие и признаки исполнителя преступления	161
Шаназарова Е.В., Савельева О.Е. Правовая природа договоров в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд	169
Шерстюков С.А. Сущность экстремистской направленности преступлений	172
Яценко О.В., Борисова А.А., Сапожникова Е.Ю. Основания права личности на защиту конституционных прав и свобод на уровне международного правосудия	176

ЭКОНОМИЧЕСКИЕ НАУКИ

Голикова Ю.Б., Мочалова Я.В. Инновационный потенциал регионов РФ: тенденции и перспективы развития	183
Калинская Ю.С. Внешняя кредитная политика России в новых геоэкономических условиях	187
Кирсанов И.А., Парфенова Л.Б. Направления статистических исследований финансового состояния домашних хозяйств РФ	190
Коновалова Т.В., Надирян С.Л., Миронова М.П. Совершенствование методов оптимизации транспортно-логистических издержек в торгово-транспортно-логистических системах	197
Мазин Г.Е. Выявление потребности публичных компаний России в применении деривативов для управления рисками	200
Маликова А.Х., Куликов Е.И. Значимость бюджетно-финансового обеспечения образования	203
Нагорный Д.А. Процесс цифровой трансформации национальных экономик и его количественное измерение	206
Овчинников А.П. Современные проблемы импортозамещения в РФ	211
Сугрובה Л.А. Управление рисками целевого капитала некоммерческих организаций	215
Яковлев Е.О. Место и роль высокотехнологичных инновационных компаний на российском и зарубежном рынках	218

CONTENTS:

Congratulations	6
------------------------------	---

SOCIOLOGICAL SCIENCES

Valentin P. Babintsev, Galina N. Gaidukova, Zhanna A. Shapoval Systematization of factors determining impact of urban sociobiotechnical system on subcultural processes	15
--	----

Irina V. Boyarinova, Evgeny V. Reutov, Marina N. Reutova Interiorization of negative gerontostereotypes among representatives of senior age groups (according to the data of a regional study)	20
---	----

Andrei Yu. Goloborodko, Vladimir V. Stetsenko, Alexander V. Ponedelkov, Igor V. Omelchenko State social cultural youth policy in the context of current trends in the development of political discourse	25
---	----

Sergei A. Golovan Formation of patriotic values in the minds of modern youth	30
--	----

Igor N. Ivanenko, Olga S. Zinisha Understanding the issues of local self-government at the present stage	35
--	----

Natalia V. Levchenko Civic activism in the education system in regional centers of Russian regions	41
--	----

Alexandr A. Maksimov, Ivan S. Bebnov, Elena N. Seifieva, Vladimir A. Skripnichenko New model of society: development of a digital educational environment	45
---	----

Evgenia A. Moskovtseva The social environment of adolescents in a crisis society	51
--	----

Olga V. Rogach Opportunities to use the mechanism of initiative budgeting in the formation of social capital of local communities	53
--	----

Irina V. Trotsuk, Krisnina I. Koroleva Subjective well-being – quality of life or happiness?	57
--	----

Eduard Ju. Chkhvimiani, Anzor Z. Afaunov, Denis V. Tarasenko The police in the discourse of modern Russian society	63
--	----

Inna R. Shagina, Sardor S. Abdullayev, Alia S. Kubekova, Tatyana A. Smakhtina Perception of distance learning by students of a medical university	67
---	----

Sergey V. Shefel, Vera A. Zakharova Ecological culture as a factor of intercultural interaction in the modern world	71
---	----

JURISPRUDENCE

Alexander N. Averin, Aleksandr V. Ponedelkov, Pavel S. Kolimbet, Sergey A. Stelmax The subjects of combating extremism	77
--	----

Bela B. Bidova Analysis of major threats to national security and national interests	83
--	----

Roman N. Borovskikh, Daniil A. Zykov Novelties of criminal legislation in the light of counteraction to proliferation coronavirus infection in the Russian Federation	87
--	----

Igor A. Varchenko, Andrey A. Safonov, Alexander A. Krivoshein Separate issues of appointment and production of identification handwriting expertise	91
--	----

Snezhana N. Vesnina, Alexandra V. Neustroeva, Konstantin V. Stepanyugin Modification of cyberthreats in complex epidemiological situation caused by the spread of the VIRUS «COVID-19»	95
Vyacheslav R. Volkov To the question of some basic principles of the science of criminal law that influenced the content of differentiation of criminal responsibility	100
Vladimir N. Gavrilov, Sergey I. Bazhko, Ilya D. Popov Features of the contract of contracting in the Russian Federation	103
Dmitry K. Goncharov Forensic features of countering illegal activities in the organization and conduct of gambling in the new subjects of the Russian Federation	108
Alexander O. Dzyuba, Ulia A. Shmantsar Whether genetic information is acceptable fingerprinting and creating dna databases in terms of criminalistics and constitutional rights and human rights	113
Ekaterina V. Dolzhnikova, Natalia V. Savosina, Evgeny S. Karavaev Features of bringing to administrative responsibility for beatings in the family	117
Ilya V. Karlov, Vadim A. Ryabchikov Socio-cultural factors of committing crimes by students of departmental educational institutions	121
Evgenia N. Klopova Public councils (chambers) as a legal form of interaction between internal affairs bodies and civil society institutions	124
Konstantin V. Kudryashov, Alexander V. Ponedelkov, Oksana K. Kosenko, Alina S. Semerenko Legal innovations of the Russian legislation on countering youth extremism	127
Elena A. Makeeva, Inna A. Makeeva, Elena V. Loginova The vocational guidance peculiarities of the educational policy of the Soviet Authority in the System of Youths Adaptation to the Social Conditions	133
Evgeniy V. Maryin On some issues of legal support of economic instruments in the field of environmental protection	136
Alexey E. Mikhailov, Sergey A. Semenov, Ilya A. Tarakanov Violent crime: state and trends	139
Andrei A. Savin Mandatory components when considering the question of compulsory measures of a medical nature	143
Nina I. Savchenko Content of some preparatory actions prior to receiving and giving a bribe	146
Denis V. Sannikov Modern problems of protection of civil rights and legal ownership in the Russian Federation	150
Andrey A. Safonov, Sergey N. Ustyugov, Peter G. Kurkin On the use of certain types of expertise in the investigation of illicit trafficking in narcotic drugs and psychotropic substances	153
Andrey N. Sachkov Object of the structure of the organization of activities to attract funds and (or) other property	157
Alevtina V. Ukrainchik Concept and features of the perpetrator of the crime	161
Elena V. Shanazarova, Olga E. Savelyeva Legal nature of contracts in the field of procurement of goods, works, and services for state and municipal needs	169
Sergey A. Sherstyukov The essence of extremist crimes	172
Olga V. Yatsenko, Anna A. Borisova, Ekaterina Yu. Sapozhnikova Grounds for the individual's right to protection of constitutional rights and freedoms at the level of international justice	176

ECONOMIC SCIENCES

Yulia B. Golikova, Yana V. Mochalova Innovative potential of russian regions: trends and prospects for development	183
Yuliya S. Kalinskaya Foreign credit policy of Russia in the new geo-economic conditions	187
Ivan A. Kirsanov, Lyudmila B. Parfyonova Financial statistic directions of households in the Russian Federation	190
Tatyana V. Konovalova, Sofia L. Nadiryan, Mariya P. Petrovna Improving methods for optimizing transport and logistics costs in trade, transport and logistics systems	197
Georgy E. Mazin Russian companies' needs for derivatives in risk management study	200
Aziza Kh. Malikova, Evgenii I. Kulikov The importance of budgetary and financial support of education	203
Dmitry A. Nagorny The Digital Transformation Process of National Economies and Its Quantitative Measurement	206
Aleksey P. Ovchinnikov Modern problems of import substitution in the Russian Federation	211
Laura A. Sugrobova Endowment risk management of non-profit organizations	215
Egor O. Iakovlev The role of high-tech and innovative companies in Russian and foreign markets	218

**СОЦИОЛОГИЧЕСКИЕ
НАУКИ**

Бабинцев Валентин Павлович
доктор философских наук,
профессор,
профессор кафедры социальных
технологий и государственной службы,
Белгородский государственный
национальный исследовательский
университет
babintsev@bsu.edu.ru

Гайдукова Галина Николаевна
кандидат социологических наук,
доцент,
доцент кафедры социальных технологий
и государственной службы,
Белгородский государственный
национальный исследовательский
университет
g_gaidukova@bsu.edu.ru

Шаповал Жанна Александровна
кандидат социологических наук,
доцент,
доцент кафедры социальных технологий
и государственной службы,
Белгородский государственный
национальный исследовательский
университет
shapoval@bsu.edu.ru

СИСТЕМАТИЗАЦИЯ ФАКТОРОВ, ОПРЕДЕЛЯЮЩИХ ВОЗДЕЙСТВИЕ ГОРОДСКОЙ СОЦИОБИОТЕХНИЧЕСКОЙ СИСТЕМЫ НА СУБКУЛЬТУРНЫЕ ПРОЦЕССЫ

■ ■ ■

Аннотация. В статье рассматривается проблема метаболизации урбанистической субкультуры вследствие превращения современного города в сложную социобиотехническую систему. Авторами выделены характеристики городской субкультуры, в частности: опосредованность, уровневая концентричность, креативность, внутренняя дифференциация, противоречивость, синергичность. Ими отмечается, что метаболизация городской субкультуры может рассматриваться, с одной стороны, с точки зрения внутренней социодинамики субкультуры, осуществляющейся как движение от усвоения и переработки исходного, многообразного по своему содержанию информационного контента к его переработке, использованию и отбрасыванию части в виде отходов (мусора). С другой стороны, с позиции интеграции сферы культуры другими сферами, определяющими функционирование городской СБТ-системы – технико-технологической, биологической и социальной. Представлена авторская систематизация факторов, определяющих воздействие городской СБТ-системы на субкультурные процессы.

Valentin P. Babintsev
Doctor of Philosophy,
Professor,
Professor of the Department of Social
Technology and Public service,
Belgorod State
National Research University
babintsev@bsu.edu.ru

Galina N. Gaidukova
Candidate of Sociological Sciences,
Assistant Professor,
Associate Professor of the Department
of Social Technologies and Public service,
Belgorod State
National Research University
g_gaidukova@bsu.edu.ru

Zhanna A. Shapoval
Candidate of Sociological Sciences,
Assistant Professor,
Associate Professor of the Department
of Social Technologies
and Public service,
Belgorod State
National Research University
shapoval@bsu.edu.ru

SYSTEMATIZATION OF FACTORS DETERMINING IMPACT OF URBAN SOCIOBIOTECHNICAL SYSTEM ON SUBCULTURAL PROCESSES

■ ■ ■

Annotation. The article deals with the problem of urban subculture metabolism due to the transformation of a modern city into a complex sociobiotechnical system. The characteristics of urban subculture are highlighted, in particular: mediation, level concentricity, creativity, internal differentiation, inconsistency, and synergy. It is noted that the metabolism of urban subculture can be seen, on the one hand, from the point of view of domestic subculture socio-dynamics, which is achieved as a movement from assimilation and processing source, is diverse in its content of information content to the processing, use and discarding of waste (garbage). On the other hand, from the point of view of integrating the cultural sphere with other spheres that determine the functioning of the urban SBT-system – technical, biological and social. The authors presents a systematization of factors that determine the impact of the urban SBT-system on subcultural processes.

Ключевые слова: город, городской метаболизм, субкультура, урбанистическая субкультура, городская субкультура, социобиотехническая система, социодинамика культуры.

Keywords: city, urban metabolism, subculture, urban subculture, sociobiotechnical system, sociodynamics of culture.

Введение.

Современный город, в особенности – мегаполис, под воздействием глобальных социально-экономических и политических процессов, а также, вследствие логики собственного развития, превращается в сложную социобиотехническую систему, целостность которой обеспечивается влиянием антропогенного аттрактора – сознательной человеческой деятельности. По оценке О.Н. Яницкого, «современный город – сетевой метаболический организм. Он в буквальном смысле слова «подвешен» на сетях, питающих его энергией и ресурсами, поступающими извне. Человек, создавший город и живущий в нём, не только конфликтует или договаривается, объединяется или дифференцируется» [5, с. 22]¹.

Теория социально-экологического метаболизма современного города позволяет рассматривать его функционирование на основе модели: «вход» (потребление энергии, веществ, питающих город) – «преобразование» – «выход» (отходы городской жизнедеятельности выбрасываются в окружающую среду) – «дальнейшая трансформация» (отходы продолжают трансформироваться с прогнозируемыми последствиями) [5, с. 21]. На каждой из стадий метаболического процесса интегрируются все городские подсистемы, прежде всего, – технико-технологическая, биологическая и социальная.

Особенности урбанистической субкультуры.

В ходе процесса превращения города в СБТ-систему трансформации подвергаются все сферы городской жизни, несмотря на то, что в некоторых из них изменения осуществляются медленно и не всегда фиксируются не только обывателем, но и исследователями. К числу таких сфер допустимо отнести городскую субкультуру, представляющую «особый ценностный локальный мир, противостоящий базовой – «материнской» – культуре («социалистической», «либеральной», «христианской» и т.п.); включающий в себя индивидуальные и коллективные стереотипы поведения и деятельности, воплощенные в специфических знаково-символических манифестациях, социокодах, формах сознания и структурах личностной идентичности; это субсистема стилей и стилового поведения; групповая форма культурных стандартов и специфических продуктов духовного производства (в том числе и масскультового)» [4, с. 45].

Для современной городской субкультуры характерны:

– опосредованность. Воздействие на социокультурные феномены опосредовано, с одной

стороны, состоянием внешней по отношению к ним жилой среды; с другой стороны, направленностью личности горожанина как участника культурного процесса. Восприимчивость может различаться в диапазоне от «нулевого» уровня до уровня «сверхчувствительности». По характеру она может быть по-разному настроенной – позитивно, негативно, нейтрально;

– уровневая концентричность. В городской субкультуре выделяются разноуровневые элементы, в частности, элементы «низкого» и более «высокого» уровня; элементы «низкого» уровня могут входить в более «высокий», «сложный» уровень;

– креативность. Современный культурный процесс в городе носит творческий, созидательный характер, особенно в ходе включения в него молодежи. Формируя благоприятную для коммуникаций среду, город предлагает молодым людям «модели культурного взаимодействия, которые интериорируются, превращаясь в «свободную привычку ума и тела» конкретного молодого человека, а с другой – порождают у него стремление к выходу за ее рамки и формируют энергию творческого сопротивления» [3]. В свою очередь, это порождает проблему регулирования субкультурных практик;

– противоречивость, детерминированная, главным образом, полярностью условий жизнедеятельности носителей городской культуры, противоположностью диспозиций личности, терминальных и инструментальных ценностей. «Именно поэтому «малые» субкультуры, составляющие «большую» субкультуру города, не просто различаются между собой, но нередко противостоят друг другу. Это противостояние прослеживается по самым различным параметрам: элитарная и массовая субкультура; субкультура коренных жителей и субкультура мигрантов; молодежная и «взрослая» субкультура; субкультура административного истеблишмента и субкультура граждан и т.п.» [1, с. 33];

– внутренняя дифференциация, которая определена существующим многообразием форм и способов, неисчерпаемостью предмета культурной деятельности, многообразием потребностей и интересов ее субъектов. Данная характеристика обуславливает наличие в рамках общего культурного пространства многочисленных кластеров;

– синергичность – для урбанистической субкультуры, как и для любой нелинейной системы, характерно наличие способности «вырабатывать собственные траектории и в ходе этого трансформироваться» [8]. В свою очередь, самоорганизация

¹ Статья подготовлена при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта «Социокультурные

следствия формирования урбанизированных социобиотехнических систем» (№ 19-011-00345).

и творческий потенциал носителей обеспечивают концентрацию в субкультуре энергии, которая используется для ее самоорганизации.

Метаболическая социодинамика городской субкультуры.

Как было отмечено выше, социодинамика культурных процессов сравнительно ниже, чем во многих других областях жизни. Это определяется тем, что:

– в основу культурных процессов заложены ценностно-смысловые комплексы, которые в условиях эволюционного развития социума изменяются постепенно и в течение длительного времени;

– культура в значительной степени замкнута на традиции, и при всем внешнем многообразии творческих новаций она сохраняет в себе традиционное ядро, транслирующееся от поколений к поколению.

Однако высокая инерционность культурного ядра не ведет к консервации городской культуры. Социодинамика в данном случае проявляется, во-первых, как линейный процесс, предполагающий, что каждый компонент субкультуры города имеет собственный жизненный цикл; во-вторых, как диспозиционный процесс, включающий трансформацию взаимозависимостей компонентов субкультуры, изменение их конфигурации.

Согласно логике теории метаболического развития города [5, с. 22], метаболизация городской субкультуры, как одно из следствий превращения современного города в сложную социобиотехническую систему (СБТ-систему), целостность которой обеспечивается наличием антропогенного аттрактора (сознательной человеческой деятельности), может рассматриваться в двух аспектах.

Во-первых, с позиции внутренней социодинамики субкультуры, осуществляющейся как движение от усвоения и переработки исходного, исключительно многообразного по своему содержанию (к области культуры традиционно относят самый различный перечень артефактов и духовных феноменов) информационного контента к его переработке, использованию и отбрасыванию части в виде отходов культурной деятельности – культурного мусора. Иными словами, субкультура функционирует по модели, аналогичной с городской СБТ-системой в целом [2; 6–7; 9].

Во-вторых, с точки зрения интеграции сферы культуры с технико-технологической, биологической и социальной сферами. Метаболизм представляет собой в данном случае обмен «веществами» между ними и одновременное преобразование как естественной, так и искусственной природы, при условии комплементарности которого достигается синергетический эффект. Носители городской «метаболической» субкультуры в своей повседневной практической деятельности соединяют компоненты, относящиеся к различным сферам жизни, комбинируя их в виде различных конфигураций. Логическим следствием такой интеграции является возникновение субкультурных

СБТ-кластеров, каждый из которых «представляет собой созданный в результате целенаправленной деятельности людей объект, который имеет ценностно-символическое значение для городских жителей, в структурном отношении носит «предсистемный» характер и объединяет в себе материальные и духовные артефакты природного, технологического и социокультурного происхождения, обеспечивая устойчивое взаимодействие между ними» [1, с. 32].

Метаболизация городской субкультуры, таким образом, представляет собой:

а) сложно структурированный и многоуровневый процесс;

б) является результатом деятельности отдельных граждан, их групп и городского сообщества, в целом;

в) реализуется под влиянием разноплановых условий и факторов. При этом под условиями мы понимаем комплекс обстоятельств объективного характера, сравнительно инертных по отношению к действиям социальных субъектов.

Систематизация факторов воздействия города как СБТ-системы на социодинамику городской субкультуры.

Факторы мы рассматриваем как процесс и результат человеческого воздействия на компоненты городской субкультуры, заключающиеся в преобразовании условий и тенденций ее развития в соответствии с интересами и потребностями субъекта. Следовательно, факторы выступают в качестве значимых причин метаболических субкультурных изменений, определяя их направленность, а также, могут сами меняться под влиянием управленческих воздействий.

Последнее обстоятельство актуализирует проблему систематизации факторов, определяющих воздействие городской СБТ-системы на субкультурные процессы. Предложенная далее систематизация учитывает, во-первых, гибридный характер городской СБТ-системы, включающей три подсистемы: технико-технологическую, биологическую и социальную; во-вторых, двойственный характер метаболизации городской субкультуры.

1. Факторы техносферы:

– *технические* (например, использование электронных приборов, гаджетов). Их влияние на социодинамику культуры проявляется в снижении значимости традиционных каналов трансляции культурных ценностей, существенном ограничении ее возможностями технических устройств. В то же время, под воздействием технических факторов формируется техническая культура, связанная с повышением роли инструментальной составляющей культурного творчества и сближением его параметров с параметрами инженерно-технического процесса, развивается креативная индустрия;

– *технологические* (использование компьютерных технологий, виртуализация и дигитализация,

применение SMART-технологий). В результате их влияния повышается доступность результатов культурной деятельности, сочетающаяся с масштовизацией культуры и увеличением объемов культурного мусора. В то же время, происходит формирование информационной культуры, осуществляется перевод феноменов культуры в цифровое пространство;

– *инфраструктурные* (техническая модернизация городской среды посредством методологии тактического урбанизма; внедрение сетевых форм организации городского хозяйства (транспортные, торговые, энергетические и иные сети); широкое использование технического дизайна; создание арт-кластеров на территории бывших промышленных зон). Влияние данной группы факторов на социодинамику городской субкультуры проявляется в формировании специальных зон культурного потребления, более или менее органично вписывающихся в процесс потребления, в целом (культурно-досуговые комплексы, гипермаркет как феномен городской культурной жизни), а также, в формировании потребительско-индустриальной модели культурного развития на основе системного использования технических возможностей.

2. Факторы биосферы:

– *природосберегающие* (к примеру, экологическое планирование, инвестирование в экологически безопасные производства, стимулирование экологических сообществ, реализация проектов утилизации городского мусора). Итогом воздействия данной группы факторов на субкультуру города становится превращение «экологического фактора» в один из важнейших критериев оценки культурного процесса, а также формирование экологической культуры, соединяющей в себе социальные ценности с ценностями природосбережения;

– *здоровьесберегающие* (формирование рекреационных зон, развитие городской культурно-спортивной индустрии (культурно-спортивные комплексы, тренажерные залы и т.п.). В результате их влияния здоровьесбережение превращается в нормативную поведенческую модель культурного человека, формируется культура здоровьесбережения, на основе объединения профилактических, медицинских, спортивных практик, здорового образа жизни и питания.

Литература:

1. *Бабинцев В.П.* Городская субкультура в контексте концепции социального метаболизма / В.П. Бабинцев, Г.Н. Гайдукова, Ж.А. Шаповал // Вопросы культурологии. 2019. № 10. С. 32–37.
2. *Ермолаева П.О.* Социально-экологическая «устойчивость через изменения» российских городов: поиск теоретико-методологических перспектив / П.О. Ермолаева, О.А. Башева, О.Н. Яницкий, Ю.В. Ермолаева, И.Б. Кузнецова // Мониторинг

3. Факторы социосферы:

– *социально-структурные* (стимулирование и институционализация территориальных сообществ с локальными общественными центрами на основе принципа культурной идентичности). Под воздействием данной группы факторов культурный процесс организуется на основе субкультурных СБТ-кластеров, представляющих собой объединения феноменов культуры (ценностей, артефактов, процессов, концепций и т.п.), а в последнее время и компонентов природной и технико-технологической среды. Кроме того, культурная идентификация становится одним из важнейших условий социальной стратификации, социальной интеграции и дифференциации;

– *социально-сетевые* (например, формирование городских виртуальных сетевых сообществ, ориентированных на взаимопомощь и благотворительность). В результате существенная часть культурного творчества и обмена переносится все больше в виртуальную среду, а владение технологиями сетевого взаимодействия превращается в необходимое качество культурного человека;

– *социально-управленческие* (внедрение гибридных форм управления на основе объединения государственных, муниципальных и гражданских практик (краудсорсинг, аутсорсинг, волонтерство). Под влиянием данных факторов меняется содержание регулирования культурного процесса; усложняется состав селектората, действующего при отборе культурных образцов. В нем выделяются три группы участников: творческая интеллигенция, административно-бюрократический истеблишмент, граждане. Каждая из них отстаивает в данном случае свои интересы, этические и эстетические принципы и – соответственно – претендует на свою «зону принятия решений» в рамках культурного пространства.

Заключение.

В предложенной систематизации, разумеется, учтены не все факторы, детерминирующие развитие городской субкультуры. Число их предельно велико. Нами на основе результатов теоретических и эмпирических исследований выявлены те технико-технологические, биологические и социальные факторы, которые более всего определяют воздействие городской СБТ-системы на субкультурные процессы.

Literature:

1. *Babintsev V.P.* Urban subculture in the context of the concept of social metabolism / Babintsev V. P., Gaidukova G. N., Shapoval Z.A. // Questions of cultural studies. 2019. № 10. P. 32–37.
2. *Ermolaeva P.O.* Social and environmental 'sustainability through changes' of Russian mega-cities: the search for theoretical and methodological approaches / P.O. Ermolaeva, O.N. Yanitsky, O.A. Basheva, Y.V. Ermolaeva, I.B. Kuznetsova //

общественного мнения: Экономические и социальные перемены. 2019. № 2. С. 80–94. URL : <https://doi.org/10.14515/monitoring.2019.2.04>

3. Ильин В.И. Креативный консюмеризм как тренд современного общества потребления // Журнал социологии и социальной антропологии. 2011. Т. XIV. № 5. С. 41–54.

4. Римская О.Н. Феноменология субкультурных религий : дис. ... канд. филос. наук: 09.00.14. Тула, 2011.

5. Яницкий О.Н. Метаболическая концепция современного города // Социологическая наука и социальная практика. 2013. № 3. С. 16–32.

6. Kennedy C.A. The changing metabolism of cities / C.A. Kennedy, J. Cuddihy, Yan J. Engel // Journal of Industrial Ecology. 2007. Vol. 11. Iss. 2. P. 43–59. URL : <http://dx.doi.org/10.1162/jie.2007.1107>

7. Tarr J.A. The Metabolism of an industrial city: the case of Pittsburgh // Journal of Urban History. 2002. Vol. 28. № 5. P. 511–545. URL : <https://doi.org/10.1177/0096144202028005001>

8. Warela F. Self-organization and Management of Social System // Springer Series in Synergetics. Berlin, 1984. Vol. 26. P. 21–32.

9. Warren-Rhodes K. Escalating trends in the urban metabolism of Hong Kong: 1971–1997 / K. Warren-Rhodes, A. Koenig // Ambio. 2001. № 30(7). P. 429–438. URL : [http://dx.doi.org/10.1639/0044-7447\(2001\)030\[0429:ETITUM\]2.0.CO](http://dx.doi.org/10.1639/0044-7447(2001)030[0429:ETITUM]2.0.CO)

Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes. 2019. № 2. P. 80–94. URL : <https://doi.org/10.14515/monitoring.2019.2.04>

3. Ilyin V.I. Creative consumerism as a trend of modern consumer society // Journal of sociology and social anthropology. 2011. Vol. XIV. № 5. P. 41–54.

4. Rimskaya O.N. Phenomenology of subcultural religions : dis. ... cand. philos. sciences: 09.00.14. Tula, 2011.

5. Yanitsky O.N. Metabolic concept of the modern city // Sociological science and social practice. 2013. № 3. P. 16–32.

6. Kennedy C.A. The changing metabolism of cities / C.A. Kennedy, J. Cuddihy, Yan J. Engel // Journal of Industrial Ecology. 2007. Vol. 11. Iss. 2. P. 43–59. URL : <http://dx.doi.org/10.1162/jie.2007.1107>

7. Tarr J.A. The Metabolism of an industrial city: the case of Pittsburgh // Journal of Urban History. 2002. Vol. 28. № 5. P. 511–545. URL : <https://doi.org/10.1177/0096144202028005001>

8. Warela F. Self-organization and Management of Social System // Springer Series in Synergetics. Berlin, 1984. Vol. 26. P. 21–32.

9. Warren-Rhodes K. Escalating trends in the urban metabolism of Hong Kong: 1971–1997 / K. Warren-Rhodes, A. Koenig // Ambio. 2001. № 30(7). P. 429–438. URL : [http://dx.doi.org/10.1639/0044-7447\(2001\)030\[0429:ETITUM\]2.0.CO](http://dx.doi.org/10.1639/0044-7447(2001)030[0429:ETITUM]2.0.CO)

Бояринова Ирина Владимировна

кандидат социологических наук,
доцент,
доцент кафедры социальных технологий
и государственной службы,
Белгородский
государственный национальный
исследовательский университет
boyarinova@bsu.edu.ru

Реутов Евгений Викторович

кандидат социологических наук,
доцент,
доцент кафедры социальных
технологий и государственной службы,
Белгородский
государственный национальный
исследовательский университет
reutovevg@mail.ru

Реутова Марина Николаевна

кандидат социологических наук,
доцент,
доцент кафедры социальных технологий
и государственной службы,
Белгородский
государственный национальный
исследовательский университет
reutova@bsu.edu.ru

**ИНТЕРИОРИЗАЦИЯ НЕГАТИВНЫХ
ГЕРОНТОСТЕРЕОТИПОВ
У ПРЕДСТАВИТЕЛЕЙ СТАРШИХ
ВОЗРАСТНЫХ ГРУПП (ПО ДАННЫМ
РЕГИОНАЛЬНОГО ИССЛЕДОВАНИЯ)**

■ ■ ■

Аннотация. В статье проанализированы стереотипы о представителях старших возрастных групп регионального сообщества. Показано, что они носят амбивалентный характер: при доминировании негативных стереотипов, которые, в определенной степени, интериоризированы, заметны и позитивные коннотации, связанные с восприятием пожилых людей как носителей знаний, опыта, жизненной мудрости. Проявления эйджистских стереотипов отмечены как на микро-, так и на макроуровне социального взаимодействия, что свидетельствует о наличии социальной эксклюзии граждан старшего поколения в российском обществе.

Ключевые слова: пожилое население, возраст, эйджизм, дискриминационные практики, эйджистские стереотипы, интериоризация.

■ ■ ■

Irina V. Boyarinova

Candidate of Sociological Sciences,
Assistant Professor,
Associate Professor at the Department
of Social Technologies and Public service,
Belgorod State
National Research University
boyarinova@bsu.edu.ru

Evgeny V. Reutov

Candidate of Sociological Sciences,
Assistant Professor,
Associate Professor at the Department
of Social Technologies and Public service,
Belgorod State
National Research University
reutovevg@mail.ru

Marina N. Reutova

Candidate of Sociological Sciences,
Assistant Professor,
Associate Professor at the Department
of Social Technologies and Public service,
Belgorod State
National Research University
reutova@bsu.edu.ru

**INTERIORIZATION OF NEGATIVE
GERONTOSTEREOTYPES AMONG
REPRESENTATIVES OF SENIOR
AGE GROUPS (ACCORDING
TO THE DATA OF A REGIONAL STUDY)**

■ ■ ■

Annotation. The article analyzes the stereotypes about the representatives of the older age groups of the regional community. It is shown that they are ambivalent: with the dominance of negative stereotypes, which are interiorized to a certain extent, positive connotations associated with the perception of older people as carriers of knowledge, experience, and life wisdom are also noticeable. Manifestations of ageist stereotypes are noted at both the micro- and macro-level of social interaction, which indicates the presence of social exclusion of citizens of the older generation in Russian society.

Keywords: elderly population, age, ageism, discriminatory practices, age stereotypes, interiorization.

■ ■ ■

Введение. С конца 1970-х в западной социологии и геронтологии, а также, относительно недавно в России, исследователи стали уделять внимание проблеме старости и связанных с ней дискриминационных установок и практик, которые получили название эйджизма. С нашей точки зрения, эйджизм можно определить как комплекс дискриминационных установок по отношению к пожилым людям, связанный со стереотипами преимущественно дисфункциональной роли старости. Это способствует формированию физических, социокультурных и институциональных барьеров среды жизнедеятельности пожилых людей, а также, самоограничивающих установок и практик у представителей данных возрастных групп. Одна из получивших широкое распространение в современной науке трактовка эйджизма рассматривает его «как нечто, соотносящееся со старыми людьми, которые составляют группу, наделенную общественным сознанием отрицательными характеристиками. Например, пожилых очень часто называют «беспольным балластом общества» из-за необходимости платить им пенсию – «бременем для государства» и т.д. Старые люди становятся все менее уважаемыми, перспективными. Авторы многочисленных теорий исследования старения транслируют обществу, что в человеке в этот возрастной период происходят психофизиологические инволюционные процессы, т.е., с возрастом приходит очень сильное снижение качества жизни за счет возрастных негативных изменений» [5, с. 69].

Негативная стереотипизация и последующая за ней стигматизация, которым подвергаются представители старших возрастных групп, очень часто являются первопричиной изоляции и социальной отчужденности граждан старшего поколения, воспринимаемых окружением в качестве бесполезных членов общества, и формируют по отношению к ним паттерны насилия и жестокости [2, с. 5]. Как отмечает Е.Л. Коноплева, «следствием устойчивого негативного стереотипа восприятия старости являются стигматизация и дискриминация стариков. Мы живём в достаточно инфантильном обществе, абсолютизирующем здоровье, молодость и красоту. Жить в старости трудно, старение требует мужества и напряжения всех оставшихся сил. В нашей стране к социальным проблемам лиц третьего возраста относятся одиночество, беспомощность, бедность, дефицит социальной поддержки, в том числе, ограниченный доступ к эффективной медицинской помощи, неуверенность в завтрашнем дне» [4, с. 156].

Таким образом, стереотипы негативного плана о старости как этапе жизненного пути личности обуславливают не только «барьерный характер социокультурной, физической и институциональной среды для лиц старшего поколения, поскольку влекут за собой унижающие человеческое достоинство, в том числе, дискриминационные

практики в их адрес (эйджизм), но также – самоограничительные установки и практики самих представителей этих возрастов (самойэйджизм)» [3, с. 6].

Методы и организация исследования. Целью данной статьи является анализ влияния эйджистских стереотипов на ограничительные установки и практики населения старших возрастных групп посредством механизма интериоризации. Эмпирической базой исследования послужили данные массового анкетного опроса населения Белгородской и Воронежской областей старше 60 лет (N = 800), выборка квотная, репрезентативная по полу, возрасту и месту жительства.

Результаты исследования и их обсуждение. Результаты исследования показали, что социокультурная среда российских регионов является амбивалентной к людям старших поколений по параметру негативной/позитивной стереотипизации пожилого возраста. В массовых представлениях о пожилых в возрасте, рефлексивно преломленных в сознании самих пожилых людей, доминируют негативные описания, но и позитивные коннотации также достаточно заметны. Среди наиболее массовых (набравших более 50 % выборов) стереотипов о пожилом возрасте, рефлекслируемых респондентами, оказались два негативных и один позитивный. Первые два: «болезни пожилых людей – от возраста, поэтому неизбежны. Это признанная часть старения» (59,8 %) и «у пожилых людей слабеет интеллект (память, мышление, творческие способности)» (50,3 %). Позитивное представление связано с тем, что «пожилой возраст сопряжен с большими знаниями, опытом, жизненной мудростью» (56,9 %). В числе стереотипов средней распространенности (от 30 % до 50 % выборов) – два позитивных и два негативных. Первые: «пожилые люди – вежливые, порядочные, пример для молодых» (40,8 %), «пожилые люди добрые, общительные» (37,4 %). Вторые: «пожилые люди сварливы, раздражительны, у них трудный характер» (45,3 %), «пожилые в большинстве случаев не так эффективны, как люди других возрастов» (40,4 %).

Менее распространенными, но близкими к «средней» планке оказались такие негативные стереотипы в отношении пожилого возраста, как: «пожилые люди практически не способны к обучению, получению новых знаний, навыков, использованию современных технологий и подходов» (28,3 %), «пожилые люди как дети» (25,6 %), «пожилым людям мало что нужно, они уже свое пожилы и теперь просто доживают жизнь» (22,8 %) и «пожилые люди не самостоятельны и зависимы от других» (21,4 %).

Негативные стереотипы экстремального по отношению к пожилому возрасту характера встречаются относительно нечасто. Так, 16,1 %

опрошенных приходилось часто встречаться с такой установкой, как «пожилые люди неопрятны, не следят за собой, их мало интересует, как они выглядят», 15,1 % – «пожилые люди не приносят пользы, а лишь нагрузка для общества, семьи», и

12,3 % – со следующим отношением: «вкладывать силы, средства в пожилых людей, в их здоровье, образование – экономически неоправданно, а потому не нужно» (табл. 1).

Таблица 1

Отметьте все те суждения о пожилых людях и старости, с которыми Вам приходится встречаться наиболее часто:

Валидные	Значения	Частота	% от ответивших
1	Болезни пожилых людей – от возраста, поэтому неизбежны. Это признанная часть старения	478	59,8
2	Пожилым людям сопряжен с большими знаниями, опытом, жизненной мудростью	455	56,9
3	У пожилых людей слабеет интеллект (память, мышление, творческие способности)	402	50,3
4	Пожилые люди сварливы, раздражительны, у них трудный характер	362	45,3
5	Пожилые люди – вежливые, порядочные, пример для молодых	326	40,8
6	Пожилые в большинстве случаев не так эффективны, как люди других возрастов	323	40,4
7	Пожилые люди добрые, общительные	299	37,4
8	Пожилые люди практически неспособны к обучению, получению новых знаний, навыков, использованию современных технологий и подходов	226	28,3
9	Пожилые люди как дети	205	25,6
10	Пожилым людям мало что нужно, они уже свое пожилы и теперь просто доживают жизнь	182	22,8
11	Пожилые люди несамостоятельны и зависимы от других	171	21,4
12	В пожилом возрасте нет места личной жизни	159	19,9
13	Пожилые люди пассивны, скучны, апатичны, ведут однообразную жизнь, мало чем интересуются	143	17,9
14	Пожилые люди неопрятны, не следят за собой, их мало интересует, как они выглядят	129	16,1
15	Пожилые люди не могут принимать правильные решения относительно своей жизни	122	15,3
16	Пожилые люди не приносят пользы, а лишь нагрузка для общества, семьи	121	15,1
17	Вкладывать силы, средства в пожилых людей, в их здоровье, образование – экономически неоправданно, а потому не нужно	98	12,3
	Итого ответивших:	800	100 %

Наличие и распространенность в обществе негативных стереотипов в отношении пожилого возраста порождает психологическую и социальную напряженность, поскольку сами пожилые люди, хотя и разделяют значительное количество стереотипов в отношении пожилого возраста, предпочитают все же выводить на первый план суждения позитивного плана. Так, на первом месте по частоте выбора – суждение «пожилой возраст сопряжен с большими знаниями, опытом, жизненной мудростью» (69,0 % опрошенных). На второй позиции – высказывание негативного оттенка, но связанное с естественными физиологическими процессами старения: «болезни пожилых – от возраста, они неизбежны. Это признанная часть старения» (54,9 %). Далее по частоте выборов следуют два позитивных эйджистских стереотипа: «пожилые люди – вежливые, порядочные, пример для молодых» (50,4 %) и «пожилые люди добрые, общительные» (44,0 %) и два негативных: «у пожилых людей слабеет интеллект (память, мышление, творческие способности)» (35,0 %) и «пожилые люди менее эффективны практически во всех делах, чем люди других возрастов» (24,0 %). Все остальные негативные стереотипы сами пожилые люди либо практически не разделяют, либо разделяют в крайне ограниченных пределах (от 2,6 % до 15,8 % выборочной совокупности) (табл. 2).

Данные современных исследований свидетельствуют о том, что «негативной стереотипизации в восприятии пожилых людей в большей степени подвержены сферы, обусловленные такими параметрами оценки, как: финансовое положение («пожилые люди малообеспеченные»); самостоятельность («нуждаются в помощи семьи или общества, чтобы ориентироваться в современном мире»); активность («пожилые люди заняты исключительно домашними и семейными делами»); использование современных технологий («пожилые люди по большей части совершенно беспомощны в освоении современных технологий»); общительность («пожилые люди чрезмерно навязчивы, поучительный тон»)[1].

В микросоциальных интеракциях наличие эксклюзии и утрата субъектности лицами старшего поколения выражаются в навязывании им решений представителями ближайшего социального окружения с указанием на естественные причины такого способа поведения, коренящиеся в их возрасте. О подобных практиках в отношении их самих утверждают 61,8 % опрошенных, причем, 10,8 % из них говорят, что это происходит очень часто. Об отсутствии практик подобного «руководства» сказали всего 25,8 % респондентов (табл. 3).

О выраженности эйджистских стереотипов в российском обществе (пусть и зачастую с самыми

благими намерениями) говорит тот факт, что большинству (68,5 %) респондентов приходилось сталкиваться с намеренной примитивизацией общения с пожилыми людьми (упрощением фраз, повышением голоса, отсутствием детализации и пр.). Большинство из тех, кому приходилось иметь с этим дело (37,6 %), не обижается, считая,

что люди хотят им только добра. Но 30,9 % опрошенных такой стиль общения раздражает; часть из них (18,3 %) смиряется с этим, признавая за собой возможность утраты коммуникативных функций, часть (12,6 %) старается активно противодействовать этому (табл. 4).

Таблица 2

А теперь из этих утверждений выберите те, с которыми Вы сами согласны:

Валидные	Значения	Частота	% от ответивших
1	Пожилым людям свойственны мудрость и опыт	552	69,0
2	Болезни пожилых – от возраста, они неизбежны. Это признанная часть старения	439	54,9
3	Пожилые люди – вежливые, порядочные, пример для молодых	403	50,4
4	Пожилые люди добрые, общительные	352	44,0
5	У пожилых людей слабеет интеллект (память, мышление, творческие способности)	280	35,0
6	Пожилые люди менее эффективны практически во всех делах, чем люди других возрастов	192	24,0
7	Пожилые люди сварливы, раздражительны, у них трудный характер	126	15,8
8	Пожилые люди практически неспособны к обучению, получению новых знаний, навыков, использованию современных технологий и подходов	98	12,3
9	Пожилые люди как дети	93	11,6
10	Пожилые люди несамостоятельны и зависимы от других	92	11,5
11	Пожилым людям мало что нужно, они уже свое пожилы и теперь просто доживают жизнь	75	9,4
12	В пожилом возрасте нет места личной жизни	64	8,0
13	Пожилые люди пассивны, скучны, апатичны, ведут однообразную жизнь, мало чем интересуются	44	5,5
14	Пожилые люди неопрятны, не следят за собой, их мало интересует, как они выглядят	34	4,3
15	Пожилые люди не могут принимать правильные решения относительно своей жизни	30	3,8
16	Пожилые люди не приносят пользы, а лишь нагрузка для общества, семьи	25	3,1
17	Вкладывать силы, средства в пожилых людей, в их здоровье, образование – экономически неоправданно, а потому не нужно	21	2,6
	Итого ответивших:	800	100,0

Таблица 3

Часто ли окружающие (родственники, знакомые, друзья, работники различных учреждений) советуют, что Вам следует делать, о чем думать, какие решения будут для Вас правильными, ссылаясь на Ваш возраст? (например, в Вашем возрасте уже надо подумать о том-то, делать так-то, или лучше чего-то не делать):

Валидные	Значения	Частота	% от ответивших
1	Очень часто	86	10,9
2	Время от времени	408	51,5
3	Никогда такого не было	206	26,0
4	Затрудняюсь ответить	92	11,6
5	Нет ответа	8	–
	Итого ответивших:	792	100,0

Таблица 4

Некоторые люди, общаясь с пожилыми и учитывая их возраст, стараются разговаривать с ними медленно, простыми фразами, на вопросы дают упрощенные объяснения, без подробностей, чтобы не усложнять пожилым людям жизнь. Как Вы относитесь к этому?

Валидные	Значения	Частота	% от ответивших
1	С благодарностью отношусь к таким людям. Они с пониманием относятся к тому, что с возрастом становится труднее понимать некоторые вещи и принимать самостоятельно взвешенные решения.	301	37,6
2	Когда с пожилыми людьми ведут себя таким образом – меня это раздражает. Но нужно смириться с таким отношением, ведь старея, мы становимся менее компетентными во многих	146	18,3
3	Меня раздражает такой стиль общения с пожилыми людьми: стараюсь не позволять другим людям вести по отношению к себе таким образом	101	12,6
4	Никогда не сталкивался с такой ситуацией	252	31,5
	Итого ответивших:	800	100,0

Выводы. Таким образом, анализ полученных в ходе исследования данных показал, что стереотипизация граждан пожилого возраст в социокультурном пространстве российских регионов носит двойственный характер. В массовых представлениях о пожилом возрасте, интериоризованных в сознании самих пожилых людей, доминируют негативные стереотипы, вместе с тем, позитивные коннотации также достаточно заметны. Среди наиболее массовых негативных стереотипов о пожилом возрасте, рефлекслируемых респондентами, отмечены следующие: «болезни пожилых людей – от возраста, поэтому неизбежны. Это признанная часть старения», «у пожилых людей слабеет интеллект (память, мышление, творческие способности)»; позитивных – «пожилой возраст сопряжен с большими знаниями, опытом, жизненной мудростью».

Негативные эйджистские стереотипы в определенной степени интериоризованы, особенно в той их части, которая связана с рефлексивным осознанием физиологии старения. Социально-дискриминационные стереотипы, связанные с представлениями о том, что вкладывать силы,

средства в пожилых людей экономически неоправданно, пожилые люди являются нагрузкой для общества и т.п. разделяются представителями старшего поколения гораздо в меньшей степени, что свидетельствует о наличии субъективной и, вероятно, и объективной эксклюзии граждан старшего поколения в российском обществе.

Проявления эксклюзии присутствуют и в социальных взаимодействиях на микроуровне, что выражаются в навязывании представителям старшего поколения решений со стороны ближайшего социального окружения с указанием на естественные причины такого способа поведения, коренящиеся в их возрасте. На уровне общества, в целом, о выраженности эйджистских стереотипов говорит тот факт, что большинство респондентов приходилось сталкиваться с намеренной примитивизацией общения с пожилыми людьми. Отмеченные тенденции обуславливают необходимость разработки и реализации комплекса мер по преодолению самозейджизма, социальной эксклюзии пожилых граждан, формирования условий для полноценной реализации их потенциала в интересах регионального сообщества.

Литература:

1. *Асташова Ю.В.* Эйджизм как фактор сдерживания геронтомаркетинга на российском потребительском рынке // Вестник Южно-Уральского государственного университета. Серия: Экономика и менеджмент. 2018. Т. 12. № 1. С. 142–151.
2. Доклад Верховного комиссара ООН по правам человека // Основная сессия. Женева, 23–27 июля 2012 г.
3. *Коноплева Е.Л.* Эйджизм лиц старше трудоспособного возраста в сфере охраны здоровья и медицинского обслуживания // Смоленский медицинский альманах. 2016. № 4. С. 155–158.
4. *Колпина Л.В.* Эйджизм в обслуживании пожилых граждан учреждениями здравоохранения и социальной защиты и пути его преодоления. Белгород : ИД «Белгород» НИУ «БелГУ», 2015. 112 с.
5. *Уварова М.Ю.* К проблеме изучения проявлений геронтологического эйджизма в современном обществе / М.Ю. Уварова, Е.А. Кедярова // Известия Иркутского государственного университета. Серия «Психология». 2016. Т. 14. С. 67–74.

Literature:

1. *Astashova Yu.V.* Ageism as a deterrent to gerontomarketing in the Russian consumer market // Bulletin of the South Ural State University. Series: Economics and Management. 2018. Vol. 12. № 1. P. 142–151.
2. Report of the UN High Commissioner for Human Rights // Main session. Geneva, 23–27 July 2012.
3. *Konopleva E.L.* Ageism of persons over working age in the field of health protection and medical care // Smolensk Medical Almanac. 2016. № 4. P. 155–158.
4. *Kolpina L.V.* Ageism in the service of senior citizens by health and social care institutions and ways to overcome it. Belgorod : Publishing House «Belgorod» NRU «BelGU», 2015. 112 p.
5. *Uvarova M.Yu.* On the problem of studying the manifestations of gerontological ageism in modern society / M.Yu. Uvarova, E.A. Kedyarova // Bulletin of Irkutsk State University. Series «Psychology». 2016. Vol. 14. P. 67–74.

Голобородько Андрей Юрьевич

доктор политических наук,
доцент,
директор,
Таганрогский институт
имени А.П. Чехова (филиал),
Ростовский государственный
экономический университет
goloborodko2009@mail.ru

Стеценко Владимир Вадимович

преподаватель Таганрогского
института имени А.П. Чехова (филиал)
ФГБОУ «РГЭУ (РИНХ)»,
аспирант,
Южно-Российский институт Управления –
филиал Российской академии народного
хозяйства и государственной службы
при Президенте Российской Федерации
rch7666@gmail.com

Понеделков Александр Васильевич

доктор политических наук,
профессор,
заведующий лабораторией,
Южно-Российский институт управления –
филиал Российской академии народного
хозяйства и государственной службы
при Президенте Российской Федерации
ponedelkov@uriu.ranepa.ru

Омельченко Игорь Владимирович

магистрант факультета политологии,
Южно-Российский институт управления –
филиал Российской академии народного
хозяйства и государственной службы
при Президенте Российской Федерации
igorom111@yandex.ru

**ГОСУДАРСТВЕННАЯ
СОЦИО-КУЛЬТУРНАЯ
МОЛОДЕЖНАЯ ПОЛИТИКА
В КОНТЕКСТЕ АКТУАЛЬНЫХ
ТЕНДЕНЦИЙ РАЗВИТИЯ
ПОЛИТИЧЕСКОГО ДИСКУРСА**

Аннотация. В статье представлен контент-анализ источников печатных СМИ, а также, Интернет-ресурсов в контексте актуальных общемировых и российских социально-политических тенденций. Авторами обращается внимание на проблему социально-экономического неравенства, которая сохраняет актуальность как на глобальном, так и на внутригосударственном уровне. В статье делается акцент на

Andrei Yu. Goloborodko

Doctor of Political Science,
Associate Professor,
Director,
Taganrog Institute
named after A.P. Chekhov (branch),
Rostov State University of Economics
goloborodko2009@mail.ru

Vladimir V. Stetsenko

Lecturer at the Taganrog Institute
named after A.P. Chekhov (branch)
FSBOU «RSEU (RINH)»,
Graduate student,
South Russian Institute of Management –
branch of the Russian Academy
of National Economy and Public
Administration under the President
of the Russian Federation
rch7666@gmail.com

Alexander V. Ponedelkov

Doctor of Political Science,
Professor,
Head of Laboratory,
South Russian Institute of Management –
branch Russian Academy of National
Economy and Public Administration under
the President of the Russian Federation
ponedelkov@uriu.ranepa.ru

Igor V. Omelchenko

Master of Political Science,
South Russian Institute of Management –
branch of the Russian Academy of National
Economy and Public Administration under
the President of the Russian Federation
igorom111@yandex.ru

**STATE SOCIAL CULTURAL
YOUTH POLICY IN THE CONTEXT
OF CURRENT TRENDS
IN THE DEVELOPMENT
OF POLITICAL DISCOURSE**

Annotation. The article presents an analysis of the sources of print media, as well as Internet resources in the context of current global and Russian socio-political trends. The authors draw attention to the problem of socio-economic inequality, which remains relevant both at the global and domestic levels. The article focuses on the strengthening of protest sentiments in the political space of the Russian state and the near abroad,

усилении протестных настроений в политическом пространстве российского государства и ближайшего зарубежья, при этом констатируется широкая вовлеченность молодых людей в протестную деятельность. Авторами выдвигается тезис выдвижения в авангард молодёжной политики культурно-просветительского инструментария.

Ключевые слова: политический дискурс, социально-экономическое неравенство, протестная деятельность, молодёжь, молодёжная политика, культурная политика, культурное просветительство.

Современные реалии актуализируют новые вызовы и угрозы, стоящие перед российским государством и социумом [1].

На международном уровне сохраняется ситуация пандемии, которая обусловила спад экономик многих государств, а также, усугубила социально-экономическое неравенство, что является, по утверждению Генсека ООН А. Гутерриша, источником следующих негативных явлений: социальной нестабильности, коррупции, финансовых кризисов, роста преступности, ухудшения физического и психического здоровья людей [2].

Обратимся к публикациям в периодических изданиях, которые позволяют нам выявить актуальные тенденции развития политического дискурса в современной России.

По мнению В. Костикова, кризисные тенденции последнего времени, связанные с конституционной реформой, коронавирусной пандемией, социально-экономическим спадом, сформировали ситуацию отсутствия видения чётких траекторий будущего развития государства [3].

Д. Докучаев констатирует, что реальные доходы россиян во втором квартале 2020 года сократились на 8 %, при этом власть не предприняла меры для их экономической поддержки, хотя необходимые финансовые ресурсы у нее для этого имелись. Эти обстоятельства явно входят в диссонанс с социальной ориентированностью обновлённой Конституции РФ [4].

Наряду с неблагоприятной социально-экономической обстановкой, вызывает настороженность и то обстоятельство, что социально-политическое пространство России и ближнего зарубежья характеризуется нарастанием протестных настроений и кризисных тенденций, которые нашли своё отражение в хабаровских событиях и в соседней Белоруссии. Так, Р. Ахмирова связывает протестное движение в Хабаровске со снижением доходов населения, неясными перспективами, ухудшением социального самочувствия людей и, как следствие, усилением критического восприятия власти [5].

Комментируя протестные настроения, А. Новиков отмечает усталость народа от двойной морали, устоявшейся в российском обществе, фальсификаций, постоянной лжи властей. Это – протест против существующей модели государственного

управления, который должен стать тревожным сигналом для власти [6].

Keywords: political discourse, socio-economic inequality, protest activities, youth, youth policy, cultural policy, cultural enlightenment.

управления, который должен стать тревожным сигналом для власти [6].

Анализируя протесты в Хабаровске, М. Виноградов приходит к выводу о том, что попытка силового решения подобных ситуаций контрпродуктивна и может стать предпосылкой для усугубления политического кризиса. В этой связи необходим отказ от избыточно жёсткой модели устройства административной вертикали [7].

Согласимся с мнением А. Аузана, который отмечает, что преодолеть протестные настроения возможно с помощью основополагающей идеи, которая «цементирует» социальный контракт между обществом и государством, выступит фундаментом социальной справедливости. В этой связи предлагается социальная модель, ориентированная на высокий уровень обратной связи и самоорганизацию граждан [8].

С. Шаргунов отмечает важность самоорганизации людей в вопросах защиты своих прав и интересов. По мнению журналиста, важно обеспечить людям гарантию завтрашнего дня. Как он отмечает, для русской ментальности очень близка идея общего дела, которая, однако, нереализуема без уважительного отношения к человеку. Важную роль играет объединяющая идея, которой должна стать идея сбережения, приращения народа [9].

По мнению В. Костикова, власти необходимо воздержаться от действий, которые могут разделить общество и подорвать его стабильность. Необходимо выстраивать диалог между различными социальными и политическими силами. Он обращает внимание на то, что на фоне замирания политической жизни в стране активизировался рост внепартийных, самоорганизующихся ячеек инициативных граждан, которые, взаимодействуя между собой, способны сформировать влиятельную «мягкую силу» [10].

Полагаем, что одним из факторов, влияющих на протестные настроения в российском обществе, является отсутствие в парадигме государственного управления реального человека, его духовного состояния, интересов. Обеспокоенность многих экспертов вызывает тот факт, что возрастной состав участников протестных движений в рассмотренных случаях представлен, в значительной степени, молодёжью от 20 до 30 лет [11].

В. Костиков обращает внимание на рост среди населения (особенно молодёжи) тревожных ожиданий, отсутствия веры в будущее.

Согласно опросу, проведённому ВЦИОМ-Спутник в июне 2020 г. (выборка – 1600 граждан в возрасте от 18 лет), 58 % опрошенных считают, что наше государство ещё ожидают тяжёлые времена, 17 % полагают, что мы переживаем их сейчас, 15 % думают, что основные трудности уже позади. Интересен тот факт, что респонденты зрелого возраста продемонстрировали более оптимистические настроения, чем молодёжь. Среди молодых людей в возрасте от 18 до 24 лет 71 %, настроен пессимистично, только 10 % считают, что тяжёлый исторический этап пройден, тогда как в числе опрошенных в возрасте от 45 до 59 лет 53 % отметили, что трудный период ещё ожидает наше государство, а 18 % смотрят на будущее с оптимизмом [12].

Комментируя протестные выступления в Хабаровске, В. Костиков особо отмечает участие в них молодых людей, трактуя данное обстоятельство как признак того, что молодёжь всё активнее стремится участвовать в социальной жизни своей страны. Характерной чертой участия молодых людей в Хабаровских протестах, является, по мнению В. Костилова, тот факт, что, протестуя, молодёжь ничего не требует для себя – она требует справедливости. По его мнению, государственной власти давно следует воспринять зарубежный опыт влияния молодых людей на политическую ситуацию (в том числе, через уличные выступления) при выстраивании модели молодёжной политики.

Признавая, безусловно, положительный эффект от усиления гражданской и политической активности молодых людей, отметим, что данная социальная группа в силу различных обстоятельств уязвима перед влиянием определённых политических сил, прикрывающихся популистской риторикой. Мы полагаем, что активизация протестных настроений среди молодых людей требует внесения определённых корректив в систему воспитательной и просветительской работы с молодёжью, которая, по мнению многих экспертов, находится в кризисном состоянии [13].

Социологи Фонда общественного мнения утверждают, что, несмотря на всё более массивную пропаганду идей патриотизма, причислить выпускников школ к патриотам можно лишь с натяжкой. Их коллеги из ВЦИОМа делают несколько иное заключение: всё больше граждан РФ считают патриотами тех, кто стремится улучшить страну и работает на её благо, хотя доля считающих, что патриотизм выражается просто в любви к стране, со времени аналогичного опроса, проведенного в 2018 г., резко сократилась [13].

Е. Басовская заявляет об удручающем явлении оторванности молодого поколения от предшествующих исторических эпох нашего государства, определяя его как «историческое беспамятство». Причины данного феномена автор усматривает в ослаблении системы образования, повсеместном

распространении гаджетов, а также – в разрыве межпоколенческих связей [14].

В свете выше обозначенного, 22 июля 2020 года в Госдуме РФ внесён на рассмотрение новый законопроект «О молодёжной политике», что свидетельствует об обеспокоенности государственных органов власти состоянием институтов молодёжной политики. Кроме того, в российском законодательстве планируется зафиксировать понятия «просвещение» и «просветительская деятельность», что является своевременной инициативой в рамках молодёжной политики.

В. Костиков отмечает, что при выстраивании новой парадигмы молодёжной политики необходимо учитывать тот факт, что современная молодёжь черпает информацию (и всё чаще, знания, понятия и убеждения) не из телевизионных передач, а из Интернета и из не вполне подконтрольных властям социальных сетей. В отличие от старших поколений, которые социализировались в условиях массивной идеологической обработки и были полностью изолированы от иных источников информации, для взаимодействия с нынешней молодёжью требуется иные не политизированные приёмы и методы [13].

Военно-патриотический уклон вступает во всё большее противоречие с представлениями населения о том, к чему и как нужно готовить молодёжь [15]. Это подтверждает и уже упомянутое выше исследование Фонда общественного мнения. На вопрос: «Кто должен заниматься патриотическим воспитанием?» большинство опрошенных (86 %) ответили, что этим должна заниматься семья. В пользу государственной пропаганды патриотизма высказался лишь 1 % опрошенных. Среди ценностей, которые нужно прививать молодым людям, важное место должны занимать воспитание любви к Родине (51 %), любовь к родной истории (13 %), уважение к семье и людям (12 %), уважение к труду (11 %) [13].

В Госдуме РФ предлагается вернуться к воспитательной модели Советского государства (октябрь – пионер – комсомолец – член партии), которая имела такие позитивные аспекты, как стремление к труду, тяга к знаниям, уважительное отношение к старшему поколению. Однако, оценивая результаты советской пропаганды, В. Костиков отмечает тот факт, что в сложный для Советского Союза период советская модель воспитания не сработала, и государство разрушилось без народной поддержки. По свидетельству социологов ФОМ, в целом по стране, запрос на советскую модель воспитания разделяют не более 5 % населения.

По нашему мнению, повысить эффективность молодёжной политики, а также несколько смягчить её идеологическую окраску, можно за счёт актуализации контента культурной политики, ориентированного на молодёжь, повышения уровня её образования и гражданской активности [16].

По мнению деятелей культуры, сохраняется актуальность исторического образования и патриотического воспитания молодёжи, которые должны осуществляться с привлечением различного инструментария [17].

Согласимся с Ю.М. Поляковым, который отмечает, что культурная политика государства будет соответствовать реальным глобальным вызовам только при устранении диссонанса между констатацией традиционных ценностей в обновлённой конституции и разрушением этих ценностей в реальном пространстве культуры [18].

Подводя итог осмыслению авторских позиций, отражённых в печатных изданиях, можно констатировать, что в социуме сформировался запрос на повышение эффективности молодёжной политики, который может быть реализован на основе технологической платформы культурной политики.

Литература:

1. *Воронцов С.А.* О характере угроз национальной безопасности России // Наука и образование: хозяйство и экономика; предпринимательство; право и управление. 2016. № 3(70). С. 92–95.
2. Генсек ООН заявил о сосредоточении половины богатств мира у 26 человек // РБК. 2020. – 18 июля. URL : <https://www.rbc.ru/rbcfreenews/5f1324139a794757fe550af8> (дата обращения 7.08.2020).
3. *Костиков В.* Триумф или затемнение? // АиФ. 2020. № 30. С. 8.
4. *Докучаев Д.* Антирекорд по антидоходам // МК на Дону. 2020. 22–29 июля. № 30(771). С. 5.
5. *Ахмирова Р.* Арест, который перевернул жизнь в Хабаровском крае // Собеседник. 2020. 22–28 июля. № 27(1809). С. 6.
6. *Угланов А.* Генерал ФСБ против барда Новикова // Аргументы недели. 2020. 22–28 июля. № 28(722). С. 1, 3.
7. *Виноградов М.* Как ответила власть на протесты из-за ареста Фургала? // АИФ. 2020. № 30. С. 8.
8. *Аузан А.* Туда нельзя, сюда нельзя // АиФ. 2020. № 30. С. 10.
9. *Шаргунов С.* Нерентабельная страна // АиФ на Дону. 2020. 15–21 июля. № 29. С. 18.
10. *Костиков В.* Триумф или затемнение? // АиФ. 2020. № 30. С. 8.
11. *Воронцов С.А.* Антиэкстремистская деятельность органов государственной власти и местного самоуправления России в институционально-правовом контексте : Автореф. дис. ... на соиск. уч. ст. д-ра юрид. наук / С.А. Воронцов; Ростовский юридический институт МВД Российской Федерации. Ростов-н/Д., 2009. С. 2–6.
12. Глас народа // АиФ. 2020. № 30. С. 2.
13. *Костиков В.* Страна вечной молодости. Как власти строить отношения с молодёжью? // Ежедневник Аргументы и Факты. 2020. 12 августа.

Считаем, что одним из ключевых векторов, объединяющих траектории молодёжной и культурной политики, выступает:

– сохранение этнического самосознания русского народа, включающего историю, культуру, обычаи, веру, особую часть внутреннего мира;

– сбережение и трансляция в сознание молодых людей российской идентичности и ментальности, которая проявляется в особой системе ценностей, мироощущении и приверженности Отечеству, обеспечивает сплочённость русского народа, стабильность развития государства и социума.

Literature:

1. *Vorontsov S.A.* On the nature of threats to the national security of Russia // Science and education: economy and economy; entrepreneurship; law and management. 2016. № 3(70). P. 92–95.
2. The UN Secretary General declared the concentration of half of the world's wealth in 26 people // RBC. 2020. July 18. URL : <https://www.rbc.ru/rbcfreenews/5f1324139a794757fe550af8> (date of the application 7.08.2020).
3. *Kostikov V.* Triumph or blackout? // AiF. 2020. № 30. P. 8.
4. *Dokuchaev D.* Antirekord on anti-revenue // MK on Don. 2020. July 22–29. № 30(771). P. 5.
5. *Akhmirova R.* The Arrest that changed life in the Khabarovsk territory // Interlocutor. 2020. July 22–28. № 27(1809). P. 6.
6. *Uglanov A.* General of the FSB against the bard Novikov // Arguments of the week. 2020. July 22–28. № 28(722). P. 1, 3.
7. *Vinogradov M.* How did the government respond to the protests over Furgal's arrest? // AIF. 2020. № 30. P. 8.
8. *Auzan A.* There cannot Be, here cannot be // AIF. 2020. № 30. P. 10.
9. *Shargunov S.* Unprofitable country // AIF on Don. 2020. July 15–21. № 29. P. 18.
10. *Kostikov V.* Triumph or blackout? // AiF. 2020. № 30. P. 8.
11. *Vorontsov S.A.* Anti-Extremist activity of state authorities and local self-government in Russia in the institutional and legal context. Abstract of the dissertation for the degree of doctor of law / S.A. Vorontsov; Rostov law Institute of the Ministry of internal Affairs of the Russian Federation. Rostov-on/D., 2009. P. 2–6.
12. The Voice of the people // AIF. 2020. № 30. P. 2.
13. *Kostikov V.* Country of eternal youth. How do the authorities build relationships with young people? // Weekly Argumenty I Fakty. 2020. August 12. URL :

URL : https://aif.ru/politics/russia/ctrana_vechnoy_molodosti_kak_vlasti_stroit_otnosheniya_s_molodezhiyu (дата обращения: 17.08.2020).

14. *Басовская Е.* Ирония судьбы, или поколение исторического беспамьяства // МК на Дону. 2020. 22–29 июля. № 30(771). С. 6.

15. *Воронцов С.А.* Патриотизм как базовая ценность российского государственного управления / С.А. Воронцов, А.В. Понеделков, А.А. Вилков // Государственное и муниципальное управление. Ученые записки СКАГС. 2015. № 3. С. 70–74.

16. *Воронцов С.А.* Высокий образовательный уровень и гражданская активность молодежи – залог успеха в противодействии идеологии терроризма // Наука и образование: хозяйство и экономика; предпринимательство; право и управление. 2016. № 7(74). С. 137–140.

17. *Невинная И.* Василий Ливанов: а лучший Холмс всё равно русский // МК на Дону. 2020. 22–29 июля. № 30(771). С. 18.

18. *Оберемко В.* Юрий Поляков: Вы видели грузина в косоворотке? // АиФ. 2020. № 30. С. 18.

https://aif.ru/politics/russia/ctrana_vechnoy_molodosti_kak_vlasti_stroit_otnosheniya_s_molodezhiyu (date of the application 17.08.2020).

14. *Basovskaya E.* Irony of fate, or generation of historical oblivion // MK on Don. 2020. July 22–29. № 30 (771). P. 6.

15. *Vorontsov S.A.* Patriotism as the basic value of Russian public administration / S.A. Vorontsov, A.V. Ponedelkov, A.A. Vilkov // State and municipal management. Proceedings of the SKAGS. 2015. № 3. P. 70–74.

16. *Vorontsov S.A.* High educational level and civil activity of youth-the key to success in countering the ideology of terrorism // Science and education: economy and economy; entrepreneurship; law and management. 2016. № 7(74). P. 137–140.

17. *Innocent I.* Vasily Livanov: and the best Holmes is still Russian // MK on don. 2020. July 22–29. № 30 (771). P. 18.

18. *Oberemko V.* Yuri Polyakov: Have you seen a Georgian in a kosovorotka? // AiF. 2020. № 30. P. 18.

Головань Сергей Анатольевич
кандидат философских наук,
профессор,
Южный федеральный университет
gsa@sfedu.ru

ФОРМИРОВАНИЕ ПАТРИОТИЧЕСКИХ ЦЕННОСТЕЙ В СОЗНАНИИ СОВРЕМЕННОЙ МОЛОДЕЖИ

Аннотация. Автор работы в данной статье делает акцент на том, что поддержание общественной стабильности во многом зависит от патриотического сознания молодых людей. Цель настоящей статьи заключается в том, чтобы показать, как формируются патриотические ценности в сознании современной молодежи. Патриотические ценности помогают бороться с межэтническими конфликтами, становятся источниками возрождения экономики, выступают факторами обмена духовным опытом, являются способом противодействия преступности. Важными ресурсами, которые формируют патриотические ценности, являются как историческая память, так и позитивный образ настоящего и будущего. Механизм формирования высокого уровня патриотического сознания у молодежи представлен проведением тематических смен форумов, всероссийских конференций, выпуском методической литературы по данной тематике, конкурсов дипломных проектов, посвященных вопросам патриотических ценностей. Данные мероприятия реализуются посредством работы государства, образования, семьи, некоммерческого сектора, СМИ.

Ключевые слова: молодежь, ценности, ценностные установки, нравственность, патриотизм, патриотические ценности, патриотическое воспитание.

Одной из тенденций современного общества является усложняющийся характер социального развития, отражающийся в высоких темпах социальных изменений, росте социальной напряженности, появлении кризисных и конфликтных ситуаций. Данные процессы заключают в себе определенную опасность для социума, что, в свою очередь, наталкивает исследователей на рассмотрение вопросов, связанных с сохранением стабильности и целостности структуры общества. В связи с этим, становится актуальным рассмотрение факторов, которые смогут повлиять на поддержание общественной стабильности. Одним из таких факторов являются духовно-нравственные ценности.

В рамках данной статьи мы рассмотрим патриотические ценности, которые служат основой единства многонационального народа России, а

Sergei A. Golovan
Candidate of Philosophical Sciences,
Professor,
Southern Federal University
gsa@sfedu.ru

FORMATION OF PATRIOTIC VALUES IN THE MINDS OF MODERN YOUTH

Annotation. The author of the work in this article emphasizes that the maintenance of social stability largely depends on the patriotic consciousness of young people. The purpose of this article is to show how patriotic values are formed in the minds of modern youth. Patriotic values help to fight interethnic conflicts, become sources of economic revival, act as factors for the exchange of spiritual experience, and are a way to combat crime. Important resources that form patriotic values are both historical memory and a positive image of the present and future. The mechanism for the formation of high patriotic consciousness among young people is represented by the holding of thematic changes of forums, All-Russian conferences, the release of methodological literature on this topic, competitions of diploma projects devoted to issues of patriotic values. These activities are implemented through the work of the state, education, family, non-profit sector, media.

Keywords: youth, values, values, morals, patriotism, patriotic values, patriotic education.

также, оказывают влияние на устойчивость общества к негативным процессам. Исследования феномена патриотизма являются весьма актуальными в настоящий период времени в связи с тем, что активные изменения в социально-экономической сфере России привели к девальвации ценностей в сознании населения страны, что повлекло угасание патриотизма в социальной среде.

Понять сущность категории «патриотизм» помогают труды знаменитых философов: Платона [1], Аристотеля [2], Дж. Локка [3]. Глубокий социально-философский анализ национального духа представлен в работах российских философов Н.А. Бердяева [4, 5], В.С. Соловьева [6] и др.

В советский период также были внесены новые штрихи в исследовании проблемы патриотизма.

В данный временной период активно рассматривалась природа патриотических ценностей советского времени, а также – соотношение двух уровней в патриотических ценностях: обыденного и теоретического, особое внимание уделялось военной составляющей патриотических ценностей [7; 8].

В настоящее время интерес к патриотической проблематике не угасает. Патриотические ценности рассматриваются в исследованиях Института социологии РАН, Института социально-политических исследований РАН, Всероссийского центра исследований общественного мнения, Фонда общественного мнения.

В рамках рассмотрения патриотических ценностей особую значимость приобретают работы, направленные на рассмотрение ценностно-нравственных ориентиров российской молодежи [9; 10]. Связано это с тем, что эволюция российской государственности и волна негативной информации из СМИ привела к смене ценностных ориентиров, где чаще всего в духовном вакууме оказывается молодежь, так как она является социальной группой, которая в большей степени подвержена социальным изменениям из-за своего неустойчивого (маргинального) социального статуса [11].

Трансформация нравственных ориентиров вызывает изменения в отношении к российской социальной реальности, особенно среди молодого поколения, что, в свою очередь, делает более актуальным вопрос формирования патриотических ценностей в сознании современной российской молодежи.

В силу того, что патриотизм из-за многообразия своего проявления является сложной социальной категорией нет единой точки зрения среди ученых в ее понимании. Анализ феномена «патриотизм» показывает, что в разные исторические периоды трактовка данной категории связана с наиболее актуальными проблемами, которые приходится преодолевать человеку.

В качестве сущности понятия «патриотизм» общепринято считать любовь к Родине, но под понятием «Родина» заключается также множество определений. В рамках данной работы под патриотизмом мы будем понимать «социальное отношение, основанное на представлении членов общества о структуре общества» [12].

Обращаясь к понятию «ценность», отметим, что здесь мы подразумеваем убеждения человека в значимости лично для него некоторого объекта или явления как цели или средства [13].

Исходя из представленных нами в данной статье определений таких понятий, как патриотизм и ценность, под патриотическими ценностями в работе понимается отражение в сознании человека социально-духовных отношений с окружающим миром.

Ценности российского патриотизма были выделены Е.С. Троицким в 90-х гг. XX века, но являются весьма значимыми и для современной реальности [14]:

– патриотизм как средство борьбы с межэтническими конфликтами;

– патриотизм как источник возрождения экономики;

– патриотизм как фактор обмена духовным опытом;

– патриотизм как способ противодействия преступности.

В Российской Федерации взят курс на укрепление национального согласия, обеспечение политической и социальной стабильности, развитие демократических институтов, гармонизацию национальных и межнациональных (межэтнических) отношений, чему способствует приверженность российского народа единым ценностям, среди которых находится патриотизм [15].

Среди приоритетных задач государственной национальной политики Российской Федерации обозначена следующая задача: «Формирование у детей и молодежи на всех этапах образовательного процесса общероссийской гражданской идентичности, патриотизма, гражданской ответственности, чувства гордости за историю России, воспитание культуры межнационального общения, основанной на уважении чести и национального достоинства граждан, традиционных российских духовно-нравственных ценностей» [16]. В рамках обозначенной задачи в России реализуется программа «Патриотическое воспитание граждан Российской Федерации на 2016–2020 годы» [17].

С начала периода реализации данной программы были выполнены проекты, направленные на формирование патриотических ценностей в сознании современной молодежи. Среди таких проектов всероссийская акция «Мы – граждане России». Цель данной акции состоит в популяризации государственных символов Российской Федерации среди молодежи, формировании уважительного отношения к основному документу гражданина России – паспорту, формированию гражданской культуры и самосознания молодых людей. Также, на территории Российской Федерации реализуется всероссийский проект «Диалоги с Героями». Миссия проекта заключается в передаче положительного опыта от старшего поколения младшему. Проект позволяет популяризовать подвиги героев, активизирует интерес молодого поколения к истории своего государства, учит уважать прошлое, сохранять историческую память и транслировать ее в массы.

Реализация мероприятий по патриотическому воспитанию курируется Российским центром гражданского и патриотического воспитания детей и молодежи» (Роспатриотцентр), который занимается комплексным развитием и сопровождением всех видов деятельности по патриотическому воспитанию и популяризации волонтерства в России. Целью работы Роспатриотцентра является формирование у молодежи адекватного отношения к понятию «патриотизм», к гражданской активности и личной ответственности.

Помимо реализации государственной программы по патриотическому воспитанию, активное участие в данном направлении принимают некоммерческие организации, активно участвующие в грантах Президента РФ. Например, в 2018 году военно-патриотической организацией «Вымпел» был реализован проект по патриотическому воспитанию «Патриоты – будущее России». Цель проекта – воспитание у молодого поколения неподдельного интереса к своей малой Родине, её истории и Героям. В рамках данного проекта была организована и проведена специальная летняя смена в ВДЦ «Орленок» «Служу Отечеству!».

Организация патриотического воспитания в вузах также основывается на государственных программных документах, упомянутых нами выше. К практикам организации патриотического воспитания в вузах можно отнести патриотическое воспитание посредством эмоционально-чувственных характеристик («воспитание на основе любви к Родине, чувстве долга и ответственности»), воспитание уважения к историческому прошлому страны, способность ставить интересы государства выше личных, которые осуществляются через поездки по местам боевой славы и историческим местам, конкурсы патриотической песни, работа волонтерского центра, проведение конференций [17; 18].

Проведенный нами анализ показывает, что формирование патриотических ценностей у современной российской молодежи происходит через патриотическое воспитание – систематическую и направленную деятельность по формированию у молодого поколения граждан высокого патриотического сознания, готовности к выполнению

долга, конституционных обязанностей по защите интересов Родины, формированию лояльного отношения молодежи к государству [19].

Механизм формирования высокого патриотического сознания у молодежи представлен проведением тематических смен форумов, всероссийских конференций, выпуском методической литературы по данной тематике, конкурсов дипломных проектов, посвященных вопросам патриотических ценностей. Акторами реализации механизмов формирования патриотических ценностей в сознании молодежи являются государственные органы, система образования, некоммерческие организации, семья, средства массовой информации. Успешность в формировании патриотических ценностей в сознании молодежи зависит от активного взаимодействия всех перечисленных акторов на каждом из этапов становления молодежи. Также, стоит отметить, что в рамках взаимодействия данных акторов должна осуществляться обратная связь, что позволит формировать патриотическое сознание в молодежной среде и избегать кризисных состояний российского общества.

Важными ресурсами, которые формируют патриотические ценности, являются как историческая память, так и позитивный образ настоящего и будущего. Патриотические ценности выступают в качестве нравственного ориентира молодежи и влияют на образование их жизненных установок. В связи с этим, очень важно, чтобы патриотические ценности грамотно транслировались молодому населению как социальная традиция и становились в молодежной среде социальной преемственностью.

Литература:

1. Платон. Государство. СПб.: 2014. 536 с.; Платон. Законы // Платон. Собр. соч. : в 4-х т. М., 1994. Т. 3. С. 45–395, Платон. Критон образовательный портал Psylib.ru. URL : <http://psylib.org.ua> (дата обращения 01.09.2020).
2. Аристотель. Соч. : в 4-х томах. М. : Мысль, 1983.
3. Локк Дж. Два трактата о правлении // Сочинения : в 3 т. М., 1988. Т. 3.
4. Бердяев Н.А. О назначении человека. М., 1993.
5. Бердяев Н.А. Русская идея (Основные проблемы русской мысли XIX века и начала XX века). Париж, 1946. 260 с.
6. Соловьев В.С. Русская идея / В.С. Соловьев; Пер. с фр. Г.А. Рачинского. М. : Путь, 1911. 51 с.
7. Мирский Р.Я. Советский патриотизм новой исторической общности : автореф. дис. ... д-ра филос. наук. М., 1987.

Literature:

1. Platon. State. SPb.: 2014.536 p., Plato. Laws // Plato. Coll. op. : in 4 vol. M., 1994. Vol. 3. P. 45–395, Platon. Criton educational portal Psylib.ru URL : <http://psylib.org.ua> (date of the application 01.09.2020).
2. Aristotle. Op. : in 4 volumes. M. : Thought, 1983.
3. Locke J. Two treatises on government // Works : in 3 vol. M., 1988. Vol. 3.
4. Berdyaev N.A. About the appointment of a person. M., 1993.
5. Berdyaev N.A. Russian idea (The main problems of Russian thought in the XIX century and the beginning of the XX century). Paris, 1946. 260 p.
6. Soloviev V.S. Russian idea / V.S. Soloviev; trans. with fr. G.A. Rachinsky. M. : Way, 1911.
7. Mirsky R. Ya. Soviet patriotism of a new historical community : author. dis. ... d-r. philos. sciences. M., 1987.

8. *Миловидов А.С.* Коммунистическая нравственность и военно-патриотическое воспитание. М., 1979.
9. *Зубок Ю.А.* Саморегуляция смысложизненных ценностей в культурном пространстве молодёжи / Ю.А. Зубок, В.И. Чупров // Вестник Института социологии. 2019. Т. 10. № 4. С. 164–186.
10. *Гафиатулина Н.Х.* Система ценностей российской молодёжи в контексте обеспечения духовно-нравственной безопасности общества / Н.Х. Гафиатулина; Э.М. Загирова // Вестник Института истории, археологии и этнографии. 2017. № 2(50). С. 143–157.
11. *Гафиатулина Н.Х.* Здоровьесберегающие модели профессиональной социализации студенческой молодёжи в условиях социальной неопределённости // Инженерный вестник Дона. 2013. № 3. URL : <http://ivdon.ru/ru/magazine/archive/n1p2y2015/2826>
12. *Абрамов М.А.* Патриотизм в системе современного социального сознания: феноменологический и социоструктурный аспекты : автореф. дис. ... д-ра филос. наук: 09.00.11.
13. *Магун В.С.* Базовые ценности-2008: сходства и различия между россиянами и другими европейцами: Препринт WP6/2010/03 [Текст] / В.С. Магун, М.Г. Руднев. М. : Изд. дом Гос. ун-та, 2010. 52 с.
14. *Троицкий Е.С.* Патриотизм – движущая сила преодоления кризиса // Патриотизм: общероссийский и национальный. Истоки. Сущность. Типология. Сб. статей. М., 1996. С. 200–208.
15. Постановление Правительства РФ от 29 декабря 2016 г. № 1532 «Об утверждении государственной программы Российской Федерации «Реализация государственной национальной политики» (с изменениями и дополнениями). URL : https://base.garant.ru/71580894/#block_1000 (дата обращения 02.09.2020).
16. Указ Президента РФ от 19 декабря 2012 г. № 1666 «О Стратегии государственной национальной политики Российской Федерации на период до 2025 года» (с изменениями и дополнениями). URL : http://oovkk.ru/?page_id=1377 (дата обращения 02.09.2020).
17. Постановление Правительства РФ от 30 декабря 2015 г. № 1493 «О государственной программе «Патриотическое воспитание граждан Российской Федерации на 2016–2020 годы» (с изменениями и дополнениями). URL : http://oovkk.ru/?page_id=1377 (дата обращения 02.09.2020).
18. *Панфилова Ю.С.* Организация патриотического воспитания в вузах полиэтничного региона (на примере Южного Федерального Округа) // Ученые записки Крымского федерального
8. *Milovidov A.S.* Communist morality and military-patriotic education. M., 1979.
9. *Zubok Yu.A.* Self-regulation of life-meaning values in the cultural space of youth / Yu.A. Zubok, V.I. Chuprov // Bulletin of the Institute of Sociology. 2019. Vol. 10. № 4. P. 164–186.
10. *Gafiatulina N.Kh.* The system of values of Russian youth in the context of ensuring the spiritual and moral security of society / N.Kh. Gafiatulina; E.M. Zagirova // Bulletin of the Institute of History, Archeology and Ethnography. 2017. № 2(50). P. 143–157.
11. *Gafiatulina N.Kh.* Health-preserving models of professional socialization of student youth in conditions of social uncertainty // Engineering Bulletin of the Don, 2013. № 3. URL : <http://ivdon.ru/ru/magazine/archive/n1p2y2015/2826>
12. *Abramov M.A.* Patriotism in the system of modern social consciousness: phenomenological and sociostructural aspects : abstract of dis. ... d-r of philosophy: 09.00.11.
13. *Magun V.S.* Basic values-2008: similarities and differences between Russians and other Europeans: Preprint WP6/2010/03 [Text] / V.S. Magun, M.G. Rudnev; State University-Higher school of Economics, Moscow: Publishing house of State University-Higher school of Economics, 2010. 52 p.
14. *Troitsky E.S.* Patriotism – the driving force of overcoming the crisis // Patriotism: all-Russian and national. Cradle. Essence. Typology. Sat. articles. M., 1996. P. 200–208.
15. Decree of the Government of the Russian Federation of December 29, 2016 № 1532 «On approval of the state program of the Russian Federation» Implementation of the state ethnic policy». URL : https://base.garant.ru/71580894/#block_1000 (date of the application 02.09.2020).
16. Decree of the President of the Russian Federation of December 19, 2012 № 1666 «On the Strategy of the State National Policy of the Russian Federation for the Period up to 2025». URL : http://oovkk.ru/?page_id=1377
17. Decree of the Government of the Russian Federation of December 30, 2015 № 1493 «On the state program «Patriotic education of citizens of the Russian Federation for 2016–2020». URL : http://oovkk.ru/?page_id=1377
18. *Panfilova Yu.S.* Organization of Patriotic education in universities of polyethnic region (on the example of the southern Federal District) // Scientific notes of the Crimean Federal University named after

университета имени В.И. Вернадского. Социология. Педагогика. Психология. 2018. № S2. С. 127–133.

19. *Shakhbanova M.M.* The role of trust in the formation of ethnic tolerance / M.M. Shakhbanova, V.V. Kasyanov, [et al.] // *Revista Inclusiones*. 2019. Vol. 6. № 2. P. 296–305.

V.I. Vernadsky. *Sociology. Pedagogy. Psychology*. 2018. № S2. P. 127–133.

19. *Shakhbanova M.M.* The role of trust in the formation of ethnic tolerance / M.M. Shakhbanova, V.V. Kasyanov, [et al.] // *Revista Inclusiones*. 2019. Vol. 6. № 2. P. 296–305.

Иваненко Игорь Николаевич

кандидат юридических наук,
доцент,
доцент кафедры административного
и финансового права,
Кубанский государственный
аграрный университет
имени И.Т. Трубилина
ivanenko.igor@mail.ru

Зиниша Ольга Станиславовна

кандидат экономических наук,
доцент,
доцент кафедры
денежного обращения и кредита,
Кубанский государственный
аграрный университет
имени И.Т. Трубилина
zinisha@rambler.ru

**ОСМЫСЛЕНИЕ ПРОБЛЕМАТИКИ
МЕСТНОГО САМОУПРАВЛЕНИЯ
НА СОВРЕМЕННОМ ЭТАПЕ**

Аннотация. В статье анализируются концепции современных ученых, занимающихся исследованиями в области развития российского местного управления, работы которых удачно дополняют друг друга. Выявляются традиционных и инновационных элементов в этих концептуальных подходах. Склонный к государственно-общественному подходу, Р. Туровский исходит из факта тесного взаимодействия государственных и местных структур, стремясь вывести отсюда некие универсальные принципы и механизмы, работающие на установление баланса между ними. Это вполне актуально в условиях глобализационных процессов, предполагающих единство, стандартизацию, универсализм. Другой автор, Ю. Плюснин делает методологическую ставку на локализм, обращая внимание на пространственные факторы, условия, связанные с ресурсной обеспеченностью, этническими и культурными особенностями местного населения. Это ставит его значительно ближе к общественной традиции изучения местного самоуправления, которая исходит из низовых основ образования институтов власти на ограниченной территории.

Ключевые слова: местное самоуправление, государственная и общественная теории, институты государственной власти, ресурсы местной власти, изолированность как фактор местного самоуправления.

Местное самоуправление представляет собой одну из самых любопытных областей общественной жизни, проблематика которой

Igor N. Ivanenko

Candidate of Legal Sciences,
Assistant Professor,
Associate Professor
of the Department of Administrative
and Financial Law,
Kuban State Agrarian University
named after I.T. Trubilina
ivanenko.igor@mail.ru

Olga S. Zinisha

Candidate of Economic Sciences,
Assistant Professor,
Associate Professor
Money Circulation and Credit,
Kuban State Agrarian University
named after I.T. Trubilina
zinisha@rambler.ru

**UNDERSTANDING THE ISSUES
OF LOCAL SELF-GOVERNMENT
AT THE PRESENT STAGE**

Annotation. The article analyzes the concepts of modern scientists engaged in researches in the development of Russian local government, whose works successfully complement each other. Traditional and innovative elements in these conceptual approaches are identified. R. Turovsky, who is inclined to a statist approach, proceeds from the fact of a close interaction between state and local structures, seeking some universal principles and mechanisms that work to establish a balance between them. This is quite relevant in the context of globalization processes involving unity, standardization, and universalism.

Yu. Plyusnin, the other author, makes a methodological bet on localism, paying attention to spatial factors, conditions related to resource availability, ethnic and cultural characteristics of the local population. This puts it much closer to the public tradition of studying local self-government, which comes from the grass-roots foundations of the formation of government institutions in a limited territory.

Keywords: local self-government, state and public theories, institutions of state power, resources of local government, isolation as a factor of local self-government.

сочетает социально-политическую, культурологическую и даже антропологическую составляющие. Местное самоуправление не без основания

называют старейшим институтом демократии [1, с. 117], поскольку управленческие структуры начинали формироваться именно снизу, вызывая справедливые ассоциации с народовластием. В то же время, современные внутривластные процессы во многих странах дополнительно актуализируют проблематику низовых институтов управления, что отражается в довольно расхожем тезисе о передаче части государственных функций на региональный и местный уровни. Тем не менее, несмотря на наличие общих трендов, никуда не девается фактор национальной специфики, не только проявляющийся практически, но и накладывающий отпечаток на теоретические построения. Все эти моменты проявляются в отечественной действительности.

Объектом нашего внимания явились концепции современных ученых, занимающихся исследованиями в области развития российского местного управления, а целью данной статьи выступает выявление традиционных и инновационных элементов в этих концептуальных подходах. Другими словами, мы уточняем нынешний общий вектор теоретических поисков по поводу указанной проблематики.

В рамках данной цели предполагается:

– во-первых, уточнение сложившихся концептуальных основ теории местного самоуправления, составляющих определенную традицию в общественном сознании;

– во-вторых, анализ работ двух современных российских ученых Р. Туровского и Ю. Плюснина, которые в содержательном плане удачно дополняют друг друга.

В ходе сопоставления рассуждений упомянутых исследователей будет выявлено некое общее направление научного поиска обозначенной проблематики.

Несмотря на то, что проблематика местного самоуправления заявила о себе как минимум, начиная с XVI в., ее теоретическое осмысление обозначилось лишь в XIX столетии в рамках генезиса обществоведческих научных дисциплин. В частности, стержневым вопросом выступало определение места институтов местного самоуправления в национальной политической системе.

Принято различать *государственную* теорию и *общественную* теорию. В первом случае на передний план выдвигается именно фактор государственной субъектности, делая местное самоуправление сугубо подчиненным элементом административной системы, тогда как во втором случае в приоритете оказывается «низовая» общественная субъектность, предполагающая гораздо большую автономию от вышестоящих структур.

На приверженность тому или иному подходу существенное влияние, кроме всего прочего, оказывали идеологические факторы, во многом определяющие субъективные предпочтения конкретного мыслителя – склонность разделять принципы либерального, консервативного или

даже революционного мышления; духовная идентификация с западничеством, славянофильством или народничеством. Немалую роль могли сыграть классовые аспекты сознания, о чем свидетельствует, например, теория «муниципального социализма». В то же время, любая концепция закономерно отражала специфику национальной ситуации. Например, отечественная общественная мысль по вопросам местного самоуправления испытывала воздействие «Великих реформ» 1861–1865 гг., а германские изыскания формировались во многом из духа противоречия идеям французской революции [3, с. 89].

Главный упор сторонники государственного подхода – Г. Еллинек, Р. Гнейст, Л. Штайн, В.П. Безобразов, Б.Н. Чичерин, А.Д. Градовский делали на политические аспекты местного самоуправления. Последнее понималось как часть государственного администрирования, но осуществляемое не правительственными чиновниками, а местными жителями, понимающими проблематику на местах «изнутри». При этом, несомненно, германские исследователи находились под влиянием бюрократического служилого духа, унаследованного от прусской государственности, в то время как российские государственники-правоведы исходили, главным образом, из приоритета самодержавия. По мысли А. Градовского, «...все, действующее мимо царя или против него, всегда будет подозрительно в глазах народа, и он всегда готов обрушиться на своевольных реформаторов» [5, с. 358]. Настаивая на примате государства над обществом, сторонники государственного подхода видели здесь залог общенациональной политической устойчивости.

Во многом оппонировали государственникам приверженцы общественной теории. А. Васильчиков, В. Лешков достаточно жестко противопоставляли порядок самоуправления местных институтов бюрократическому управленческому принципу, сложившемуся в ходе развития государства. При этом именно этот подход преодолевал политико-правовые рамки, волей-неволей устанавливаемые государственниками, затрагивая культурно-традиционные и ментальные особенности. Так, теоретик и практик князь А. Васильчиков, сравнивая Россию с западными странами, усматривал присущую первой традиционный приоритет поземельного начала над личностным. И это есть «главное явление русской общественной жизни, имевшее роковое влияние на все ее развитие». Право на землю в России понимается как естественное право человека [2, с. 61, 67]. Отражением и реализацией ментальной укорененности земельного уравнивания выступает структура сельской общины – ведущего социального организма российского крестьянства, имеющего принципиальные отличия от других национальных общин.

Несмотря на временами жесткое оппонирование представителей этих двух подходов, в их отношении вполне закономерен методологический синтез, дающий возможность вычленивать ряд важных моментов.

С одной стороны, уровень государственного развития действительно предопределяет сложность

попыток отделения задач и интересов местного самоуправления от влияния мощной административной машины, нацеленной на общественные потребности, в целом. То есть, здесь фактором выступает стадия политогенеза, развития как государственных, так и других политических институтов в целом. С другой стороны, уже государственниками отмечается необходимость учета национальных особенностей, акцентируя внимание на политической культуре. Данное методологическое обстоятельство значительно углубили в своих работах сторонники общественного подхода, указывая на весомость таких факторов, как географические условия, уровень индустриального развития, наконец, исторически сложившаяся низовые социальные структуры и ментальная составляющая. В целом, не удивительно, что именно общественники больше концентрируют внимание на самообразовывающихся снизу управленческих институтах.

В современных подходах традиции, заложенные этими двумя теоретико-методологическими направлениями, сохраняются, но, правда, в существенно модернизированном виде.

Ростислав Туровский стремится исходить из современных территориально-политических реалий, констатируя здесь существование многоуровневой системы, структура которой обусловлена размерами и внутренней дифференциацией государства. С его точки зрения, целесообразно выделить региональный, субрегиональный и локальный уровни, но их количество в том или ином государстве может быть на одну единицу больше или меньше [7, с. 73–74]. Преодолевая противоречие между естественностью и искусственностью муниципальных образований, этот автор предлагает исходить из критериев компактности – наличия конкретного сообщества с развитыми горизонтальными соседскими связями. Причем, характеристики подобных организаций, главным образом, им определяются по линии «центр-периферия». К центрам относятся крупные города, обладающие значительной ресурсной базой, в купе с необходимой компактностью, что позволяет им свободно получать статус автономных образований. К периферии же относятся, разбросанные по конкретному территориальному пространству мелкие поселения, каждое из которых наделено определенными ресурсами и проживающим населением. В силу этого, названный ученый справедливо констатирует естественную асимметрию, наличие многочисленных и масштабных социально-экономических, а также историко-культурных различий между местными сообществами [7, с. 76].

По Р. Туровскому генезис местного самоуправления и развитие его субъектности на современном этапе неизбежно происходят в рамках государственно-властных отношений. Отсюда, проблема, разделяющая «государственников» и «общественников», однозначно им решается в пользу первых. Общественная теория явно устарела, а этатизму нет внятной альтернативы, что неизбежно превращает местное самоуправление в подсистему государственного управления. «От государства может быть отделена не местная

власть, а совокупность местных интересов, которые затем пытаются реализоваться через органы самоуправления» [7, с. 70]. Кроме того, на практике структуры местного самоуправления испытывают ресурсный дефицит того или иного рода, что во многом предопределяет их слабость и зависимость от более высших этажей политической власти [7, с. 74]. Отсюда следует вывод о том, что противопоставлять государственную власть и местное самоуправление попросту нелепо. В то же время, Р. Туровский признает, что наличие местного самоуправления выступает признаком демократического государства, а его востребованность зависит от уровня развития гражданского общества, поскольку именно не опосредованные государством горизонтальные отношения и связи формируют местные интересы и определяют возможность их дальнейшей артикуляции.

Названный ученый указывает на две главные причины потребности в самоуправлении на местах. Во-первых, на некоторое несоответствие специфических местных интересов общенациональным, за чем следует потребность их реализации местными силами. Во-вторых, на эффективную дифференциацию публичной власти, в результате чего возникает распределение функций (полномочий) между территориальными уровнями власти.

Р. Туровский упоминает весьма важный факт: для формирования полноценной местной управленческой институциональной структуры недостаточно самоорганизации территориального сообщества. Кроме того, необходимы универсальные политические институты самоуправления, которые обычно навязываются государством, заинтересованным в упорядочении, стандартизации управленческой структуры на местах. Как правило, «территориальный формат местного самоуправления возникает в процессе не добровольного объединения местных сообществ, а административно-территориального деления, проводимого сверху – с учетом реальной ситуации на местах... Распространены случаи, когда местное самоуправление создается и предлагается обществу государством как цельный политический проект в процессе децентрализации». По мнению ученого, это вполне нормальная форма диалога между государственной властью и местными сообществами, позволяющая создать вполне жизнеспособные органы и территориальные ячейки местного самоуправления [7, с. 71].

Современная действительность выдвигает весьма жесткие требования, которые трудно обойти даже самым низовым управленческим структурам на местах. Прямая демократия, предполагающая взаимное сближение местной власти и жителей конкретных поселений посредством выборности вторыми первой, в настоящий момент все более уходит в прошлое. Усложняющиеся общественные отношения предопределяют усложнение управленческих органов, для работы в которых требуются, прежде всего, профессионалы. Р. Туровский в связи с этим, констатирует неизбежность бюрократизации местных управленческих структур, а также, закономерность разделения муниципальной власти. Таким

образом, происходит нечто вроде перехода от прямой демократии к найму населением муниципальных менеджеров. Неотъемлемым качеством депутата местного совета, а тем более – мэра, на сегодняшний момент является профессионализм. «Правила игры повсеместно предполагают, что профессиональный мэр, наилучшим образом соответствующий интересам большинства граждан, подбирает профессиональную команду для решения местных социально-экономических проблем... Тогда самоуправление может пониматься как выборы профессиональных политиков и чиновников, наилучшим образом способных (по мнению ситуативно сложившегося большинства) реализовать местные интересы» [7, с. 72].

Подытоживая концепцию Р. Туровского, отметим следующие важные для нашего исследования моменты.

Во-первых, некоторая имманентная стихийность местного самоуправления, ведущего происхождение от «низовых» импульсов социума, сменяется рационализацией, сопровождающейся регуляцией посредством неких универсальных общераспространенных форм. Прямая демократия избрания лучших людей из местного сообщества теперь сменяется куда более ограниченным выбором из круга кандидатов – профессионалов, скорее всего, негласно одобренных властями высшего уровня.

Во-вторых, субъектность местной власти фактически целиком и полностью определяется государственными структурами, во многом волюнтаристски формирующими пространство властно-подчиненных отношений. Тем самым, Р. Туровский явно или неявно отталкивается от понимания современного государства как органической формы политической организации, вне которой общество не может существовать в принципе. По сути, его подход концептуально вписывается в общую теорию генезиса и развития государства как социального института [4].

Р. Туровский, делая упор на политические аспекты проблематики местного самоуправления, также упоминает о наличии политико-географических и социокультурных факторов, во многом предопределяющих специфику местных сообществ. Однако более углубленно в эту проблематику погружается Юрий Плюснин, который выявляет зависимость уровня развития местного самоуправления от того или иного вида изоляции. Как показывает практика, более автономными в своих решениях оказываются те сообщества, которые, находясь где-нибудь в глубинке, не испытывают пристального внимания со стороны органов региональной государственной власти. Напротив, муниципалитеты, которые глубже интегрированы в региональные административные и социально-экономические процессы, будучи расположенными вблизи региональных центров (или крупных городов), куда более зависимы от органов вышестоящей власти в собственной управленческой деятельности. Отсюда следует, чем выше подобная изоляция местного общества, тем выше уровень развития местного самоуправления, и наоборот [6, с. 39].

Как указывает Ю. Плюснин, чаще всего, приходится иметь дело с пространственной или территориальной изоляцией, когда местное сообщество не только имеет значительную удаленность от центров, но и ограниченные коммуникационные средства, прежде всего, транспортные. Помимо пространственной встречается также популяционная (социальная) изоляция, когда даже соседствующие сообщества создают между собой изоляционные барьеры. Последние могут носить конфессиональный, языковой (немецкий район в Алтайском крае), а то и профессиональный характер, когда местные социумы имеют сильно различающуюся хозяйственную специфику («наукограды»). Также, может иметь место ресурсная изоляция, обычно сопровождающаяся упомянутыми профессиональными рамками. Располагающие существенно большими (меньшими) или специфическими ресурсами, муниципалитеты стремятся различными способами изолироваться от соседей. Зачастую, уникальность ресурсов предполагает характерные особенности организации управления данного муниципалитета, выстраивание особых отношений с региональным центром. Таков характер имеют, так называемые, ЗАТО (Закрытые административно-территориальные образования). В то же время, сильный дефицит ресурсов приводит местное сообщество к состоянию «вымороженности», что влечет за собой особые тактики и стратегии его выживания в ситуации «государственной покинутости» [6, с. 39–40]. Разумеется, на практике все три вида изоляции могут сочетаться, и в этом случае изоляция принимает выразительный характер, способствуя уникальности истории местного сообщества.

Ю. Плюснин выделяет пять ключевых факторов развития социально-территориальных образований, объединяя их в три группы: натуральные факторы; ресурсные факторы; управленческие факторы.

Натуральные факторы включают пространство (территорию) и население. Территория предполагает участок земли, контролируемый местным сообществом, который достаточен для обеспечения его базовых аспектов жизнедеятельности. Важнейшим условием здесь выступает «соответствие ландшафта и воспроизводимых ресурсов основным видам хозяйственной деятельности людей», а также, соответствие территориальных размеров хозяйственным популяционным и эстетическим требованиям жителей. Подобная территория, зачастую, обладает естественными границами не только с позиции ресурсной и экологической целесообразности, но и как исторически закрепленная за конкретным местным сообществом. Как правило, такие территории характеризуют стабильность и долговременность, а собственно административно-территориальное деление лишь утверждает границы, сложившиеся исторически. Как пишет указанный автор, историческая и, особенно, этническая определенность территории местного общества оказываются очень важными факторами изоляции и, одновременно, факторами, способствующими развитию местного самоуправления [6, с. 42].

Однако территория может и не иметь как определенных границ, так и собственных достаточных ресурсов, что, обычно, присуще средним и крупным городам. В этих случаях территория не может выступать фактором самоорганизации населения, и данное обстоятельство ограничивает развитие самоуправления. В этом случае возрастает необходимость внешнего управляющего воздействия. По сути дела, расцвет местного сообщества происходит на базе территории, зачастую исторически сложившейся, но самое главное – обладающей достаточными ресурсами для жизнедеятельности воспроизводства и развития. Обычно, это характеризует сельские районы, в значительной степени, пространственно изолированные.

Следующий определяемый Ю. Плюсниным фактор: население должно представлять собой местное сообщество, обладающее критериями естественной социальной организации или, в теннисовском понимании, родовыми признаками общины. Подобная естественность задается отношениями родства, свойства (брачные отношения, кумовство), а также, высоким уровнем местной солидарности. Последнее предполагает альтруизм, непотизм (в положительном смысле), склонность к взаимовыручке и кооперации. Подобные признаки «общинности» названный ученый считает по определению изолирующими факторами [6, с. 45]. В то же время, высокий уровень солидарности местного общества, т.е., степень его родственных и соседских взаимосвязей, предполагает особое отношение общества к местной власти. Данный автор упоминает наличие в социальном сознании фигур «начальника» и «хозяина» в 1990-е гг., слившиеся в 2000-е в одну группу, не лишённую легитимации. Благодаря местной солидарности, «хозяева» и «начальники» сформировали корпус муниципальных руководителей, в настоящий момент довольно устойчивый [6, с. 45].

Ресурсные факторы весьма разнообразны, и Ю. Плюсниным отмечаются два из них особо значительных. Во-первых, это местные природные ресурсы, которые непосредственно определяют хозяйственную деятельность, а также экономическую активность. Во-вторых, это внешнее финансирование, направленное на обеспечение хозяйственной деятельности муниципалитета, а также – на социальные нужды населения. Здесь упомянутый ученый склонен утверждать определенную неоднозначность. Так, местные природные ресурсы играют роль катализаторов для самоуправления только в случае их использования для публичных нужд, следовательно, когда имеет место, хотя бы, элементарное развитие общественной активности. Нехватка ресурсов также может иметь стимулирующее значение для изоляции, а, следовательно, и для развития самоуправления. Подобная ситуация побуждает местное сообщество либо к поиску иных источников, либо к самоорганизации для защиты утрачиваемых ресурсов. Внешние финансовые ресурсы, Ю. Плюснин склонен рассматривать в качестве отрицательного фактора, который направлен не столько на развитие самоуправления, сколько на его ограничение. Обычно, финансово поддерживаются

муниципалитеты крупных городов, где «самоорганизация на низовом уровне не поднимается выше территориального общественного самоуправления». Внешние ресурсы, как полагает ученый, выполняют контролируемую роль, по сути, сдерживая развитие местных управленческих инициатив [6, с. 45–46].

Кадровые ресурсы фактически обеспечивают качественную составляющую работы местного самоуправления. Отсюда следует актуализация проблемы воспроизводства и повышения квалификации кадрового состава местных управленческих структур. По мнению Ю. Плюснина, здесь решающими условиями выступают профессионализм и отсутствие корыстных интересов, другими словами, речь идет о социально-психологическом и морально-этическом облике местного руководителя и когорты исполнителей. Только при наличии высокого профессионализма и соответствующих нравственных качеств местное самоуправление имеет шансы успешно развиваться в условиях изоляции. При отсутствии первого и наличии второго местное сообщество не будет примером высокого уровня самоорганизации и самоуправления.

Кроме того, Ю. Плюснин настаивает на весьма неоднозначной и своеобразной для России роли государственной политики в развитии местного самоуправления. Так, в Европейских странах самоуправление инициировалось фактически «сверху» – начатое с 1970-х годов делегирование государством своих функций на местный уровень подкреплялось обеспеченностью ресурсами. В России же наблюдается обратная ситуация – зависимость от государственного распределения большей части регионов и местных сообществ побуждает их жестко конкурировать друг с другом за получение государственной поддержки, что ведет к «самоизоляции», взаимному обособлению друг от друга. При этом самоизоляция проявлялась тем сильнее, чем меньше ресурсов концентрировал муниципалитет. Государство же, со своей стороны, распределяя ресурсы, стремится жестко контролировать их потребление, в то время как конечный потребитель – местное сообщество заинтересовано в минимальном контроле. Минимум получаемых ресурсов предполагает, соответственно, и минимальный контроль, что в условиях качества управленческих кадров и пространственной изоляции благоприятствует быстрому развитию местного самоуправления.

Тем самым, Ю. Плюснин констатирует серьезное внутривнутриполитическое противоречие, существующее между сохраняющим ресурсно-распределительный характер государством и развитием самоуправления на местах [6, с. 49]. Этот автор выводит прямо пропорциональную зависимость между степенью изоляции и уровнем развития местной власти. Это не всегда справедливо по отношению к обширным отечественным вариациям, однако, это наводит на мысль об учете именно местных особенностей и ситуации.

Сопоставляя концепции Р. Туровского и Ю. Плюснина, мы считаем нужным отметить следующее.

Во-первых, стержневым вопросом обоих рассмотренных авторов продолжает оставаться аспект отношений местного самоуправления с государственной властью. Здесь нам видится сфера непростых и часто несимметричных взаимодействий между низовыми инициативами и практиками, а также, исторически сложившейся масштабной и сложной административной системой со своими национальными особенностями.

Во-вторых, между позициями этих исследователей имеются принципиальные методологические различия. Первый автор исходит из факта тесного взаимодействия государственных и местных структур, стремясь вывести отсюда некие универсальные принципы и механизмы, работающие на установление баланса между ними. По сути, Р. Туровский склонен видеть обобщенную картину

основ и закономерностей политического процесса «сверху–донижу», что вполне актуально в условиях глобализационных процессов, предполагающих универсализм. А вот Ю. Плюснин методологически исходит из тех или иных локальных особенностей. Он делает ставку на пространственные факторы, условия, связанные с ресурсной обеспеченностью, этническими и культурными особенностями местного населения. Главный тезис Ю. Плюснина об изолированности как факторе, способствующем развитию местного самоуправления, сам по себе уже несет отпечаток локальности, поскольку работает далеко не во всех отечественных регионах и территориях. Но именно это побуждает обращать внимание на конкретику определенной территории, внимательнее изучать комплекс условий, отражающихся на развитии местного самоуправления.

Литература:

1. Баранов Н.И. Современная демократия: эволюционный подход. СПб. : Балт. гос. техн. ун-т., 2008. 208 с.
2. Васильчиков А. Русское самоуправление. М. : Институт русской цивилизации, 2013. 960 с.
3. Выдрин И.В. Местное самоуправление в трудах русских ученых-юристов дореволюционной поры // Муниципалитет: экономика и управление. 2017. С. 86–93.
4. Гринин Л.Е. Государство и исторический процесс: политический срез исторического процесса. М., 2009. 264 с.
5. Корнаухова Н.В. Государственная теория местного самоуправления А. Градовского // Вестник ТГУ. 2009. Вып. 8(76). С. 357–361.
6. Плюснин Ю.М. Факторы развития местного самоуправления. Оценка значения изоляции и изоляционизма // Вопросы государственного и муниципального управления. 2008. № 3. С. 38–50.
7. Туровский Р.Ф. Местное самоуправление: к организации эффективной власти // Общественные науки и современность. 2005. № 6. С. 68–79.

Literature:

1. Baranov N.I. Modern democracy: evolution approach. SPb. : Baltic State Technological University, 2008. 208 p.
2. Vasilchikov A. Russian self-government. M. : Institute of Russian civilization, 2013. 960 p.
3. Vydrin I.V. Local self-government in works of Russian scientists-lawyers of pre-revolution time // Municipality: economics and management. 2017. P. 86–93.
4. Grinin L.E. State and historical process: political slice of historical process. M., 2009. 264 p.
5. Kornauhova N.V. State theory of local self-government of A.Gradovsky // Proceedings of TSU. 2009. Iss. 8(76). P. 357–361.
6. Plyusnin Yu.M. Factors of development of local self-government. Assessment of isolation and isolationism values // Problems of state and municipal management. 2008. № 3. P. 38–50.
7. Turovsky R.F. Local self-government: to organization of effective power // Public science and modernity. 2005. № 6. P. 68–79.

Левченко Наталья Валерьевна
научный сотрудник,
Федеральный научно-исследовательский
социологический центр РАН
isras@isras.ru

ГРАЖДАНСКИЙ АКТИВИЗМ В СИСТЕМЕ ОБРАЗОВАНИЯ В РАЙОННЫХ ЦЕНТРАХ РЕГИОНОВ РОССИИ

Аннотация. В статье рассматривается отношение учителей к своей профессиональной деятельности. В ходе исследования было выявлено, что педагогическое сообщество в районных центрах регионов России действует в рамках гражданского активизма. В связи с этим, анализируется научная литература, посвященная изучению гражданского активизма. Эмпирическую базу исследования оставили проведенные глубинные интервью и фокус-группы с директорами и учителями основного и дополнительного образования, с деятелями культуры. На основании проведенного исследования показаны формы проявления активной гражданской позиции педагогов и деятелей культурно-досуговых учреждений.

Ключевые слова: образование, школа, дополнительное образование, культурно-досуговые учреждения, преподавательская деятельность, гражданский активизм, актор, социальная активность.

Актуальность темы данного исследования обусловлена тем, что в условиях современного мира именно школа и другие образовательные структуры становятся основными институтами социализации, особенно в регионах России. В настоящее время проблемам образования уделяется значительное внимание в академическом и публичном дискурсах.

Вместе с тем, ощущается недостаток собственно социологического анализа происходящих в образовательной сфере процессов, особенно роли профессорско-преподавательского состава в образовании и формировании мировоззрения школьников и студентов, что особенно важно в связи с реформированием системы образования (Болонский процесс, проверка знаний в форме тестов и т.д.). Это приводит к формализации и технологизации образовательного процесса. В результате реформ системы образования произошли радикальные изменения в процессе обучения, которые, как нам представляется, могут оказать негативное влияние на его социализирующую функцию. В связи с этим, на местном уровне решающее значение приобретает роль педагогического сообщества. С социологической точки

Natalia V. Levchenko
Researcher,
Federal Center of Theoretical
and Applied Sociology
of the Russian Academy of Sciences
isras@isras.ru

CIVIC ACTIVISM IN THE EDUCATION SYSTEM IN REGIONAL CENTERS OF RUSSIAN REGIONS

Annotation. The article examines the attitude of teachers to their professional activities. The study revealed that the pedagogical community in the regional centers of Russian regions operates within the framework of civil activism. In this connection, the scientific literature devoted to the study of civil activism is analyzed. The empirical basis of the research was provided by in-depth interviews and focus groups with principals and teachers of basic and additional education, as well as cultural figures. Based on the research, the forms of active citizenship of teachers and figures of cultural and leisure institutions are shown.

Keywords: education, school, additional education, cultural and leisure institutions, teaching, civic activism, actor, social activity.

зрения основным оказывается вопрос, готовы ли преподаватели принимать нововведения, которые не соответствуют их устоявшимся представлениям о педагогике или противоречат их гражданской позиции?

Эмпирической базой исследования стали проведенные глубинные интервью и фокус-группы в девяти регионах России (Архангельская, Ивановская, Курская, Нижегородская, Орловская, Псковская, Смоленская, Свердловская и Тамбовская области, Республика Крым). Были проведены глубинные интервью с директорами и учителями школ и педагогами учреждений дополнительного образования, представителями районной администрации, сотрудниками культурно-досуговых учреждений.

В ходе исследования было выявлено, что педагогическое сообщество в учебных заведениях районного центра действует в рамках гражданского активизма, который становится важным ресурсом преобразований в обществе. Ю. Хабермас, А. Гидденс [3, с. 632] и А. Турен анализируют социальную активность в рамках парадигмы «новых общественных движений». В своей теории

коммуникативного действия Ю. Хабермас выделяет 2 типа социального действия: целерациональное (направлено на манипулирование объектами) и коммуникативное (направлено на достижение взаимопонимание) [8, с. 208]. Акционистский подход А. Турена дает возможность создать представление о позиции субъекта, по мнению ученого, индивид стремится быть актором, т.е. быть «действующим лицом» [7]. Ученый полагал, что общество следует исследовать в рамках концепции социального действия, где субъектом выступает некий абстрактный теоретический принцип, который социолог определил как исторический тип. Турен широко использует категорию «социетальный тип», по его мнению, эта категория дает возможность проследить сдвиги в человеческой деятельности от одного типа отношений между «социальными акторами» (действующими субъектами исторического процесса) к другим. Однако, в то же время, «личность может совершать подвиги, но может и допускать преступную халатность, профессиональные ошибки». По мнению А. Турена, только в результате деятельности конкретного социального актора может быть достигнуто единство традиций и инноваций, технологического и социального, субъективного и объективного, общественного и политического и пр.

В современной научной литературе, как правило, социальный активизм рассматривается «в контексте протестных настроений и социальной нестабильности», либо как «повышенное по сравнению с принятым в обществе или той или иной социальной группе участие в различных социальных практиках, направленных на общественное благо, таких как участие в общественных организациях и движениях, акциях, включенность в молодежные сообщества» [5]. В данном контексте темы социальной и гражданской активности рассматривали С.Л. Рубинштейн, Н.Е. Воробьев, Ю.А. Зубок, В.И. Чупров и К. Уильямс, Т.И. Заславская, В. Петухов, Р. Бараш, Н. Седова и Р. Петухов, О.Н. Яницкий, И.А. Халий, И.Н. Трофимова, С.П. Иваненков и А.В. Кострикин, Е.Н. Пясецкая. Гражданский активизм в сфере профессиональной деятельности рассматривали И.А. Халий [9, с. 61–69], О.В. Аксенова [1, с. 302.]. Согласно С.Л. Рубинштейну, индивид осознанно преобразует окружающую его среду, что, в свою очередь, проявляется в его деятельности. В качестве побудительной деятельности, ученый видит мотив, который преобразуется в отношения. Н.Е. Воробьев в общесоциологическом понимании, социальную активность определяет как «...атрибут социального субъекта, субъективная социальная причина, источник, основа всех ее социальных качеств, свойств, всей ее социальной структуры, более того, самого ее социального бытия...» [2, с. 8–29].

Ю.А. Зубок, В.И. Чупров, К. Уильямс и Т.И. Заславская рассматривали понятие «социальная активность» с точки зрения формирования молодежных организаций, акцентируя свое внимание на том, что между ними существует взаимовлияние. В своих трудах Ю.А. Зубок и В.И. Чупров, и К. Уильямс указывают на то, что «каждое новое поколение обеспечивает сохранение целостности

общества и участвует в его совершенствовании и преобразовании, благодаря своему инновационному потенциалу» [10, с. 47]. Анализируя социально-инновационный потенциал общества, Т.И. Заславская выделяет четыре главных сферы социально-инновационной активности: хозяйственное предпринимательство, преобразование институтов социальной сферы, обновление идеологии и культуры и апробация новых форм самоорганизации, или формирование структур гражданского общества. По мнению ученого, «социально-инновационная деятельность одновременно изменяет, корректирует и даже качественно преобразует эти правила в своих интересах. Тем самым, она оказывает существенное влияние на преобразование институтов, регулирующих жизнь общества» [4], что, в свою очередь, можно отнести к деятельности представлений формального и неформального образования. Согласно трудам И.Н. Трофимовой, «гражданский активизм является органичной частью жизни современного общества, и все многообразие концептуальных моделей гражданской активности, так или иначе, соотносится с существующими на конкретном этапе парадигмами социального развития» [6, с. 1028].

Таким образом, на основании изученных трудов, в данном исследовании под гражданской активностью понимается стремление личности к преобразованию окружающей его действительности в соответствии со своими взглядами, мировоззрением и ценностными ориентациями, порождаемыми внутренними потребностями.

Исследование показало, что вопреки закону «Об образовании» во всех исследуемых районах приоритетной задачей образования остаётся обучение и воспитание детей. Обучение продолжает осуществляться согласно федеральным стандартам, однако, педагоги дают знания сверх того, что требуется, многие преподаватели даже готовят учеников к ЕГЭ и ГИА во внеурочное время. *«Полагаю, что в СССР была выстроена самая лучшая система образования, пока у нас сохраняются старые традиции в образовании» (из интервью с учителем, Смоленская область, Красный).*

В ходе исследования был выявлен индивидуальный подход к каждому ученику, таким образом, продолжают сохраняться тесные связи между учеником и учителем, что, в свою очередь, благоприятно влияет на результаты обучения. *«Мы стремимся любыми способами вытягивать трудных ребят, мы должны держаться за каждого ученика. Когда складывается безвыходная ситуация, мы приглашаем родителей и беседуем с ними» (из интервью с директором школы, Курская область, Рыльск).*

У районных учителей существует установка на то, чтобы все их ученики обязательно поступили в вузы и продолжили образование, ради достижения этой цели, они готовы безвозмездно заниматься с учениками, давать им знания сверх программы. *«Мой ребёнок ходил в частную престижную школу, но мы его оттуда забрали, т.к. там не особенно были приняты добрые и*

дружелюбные отношения к ученикам, кроме того, всё обучение ориентировано на сферу бизнеса, на успешность именно в западном понимании, всё должно быть быстро, чётко и целенаправленно. А у нас в школах воспитательный процесс сохранился» (из интервью с жителем Нижегородской области, г. Арзамаса).

Как показало исследование, транслируемые инновации принимаются и адаптируются директорами и учителями учебных заведений. Как правило, для школ характерны три основных сюжета: нововведения вынуждены поддерживаться преподавательским сообществом, например, процесс оптимизации на районном уровне подразумевает сокращение числа образовательных учреждений, или присоединение малоресурсного района к более крупному: «в городе закрылась школа-интернат, и детей с разными проблемами отправили к нам, но у нас есть специальные для них программы, и к нам ещё перевели детей из лингвистической гимназии, и некоторые уроки мы им преподаём» (из интервью с директором школы, Курская область, Рыльский район). Другие нововведения адаптируются директорами и преподавателями школ в силу того, что не одобряются обществом такие, как изменения в учебном процессе, минимизация функции воспитания.

«Не воспитывать не получается, у нас много мероприятий, мы стараемся чем-то занять детей» (из интервью с учителем, Смоленская область, Демидово); «В первую очередь в школе должно быть воспитание, мы детей любим, и они знают об этом» (из интервью с учителем, Псковская область, Палкино).

Определенные инновации охотно принимаются обществом и полностью поддерживаются учительскими сообществами, к их числу в основном относятся техническое оснащение школ: «у нас 87 % учатся в условиях, отвечающих самым современным требованиям, – у нас электронные журналы, дневники и т.д.» (из интервью с учителем, Архангельская область, Холмогоры).

В районах осуществляется серьезная работа по внешкольному образованию детей, в состав

Литература:

1. Аксенова О.В. Парадигма социального действия: профессионалы в российской модернизации : монография. М. : Институт социологии РАН, 2016. 304 с.
2. Воробьев Н.Е. К вопросу о критериях социальной активности. Волгоград, 1976. С. 8–29.
3. Гидденс Э. Социология / Э. Гидденс; Пер. с англ. М. : Едиториал УРСС, 2005. 632 с.
4. Заславская Т.И. Социоструктурный аспект трансформации российского общества // refdb.ru. 2001. URL : <https://refdb.ru/look/1374574.html> (дата обращения 03.05.2020).
5. Иваненков С.П. Проблемы исследования социальной активности молодежи / С.П. Иваненков,

которых входят творческие, музыкальные и спортивные учреждения. Как правило, в школах искусств занимаются в среднем по 200 человек. Большинство учащихся школ ходят на занятия по дополнительному образованию, как в свою школу, так и в Дома культуры или в специализированные учреждения. «На базе моей школы есть дом творчества, у них там много кружков и спортивных секций. Есть два прекрасных спортивных зала, которые работают семь дней в неделю, у меня базируется детская спортивная юношеская школа района» (из интервью с директором школы, Смоленская область, Красный).

В основном, преподаватели дополнительного образования ведут свою деятельность для повышения культурного уровня учащихся, пытаются привить интерес к занятиям спортом и к здоровому образу жизни. Эти цели распространяются на всех: на одаренных детей, на детей из неблагополучных семей и на детей с отклонениями. «Мы приходим в детский сад, если видим, что ребенок талантливый, то убеждаем родителей отводить его к нам на обучение» (из интервью с учителем школы искусств, Смоленская область, г. Демидово).

Как показало исследование, транслируемые инновации принимаются и адаптируются директорами и учителями учебных заведений. Как правило, для школ характерны три основных сюжета:

– нововведения вынуждены поддерживаться преподавательским сообществом, например, процесс оптимизации на районном уровне подразумевает сокращение числа образовательных учреждений, или присоединение малоресурсного района к более крупному;

– другие нововведения адаптируются директорами и преподавателями школ в силу того, что не одобряются обществом, такие, как изменения в учебном процессе, минимизация функции воспитания, а определённые инновации охотно принимаются обществом и полностью поддерживаются учительскими сообществами, к их числу, в основном, относится техническое оснащение школ.

Literature:

1. Aksenova O.V. Paradigm of social action: professionals in Russian modernization : monograph. M. : Institute of sociology of the Russian Academy of Sciences, 2016. 304 p.
2. Vorobyov N.E. On the question of criteria of social activity. Volgograd, 1976. P. 8–29.
3. Giddens E. Sotsiologiya / E. Giddens; Trans. from English. M. : editorial URSS, 2005. 632 p.
4. Zaslavskaya T.I. Sociostructural aspect of transformation of Russian society. refdb.ru. 2001. URL : <https://refdb.ru/look/1374574.html> (date of the application 03.05.2020).
5. Ivanenkov S.P. Problems of research of social activity of youth / S.P. Ivanenkov, A.V. Kostrikin //

А.В. Кострикин // Международный теоретический журнал CREDO NEW. 2009. URL : <http://credonew.ru/content/view/834/61/> (дата обращения 03.05.2020).

6. Трофимова И.Н. Гражданский активизм в России: новые реалии // Политика и Общество 2014. № 9. С. 1020–1028. URL : http://nbpublish.com/library_read_article.php?id=-30940 (дата обращения 06.07.2020).

7. Турен А. Способны ли мы жить вместе? Равные и различные / А. Турен; Под ред. В.Л. Иноземцева // Библиотечная система. 1997. URL : http://lib.uni-dubna.ru/search/files/kult_nov_post_volna/17.htm (дата обращения 07.06.2020).

8. Хабермас Ю. Демократия. Разум. Нравственность. М., 1995. 208 с.

9. Халий И.А. Экологическое движение в Советском союзе: самоорганизация экологов-профессионалов // Вестник Института социологии. 2012. № 5. С. 61–69. URL : http://www.vestnik.isras.ru/files/File/vestnik_is_2012_5.pdf (дата обращения 25.08.2020).

10. Чупров В.И. Молодежь в обществе риска. Второе издание / В.И. Чупров, Ю.А. Зубок, К. Уильямс. М. : Наука, 2003. 231 с. URL : <http://isprras.ru/pics/File/books/Youth%20in%20risk.pdf> (дата обращения 25.08.2020).

International theoretical journal CREDO NEW. 2009. URL : <http://credonew.ru/content/view/834/61/> (date of the application 03.05.2020).

6. Trofimova I.N. Civil activism in Russia: new realities // Politics and Society 2014. № 9. P. 1020–1028. URL : http://nbpublish.com/library_read_article.php?id=-30940 (date of the application 06.07.2020).

7. Touraine A. Are we Able to live together? Equal and different / A. Touraine; Ed. by V.L Inozemtsev // Library system. 1997. URL : http://lib.uni-dubna.ru/search/files/kult_nov_post_volna/17.htm (date of the application 07.06.2020).

8. Habermas Yu. Democracy. Mind. Morals. M., 1995. 208 p.

9. Khali I.A. Ecological movement in the Soviet Union: self-organization of environmental professionals // Bulletin Of the Institute of sociology. 2012. № 5. P. 61–69. URL : http://www.vestnik.isras.ru/files/File/vestnik_is_2012_5.pdf (date of the application 25.08.2020).

10. Chuprov V.I. Youth in the community of risk. Second edition / V.I. Chuprov, Yu.A. Zubok, K. Williams M. : Nauka, 2003. 231 p. URL : <http://isprras.ru/pics/File/books/Youth%20in%20risk.pdf> (date of the application 25.08.2020).

Максимов Александр Александрович
директор,
Научно-технологический центр
«Институт финансовых технологий»,
Финансовый университет
при Правительстве Российской Федерации
AAMaksimov@fa.ru

Бибнев Иван Сергеевич
заместитель директора,
Научно-технологический центр
«Институт финансовых технологий»,
Финансовый университет
при Правительстве Российской Федерации
isbebnev@fa.ru

Сейфиева Елена Николаевна
кандидат политических наук,
доцент,
кафедра информатики, математики
и общегуманитарных наук,
Новороссийский филиал
Финансового университета
при Правительстве Российской Федерации
ENSejfiyeva@fa.ru

Скрипниченко Владимир Анатольевич
заместитель директора,
Научно-технологический центр
«Институт финансовых технологий»,
Финансовый университет
при Правительстве Российской Федерации
VIASkripnichenko@fa.ru

Новая модель общества: Формирование цифровой образовательной среды

Аннотация. Работа посвящена вопросам формирования новой образовательной среды высшей школы в связи с переходом на использование в образовательном процессе дистанционных технологий. Применение в образовательном процессе онлайн-технологий делает процесс образования независимым от временного и территориального фактора. В переходный период процессы по применению новых технологий имеют ряд сложностей: психическая и социальная неподготовленность обучающихся, недостаточное развитие отечественных информационных технологий, отсутствие материальных возможностей у большинства обучаемых.

Ключевые слова: цифровая образовательная среда, цифровизация, дистанционное обучение, образовательные платформы, электро-образовательный портал, онлайн-курсы, онлайн-тестирование, облачные сервисы, научно-педагогический работник.

Alexandr A. Maksimov
Director,
Research and Technology Centre
Institute of Financial Technologies,
Financial University under the Government
of the Russian Federation
AAMaksimov@fa.ru

Ivan S. Bebnev
Deputy director,
Science and Technology Center
Institute of Financial Technologies,
Financial University under the Government
of the Russian Federation
isbebnev@fa.ru

Elena N. Seifieva
Candidate of Political Sciences,
Assistant Professor,
Department of Informatics, Mathematics
and General Humanities,
Novorossiysk branch Financial University
under the Government
of the Russian Federation
ENSejfiyeva@fa.ru

Vladimir A. Skripnichenko
Deputy director,
Research and Technology Centre
Institute of Financial Technologies
Financial University under the Government
of the Russian Federation
VIASkripnichenko@fa.ru

NEW MODEL OF SOCIETY: DEVELOPMENT OF A DIGITAL EDUCATIONAL ENVIRONMENT

Annotation. The article is devoted to the subject of development of a new educational environment for higher education in connection with transition to the use of distance technologies in the educational process. The use of online technologies in the educational process will make the educational process independent of the time and territorial factor. In the transition period, the processes for the application of new technologies have a number of difficulties: the mental and social awkwardness of students, the underdevelopment of native information technologies, and the lack of material resources for the majority of students.

Keywords: digital educational environment, digitization, distance learning, educational platforms, electronic education portal, online courses, online testing, cloud services, research and teaching staff.

Дистанционное обучение для российской системы образования явление не новое. С начала XXI века с увеличением применения информационно-коммуникационных технологий произошли существенные изменения: объем знаний выдается и получается студентами порционно, увеличилось количество самостоятельного поиска и изучения информации.

А.А. Андреев предлагает следующее определение: «дистанционное обучение – это синтетическая, интегральная гуманистическая форма обучения, базирующаяся на использовании широкого спектра традиционных и новых информационных технологий, и их технических средств, которые применяются для доставки учебного материала, его самостоятельного изучения, диалогового обмена между преподавателями и обучающимися» [1].

Однако внедрение дистанционного обучения в образовательный процесс проходило достаточно медленно, приходилось преодолевать такие вопросы, как слабые технические возможности студентов и высших учебных заведений, формирование педагога с новыми компетенциями, финансовые аспекты.

В новых условиях жизни и образования (связанных с коронавирусной инфекцией) приходится привыкать к изменяющейся реальности. С марта 2020 года образование во многих странах, включая Россию, очень быстро перешло на модель обучения, не понимая, к каким последствиям это может привести. Экстренный переход на дистанционное образование показал негативные факторы: недофинансирование образовательной сферы, недостаток ресурсов и социальные вопросы, связанные с дистанционным образованием. А также, появились совершенно новые проблемы, свойственные IT-сфере, и о которых не задумывались образовательные учреждения ранее. Каждое государство, резко переключившее систему образования в онлайн, столкнулось с проблемами; разница между ними заключается лишь в объеме и качестве этих проблем.

Давая оценку новому опыту по использованию дистанционного образования, В.В. Путин отметил, что живое взаимоотношение учителя и ученика невозможно заменить. Но необходимо увеличить работу по внедрению в учебных заведениях скоростного интернета, новой техники, новых современных программ с применением дистанционных технологий. Глава государства подчеркнул, что данная форма в экстренной ситуации оправдала себя и надо ускорить внедрение современной системы образования. Внедрение новых технологий в образовательный процесс приведет к изменению всех образовательных стандартов, появлению новых методик преподавания, совершенствованию преподавательского состава в связи с приобретением новых компетенций. Вопросы о переходе на дистанционное образование в России начали рассматривать еще в 2016 году. В послании Федеральному собранию 01 декабря 2016 г. Президент Российской Федерации В.В. Путин дал старт развитию экономики нового технологического поколения, получившего

название «цифровая экономика». Применение дистанционных технологий является сегодня одним из условий подготовки новых специалистов. Обучение с использованием ДТО позволяет организовать разные формы занятий, активизировать познавательную деятельность обучаемых, использовать различные электронно-образовательные системы и пр. Считается, что дистанционное образование – удел более целеустремленных и собранных людей, поскольку здесь отсутствует прямой контакт с преподавателем и значительно повышается умение работать самостоятельно. Студенты признают, что дистанционное обучение способствует формированию различных навыков и компетенций: навыка самостоятельной работы (73,3 %); способности планировать и организовывать себя (61,2 %); навыка управления временем (56 %); способности решать проблемы и обобщать информацию (51,7 %); совершенствовать навык работы с компьютером (48,5 %); умение работать в команде (42,4 %); брать на себя ответственность (42 %); сохранять работоспособности в стрессовых ситуациях (28,7 %); быть творческим и инициативным (24,9 %). Понимание того, что дистанционное образование дает каждому возможность развивать социальные навыки, которые, несомненно, необходимы современному профессионалу – половина успеха на пути становления высококвалифицированного специалиста.

Первым элементом внедрения цифрового обучения стала информационно-образовательная среда высшего учебного заведения. Структуру ИОС можно представить следующим образом (рис. 1).

Система дистанционного обучения нашла своих последователей во всем мире, особенно ее внедрение стало актуальным в России из-за географических особенностей. Однако весной 2020 года, когда переход оказался всеобщим из-за появления самоизоляции, начали выявляться и обсуждаться проблемы даже в социально ориентированных государствах с высоким уровнем среднего достатка. Вынужденный переход показал все противоречивые особенности дистанционного обучения, многие из них относятся к социальным аспектам. Во многих европейских государствах пришли к выводу, что дистанционные образовательные технологии способствует увеличению разрыва в образовании, малообеспеченные семьи хуже справляются со стрессом. «Среди семей, которые платят менее 900 евро в месяц, у 42 % дома нет компьютера, а 22 % не имеют доступа к интернету» Помимо отсутствия компьютеров, важной проблемой является нехватка пространства в доме для нормальной работы и учебы в дистанционном режиме [2].

Даже если и есть все необходимые средства и ресурсы для дистанционного обучения, его качество остается под вопросом, поскольку пока непонятно какое качество будет у такого образования. «Согласно опросу Минобрнауки России и Института социального анализа и прогнозирования РАНХиГС (проводился с 10 до 15 апреля), 67 % преподавателей не считают удобным дистанционный формат обучения», также, более 85 %

преподавателей почувствовали рост нагрузки. На вопрос: «Как вы считаете, сегодняшняя ситуация, вызванная коронавирусной инфекцией, через год приведет к улучшению или ухудшению качества

высшего образования в России или никак не повлияет?», лишь 15 % отвечают, что качество образования улучшится, 43 % считают, что ухудшится [3].

Рисунок 1 – Структура информационно-образовательной среды вуза

Проведенный ВЦИОМ опрос российских студентов, которые в условиях пандемии перешли на дистанционное обучение показал, что 72 % остались довольны тем, как был организован процесс перехода. Однако студенты отмечают, что в связи с этим переходом увеличилась учебная нагрузка (51 %), готовность преподавателей работать с новыми технологиями оценили 53 % студентов, только 38 % студентов дали положительную оценку техническому оснащению [4]. Проведенные исследования показывают, что российская система образования ни морально, ни материально не готова к полному переходу на дистанционное обучение.

Сегодня идет подмена понятия «дистанционное образование» и тех мер, которые, на скорую руку были приняты в связи с переходом к обучению online в связи с эпидемией коронавируса. Неожиданная перестройка показала незавершенность такого процесса и, главное не были определены сами методы дистанционного обучения, не хватает специалистов и технической оснащенности. Основная масса преподавательского состава относится к поколению X, которое привыкло к линейной подаче информации, принятой в классическом университете. Но время диктует свои потребности. В высшую школу прошли обучающиеся поколения Y, которые обладают «клиповым» мышлением и способны изучать информацию в объеме не более 180 с., что равносильно 5 минутам. У поколения Y принципиально нелинейное восприятие мира [5].

К такому же восприятию информации относится новое подрастающее поколение Z, которое с двухлетнего возраста пользуются гаджетами сначала для игры, потом для получения необходимой информации, а потом – и для обучения. Чтобы найти компромисс в процессе обучения между разными поколениями необходим поэтапный переход к новым образовательным технологиям: проведение занятий в смешанной системе обучения, проведение практических занятий и приобретение новых навыков, контроль знаний и умений. Переход сразу к полной замене общения студентов и преподавателя в аудитории приведет к тому, что процесс обучения для многих станет непосилен или превратится в простую формальность по выполнению конкретных заданий. Процесс обучения, в самом понимании этого слова, будет эффективен тогда, когда, прослушав лекцию в записи или online, обучающийся может встретиться в аудитории на практических занятиях и получить ответы на возникшие вопросы, поработать в специальных продуктах и получить другие практические навыки. Объем информации, который получает обучаемый, должен чередоваться с практическими навыками, которые можно получить в аудитории. Многие практические навыки можно получить при использовании специализированных программ, игр, пока еще недоступных для многих учебных заведений.

Переходный процесс во многом зависит от мотивации обучающихся и преподавателей. Существует два типа мотивации: нравится и делаю –

эмоциональная, а также волевая, когда понимаю значимость этого процесса для меня. Молодёжь с «клиповым» мышлением не привыкла к волевой мотивации, поэтому переход к новым технологиям будет проходить достаточно болезненно, это позволит сразу разграничить студентов, а также – преподавателей на тех, кто принимает изменения и меняется в сторону принятия и тех, кто будет сопротивляться и вряд ли сумеет найти свое место в социуме, так как такие изменения продиктованы изменениями, происходящими в обществе.

Следующим этапом перехода на дистанционное обучение высшей школы может быть использование не только лекционного материала, но и искусственного интеллекта, игр, различных имитационных заданий, которые еще недостаточно наполнили рынок образовательных услуг. Без использования новых программируемых устройств образование может стать простой формальностью. Главной целью станет получение диплома и неважно, какими компетенциями на выходе будет обладать специалист. Сегодня на рынке образовательных услуг существует достаточно ВУЗов, которые внедрили дистанционное образование, превратив его в простую формальность. Дистанционное образование как форма образовательного процесса должно сформировать такие компетенции, как самостоятельное мышление, решение поставленных задач, креативность, принятие изменений, гибкость и умение подстраиваться под меняющиеся условия. Такими компетенциями должен обладать специалист новой формации.

Период коронавирусной инфекции показал, что существует много проблем в переходе на дистанционное обучение.

Система образования должна претерпеть изменения, в связи с меняющимися запросами со стороны потребителей: молодежи, которая имеет новый менталитет, готова и способна к восприятию в цифровом формате, и работодателей, которым все больше требуются сотрудники, имеющие не просто комплекс теоретических знаний, но и умеющие работать в новом цифровом формате.

Одной из глобальных проблем перехода на новый формат обучения оказалась техническая сложность данного процесса. Не каждая семья имела технические возможности для дистанционного обучения, не во всех регионах доступен качественный интернет, не все программы, имеющиеся на рынке коммуникационных технологий, смогут удовлетворить потребность в качественной передаче информации или принципиального проведения контроля знаний и приобретенных компетенций. Кроме того, 58,1 % опрошенных студентов российских вузов выразили недовольство работой техники во время дистанционного обучения. При этом в столице на проблемы со связью, низкий функционал приложений, перебои в работе ресурсов пожаловались 47 % опрошенных, в регионах – 71,2 %. Полностью техническими решениями удовлетворены лишь 13,6 % студентов. В таблице 1 приведены исследования по оснащенности семей компьютерными технологиями.

Таблица 1

Показатели	Годы			Изменения, % 2018/2017
	2016	2017	2018	
Число персональных компьютеров, используемых в учебных целях, находящихся в составе локальных вычислительных сетей (ЛВС), в расчете на 100 студентов (обучающихся) по образовательным учреждениям, шт.	22	24	23	1
Доля образовательных учреждений, реализующих образовательные программы с использованием дистанционных образовательных технологий для реализации основных образовательных программ, в общем числе самостоятельных образовательных учреждений, %	42,8	39,3	37,6	-1,7
Доля домохозяйств, имеющих персональный компьютер, в общем числе домохозяйств, %	74,3	74,4	72,4	-2,0
Число персональных компьютеров на 100 домашних хозяйствах, шт.	127	124	125	+1
Удельный вес домашних хозяйств, имеющих доступ к сети Интернет с домашнего компьютера, в общем числе домашних хозяйств, %	70,3	70,3	69,0	-1,3
Численность пользователей сети Интернет на 100 человек населения, шт.	73	76	81	+5
Сведения об использовании объектов интеллектуальной Собственности по субъектам Российской Федерации (программы ЭВМ), ед.	7742	8515	12125	3610
Затраты на обучение и подготовка персонала, связанные с инновациями, млн руб.	2372	1917	1669	-248

Источник: Росстат.

Из данных таблицы видно, что отсутствие личного компьютера или технических возможностей интернета может оказаться главной проблемой в процессе обучения. Только 72 % домохозяйств

имеют личный компьютер, при этом в семье, как правило, несколько обучающихся, которые проходят через процесс обучения.

Согласно данным IDC, приведенным в начале апреля 2020 г., в 2019 г. общие расходы на ИКТ в России составили 47,047 млрд долл. Россия осталась крупнейшим ИТ-рынком в Центральной и Восточной Европе (CEE). Аналитики не дают структуру расходов по странам, но, в целом, по региону на Телеком приходится 41 % расходов, на «железо» – 34%, на ИТ-сервисы – 13 %, на ПО – 8 %, на бизнес-услуги – 3 % (на что еще приходится 1 %, аналитики не указали).

Кроме того, данные Росстата показывают, что затраты на обучение и подготовку персонала, связанного с инновациями, сокращаются, что может отрицательно сказаться на эффективном переходе на дистанционное обучение.

Аналитики считают, что мировые затраты на ИТ снизятся в 2020 на 2,7 %, что не может положительно отразиться на внедрении цифровых технологий в высшей школе.

Важной проблемой перехода к дистанционному образованию являются технические трудности. Например, «Критическая уязвимость в обучающей среде Moodle». Или целый подкласс проблем, связанных с ZOOM или Skype. Проблемы аппаратно-программного обеспечения и их уязвимости ставят под угрозу, как сам образовательный процесс, так и данные пользователя, безопасность его персональных, финансовых и других данных.

При использовании распространенных систем видео конференции (на периоде самоизоляции) резко возросло количество различных атак, начиная от демонстрации порно роликов в каналах различных университетов, заканчивая крупномасштабными утечками персональных данных пользователей таких систем. При использовании различных систем online конференций, которые уязвимы к атакам, многие компьютеры студентов были инфицированы, что привело к появлению новых БОТ-сетей.

Также, надо учитывать и аппаратные ресурсы компьютеров, требуемые для качественной работы большинства систем видео- и аудио-конференций.

Такие системы, как Discord, рассчитанные на сообщество профессиональных геймеров, максимально хорошо оптимизированы и требуют минимального количества ресурсов компьютера (таких, как частота и мощность процессора или объем оперативной памяти). Оптимизация для геймерских систем является критичной, когда каждая дополнительная нагрузка способна привести к тому, что игрок потеряет ценные секунды и проиграет. А призовые фонды на целом ряде турниров – более 100000–200000\$, поэтому эти системы конференций оптимизированы и протестированы очень хорошо.

Системы ZOOM или Skype очень требовательны к ресурсам и вызывают существенное замедление работы компьютера. Например, на среднем ноутбуке в Windows 10 и 4 Гб оперативной памяти комфортное использование Skype с одно-

временной работой в 6–10 окнах браузеров и офисных приложениях, трудно достижимо. Ощущается сильная утечка памяти компьютера.

В среднем по России, лишь 40,9 % студентов заявили о дистанционной доступности 100 % изучаемых предметов. И если в Москве о полной доступности заявили 52,2 % опрошенных, то в регионах – 29,2 %. То есть, помимо вопросов безопасности различных систем и приложений для конференций и дистанционного обучения существенным является вопрос технического обеспечения и оптимизации таких систем.

И, конечно, остается проблема каналов связи, Минкомсвязи РФ предписало бизнесу ограничить качество интернет-видео в России стандартом HD, чтобы компенсировать возросшую из-за массовой самоизоляции нагрузку на сети связи операторов [7]. И хотя это требование коснулось, в первую очередь, сервисов трансляции видео контента, но видеопотоки систем видеоконференций также пострадали и начали давать сбой из-за чрезмерной нагрузки на телекоммуникационное оборудование. Операторы связи и дата центры оказались просто не готовы к такой нагрузке на сетевую инфраструктуру, на каналы связи и телекоммуникационное оборудование.

Еще одним недостатком перехода на полное дистанционное обучение является отсутствие общения со сверстниками и преподавателями. «Главный недостаток дистанционного обучения – дефицит общения: 70,2 % студентов заявили, что им не хватает очного общения с сокурсниками и преподавателями; 36,9 % молодых людей признались в том, что им трудно организовать свою работу, а 33,8 % отметили такой недостаток, как урезанный формат обучения, при котором нет лабораторных занятий и практикумов» [8].

В задачи высшей школы также входит нравственное и патриотическое воспитание, которое невозможно осуществить в онлайн-режиме. В.В. Путин внес поправки в Закон «Об образовании», которые должны укрепить, акцентировать воспитательную составляющую отечественной образовательной системы. Сделать это в дистанционном режиме практически невозможно [9].

Помимо проблем, есть целый ряд преимуществ новой формы обучения. Новое поколение готово воспринимать информацию в новом формате, об этом уже говорилось выше. Но для этого должен появиться и новый тип преподавателей, способный от чисто академического преподавания информации перейти в цифровую среду и не только в качестве простой начитки лекций, а использовать все возможные нововведения. По статистике, 72,4 % опрошенных преподавателей имеют опыт применения цифровых практик в разном формате: онлайн-тестирование, использование облачных сервисов, проведение вебинаров, создание онлайн-курсов. Однако всем ясно, что с переходом на новую систему этих знаний недостаточно, и основная масса научно-педагогического состава готова повышать свою квалификацию в этом вопросе. Менять придется не только технологии, но и методики преподавания, рассчитанные на новое поколение молодёжи.

Среди плюсов студенты выделяют возможность самостоятельно планировать свой процесс обучения, особенно этим заинтересованы работающие студенты. Кроме этого, можно отметить, что дистанционное обучение дает равный доступ к лекциям классических профессоров вне зависимости от местонахождения обучающегося, возможность использования актуальных современных баз данных. Дистанционное обучение является более экономичным. Как заявляют студенты, не надо тратиться на проезд, проживание в общежитии или на съемную квартиру, информацию на бумажном носителе.

Подводя итоги, можно говорить о том, что системе образования уже давно требовались преобразования, и новое поколение, привыкшее к

Литература:

1. Андреев А.А. Дидактические основы дистанционного обучения в высших учебных заведениях : дис. ... д-р. пед. наук. М. : МЭСИ, 1999. 289 с.

2. Ана Торрес Менаргес. Эпидемия способствует увеличению разрыва в образовании, малообеспеченные семьи хуже справляются со стрессом (Испания). URL : <https://inosmi.ru/social/20200331/247166685.html> (дата обращения 31.03.2020).

3. Ламова Е. Преподаватели предпочитают поближе // Коммерсант. URL : <https://www.kommersant.ru/doc/4349320> (дата обращения 21.05.2020).

4. Иванов А. Большинство российских студентов остались довольны онлайн-обучением // 360tv.ru. URL : <https://360tv.ru/news/obrazovanie/bolshinstvo-rossijskih-studentov-ostalis-dovolny-onlajn-obucheniem/> (дата обращения 30.05.2020).

5. Тенхунен П.Ю. Особенности восприятия учебной информации современными студентами: потенциал визуальной концептуализации / П.Ю. Тенхунен, Ю.А. Елисеева // Теория и методика обучения и воспитания. Интеграция образования. 2015. Т. 19. № 4. С. 28.

6. Белова С. ИТ-рынок 2020: благодаря, согласно, несмотря и вопреки // ИТ-бизнес. URL : <https://www.crn.ru/numbers/reg-numbers/detail.php?ID=144845>

7. Жукова К. Власти попросили ухудшить качество видео в интернете на время карантина / К. Жукова, В. Новый, И. Юзбекова // Forbes. URL : <https://www.forbes.ru/tehnologii/396961-vlasti-poprosili-uhudshit-kachestvo-video-v-internete-na-vremya-karantina> (дата обращения 20.04.2020).

8. URL : <https://tass.ru/obschestvo/8654647>

9. Мисливская Г. Президент внес законопроект о воспитательной работе в системе образования // Российская газета. URL : <https://rg.ru/2020/05/21/putin-vnes-zakonoproekt-o-vozpitatelnoj-rabote-v-sisteme-obrazovaniia.html> (дата обращения 25.05.2020).

получению информации из информационной среды, готово к таким преобразованиям, но полная отмена общения преподавателя и студента приведет к отсутствию воспитательной и научной составляющей, когда обучающийся имеет возможность беседовать с учеными, спорить, анализировать и предлагать своё видение процессов, происходящих в обществе и науке. Переход к частично дистанционному обучению позволит экономить время обучающихся, разовьет навыки самостоятельности, научит активности в получении знаний. Процесс обучения должен стать комплексом электронного самостоятельного познания и изучения нового в среде сверстников, а также - живого взаимодействия с профессорско-преподавательским составом.

Literature:

1. Andreyev A.A. Didactic framework of distance education in higher educational institutions. Thesis of Ed. D. M. : Moscow State University of Economics, Statistics and Informatics, 1999. 289 p.

2. Ana Torres Menarhuez. The epidemy contributes to increasing the gap in education and low income families cope with stress worse (Spain). URL : <https://inosmi.ru/social/20200331/247166685.html> (date of the application 31.03.2020).

3. Lamova E. Teachers prefer nearer// Kommersant. URL : <https://www.kommersant.ru/doc/4349320> (date of the application 21.05.2020).

4. Ivanov A. The majority of Russian students were satisfied with online-learning//360 tv.ru. URL : <https://360tv.ru/news/obrazovanie/bolshinstvo-rossijskih-studentov-ostalis-dovolny-onlajn-obucheniem/> (date of the application 30.05.2020).

5. Tenhunen P.Yu. Features of the educational information perception of modern students: the potential of the visual conceptualization / P.Yu. Tenhunen, Yu.A. Eliseeva // Theory and methodology of education and upbringing // Integration of education. 2015. Vol. 19. № 4. P. 28.

6. Belova S. IT-market 2020: thank to, according to, despite of and in spite of// IT-business. URL : <https://www.crn.ru/numbers/reg-numbers/detail.php?ID=144845>

7. Zhukova K. Authorities asked to worsen the video quality on the Internet for the time of quarantine / K. Zhukova, V. Novyj, I. Yuzbekova. URL : <https://www.forbes.ru/tehnologii/396961-vlasti-poprosili-uhudshit-kachestvo-video-v-internete-na-vremya-karantina> (date of the application 20.04.2020).

8. URL : <https://tass.ru/obschestvo/8654647>

9. Mysliwska G. The President introduced a bill on educational work in the educational system // Russian newspaper. URL : <https://rg.ru/2020/05/21/putin-vnes-zakonoproekt-o-vozpitatelnoj-rabote-v-sisteme-obrazovaniia.html> (date of the application 25.05.2020).

Московцева Евгения Александровна

кандидат социологических наук,
кафедра социальной работы
и психологии,
социальный работник,
Тихоокеанский
государственный университет
Moskea@list.ru

Evgenia A. Moskovtseva

Candidate of Sociological Sciences,
Department of Social work
and Psychology,
Social worker,
Pacific State University
Moskea@list.ru

СОЦИАЛЬНАЯ СРЕДА ПОДРОСТКОВ В КРИЗИСНОМ СОЦИУМЕ

THE SOCIAL ENVIRONMENT OF ADOLESCENTS IN A CRISIS SOCIETY

Аннотация. Статья посвящена проблеме влияния социальной среды кризисного общества на социализацию современных подростков. Раскрыты понятия социализация и адаптация, их специфика на подростковом этапе развития. Современная социальная среда развития подростков характеризуется расширением агентов социализации, креолизацией традиционных каналов социализации, виртуализацией общения, противоречивостью и деформацией ценностно-нормативного механизма социальной регуляции. Подростковый возраст характеризуется кризисностью протекания и чувствительностью к негативным влияниям социальной среды, что зачастую ведет к рискам возникновения различных форм дефектов социализации.

Annotation. The article is devoted to the problem of the influence of the social environment of a crisis society on the socialization of modern adolescents. The concepts of socialization and adaptation, their specificity at the adolescent stage of development are revealed. The modern social environment for the development of adolescents is characterized by the expansion of socialization agents, the creolization of traditional socialization channels, the virtualization of communication, the contradiction and deformation of the value-normative mechanism of social regulation. Adolescence is characterized by a crisis-like course and sensitivity to the negative influences of the social environment, which often leads to the risks of various forms of socialization defects.

Ключевые слова: социализация подростков, адаптация подростков, стратегии адаптационного поведения, общество (социум), социальная среда.

Keywords: socialization of adolescents, adaptation of adolescents, strategies of adaptive behavior, society (society), social environment.

Проблемы особенностей процессов социализации современных подростков не теряет своей актуальности в настоящее время. С позиции средового подхода интерес представляет анализ влияния факторов социальной среды кризисного социума на процессы социализации подростков, особенности их адаптации и возникновения рисков дефектов социализации. Для понимания влияния социальной среды на процессы социализации подростков необходимым является анализ социальных факторов и факторов микро-социального окружения подростков с учетом возрастнo-психологических особенностей подростков в контексте кризисных явлений современного общества.

функции социализации. Адаптация обеспечивает социально-психологические условия для индивидуализации и интеграции личности в социальные структуры общества. Адаптационные способности личности подростков характеризуются уровнем овладения поведенческой регуляцией, отражающей способность подростка регулировать процессы социального функционирования и взаимодействия с социальным окружением, коммуникативными способностями и уровнем моральной нормативности [5].

Социализация понимается как «процесс, включающий в себя, с одной стороны, усвоение индивидом социального опыта путем вхождения в социальную среду, систему связей, с другой – процесс активного воспроизводства системы социальных связей индивидом за счет его активной деятельности, активного включения в социальную среду» [1, с. 57]. Социализация раскрываются посредством категорий «адаптация», «интеграция» и «индивидуализация», которые, согласно Е.В. Руденскому, по отношению к социализации выполняют комплементарную роль, характеризуя

Выбор стратегий адаптационного поведения подростками обуславливает возникновение трудностей социальной адаптации и ее нарушение. Нарушение адаптационных процессов приводит к формированию, согласно А.В. Мудрику, дефектов социализации, формированию личности подростка в качестве жертвы социализации. Дисбаланс между социальной адаптированностью и социальной автономностью подростка определяет формирование двух типов жертв социализации, в качестве которых выступают конформистский и девиантный тип дефекта социализации [3].

Процессы социализации современных подростков опосредованы задачами возрастнo-психологического развития. Основными возрастными

новообразованиями подросткового возраста являются становление самосознания на основе развития рефлексии, профессиональное и личностное самоопределение, связанное с развитием профессиональных намерений и планов, со становлением временной перспективы и устремленностью в будущее. В подростковом возрасте в процессе социализации группа ровесников в значительной степени замещает родителей, что приводит к «ослаблению эмоциональных связей с родителями и замене их взаимоотношениями со многими людьми (группами), меньше влияющими на целостность личности подростков, но формирующими определенные формы его поведения» [5, с. 136–137]. При этом для подростков характерно некритическое восприятие норм и ценностей, транслируемых в референтной среде, в которой подросток осуществляет процесс формирования ценностей и социальных ролей, затрудненных противоречивостью ценностей, норм и правил поведения, характерного для кризисного общества.

Специфика социализации современных подростков состоит в расширении числа агентов социализации, модификации исполняемых ими ролей, расширении возможностей для социализируемого подростка самому выбирать предпочтительных агентов социализации. Сегодня в число

Литература:

1. Андреева Г.М. Социальная психология : учебник для высших учебных заведений. М. : Аспект Пресс, 2017. 363 с.
2. Буровихина И.А. Социальная ситуация развития как условие формирования образа мира современного подростка : дис. ... канд. психол. наук. М., 2013. 313 с.
3. Мудрик А.В. Объективные факторы превращения человека в жертву неблагоприятных условий социализации // Научно-методический журнал заместителя директора школы по воспитательной работе. 2009. С. 113–119.
4. Ремшмидт Х. Подростковый и юношеский возраст: Проблемы становления личности. М. : Мир, 1994. 319 с.
5. Руденский Е.В. Дефект социализации личности учащегося в образовательном процессе школы как базовая категория образовательном виктимологии образования. Новосибирск : Изд-во «Соцтехсервис», 2004. 120 с.

агентов социализации входят не только родители, учителя, лидеры молодежных субкультур и популярные личности, но и, благодаря информатизации современного общества, в качестве «значимых других» зачастую выступают не только ближнее, непосредственное социальное окружение, но и окружение отдаленное, зачастую виртуальное, социальное взаимодействие с которыми устанавливается посредством виртуальной электронно-цифровой коммуникации.

Современная социальная ситуация развития подростков, определяющая качество социализации, характеризуется креолизацией традиционных каналов социализации, в качестве которых выступают семья и школа, виртуализацией общения, «не создающего условий для становления психосоциальной идентичности подростков» [2, с. 52], противоречивостью и деформацией ценностно-нормативного механизма социальной регуляции.

Таким образом, социализация современных подростков опосредована не только сложностью задач и кризисностью протекания подросткового этапа возрастно-психологического развития, но, прежде всего, влиянием кризисности современного общества, оказывающего негативное воздействие как на макроуровне, так и на уровне макросоциального окружения подростков.

Literature:

1. Andreeva G.M. Social Psychology : textbook for Higher Education. M. : Aspect Press, 2017. 363 p.
2. Burovikhina I.A. The social situation of development as a condition for the formation of the image of the world of a modern teenager : dis. ... cand. of psychol. sciences. M., 2013. 313 p.
3. Mudrik A.V. Objective factors of transformation of a person into a victim of unfavorable conditions of socialization // Scientific-methodical journal of the deputy director of the school for educational work. 2009. P. 113–119.
4. Remshmidt H. Adolescence and adolescence: Problems of personality formation. M. : Mir, 1994. 319 p.
5. Rudensky E.V. The defect of socialization of the student's personality in the educational process of the school as a basic category of educational victimology of education. Novosibirsk : Publishing house «Sotstekhservice», 2004. 120 p.

Рогач Ольга Владимировна

кандидат социологических наук,
доцент кафедры менеджмента
и административного управления,
Российский государственный
социальный университет
RogachOV@rgsu.net

Olga V. Rogach

Candidate of Sociological Sciences,
Associate Professor
of Departments of Management
and Administrative Management,
Russian State Social University
RogachOV@rgsu.net

**Возможности использования
механизма инициативного
бюджетирования при
формировании социального
капитала местных сообществ**

**OPPORTUNITIES
TO USE THE MECHANISM
OF INITIATIVE BUDGETING
IN THE FORMATION OF SOCIAL CAPITAL
OF LOCAL COMMUNITIES**

Аннотация. В статье предпринимается попытка критического осмысления возможности использования механизма инициативного бюджетирования при формировании социального капитала местных сообществ в условиях низкой наполняемости бюджетов муниципальных образований. Автором рассмотрен экономический и социальный контекст реализации механизма инициативного бюджетирования через призму партисипаторной лестницы; раскрыт алгоритм использования механизма инициативного бюджетирования в контексте развития социального капитала.

Ключевые слова: социальный капитал, местное общество, муниципальное управление, инициативное бюджетирование, бюджетные средства.

Вопросы территориального развития находятся в фокусе внимания многих ученых и специалистов в области муниципального управления [1]. Как показывают современные исследования, значимость решения традиционно острых задач российских территорий лимитирована экономическими дисфункциями и бюджетной недостаточностью обеспечения полномочий местных властей [2]. Имеющие место попытки перманентного обращения муниципалов к внутренним ресурсам территорий, а именно – к социальному капиталу местных сообществ, наталкивается на отсутствие эффективных практик вовлечения общественности в процессы местного самоуправления [3]; на высокий уровень отчужденности местного населения от властных инициатив [4]¹.

Анализ исследований, проведенных на материале зарубежных стран, иллюстрирует необходимость пересмотра механизмов экономического взаимодействия населения и власти в контексте

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 19-011-00565 «Взаимодействие ключевых субъектов местных сообществ в целях повышения туристической привлекательности

Annotation. The article attempts to critically understand the possibility of using the mechanism of initiative budgeting in the formation of social capital of local communities in conditions of low filling of municipal budgets. The author considers the economic and social context of implementing the mechanism of initiative budgeting through the prism of the participatory ladder; the algorithm for using the mechanism of initiative budgeting in the context of social capital development is revealed.

Keywords: social capital, local community, municipal management, initiative budgeting, budget funds.

решения вопросов местного значения [5; 6]. Речь здесь идет о партисипативном бюджетировании, институциональной основой которого послужили быстрая урбанизация территорий развивающихся стран (рост городского населения, необеспеченного необходимой инфраструктурой), а также демократические тенденции государственного строительства. В начале 2000-х годов партисипативное бюджетирование признается эффективным механизмом вовлечения общественности в финансирование и реализацию муниципальных проектов, однако в дальнейшем данный механизм послужил отправной точкой для трансформации способов вовлечения общественности в развитие местных сообществ [7].

В условиях российских реалий принято говорить о механизме инициативного бюджетирования (российский вариант партисипаторного бюджетирования) как комплексе разнообразных практик по решению вопросов развития муниципальных

российских территорий: ограничения, ресурсы и технологии развития».

образований, основанных на гражданской инициативе и непосредственном участии местного населения в выборе объектов расходования бюджетных средств. Данный механизм включает в себя также процедуры софинансирования проектов, обеспечивающих нужды местного населения, а также, последующий контроль за реализацией данных инициатив. Схожая по дизайну деятельность реализуется в Программе поддержки местных инициатив Всемирного банка, «Народный бюджет» и «Народная инициатива» в различных регионах РФ.

В настоящее время механизм инициативного бюджетирования может рассматриваться как международный тренд развития городских и сельских поселений. В числе важнейших признаков продуктивности данного механизма выступают:

– участие граждан на всех этапах реализации муниципальных проектов;

– участие местного сообщества в распределении бюджетных средств, публичная отчетность о ходе реализации проектов и пр.

Как показывают статистические данные на 2019 год, 68 субъектов РФ имеют опыт использования механизма инициативного бюджетирования. Только несколько субъектов РФ (Республика Хакасия, Крым, Ивановская, Магаданская области, Камчатский край, Чеченская и Карачаево-Черкесская республики) заявили об отсутствии практики реализации инициативного бюджетирования на своей территории в 2018 году [8].

По данным Минфина России, общее количество практик участия граждан в определении приоритетов части расходов бюджетов в 68 субъектах РФ составило 193 единицы, что почти в два раза превышает данные за прошлый отчетный период. При этом в общей сложности создано 25 региональных проектных центра, рассмотрено 88,9 тысяч проектных идей, отобрано 18,7 тысяч проектов-победителей. Общая сумма бюджетных ассигнований, выделенных в рамках проектов инициативного бюджетирования, составила 19,3 млрд рублей, что в сравнении с показателем за 2017 год, больше почти на 5 млрд рублей. Обратим внимание на то, что общий объем внебюджетного финансирования (софинансирование со стороны населения, юридических лиц и иные формы) за первые четыре года (2015–2018 гг.) демонстрирует существенный прирост с 404,3 тыс. рублей до 1943, 1 тыс. рублей [8].

Можно сделать вывод о том, что данный механизм обеспечивает «работоспособность» идеи вовлечения местного сообщества в управление муниципальным образованием за счет определения приоритетов в расходовании бюджетных средств с участием инициативных групп граждан, что в полной мере отражает идеи формирования и развития социального капитала местных сообществ. Экономический и социальный контекст реализации механизма инициативного бюджетирования обеспечивает прохождение представителей местного сообщества по, так называемой,

«партисипаторной лестнице», следствием чего становится вовлечение местного сообщества в решение задач развития местных сообществ. Движение по данной лестнице может включать в себя:

1. Пассивность местного населения, отсутствие интереса и реальных практик участия в муниципальных проектах, других инициативах местных властей.

2. Увеличение доступа местного населения к информации (сопровождение, регулирование и обеспечение информационной поддержки процесса развития инициативного бюджетирования). Прохождение данной ступени возможно в том числе за счет создания открытых информационных платформ.

3. Консультации (консалтинговая, информационная, правовая и иная помощь) местных властей по процедуре вхождения в бюджетную комиссию или комиссию делегатов от сообщества представителей инициативных групп, а также процедуре отбора проектов, мониторингу и контролю их реализации.

4. Совместное принятие решений по выбору объектов, форм и размеров бюджетирования, а также возможностей софинансирования выбранных объектов.

5. Инициирование и поддержание практик взаимодействия (со стороны местного сообщества), а также общественный контроль со стороны местного сообщества реализации проектов.

6. Формирование у представителей местных сообществ самомотивации к реализации отдельных инициатив и проектов (высшая форма вовлечения общественности в процессы местного самоуправления).

Прохождение «партисипативной лестницы» демонстрирует разный уровень вовлеченности населения в решение вопросов местного значения: от пассивного восприятия до демонстрации активной гражданской позиции без дополнительного мотивирования со стороны местных властей. При достаточно высокой доли населения, весьма критично воспринимающей любые инициативы и проекты, которые исходят от властных структур, запуск механизма инициативного бюджетирования позволит обеспечить необходимый уровень формирования социального капитала, а также станет поддерживающим механизмом гражданской активности населения. В виду отсутствия полномасштабных исследований общественного мнения по вопросам инициативного бюджетирования, данный вывод представляется весьма дискуссионным, однако, статистически значимая информация по регионам РФ демонстрирует рост интереса общественности к данной форме гражданской активности. 90 % населения Кировской области полагают, что проблемы, решаемые через инициативное бюджетирование, являются важными и значимыми для местного сообщества; 82 % опрошенных непосредственно пользуются результатами, реализованных проектов; 95 %

выражают уверенность, что данный механизм должен получить дальнейшее развитие и поддержку широкой общественности [9].

Следует отметить, что создание институциональной основы для развития инициативного бюджетирования в разрезе регионов и муниципальных образований продолжается [10]. 1 января 2021 года в силу федеральный закон, регламентирующий практику инициативного бюджетирования в современных социально-экономических условиях. С правовой точки зрения алгоритм использования механизма инициативного бюджетирования в контексте развития социального капитала в развитие муниципальных образований должен включать в себя будет включать в себя следующие этапы:

Решением региональных властей определяется размер бюджетных ассигнований на программу инициативного бюджетирования.

Определяется дизайн практики инициативного бюджетирования (определяется необходимость внесения изменений в нормативно-правовое обеспечение деятельности муниципальных властей, региональное законодательство; на их основе принимаются постановления/распоряжения, разрабатывается календарный план и пр.).

Организуются публичные обсуждения, на которых представители местных сообществ формулируют и обсуждают идеи по решению вопросов местного значения. На этих обсуждениях становится возможным создание новых и укрепление уже существующих социальных взаимодействий, привлечение экспертов из разных областей (архитекторы, музейные работники, экономисты, юристы, волонтеры и пр.) для формулирования конкретных предложений, учитывающих формальные критерии реализации механизма инициативного бюджетирования (минимальная и максимальная стоимость реализации проекта, вопросы собственности, полномочий, ответственности); проведение голосования для выбора наиболее перспективных и востребованных проектов;

Литература:

1. *Уржа О.А.* Роль местного самоуправления в развитии гражданского общества и повышении социальной активности населения. Социальная политика и социология. 2012. № 4(28). С. 21–35.
2. *Медведева Н.В.* Участие бизнеса в социальном развитии территории: ограничения и возможности. Вопросы экономики. 2018. № 6. С. 126–132.
3. *Рогач О.В.* Социальный капитал развития туристической привлекательности российских территорий. М. : Перспектива, 2019. 192 с.
4. *Фролова Е.В.* Взаимодействие населения и местной власти: проблемы и новые возможности. Социологические исследования. 2016. № 4(384). С. 59–64.

определение возможностей софинансирования данных проектов.

Инициативные группы при поддержке экспертов, муниципальных органов управления готовят проектную документацию по проектам, что снижает риски участия местного сообщества в софинансировании проектов, нецелевого расходования средств.

Прохождение процедуры выделения финансирования, согласно установленному на первом этапе размеру бюджетного фонда. В ряде случаев возможно использование конкурсной процедуры для отбора из шорт-листа проектов гражданских инициатив, тех из них, которые соответствуют дополнительным критериям: мультипликативный эффект, долгосрочность результатов, возможности межмуниципального сотрудничества и пр.

В целях соблюдения законности привлечения участников к реализации выбранных проектов, сами работы выставляются на конкурс в соответствии с нормами Федерального закона № 44-ФЗ и № 223-ФЗ, регламентирующих закупочную деятельность в РФ. Правовое обеспечение закупки дает возможность участвовать в конкурсе широкому кругу лиц, тогда как участник, набравший большинство баллов (признанный более квалифицированным о данному виду работ), приступает к выполнению проекта в соответствии с календарным планом проектных работ.

Таким образом, механизм инициативного бюджетирования позволяет сформировать социальный капитал местных сообществ, а также обеспечивает возможность практической реализации практик общественного участия в условиях финансовой ограниченности местных бюджетов. Вместе с тем, нам представляется актуальным повышение информированности местного населения о возможностях участвовать в определении и выборе направлений расходования бюджетных средств, в последующем контроле за реализацией отобранных проектов.

Literature:

1. *Urzha O.A.* The role of local government in the development of civil society and increasing social activity of the population. Social politics and sociology. 2012. № 4(28). P. 21–35.
2. *Medvedeva N.V.* Business participation in the social development of the territory: limitations and opportunities. Economic issues. 2018. № 6. P. 126–132.
3. *Rogach O.V.* Social capital for the development of tourist attractiveness of Russian territories. M. : Perspektiva, 2019. 192 p.
4. *Frolova E.V.* Interaction between the population and local authorities: problems and new opportunities. Sociological research. 2016. № 4(384). P. 59–64.

5. Федосов В.А. Общественное участие в бюджетном процессе: зарубежный опыт и российская практика. СПб. : Изд-во СПбГЭУ, 2017. 143 с.
6. Cabannes Y. Highlights on some Asian and Russian Participatory Budgeting Pioneers. International Observatory on Participatory Democracy, 2018. 27 p.
7. Шульга И.Е. Инициативное бюджетирование. Российский опыт в области участия граждан в решении вопросов местного значения / И.Е. Шульга, В.В. Вагин, Г.Н. Хачатрян и др. М. : Алекс, 2017. 124 с.
8. Беленчук А.А. Доклад о лучшей практике развития инициативного бюджетирования в субъектах Российской Федерации и муниципальных образованиях / А.А. Беленчук, В.В. Вагин. URL : www.minfin.ru
9. Вагин В.В. 25 Вопросов об инициативном бюджетировании : учебное пособие / В.В. Вагин, Е.А. Тимохина; Соавт. – Исследовательские технологии. 2017. 46 с.
10. Бехер В.В. Практика инициативного бюджетирования на муниципальном уровне. Пробелы в российском законодательстве. 2017. № 1. С. 242–244.
5. Fedosov V.A. Public participation in the budget process: foreign experience and Russian practice. SPb. : Publisher SPbGEU, 2017. 143 p.
6. Cabannes Y. Highlights on some Asian and Russian Participatory Budgeting Pioneers. International Observatory on Participatory Democracy, 2018. 27 p.
7. Shulga I.E. Proactive budgeting. Russian experience in the field of citizen participation in solving local issues / I.E. Shulga, V.V. Vagin, G.N. Khachatryan and others. M. : Aleks, 2017. 124 p.
8. Belenchuk A.A. Report on the best practice for the development of initiative budgeting in the constituent entities of the Russian Federation and municipalities / A.A. Belenchuk, V.V. Vagin. URL : www.minfin.ru
9. Vagin V.V. 25 Questions about proactive budgeting : tutorial / V.V. Vagin, E.A. Timokhin; Co-author – Research Technologies. 2017. 46 p.
10. Bekher V.V. The practice of initiative budgeting at the municipal level. Gaps in Russian legislation. 2017. № 1. P. 242–244.

Троцук Ирина Владимировна

доктор социологических наук,
профессор кафедры социологии,
Российский университет дружбы народов
trotsuk-iv@rudn.ru

Королева Кристина Игоревна

магистрант
кафедры социологии,
Российский университет дружбы народов
koroleva-ki@rudn.ru

**СУБЪЕКТИВНОЕ БЛАГОПОЛУЧИЕ –
КАЧЕСТВО ЖИЗНИ ИЛИ СЧАСТЬЕ?**

Аннотация. В статье обозначены две междисциплинарные традиции изучения благополучия, на которые опирается социология в поисках его концептуального определения и методик измерения. Первая традиция рассматривает благополучие как синоним качества жизни, прежде всего, с экономических позиций, поэтому использует разные показатели экономической деятельности. Вторая традиция ориентирована на изучение удовлетворенности человека своей жизнью по разным показателям в ходе опросов общественного мнения, но и она не может не учитывать объективные экономические показатели и опираться только на самооценку человеком своего эмоционального состояния или материального положения.

Ключевые слова: счастье, качество жизни, благополучие, субъективные показатели, объективные показатели, концептуальное определение, эмпирические индикаторы, междисциплинарные подходы.

Н а начало исследований благополучия обычно датируют второй половиной XX века, когда ученые предприняли первые попытки его измерить и обнаружили значительные различия в уровне благополучия жителей разных государств, а также, что только политические и социально-экономические факторы не могут служить постоянным основанием благополучия. В русле этой исследовательской традиции сегодня все больше авторов рассматривают благополучие как состояние, обусловленное культурными, этническими и другими характеристиками. Впрочем, огромное количество исследований благополучия не спасают это предметное поле от концептуальной неоднозначности и методической разногласности, в котором признаются и сами его представители,

¹ Статья подготовлена при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 2001100307 «Субъективное и объективное измерения счастья:

Irina V. Trotsuk

Doctor of Sociological Sciences,
Professor of the Department of Sociology,
Peoples' Friendship University of Russia
trotsuk-iv@rudn.ru

Krisnina I. Koroleva

Master's student
of the Department of Sociology,
Peoples' Friendship University of Russia
koroleva-ki@rudn.ru

**SUBJECTIVE WELL-BEING –
QUALITY OF LIFE OR HAPPINESS?**

Annotation. The article considers two interdisciplinary approaches to the study of well-being, on which sociology relies in searches for its conceptual definition and measurement methods. The first tradition defines well-being as a synonym for the quality of life, primarily in the economic perspective, and, therefore, uses different indicators of economic activity. The second tradition focuses on the study of personal satisfaction with one's life by various criteria in public opinion polls; however, this tradition cannot ignore objective economic indicators and rely only on personal estimates of one's emotional condition or financial situation.

Keywords: happiness, quality of life, well-being, subjective indicators, objective indicators, conceptual definition, empirical indicators, interdisciplinary approaches.

говоря, что их озадачивает банальное отсутствие общепринятых теоретических определений [26, с. 222]¹.

Благополучие рассматривается во многих дисциплинах: в психологии, медицине, педагогике, социологии, экономике и т.д. Считается, что данное понятие оформилось в психологии в конце 1960-х годов, когда на смену анализу стресса, психических расстройств и последствий отрицательных эмоций пришли исследования счастья, удовлетворенности и благополучия [17, с. 66]. Психологические проблемы, неврозы, стрессы и депрессии заставляли ученых изучать условия жизни тех, кто страдал психическими расстройствами, чтобы оценить объективные условия,

справедливость как критерий личного и социального благополучия».

детерминировавшие смысложизненные ценности и другие аспекты личности человека [19, с. 4]. Ощущать себя благополучным крайне важно для человека, поскольку чувство неудовлетворенности жизнью порождает у него психологическое напряжение и негативные эмоции [6, с. 98].

Психологи работают с понятием «психологическое благополучие», определяя его как особый компонент здоровья (наряду с физическим и социальным благополучием), состояние внутренней гармонии, равновесия и целостности, которые важны для понимания и принятия себя, определения своего места в жизни, целей, планов, жизненных стратегий [6, с. 99]. Термин «психологическое благополучие» ввел в 1960-е годы Н. Брэдберн как обозначение «субъективного ощущения счастья и общей удовлетворенности жизнью» [24]. Психологическое благополучие – баланс позитивных и негативных эмоций, его важный компонент – устойчивые межличностные отношения и возможности общения. Иными словами, психологи сосредоточены на субъективной стороне благополучия, считая, что оно зависит, в первую очередь, от личностных оценок и удовлетворенности разными сферами жизни. Но психологические трактовки благополучия не ограничиваются только самооценками, а принимают во внимание и объективные внешние факторы. Например, проводятся исследования благополучия у представителей контактирующих этносов (или любых других групп), которые показывают, как у них «работают» разные факторы благополучия [4, с. 192].

Э. Динер, основываясь на работах Н. Брэдберна, выделил субъективное благополучие как основной компонент психологического благополучия и определил его следующим образом: «Это когнитивная (интеллектуальная оценка удовлетворенности различными сферами жизни) и эмоциональная стороны самовосприятия» [11, с. 85]. Также, опираясь на работы Н. Брэдберна, К. Рифф создала модель субъективного благополучия на основе таких шести показателей, как «самопринятие, позитивные отношения с окружающими, автономия, управление окружающей средой, цель в жизни и личностный рост» [16, с. 29].

В психологии было разработано и уточняющее понятие – «субъективное экономическое благополучие», которое не имеет четкого определения и редко используется в научных публикациях, прежде всего, потому что измерение экономического благополучия считается прерогативой экономической науки [20, с. 107]. Как правило, субъективное экономическое благополучие трактуется как результат социального сравнения фактического статуса человека с его притязаниями, потребностями и восприятием собственного положения, т.е., субъективное экономическое благополучие – аспект общего благополучия, непосредственно связанный с материальным достатком.

В экономической науке благополучие (исключительно экономическое) рассматривается на двух уровнях:

– на индивидуальном – доход выступает главным индикатором индивидуального/семейного благополучия;

– на национальном – национальный доход (ВВП на душу населения) позволяет оценивать благополучие страны [9, с. 11].

Экономический подход является однозначно объективистским в оценке качества и уровня жизни, их динамики и изменений, а потому многие исследователи отмечают его односторонний характер и ограниченность (статистические данные и подсчеты не всегда отображают реальную ситуацию, например, ВВП не «показывает» социально-экономическое неравенство и последствия экономических решений для окружающей среды) и предлагают дополнить его субъективным благополучием.

Как правило, в экономических работах критерием благополучия выступает материальный достаток, поскольку он в значительной степени детерминирует качество жизни [1, с. 232]. Однако материальное благополучие может рассматриваться как с объективной, так и с субъективной точки зрения:

– в первом случае речь идет о реальной величине доходов,

– во втором – об удовлетворенности уровнем доходов.

Объективный аспект материального достатка отражают такие статистические показатели, как реальные денежные доходы, начисленная зарплата и размер пенсий, доля населения с доходом ниже прожиточного минимума и объемы потребления [2, с. 5], а субъективный аспект благополучия оценивают путем сравнения объективного аспекта с устойчивыми социальными представлениями о том, каким должен быть «нормальный» (достаточный, желаемый, справедливый и пр.) размер материальных благ.

В трактовке благополучия социальные дисциплины, включая социологию, главным образом опираются на психологию и экономику. Субъективный фактор в определении благополучия зародился в психологии, так как психологи считали важным личностное благополучие, которое определяется оценками всевозможных сфер своей жизни, душевного комфорта, эмоций и межличностных отношений. Объективный фактор благополучия (величина доходов, размер пенсий и т.д.) был описан в экономической науке. Оба фактора в социологическом фокусе несколько изменились, будучи дополнены «социальным взглядом» на субъективные самооценки и статистические показатели. Чтобы дать четкое определение субъективного благополучия в социологии, нужно сопоставить его с такими понятиями, как «качество жизни», «уровень жизни», «счастье» и т.д. – их можно условно разделить на две группы:

– если акцент сделан на благополучии как экономически-объективном показателе, то его синонимами выступают «благосостояние» и «уровень жизни», а индикаторами – уровень материальных благ и степень удовлетворения материальных потребностей;

– если же благополучие рассматривается как, в первую очередь, субъективное, то тогда его синонимами выступают «счастье» и «качество жизни», а индикаторами – самооценки уровня жизни и удовлетворенность ее условиями.

В последние годы возрастает интерес именно к субъективной стороне «благополучия» [см., напр.: 7]: поскольку объективные и субъективные оценки могут не совпадать, поэтому роль субъективного фактора считается более важной, и в литературе, все чаще, используется именно понятие «субъективное благополучие». Раз акцент делается на самооценках, то понятен не только интерес социологии к благополучию, но и необходимость в его изучении опираться на междисциплинарные трактовки и методики измерения.

На сегодняшний день накоплен значительный опыт эмпирического изучения феноменов, обозначаемых как «субъективное благополучие», «уровень жизни», «социальное самочувствие», «качество жизни» и их различных уточнений и вариаций. Вопрос их концептуализации и эмпирической интерпретации очень сложен, поэтому специфика социологического анализа субъективного благополучия состоит в признании того, что его эмпирическая интерпретация порождает рядоположенные/синонимичные понятия (удовлетворенность жизнью, уровень жизни, счастье и др.), и социологи вынуждены опираться на разные наборы показателей/индикаторов в зависимости от целей исследования, уже накопленных данных, принятых подходов, сопоставительного контекста и других сопутствующих факторов [12, с. 31].

В глобальных сопоставительных проектах применяются сложные международные индексы, основанные на разных социально-экономических показателях, а также, обобщенные/среднестатистические оценки людей, полученные в ходе опросов общественного мнения. Индексы, используемые в разных странах и в международных сравнениях, помогают оценить качество жизни, в целом, соответственно, это – широкая категория, которая может включать субъективный компонент, а в некоторых проектах – конкретно «субъективное благополучие». Существует множество региональных и страновых индексов и показателей, применяющихся на определенных территориях и в конкретных городах. Хотя декларируемые задачи индексов различаются (оценка экономической деятельности или проводимой политики), но все они, в итоге, призваны «измерить» качество жизни населения, несмотря на то, что до сих пор отсутствует однозначное определение качества жизни и общепринятые факторы его детерминации.

Чаще всего, в исследованиях субъективного благополучия используются два понятия: с одной стороны, это более «субъективный» параметр – счастье, с другой стороны, более «объективный» – качество жизни. Эмпирические индикаторы счастья – работа, досуг и здоровье, т.е., счастье определяется как эмоциональное состояние, основанное на «положительных значениях» перечисленных критериев оценки, нежели как характеристика определенного уровня жизни [10, с. 67].

Другой важнейший показатель счастья – взаимоотношения, и здесь учитывается, в первую очередь, эмоциональное состояние – люди, испытывающие чувство одиночества, считаются менее счастливыми по сравнению с обладающими устойчивым кругом общения [8, с. 138].

Что касается качества жизни, то на сегодняшний день отсутствует общепризнанная система его показателей, тем более в сопоставительном контексте – в разных культурах и на разных уровнях социальной иерархии. Отсутствует и единство в понимании того, какие социальные процессы составляют суть качества жизни, и какие факторы его определяют в наибольшей степени, особенно принимая во внимание определенную эволюцию его трактовки. До конца 1960-х годов качество жизни считалось исключительно экономической категорией и рассчитывалось через показатели ВВП, но после того, как термин стал активно использоваться и в политике, специалисты ООН разработали систему индикаторов качества жизни; в его оценку были включены и социальные показатели: качество жизни стали понимать как инструмент и цель перехода от общества материальных благ к социальной системе, призванной удовлетворять, в первую очередь, духовные потребности человека [14, с. 239].

Прежде, для измерения качества жизни использовали только методики оценки результативности и особенностей экономической деятельности: масштабы рыночного производства и потребления, уровень доходов и структура расходов, другие показатели, которые, по мнению ученых и/или государственных служб, позволяют оценить уровень благосостояния/благополучия. Сегодня экономические показатели дополняются данными опросов общественного мнения (счастье, социальное самочувствие и др.), поскольку «оценки мироощущения, несмотря на их неизбежный субъективизм, часто имеют больше общего с жизнью реальных людей, чем «сухая» экономическая статистика» [13, с. 18].

Вопрос, можно ли только по экономическим показателям реконструировать образ жизни людей, в том числе, в практических/управленческих целях, остается открытым: «самой первой проблемой, с которой сталкиваются исследователи при изучении и измерении качества жизни, является непосредственно выбор показателей (социальных индикаторов), характеризующих уровень жизни в исследуемом городе, регионе или стране» [15, с. 85]. Набирает популярность трактовка качества жизни, которая сводит его к широкому пространству индикаторов, включая экономические, социальные и экологические факторы [3, с. 34], т.е., качество жизни становится синонимом благополучия – в нем учитываются субъективные оценки соответствия объективных параметров жизни индивидуальным потребностям и групповым запросам.

Возникает вопрос: Как соотносятся понятия «субъективное благополучие» и «качество жизни»? Обычно первое рассматривается как элемент/аспект второго, но проблема состоит в том, что субъективное благополучие – также

многокомпонентное понятие и включает в себя социально-экономическое положение, социально-психологическое состояние (эмоциональное) и оценку материального положения (а не только его реальный уровень в заданном социально-экономическом контексте). Для измерения субъективного благополучия используются разные подходы и данные, но наиболее популярен вопрос в формате «лестница жизни» (порядковая оценочная шкала: «Представьте себе лестницу, где 0 означает худшую жизнь из возможных, а 10 – лучшую из возможных. На какой ступеньке вы сейчас находитесь?»), т.е., субъективное благополучие выступает как один из показателей индекса счастья. В целом, очевидна тенденция определять благополучие «как не экономический показатель, а социальный» [21, с. 67].

Таким образом, поиск универсального определения субъективного благополучия и соответствующих ему эмпирических индикаторов стал одной из центральных задач социологии. Поскольку данное понятие пришло в социологию из психологического и экономического контекстов, то оно содержит в себе противоречия этих дисциплинарных полей, к которым добавились и особенности его социологического анализа. Если учитывать междисциплинарный контекст, то во многих исследованиях важнейшей характеристикой качества жизни считается субъективное благополучие как «обобщенная психологическая оценка людьми своей жизни» [25, с. 418].

Можно выделить три подхода: первый тесно связан с психологическим направлением и считает оценку индивидами своей жизни главным фактором «качества жизни» в стране. Фундамент второго подхода был заложен философской концепцией социальной справедливости, где жизнь человека рассматривается с точки зрения имеющихся у него возможностей и степени свободы выбирать их для удовлетворения первичных потребностей (здоровье, безопасность и пр.) и сложных запросов (образование, участие в политике и др.), а совокупность потребностей, возможностей и выборов способствуют построению «хорошего общества». И, наконец, экономический подход основан на оценке как материальных возможностей, так и не денежных характеристик качества жизни, т.е., учитывает реальные предпочтения людей в анализе статистических показателей. Три подхода различаются, по сути, лишь акцентами, и имеют явно выраженный гуманистический характер, даже когда речь идет об оценке/учете сугубо экономических ресурсов [18, с. 115].

Существуют и иные варианты систематизации подходов к оценке качества жизни, вероятно, даже более важные для социологического анализа субъективного благополучия: например, разводят структурно-детерминистский и субъективистский подходы [5]. Первый утверждает, что качество жизни – результат условий жизни, т.е., некоторым образом, не зависит от человека. Субъективистский подход не отрицает роли объективного контекста жизни, но «предполагает изучение того, как общественные условия преломляются и используются в жизненной ситуации конкретного индивида» [22, с. 99], т.е., качество жизни – это

совокупность разных аспектов индивидуальной жизненной ситуации, и важны не условия жизни, как таковые, а их восприятие и реализация возможностей, этими условиями обеспечиваемых.

В целом, считается, что высокий уровень субъективного благополучия – необходимое условие «хорошей жизни» и «хорошего общества», но одного только субъективного благополучия недостаточно. Так, у человека или общества с высоким показателем субъективного благополучия может отсутствовать такой важный компонент, как социальная справедливость – неотъемлемый атрибут высокого качества жизни. Понятие «справедливость» значимо не только в обыденном смысле, но и для социологического анализа, потому что справедливость – критерий оценки самых разных сторон жизни. В России проводятся исследования справедливости, на основании которых социологи делают выводы об уровне справедливости применительно к тем или иным социальным аспектам, уточняя в свете этих данных самооценку населения в терминах счастья или субъективного благополучия. Например, социальная справедливость возглавляет список ценностей, на которых должно строиться будущее страны, и в последние годы запрос на справедливость только растет, причем, половина россиян (51,1 %) на вопрос: «Есть ли в России социальная справедливость?» отвечают «нет, она невозможна в принципе» [23].

Таким образом, специфика социологической трактовки субъективного благополучия состоит в том, что оно, как правило, сводится к качеству жизни, которое измеряется одновременно на объективном и субъективном уровнях: в первом случае речь идет об учете экономических и статистических показателей (ВВП на душу населения, уровень преступности, рождаемости, смертности, доходов и т.п.). Эти показатели социологи не измеряют, а только учитывают как заданный контекст жизни любого человека, и даже получаемые в ходе опросов объективные оценки (дохода, жилищных условий или состава семьи) интересуют социологов на индивидуальном/групповом, а не общенациональном уровне (различия субъективного благополучия по социально-демографическим параметрам). Субъективные оценки качества жизни составляют суть социологического анализа благополучия, потому что для социологов важны представления людей о здоровье, доходах и жизни, через обобщение которых можно выйти на групповой и социальный уровни описания действительности.

Впрочем, существует сложная и ускользающая от замеров – взаимосвязь субъективного благополучия с культурой общества: личность проходит путь социализации и социального обучения, культура задает средние/типичные уровни субъективного благополучия и смягчает/усиливает факторы, таковые определяющие, т.е., оба уровня анализа – личностный и социокультурный – принципиально важны для понимания и эмпирической оценки благополучия. Множественность подходов к определению качества жизни и благополучия объясняется сложностью предметного поля – оно существует одновременно на объективном и субъективном уровнях, поэтому в их оценке

необходимо сочетать социальные, экономические и (социально)психологические элементы и факторы. Несомненно, социология должна четко обозначить свое предметное поле в изучении благополучия, что требует серьезной исследовательской работы по двум направлениям:

Литература:

1. *Ануфриев Д.П.* Материальное благополучие как индикатор качества жизни населения (на примере Астраханской области) / Д.П. Ануфриев, Е.В. Каргаполова, И.И. Потапова // Вестник Омского университета. Серия: Экономика. 2015. № 3.
2. *Батурин Н.А.* Теоретическая модель личного благополучия / Н.А. Батурин, С.А. Башкатов, Н.В. Гафарова // Вестник ЮГУ. Серия: Психология. 2013. № 4.
3. *Беляева Л.А.* Уровень и качество жизни. Проблемы измерения и интерпретации // Социологические исследования. 2009. № 1.
4. *Бочарова Е.Е.* Взаимосвязь субъективного благополучия личности и этнокультурных характеристик представителей контактирующих этносов // Социальная психология и общество. 2015. № 8.
5. *Волкова М.И.* Сравнение объективистского и субъективистского подходов к измерению синтетических латентных категорий качества жизни населения: результаты эмпирического анализа российских данных // Прикладная эконометрика. 2010. № 3.
6. *Григоренко Е.Ю.* Психологическое благополучие студентов и определяющие его факторы // Проблемы развития территории. 2009. № 4.
7. *Донцов А.И.* Объективное и субъективное благополучие: два подхода к исследуемой проблеме / А.И. Донцов, Е.Б. Перельгина, А.М. Рикель // Вопросы психологии. 2016. № 5.
8. *Елейко М.* Эмоционально-оценочный подход к исследованию социального самочувствия // Социология: теория, методы, маркетинг. 2011. № 3.
9. *Кислицына О.А.* Измерение качества жизни/благополучия: международный опыт. М. : Институт экономики РАН, 2016.
10. *Козырева П.М.* Счастье и его детерминанты (ст. 2) / П.М. Козырева, А.Э. Низамова, А.И. Смирнов // Социологические исследования. 2016. № 1.
11. *Кужильная А.В.* О подходах к изучению субъективного благополучия личности в зарубежных исследованиях // Психопедагогика в правоохранительных органах. 2015. № 1.
12. *Кученкова А.В.* Этап жизненного цикла как детерминанта субъективного благополучия личности / А.В. Кученкова, Г.Г. Татарова // Социологические исследования. 2019. № 8.

необходимо уточнить концептуальное определение благополучия и систему его эмпирических индикаторов, а также, систематизировать методики его измерения, понимая и признавая их возможности, ограничения и междисциплинарные взаимодействия.

Literature:

1. *Anufriev D.P.* Material well-being as an indicator of the quality of life (on the example of the Astrakhan Region) / D.P. Anufriev, E.V. Kargapolova, I.I. Potapova // Bulletin of the Omsk University. Series: Economics. 2015. № 3.
2. *Baturin N.A.* Theoretical model of personal well-being / N.A. Baturin, S.A. Bashkatov, N.V. Gafarova // Bulletin of SUSU. Series: Psychology. 2013. № 4.
3. *Belyaeva L.A.* Level and quality of life. Issues of measurement and interpretation // Sociological Studies. 2009. № 1.
4. *Bocharova E.E.* The relationship of the subjective well-being with the ethnic-cultural characteristics of the contacting ethnic groups // Social Psychology and Society. 2015. № 8.
5. *Volkova M.I.* Comparison of the objectivist and subjectivist approaches to measuring synthetic latent categories of the quality of life: Results of the empirical analysis of the Russian data // Applied Econometrics. 2010. № 3.
6. *Grigorenko E.Yu.* Psychological well-being of students and factors determining it // Issues of Regional Development. 2009. № 4.
7. *Dontsov A.I.* Objective and subjective well-being: Two approaches to the study / A.I. Dontsov, E.B. Perelygina, A.M. Rikel // Questions of Psychology. 2016. № 5.
8. *Eleiko M.* Emotional-evaluative approach to the study of social well-being // Sociology: Theory, Methods, Marketing. 2011. № 3.
9. *Kislitsyna O.A.* Measuring the Quality of Life/Well-Being: International Data. M. : Institute of Economics of the RAS, 2016.
10. *Kozyreva P.M.* Happiness and its determinants (Art. 2) / P.M. Kozyreva, A.E. Nizamova, A.I. Smirnov // Sociological Studies. 2016. № 1.
11. *Kuzhilnaya A.V.* Approaches to the study of subjective well-being in foreign studies // Psychopedagogy in Law Enforcement Agencies. 2015. № 1.
12. *Kuchenkova A.V.* Stage of the life cycle as a determinant of subjective well-being / A.V. Kuchenkova, G.G. Tatarova // Sociological Studies. 2019. № 8.

13. *Латова Н.В.* Удовлетворенность россиян жизнью во время кризиса: 2015 – год бифуркации // Мониторинг общественного мнения: Экономические и социальные перемены. 2016. № 3.
14. *Лига М.Б.* Качество жизни: генезис идей // Ученые записки ЗГУ. Серия: Философия, социология, культурология, социальная работа. 2011. № 4.
15. *Мазепина О.Ю.* Проблемы определения и измерения уровня качества жизни населения // Проблемы развития территории. 2014. № 6.
16. *Орлова Д.Г.* Психологическое и субъективное благополучие: определение, структура, исследования (обзор современных источников) // Вестник ПГГПУ. Серия 1: Психологические и педагогические науки. 2015. № 1.
17. *Рассказова Е.И.* Качество жизни как междисциплинарная проблема: теоретические подходы и диагностика качества жизни в психологии, социологии и медицине // Теоретическая и экспериментальная психология. 2012. № 2.
18. *Стиглиц Д.* Неверно оценивая нашу жизнь: Почему ВВП не имеет смысла / Д. Стиглиц, А. Сен, Ж.П. Фитусси; Пер. с англ. // Доклад Комиссии по измерению эффективности экономики и социального прогресса. М. : Изд-во Института Гайдара, 2016.
19. *Фесенко П.П.* Осмысленность жизни и психологическое благополучие личности : автореф. дис. к.п.н. М., 2005.
20. *Хашченко В.А.* Субъективное экономическое благополучие и его измерение: построение опросника и его валидизация // Экспериментальная психология. 2011. № 1.
21. *Чепурных М.Н.* Индексы счастья: опыт запада (социологический обзор) // Теория и практика общественного развития. 2012. № 9.
22. *Черкашина Т.Ю.* Субъективное качество жизни населения: интегральная оценка и частные индикаторы // Регион: экономика и социология. 2006. № 3.
23. Чувство справедливости у нас заменяет фраза «А почему мне не дали?». URL : <https://www.kommersant.ru/doc/4266883> (дата обращения: 14.04.2020).
24. *Bradburn N.* The Structure of Psychological Well-Being. Chicago : Aldine, 1969.
25. *Diener E.* Personality, culture, and subjective well-being: Emotional and cognitive evaluations of life / E. Diener, S. Oishi, R.E. Lucas // Annual Review of Psychology. 2003. Vol. 54. № 1.
26. *Dodge R.* The challenge of defining well-being / R. Dodge, A.P. Daly, J. Huyton, L.D. Sanders // International Journal of Well-Being. 2012. Vol. 2. № 3.
13. *Latova N.V.* Satisfaction of Russians with life under the crisis: 2015 – the year of bifurcation // Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes. 2016. № 3.
14. *Liga M.B.* Quality of life: Genesis of ideas // Scientific Notes of TSU. Series: Philosophy, Sociology, Cultural Studies, Social Work. 2011. № 4.
15. *Mazepina O.Yu.* Issues of determining and measuring the quality of life // Issue of Regional Development. 2014. № 6.
16. *Orlova D.G.* Psychological and subjective well-being: Definition, structure, research (a review of recent studies) // Bulletin of the PSPU. Series 1: Psychological and Educational Sciences. 2015. № 1.
17. *Rasskazova E.I.* Quality of life as an interdisciplinary issue: Theoretical approaches and study of the quality of life in psychology, sociology and medicine // Theoretical and Experimental Psychology. 2012. № 2.
18. *Stiglitz J.E.* Mismeasuring Our Lives. Why GDP Doesn't Add Up / J.E. Stiglitz, A. Sen, J.-P. Fitoussi; Transl. from English // Report by the Commission on the Measurement of Economic Performance and Social Progress. M. : Publishing House of Gaidar Institution, 2016.
19. *Fesenko P.P.* The meaningfulness of life and psychological well-being : PhD Thesis. M., 2005.
20. *Khashchenko V.A.* Subjective economic well-being and its measurement: Constructing a questionnaire and its validation // Experimental Psychology. 2011. № 1.
21. *Chepurnykh M.N.* Happiness indices: A western approach (a sociological review) // Theory and Practice of Social Development. 2012. № 9.
22. *Cherkashina T.Yu.* Subjective quality of life: Integral assessment and some indicators // Region: Economics and Sociology. 2006. № 3.
23. Our sense of justice is replaced by the phrase «Why didn't they give it to me?». URL : <https://www.kommersant.ru/doc/4266883> (access date 04.14.2020).
24. *Bradburn N.* The Structure of Psychological Well-Being. Chicago : Aldine, 1969.
25. *Diener E.* Personality, culture, and subjective well-being: Emotional and cognitive evaluations of life / E. Diener, S. Oishi, R.E. Lucas // Annual Review of Psychology. 2003. Vol. 54. № 1.
26. *Dodge R.* The challenge of defining well-being / R. Dodge, A.P. Daly, J. Huyton, L.D. Sanders // International Journal of Well-Being. 2012. Vol. 2. № 3.

Чхвимиани Эдуард Жюльенович

кандидат юридических наук,
доцент,
доцент кафедры специальных дисциплин,
Краснодарский университет МВД России,
подполковник полиции
eduard-1981@yandex.ru

Афаунов Анзор Зурабович

кандидат социологических наук,
заместитель начальника
кафедры специальных дисциплин,
Краснодарский университет МВД России,
майор полиции
anzor.afaunov@list.ru

Тарасенко Денис Владимирович

преподаватель кафедры
специальных дисциплин,
Краснодарский университет МВД России,
майор полиции
ystavnik14@mail.ru

**Полиция в дискурсе
современного
российского общества**

Аннотация. В современном мире большую значимость приобретает проблема защиты правопорядка, что определяет актуальность создания условий для эффективного функционирования правоохранительных органов. В статье рассматривается вопрос о специфике, социальном значении и актуальном состоянии доверия к правоохранительным органам. Доказывается, что доверие к полиции является важным условием повышения эффективности правоохранительной деятельности. Рассматривается уровень доверия к правоохранительным органам в современном российском обществе и ставится вопрос о перспективах повышения уровня доверия к полиции в России.

Ключевые слова: полиция, доверие к полиции, общество, общественное мнение.

Право выступает в качестве одного из важнейших элементов общественного устройства, будучи структурообразующим элементом общества. Вместе с тем, поддержание правопорядка предполагает контроль за правовым характером поведения членов общества, что находит реализацию в деятельности правоохранительных органов, а также – в судебной системе. Специфичным в данной ситуации является то, что

Eduard Ju. Chkhvimiani

Candidate of Legal Sciences,
Assistant Professor,
Associate Professor of the Department
of Special Disciplines,
Krasnodar University of the Ministry
of Internal Affairs of Russia,
Police Lieutenant Colonel
eduard-1981@yandex.ru

Anzor Z. Afaunov

Candidate of Sociological Sciences,
Deputy head of the Department
of Special Disciplines,
Krasnodar University of the Ministry
of Internal Affairs of Russia
Police Major
anzor.afaunov@list.ru

Denis V. Tarasenko

Lecturer in the Department
of Special Disciplines,
Krasnodar University of the Ministry
of Internal Affairs of Russia
Police Major
ystavnik14@mail.ru

**THE POLICE IN THE DISCOURSE
OF MODERN RUSSIAN SOCIETY**

Annotation. In the modern world, the problem of law enforcement is of great importance, which determines the relevance of creating conditions for the effective functioning of law enforcement agencies. The article deals with the specificity, social significance and current state of trust in law enforcement agencies. It is proved that trust in the police is an important condition for improving the effectiveness of law enforcement. The level of confidence in law enforcement agencies in modern Russian society is being considered and the question is raised about the prospects of increasing the level of trust in the police in Russia.

Keywords: police, trust in the police, society, public opinion.

правоохранительные органы обладают расширенными возможностями по регулированию социальных отношений, связанных с правом на осуществление насилия и, в целом, рядом властных полномочий по отношению к представителям гражданской сферы. Это определяет специфический характер отношения к правоохранительным органам различных социальных групп в зависимости от предрасположенности их представителей к

осуществлению противоправной активности. Вместе с тем, следует отметить, что важность правоохранительной деятельности, по большей части, осознается и принимается населением. Даже те члены общества, которые недовольны состоянием правоохранительных органов, полагают их существование социальной необходимостью. По факту, негативные суждения о правоохранительных органах свидетельствуют не столько о неприятии самого института, сколько о низком уровне оценки его работы. И здесь коренится серьезная опасность, связанная с тем, что нарушение социального восприятия полиции само по себе может быть оценено как один из факторов нарушения ее эффективности. Отсюда – резонным является заключение о том, что при определенных пороговых значениях структурных нарушений в правоохранительной сфере может сложиться ситуация, когда характер отражения этого явления в общественном сознании становится мощным осложняющим обстоятельством структурного кризиса в правоохранительной сфере.

Настоящая статья ориентирована на детализацию проблемы соотношения социального восприятия полиции и ее функциональной деятельности, что предполагает отражение трех ключевых моментов:

– теоретический аспект взаимосвязи социального мировоззрения и функциональной деятельности правоохранительных органов;

– отражение актуального состояния и ключевых тенденций формирования отношения к полиции в современном российском обществе;

– оценку перспектив и поиск путей решения проблемы с учетом сложившейся ситуации.

Обратимся к первому из обозначенных аспектов проводимого исследования, а именно, определим, в каких ключевых аспектах присутствует зависимость между характером отношения к правоохранительным органам в гражданской среде и степенью их эффективности как института. Осуществляя оценку функциональности правоохранительных органов, отдельно отметим, что мы будем рассматривать их общее влияние на уровень правопорядка в обществе, что предполагает не только реагирование на уже совершенные преступления, но также и предупреждение преступности, производимой сотрудниками правоохранительной сферы напрямую и опосредованно.

Прежде всего, обратимся к вопросу о том, каким образом мировоззренческий аспект восприятия правоохранительной системы влияет на социальный выбор членов общества, принимающих или отвергающих преступную модель социальной активности? Одна из доминирующих концепций в социально-правовой сфере, отражающая условия отказа от преступной модели социальной активности, состоит в том, что готовность совершить преступление (и, в целом, рассмотрение преступной модели активности как допустимой), помимо моральных ограничений определяется также уровнем и вероятностью получения санкций со стороны государства. В соответствии с

этой точкой зрения, одним из ключевых факторов совершения преступлений является возможность избежать наказания. И, напротив, принцип неотвратимости наказания предоставляет собой одно из важнейших условий отказа от преступной модели социальной активности [4]. Несмотря на то, что некоторые исследователи подвергают критике высокие оценки принципа неотвратимости наказания, в целом, и они признают момент зависимости между психологическим ощущением риска, связанного с вероятностью получения наказания, и готовностью совершить преступление [5]. Мы не беремся утверждать, что реализация данного принципа искоренит преступность, как минимум, в силу того, что далеко не всегда преступления совершаются сознательно, а не, например, по неосторожности. Вместе с тем, очевидно, что определенная корреляция между уровнем воспринимаемой обществом эффективности правоохранительных органов и готовностью членов общества к реализации преступных моделей активности присутствует. Таким образом, позитивный имидж правоохранительных органов, сам по себе, выступает в качестве серьезного фактора предотвращения преступности и, напротив, недооценка правоохранительной сферы влечет за собой рост преступности, связанный с надеждой субъектов противоправной активности избежать наказания за нее. Вторым немаловажным моментом, связанным с имиджевым аспектом предупреждения преступности работниками правоохранительных органов является то, что они проводят не только оперативную и следственную работу, но, также, осуществляют разъяснительную и в отдельных случаях – воспитательную деятельность. В данном случае, от авторитета сотрудника правоохранительных органов очень сильно зависит конечный результат проводимого воспитательного действия. Неуважение к работникам полиции (во многом, замешанное на стереотипных представлениях о них как о халатных, властолюбивых, склонных к злоупотреблению полномочиями людей) не позволяет воспринимать всерьез их воспитательные действия. И, напротив, позитивное социальное восприятие работников полиции существенно повышает эффективность их взаимодействия с населением.

Следующий немаловажный момент связан с тем, что осуществление противодействия преступности начинается с получения информации о факте совершения правонарушения. Несмотря на то, что сотрудники правоохранительных органов осуществляют проверочные мероприятия, патрулирование и т.д., доминирующее значение в оперативной деятельности имеют обращения населения, в результате которых регистрируются факты противоправных деяний, дающие начало следственной деятельности. При этом, как отмечают современные исследования, проводимые как в России, так и за рубежом, уровень латентной преступности, т.е., таких преступлений, которые не были зарегистрированы и зафиксированы правоохранительными органами, сохраняется на стабильно высоком уровне, что является серьезной помехой для реализации принципа неотвратимости наказания [1]. Помимо таких причин, как эффективное сокрытие преступлений самими субъектами правонарушения, серьезным основанием

сохранения высокого уровня латентной преступности является необращение потерпевших в правоохранительные органы. И здесь мы уже наблюдаем прямую связь, существующую между имиджевыми характеристиками полиции и степенью готовности населения к обращению в правоохранительные органы в ситуации, когда представители гражданской сферы оказываются в роли потерпевших. В данном случае, представление о неэффективности полиции и, соответственно, о безрезультатности обращения к ней, является серьезным фактором, определяющим вольготное существование преступников, систематически совершающих противоправные действия практически без риска получения соответствующих санкций.

Разбирая данную ситуацию, следует отметить, что, по факту, низкий уровень доверия к полиции может выступать в качестве одного из мощных факторов снижения ее эффективности как раз в силу того, что он задает не информированность сотрудников правоохранительных органов. Одновременно с этим, следует обратить внимание и на такой момент, как значимость сотрудничества населения с правоохранительными органами в процессе осуществления следственной работы. Во многом от того, насколько готовы члены общества к содействию следствию, зависит эффективность осуществления оперативно-разыскных мероприятий. В данном случае, отношение к полиции можно рассматривать в качестве прямого фактора, влияющего на эффективность ее деятельности.

Рассмотрим, какие формы приобретает отношение к полиции на уровне российского общества. Как показывают результаты опроса общественного мнения о полиции, представленные на официальном сайте МВД, доверяют полиции в защите личных и имущественных интересов лишь 41,9 %, и считают эффективной деятельность органов внутренних дел 40 % опрошенных [3]. Это значит, что большая часть россиян проявляет недоверие по отношению к правоохранительным органам, что выражается в представлениях об их недостаточной эффективности, а также, в недобросовестной работе отдельных правоохранителей. В целом, как отмечают современные исследователи, присутствуют устойчивые тенденции негативного стереотипного восприятия сотрудников полиции, активно репрезентируемые в социальной среде [2], что актуализирует вопрос о преодолении негативных моделей восприятия полиции и, напротив, необходимости формирования позитивного имиджа сотрудников правоохранительной сферы [6]. По факту, проблема низкого доверия по отношению к полиции тесно связано с устойчивыми моделями ее социального восприятия, унаследованными российским обществом из кризисных 1990-х годов, когда имела место интенсивная криминализация отношений, а правоохранительные органы не только оказывались неспособными противостоять разгулу преступности, но, нередко, и сами (на уровне отдельных своих представителей) включались в криминальные схемы. Такие образы, как «оборотень в погонах» или, превышающий свои полномочия сотрудник правоохранительных органов, на длительное время определили способы социального восприятия полиции в гражданской среде.

На первый взгляд, социальное восприятие полиции зависит от ее реального состояния, и для исправления ситуации достаточно просто повысить эффективность и корректность работы сотрудников правоохранительной сферы. Однако, по факту, за более чем десятилетний период с момента начала реформирования МВД мы наблюдаем ряд серьезных изменений, происходящих в структуре и механизмах действия правоохранительных органов, направленных, как раз, на отсеивание некомпетентных сотрудников, повышение общего уровня квалификации работников правоохранительной сферы, рост их культурного уровня и т.д. Вместе с тем, несмотря на произошедшие позитивные изменения, динамика изменения отношения к правоохранительным органам крайне мала: в период с 2016 по 2019 годы уровень доверия к полиции вырос лишь на 2,8 % с 39,1 % до 41,9 %, соответственно. Таким образом, по факту, мы наблюдаем серьезную инертность в социальном восприятии полиции, которое почти не меняется даже с учетом серьезной работы по оптимизации структуры МВД. Налицо серьезная проблема: с одной стороны, очевидно, что повышение доверия к полиции является одним из важных условий роста эффективности работы правоохранительных органов, с другой – в текущей системе отношений положительный результат может быть достигнут в рамках применяемых мер очень нескоро по причине наличия устойчивых негативных представлений о полиции.

На наш взгляд, для того, чтобы обрести возможность разрешения данной проблемы, необходимо, для начала, разобраться с тем, каким образом происходит распространение и поддержание негативной модели восприятия полиции в гражданской среде? По сути, данный вопрос может быть разделен на две отдельные проблемы: по каким причинам сохраняется негативное отношение к полиции у тех, у кого оно уже сформировалось (например, в период институционального кризиса правоохранительных органов), и каким образом оно формируется у тех членов общества, которые ранее не имели сформированного отношения к полиции.

Рассмотрим подробнее первый вопрос. В данном случае, ключевое значение имеет то, каким образом реализуется динамический аспект мировоззрения, что связано с моментом пересмотра отдельных идей и представлений. Также, следует отметить, что основанием для пересмотра исходных представлений может быть фальсифицирующий (противоречащий им) опыт, получение авторитетных сведений об изменении оцениваемой сферы, либо оно может выступать в качестве результата саморефлексии, когда социальный субъект критически оценивает собственные представления на предмет соответствия действительности. Здесь следует отметить, что не подпадающий под исходные ожидания опыт может не быть оценен как основание для опровержения мировоззренческой установки, будучи интерпретированным в качестве исключения из правила. Активная рефлексивная и саморефлексивная деятельность, по большей части, не свойственна обывателям, которые могут быть носителями однажды сформировавшейся точки зрения на протяжении длительного времени. Таким образом, лишь приобретение сведений о глубоких изменениях в сфере, по отношению к которой были

сформированы негативные представления, может быть основанием для существенного их пересмотра. По факту, это означает, что большинство носителей негативных представлений о полиции не склонны к их пересмотру за исключением случаев, когда им были представлены для этого достаточные информационные основания. Это является основанием для высокой инертности представлений о полиции, многие из которых были сформированы, по сути, в период ее кризиса.

На этом фоне серьезную обеспокоенность вызывает то обстоятельство, что носители негативных установок восприятия полиции активно распространяют их в ходе коммуникативной деятельности, что приводит к опосредованному формированию такого негативного отношения к ней у членов общества, не имеющих сформированного мнения о полиции. Собственно говоря, рассматривая данный аспект, мы вплотную подходим ко второму вопросу, а именно - к механизмам формирования негативных стереотипов восприятия полиции среди членов общества, не имеющих устойчивых представлений о ней. Здесь имеет значение, с одной стороны, личный опыт взаимодействия (который на серьезном уровне присутствует у малой доли населения), с другой – формирование опосредованного познания специфики правоохранительных органов через приобщение к литературе, масс-медиа, различного рода видеопроодукции, публикациям в Интернет-среде, а также, в процессе межличностной

Литература:

1. *Аглямова Г.М.* Криминологическое исследование по проблемам латентной преступности // Учен. зап. Казан. ун-та. Сер. Гуманит. науки. 2008. № 5. С. 185–189.
2. *Майоров В.И.* Формирование стратегических приоритетов имиджевой политики российской полиции в контексте повышения эффективности ее работы / В.И. Майоров, О.Н. Дунаева // Вестник ННГУ. 2017. № 2. С. 144–151.
3. Общественное мнение о полиции / Официальный сайт МВД РФ. URL : <https://мвд.рф/publicopinion> (дата обращения 09.09.2020).
4. *Сабитов Т.Р.* Принцип неотвратимости наказания и его трансформация в уголовно-правовой науке и законодательстве // Актуальные проблемы российского права. 2010. № 3. С. 261–269.
5. *Цуриков В.И.* Оптимален ли принцип неотвратимости наказания за преступление? (экономический подход к преступлениям и наказаниям) // ЭНСР. 2007. № 2. С. 73–81.
6. *Ширшов И.Е.* Формирование положительного образа сотрудника полиции как одно из приоритетных направлений деятельности МВД России // Отечественная юриспруденция. 2018. № 7(32). С. 113–115.

коммуникации с носителями уже сформировавшихся представлений о полиции.

Примечательно, что и в первом, и во втором случае реальный опыт взаимодействия с правоохранительными органами имеет незначительное значение, то есть, распространение или сохранение негативных установок отношения к полиции существует во многом независимо от ее реального состояния. Это подтверждается и данными опросов, на уровне которых отмечается сравнительно невысокая доля населения, плотно взаимодействовавшего с сотрудниками полиции в последние годы, и, одновременно с этим – высокий показатель оценки полиции у этих членов общества. Иными словами, наиболее активно высказывают недоверие полиции те члены общества, которые не имели с ней дела, либо не доверяют ей «по старой памяти».

Таким образом, отношение к полиции обнаруживает преимущественную зависимость от культурно-информационной сферы, воздействие на которую с целью преодоления негативных тенденций восприятия правоохранительных органов имеет высокую значимость. При этом перспективным является не просто утверждение позитивных характеристик полиции, но и развенчивание современных мифов о правоохранительных органах, а также, отображение позитивных сдвигов, охватывающих правоохранительную сферу, и, в частности, успехов работников полиции по пресечению преступности и защите правопорядка.

Literature:

1. *Aglyamova G.M.* Criminological research on the problems of latent crime // Uchen. app. Kazan. unth. Ser. Humanist. science. 2008. № 5. P. 185–189.
2. *Mayorov V.I.* Formation of strategic priorities of the image policy of the Russian police in the context of increasing the efficiency of its work / V.I. Mayorov, O.N. Dunaeva // Vestnik NNSU. 2017. № 2. P. 144–151.
3. Public opinion about the police / Official site of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation. URL : <https://mv.d.rf/publicopinion> (date of access 09/09/2020).
4. *Sabitov T.R.* The principle of inevitability of punishment and its transformation in criminal law science and legislation // Actual problems of Russian law. 2010. № 3. P. 261–269.
5. *Tsurikov V.I.* Is the principle of inevitability of punishment for a crime optimal? (economic approach to crimes and punishments) // ENSR. 2007. № 2. P. 73–81.
6. *Shirshov I.E.* Formation of a positive image of a police officer as one of the priority areas of the Ministry of Internal Affairs of Russia // Domestic jurisprudence. 2018. № 7(32). P. 113–115.

Шагина Инна Рудольфовна

кандидат социологических наук,
доцент кафедры
физики, математики
и медицинской информатики,
Астраханский государственный
медицинский университет
Минздрава России
inna_shagina@mail.ru

Абдуллаев Сардор Собитхон угли

студент 514 группы
педиатрического факультета,
Астраханский государственный
медицинский университет
Минздрава России
sardor-abdullaev-97@mail.ru

Кубекова Алия Салаватовна

старший преподаватель
кафедры психологии и педагогики,
Астраханский государственный
медицинский университет
Минздрава России
alya_kubekova@mail.ru

Смахтина Татьяна Александровна

кандидат психологических наук,
доцент кафедры психологии и педагогики,
Астраханский государственный
медицинский университет
Минздрава России
t.sm.2019@bk.ru

**ВОСПРИЯТИЕ ДИСТАНЦИОННОГО
ОБУЧЕНИЯ СТУДЕНТАМИ
МЕДИЦИНСКОГО УНИВЕРСИТЕТА**

Аннотация. В данной статье представлены результаты социологического исследования восприятия дистанционного обучения студентами медицинского университета в период пандемии коронавируса. В исследовании приняли участие студенты всех курсов специальностей 31.05.01 «Лечебное дело», 31.05.02 «Педиатрия», 31.05.03 «Стоматология», 32.05.01 «Медико-профилактическое дело», 33.05.01 «Фармация» в количестве 920 человек. Были определены показатели восприятия дистанционного обучения студентами медицинского университета. Фактически установлено, что студенты младших курсов считают дистанционное обучение актуальным и самостоятельно учиться легче. Студенты старших курсов испытывают разочарованность от дистанционного формата обучения из-за ограничения получения практических навыков.

Inna R. Shagina

Candidate of Sociological Sciences,
Associate Professor of the Department
Physics, Mathematics
and Medical Informatics,
Astrakhan State Medical University
of the Ministry of Health of Russia
inna_shagina@mail.ru

Sardor S. Abdullayev

Student 514 groups
of the Pediatric Faculty,
Astrakhan State Medical University
of the Ministry of Health of Russia
sardor-abdullaev-97@mail.ru

Alia S. Kubekova

Senior lecturer
of the Department
of Psychology and Pedagogy,
Astrakhan State Medical University
of the Ministry of Health of Russia
alya_kubekova@mail.ru

Tatyana A. Smakhtina

Candidate of Psychological Sciences,
Associate Professor of the Department
of Psychology and Pedagogy,
Astrakhan State Medical University
of the Ministry of Health of Russia
t.sm.2019@bk.ru

**PERCEPTION OF DISTANCE
LEARNING BY STUDENTS
OF A MEDICAL UNIVERSITY**

Annotation. This article presents the results of a sociological study of the perception of distance learning by students of a medical university during the coronavirus pandemic. The study involved students of all courses of specialties 05.31.01 «General Medicine», 05.31.02 «Pediatrics», 05.31.03 «Dentistry», 05.32.01 «Preventive Medicine», 05.33.01 «Pharmacy» in the amount of 920 people. The indicators of perception of distance learning by students of a medical university were determined. It was found that undergraduate students find distance learning relevant and easier to learn. Older courses are frustrated by the distance learning format due to the limited acquisition of practical skills.

Ключевые слова: медицинский вуз, дистанционное обучение, обучение, студенты медицинского вуза, пандемия коронавируса, самостоятельная работа, информационный поток.

Keywords: medical school, distance learning, training, medical students, pandemic coronavirus, independent work, information flow.

Введение. В настоящий момент в связи со вспышкой и распространением опасной вирусной инфекции COVID-19 происходит перестройка многих сфер жизни, в том числе, и системы образования [1; 4; 9]. На конец августа 2020 г. подтверждено 21978111 случаев заражения коронавирусной инфекцией, 782624 летальных исходов. В частности, в Астраханской области – более 5 тыс. случаев заражения COVID-19 и 65 смертей. Под дистанционным обучением подразумевается организация образовательной деятельности с применением дистанционных образовательных технологий с целью передачи информации [3]. В исследованиях были установлены преимущества использования мессенджер канала Telegram и платформы Zoom в дистанционном обучении [5; 6; 8]. Медицинские вузы всегда отличал очный формат обучения и специфика учебного процесса, но в связи с карантином, студенты и научно-педагогические работники экстренно перешли на дистанционный формат обучения [10]. Отсюда появилась острая необходимость в изучении актуальной проблемы в студенческой среде: удаленности во время учебного процесса. Поскольку в настоящее время отсутствуют данные, посвященные восприятию дистанционного обучения студентами медицинского университета в период пандемии коронавируса, авторами была проведена исследовательская работа с целью прогнозирования негативных последствий.

Цель исследования заключалась в анализе восприятия дистанционного обучения студентами медицинского университета в период пандемии коронавируса.

Материалы и методы. Социологическое исследование проведено в Астраханском государственном медицинском университете в период летней экзаменационной сессии в июне 2020 года. В исследовании приняли участие студенты всех курсов специальности 31.05.01 «Лечебное дело», 31.05.02 «Педиатрия», 31.05.03 «Стоматология», 32.05.01 «Медико-профилактическое дело», 33.05.01 «Фармация» в количестве 920 человек. Для качественной информативности использовался опросный метод – анкетирование. Студентам была предложена анкета, которая состояла из 30 открытых и закрытых вопросов относительно предпочтений в выборе получения информации, а также, как студенты воспринимают дистанционную форму обучения. В анкету включили вопросы, отражающие преимущества и недостатки данной формы обучения. Результаты социологического исследования были подвергнуты качественному и количественному анализу. Статистическая обработка данных осуществлялась после формирования базы данных в программе Microsoft Excel и при помощи программы Statistica 21.0. Результаты исследования представлены в таблице.

Результаты и обсуждение. По результатам анкетирования, проведенного в Астраханском государственном медицинском университете дистанционно в период летней сессии (табл. 1) для студентов младших курсов, дистанционный формат обучения является актуальным (87,4 %) и они отдают предпочтение дистанционному образованию (93,0 %), а также, они ощущают, что вне аудитории им легче учиться (89,0 %).

Таблица 1

Показатели восприятия дистанционного обучения студентами медицинского университета

Реакция студентов на дистанционное обучение		1–2 курс	3–4 курс	5–6 курс
1.	Обучение удаленно – актуально	87,4 %	61,2 %	43,0 %
2.	Вне аудитории учиться легче	89,0 %	57,5 %	40,1 %
3.	Отсутствие привычного распорядка дня	91,0 %	59,0 %	34,0 %
4.	Больше самостоятельной работы	85,2 %	48,4 %	31,7 %
5.	Многообразие информационного потока	73,2 %	60,3 %	50,0 %
6.	Облегченные практические задания	78,8 %	49,1 %	21,2 %
7.	Минимизированные лекционные занятия	62,8 %	53,5 %	51,2 %
8.	Отсутствие практической деятельности	92,6 %	63,4 %	69,4 %
9.	Малый контакт с преподавателями	49,2 %	71,0 %	83,5 %
10.	Увеличение времени работы за персональным компьютером и мобильным телефоном	92,5 %	62,5 %	30,8 %
11.	Развитие направления с техноресурсами	90,0 %	51,2 %	32,4 %
12.	Необходимость привычных контактов в вузе	72,2 %	69,1 %	51,5 %
13.	Влияние гаджетов на самочувствие	56,1 %	73,7 %	60,2 %
14.	Разочарованность в дистанционном обучении	37,8 %	72,7 %	98,8 %
15.	Предпочтение дистанционного образования	93,0 %	48,0 %	18,0 %

Несмотря на увеличение времени работы за персональным компьютером и мобильным

телефоном (92,5 %) и отсутствие привычного распорядка дня (91,0 %), юная часть студентов

медицинского вуза весьма положительно воспринимает дистанционный формат обучения. Можно предположить, что на младших курсах медицинского вуза изучаются только общие предметы и отсутствуют дисциплины по клиническим специальностям. Разочарованность в дистанционном обучении испытывают только 37,8 % студентов 1–2 курсов. Среди недостатков студенты младших курсов отметили «отсутствие привычного распорядка дня» (91,0 %).

Следует отметить, что чем старше курс, тем менее оптимистично студенты воспринимают дистанционное обучение. Для студентов 3–4 курсов медицинского вуза актуальным удаленное обучение является для 61,2 %. Они испытывают дискомфорт из-за малого контакта с преподавателями (71,0 %) и негативное влияние гаджетов на самочувствие (73,7 %). Разочарованность в дистанционном обучении ощущают 72,7 % студентов 3–4 курсов, так как они оценивают качество традиционного обучения. К старшим и выпускным курсам практически все студенты разочаровываются в дистанционной форме обучения (98,8 %) из-за малого контакта с преподавателями

Литература:

1. *Андреев А.А.* Дистанционное обучение и дистанционные образовательные технологии // Открытое образование. 2013. № 5. С. 40–46.
2. *Баринов Э.Ф.* Использование платформ электронного обучения для управления внеаудиторной самостоятельной работой студентов в медицинских университетах / Э.Ф. Баринов, О.И. Николенько, А.О. Балькина, Т.А. Твердохлеб // Непрерывное образование: XXI век. 2015. № 3(11). URL : <https://cyberleninka.ru/article/n/ispolzovanie-platform-elektronnogo-obucheniya-dlya-upravleniya-vneauditornoy-samostoyatelnoy-rabotoy-studentov-v-meditsinskih> (дата обращения 22.08.2020).
3. *Захарова Т.Г.* Самостоятельная работа курсантов и дистанционное обучение / Т.Г. Захарова, И.И. Барон, Г.Н. Захаров // Земский врач. 2013. № 2(19). С. 49–50.
4. *Катасонова Г.Р.* Организационные модели функционирования вузов с учетом формирования целей обучения // Современные проблемы науки и образования. 2015. № 5. URL : <http://science-education.ru/ru/article/view?id=22036> (дата обращения: 20.05.2020).
5. *Клименских М.В.* Особенности восприятия дистанционного обучения студентами и преподавателями вуза / М.В. Клименских, Н.А. Корепина, А.С. Шека, О.С. Виндекер // Современные проблемы науки и образования. 2018. № 1. URL : <http://science-education.ru/ru/article/view?id=27421> (дата обращения 22.08.2020).
6. *Лутфуллаев Г.У.* Опыт дистанционного обучения в условиях пандемии COVID-19 / Г.У. Лутфуллаев, У.Л. Лутфуллаев, Ш.Ш. Кобилова, У.С. Ньматов // Проблемы педагогики. 2020. № 4(49). URL : <https://cyberleninka.ru/article/n/opyt-distantsionnogo-obucheniya-v-usloviyah-pandemii-covid-19> (дата обращения 22.08.2020).

(83,5 %) и отсутствия практической деятельности (69,4 %) для развития практических навыков.

Заключение. По результатам проведенного социологического исследования был проведен анализ восприятия дистанционного обучения студентами медицинского университета в период пандемии коронавируса в Астраханском государственном медицинском университете в период летней экзаменационной сессии. Было установлено, что студенты младших курсов считают дистанционное обучение актуальным и им легче учиться. Студенты старших курсов испытывают разочарованность от дистанционного формата обучения из-за ограничения получения практических навыков. Таким образом, администрация и преподаватели вузов в условиях пандемии коронавируса, создавая оптимальные технические и программные условия под каждую образовательную программу, должны индивидуально учитывать конкретные условия реализации педагогических принципов работы, кадрового обеспечения, технические возможности.

Literature:

1. *Andreev A.A.* Distance learning and distance educational technologies // Open education. 2013. № 5. P. 40–46.
2. *Barinov E.F.* The use of e-learning platforms for managing the extracurricular independent work of students in medical universities / E.F. Barinov, O.I. Nikolenko, A.O. Balykina, T.A. Tverdokhlebl // Continuing education: XXI century. 2015. № 3(11). URL : <https://cyberleninka.ru/article/n/ispolzovanie-platform-elektronnogo-obucheniya-dlya-upravleniya-vneauditornoy-samostoyatelnoy-rabotoy-studentov-v-meditsinskih> (date accessed 22.08.2020).
3. *Zakharova T.G.* Independent work of cadets and distance learning / T.G. Zakharova, I.I. Baron, G.N. Zakharov // Zemsky doctor. 2013. № 2(19). P. 49–50.
4. *Katasonova G.R.* Organizational models of the functioning of universities, taking into account the formation of learning goals // Modern problems of science and education. 2015. № 5. URL : <http://science-education.ru/ru/article/view?id=22036> (date of access: 20.05.2020).
5. *Klimenskikh M.V.* Features of the perception of distance learning by students and university teachers / M.V. Klimenskikh, N.A. Korepina, A.S. Sheka, O.S. Vindeker // Modern problems of science and education. 2018. № 1. URL : <http://science-education.ru/ru/article/view?id=27421> (date accessed 08.22.2020).
6. *Lutfullaev G.U.* The experience of distance learning in the context of the COVID-19 pandemic / G.U. Lutfullaev, U.L. Lutfullaev, Sh.Sh. Kobilova, U.S. Nematov // Problems of Pedagogy. 2020. № 4(49). URL : <https://cyberleninka.ru/article/n/opyt-distantsionnogo-obucheniya-v-usloviyah-pandemii-covid-19> (date accessed 08/22/2020).

7. *Марчук Н.Ю.* Психолого-педагогические особенности дистанционного обучения // Педагогическое образование в России. 2013. № 4. С. 75–85.

8. *Одинокая М.А.* Самостоятельная работа студентов в системе высшего профессионального образования в России. М., 2019. С. 34–36.

9. *Тулупова Т.В.* Модель обучаемого в автоматизированной обучающей системе / Т.В. Тулупова, С.П. Кучинская, В.В. Грязнова // Проблемы информатики в образовании, управлении, экономике и технике: сб. статей XIV Междунар. научно-техн. конф. Пенза : ПДЗ, 2014. С. 181–184.

10. *Хакимова Л.* Роль дистанционного обучения в системе высшего образования в период карантинных мероприятий в связи с пандемией Covid-19 / Л. Хакимова, Ф. Лапасова // InterConf. 2020.

7. *Marchuk N.Yu.* Psychological and pedagogical features of distance learning // Pedagogical education in Russia. 2013. № 4. P. 75–85.

8. *Odinokaya M.A.* Independent work of students in the system of higher professional education in Russia. M., 2019. P. 34–36.

9. *Tulupova T.V.* Model of a student in an automated training system / T.V. Tulupova, S.P. Kuchinskaya, V.V. Gryaznova // Problems of informatics in education, management, economics and technology: collection of articles. articles XIV Intern. scientific and technical. conf. Penza : PDZ, 2014. P. 181–184.

10. *Khakimova L.* The role of distance learning in the higher education system during quarantine measures in connection with the Covid-19 pandemic / L. Khakimova, F. Lapasova // InterConf., 2020.

Шефель Сергей Викторович

доктор философских наук,
профессор,
заведующий кафедрой гуманитарных и
социально-экономических дисциплин,
Крымский филиал
Российского государственного
университета правосудия
sergey_shefel@mail.ru

Захарова Вера Александровна

кандидат философских наук,
доцент кафедры гуманитарных
и социально-экономических дисциплин,
Крымский филиал
Российского государственного
университета правосудия
zakharova7vera@mail.ru

**ЭКОЛОГИЧЕСКАЯ КУЛЬТУРА
КАК ФАКТОР МЕЖЭТНИЧЕСКОГО
ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ**

Аннотация. В статье раскрывается роль экологической культуры как фактора межэтнического взаимодействия. В частности, обосновывается, как скоординированные системные усилия участников данного процесса: представителей ветвей власти, социальных институтов и гражданского сообщества, способны обеспечить творческое взаимоприращение жизнеутверждающих качеств носителей разных типов экокультур и добиться превращения обогащенной, таким образом, экологической культуры каждого этноса в средство гармонизации этноконфессиональных отношений.

Ключевые слова: гражданское общество, социум, органичный синтез экокультур этносов, творчество, экологическая культура, экологичная личность.

Экологическая проблематика не просто – очередной тренд мирового развития. Она вызывает интерес не только у ученых и политиков, но и у широкой общественности. Как оказалось, (судя по результатам проведенных нами социологических исследований), и для молодежи эти проблемы не кажутся такими уж далекими от ее повседневных интересов, а вызывают у нее желание найти свое место в их решении. Именно с ее активным, креативным участием связываем возможность реализации всех тех значимых положений, которые закреплены в основах отечественной экологической политики [5], но которые пока, к сожалению, остаются скорее декларацией о намерениях.

Sergey V. Shefel

Doctor of Philosophical Science,
Professor,
Head of the Department of Humanities
and Socio-economic Disciplines,
Crimean branch
Russian State University of Justice
sergey_shefel@mail.ru

Vera A. Zakharova

Candidate of Philosophical Sciences,
Associate Professor of Humanitarian Affairs
and Socio-economic Disciplines,
Crimean branch
Russian State University of Justice
zakharova7vera@mail.ru

**ECOLOGICAL CULTURE AS A FACTOR
OF INTERCULTURAL INTERACTION
IN THE MODERN WORLD**

Annotation. The article reveals the role of eco-culture as a factor of intercultural interaction. In particular, it is substantiated as coordinated systemic efforts of the participants in this process: representatives of the branches of government, social institutions and civil society are able to ensure the creative mutual enhancement of the life-affirming qualities of carriers of different types of eco-cultures and to achieve the transformation of the enriched ecological culture of each ethnic group into a means of harmonizing ethno-confessional relations.

Keywords: civil society, society, organic synthesis of eco-cultures of ethnic groups, creativity, ecological culture, ecological personality.

Воплощению в реальные дела государственных директив по вопросам экологической безопасности может способствовать неустанная, системная, скоординированная работа представителей властных структур и гражданского сообщества по формированию экологической культуры личности. На каких мировоззренческих и методологических основаниях ее важно осуществлять? Выяснение этого аспекта и представляется целью нашей статьи.

Многие ученые убеждены в необходимости смены парадигм исследований и практических подходов к решению ключевой проблемы современности – сохранению баланса жизненных сил биосферы, добиться которого нельзя без

формирования экологической культуры личности. «Речь идет в буквальном смысле, – как справедливо пишут Э.М. Андреев и А.В. Миронов, – о физическом выживании человечества, о предотвращении необратимой нравственной деградации человека и человеческих сообществ» [1, с. 60]. Однако мировое сообщество неадекватно отвечает на вызовы экокатастрофичной реальности, но нельзя не согласиться с В.Н. Ивановым в том, что выбирать придется: либо жизнь в ожидании катастроф, «...либо поиск путей сбалансированного устойчивого развития, а в будущем, возможно, и гармоничного мира» [6, с. 13].

Для многих ученых господствующая ныне парадигма осознается как катастрофичная и требует преодоления. В этом плане очевидна необходимость смены парадигмы социального развития, что предполагает не просто синтез социокультурных парадигм, но и их трансформацию в тотальную культуру творчества жизни. При этом мы исходим из того, что культура развивается на основе развития творческих способностей человека и регулируется логикой творчества жизни. Потенциально этим обеспечивается ее выход на новый уровень – на уровень социума, культивирующего творчество жизни. Его способны создать личности, экологически преобразующие свое сознание и поведение, которым по плечу принятие нестандартных решений и осуществление креативных действий. Поэтому ключевой задачей формирования экологической культуры личности является выявление и воплощение в ее образ жизни способов усиления и реализации ее творческих потенций. Значимость решения такой задачи удачно выразила О.В. Афанасьева: «...Любое государство может добиться больших успехов только тогда, когда оно будет заботиться о раскрытии творческих способностей человека., соответствующим образом направляя деятельность семьи, системы образования, всех социальных институтов общества» [2, с. 6].

Динамика развития биосферы породила новые задачи, проблемы, противоречия и обусловила новый характер взаимоотношений людей. В этой связи стала востребованной личность, выступающая уже в качестве субъекта созидания экогармоничного социума и поддержания жизни биосферы. Авторы убеждены в принципиальной значимости такой тенденции в развитии человечества, вскрывающей глубинную сущность его жизненной миссии. Мы убеждены в том, что не военная сила и экономическая мощь будут решать судьбы землян. Эти факторы вторичны по отношению к творческому потенциалу и творчеству жизни. Эти феномены коррелируют с понятием «человеческий капитал», но не столько в его узкопрагматической трактовке как совокупности знаний, навыков и других способностей человека, а в более широком смысле, который, в частности, по мнению Ю.Г. Быченко, выражается в том, что «...рост общественного благосостояния все более зависит от индивидуальных способностей и возможностей, составляющих человеческий капитал» [3, с. 4]. И если социологический подход в интерпретации П. Бурдьё «связывает формирование человеческого капитала с расширенным

воспроизводством культуры, которая реализуется через совокупные способности и социальную принадлежность индивида в образовательный культурный капитал, позволяющий человеку достичь привилегированного профессионального положения по отношению к другим людям с целью получения экономических или социальных дивидендов...» [3, с. 6], то экософский подход, обосновываемый нами, исходит из возможности формирования этого капитала на основе приращения личностью качеств, необходимых для ее гармоничного развития в естественных условиях полиэтнического социокультурного синтеза. В этой связи, речь идет о созидании такой личности как глобальной практической задаче. Такая постановка вопроса обусловлена необходимостью гармонизации системы социальных отношений на почве экологизации сознания личности. Об этом свидетельствуют выводы многих отечественных ученых, в том числе Е.В. Байбаковой, У.А. Винокуровой, О.В. Григорьевой, И.Д. Коротец, З.Г. Лапиной, О.И. Марар, М.А. Никулиной, Ю.Н. Пахомова, Т.В. Ряжской, В.А. Сахрокова, К.И. Шилина, Е.Л. Яковлевой, О.Н. Яницкого.

Для решения этой нетривиальной задачи не обойтись без налаживания межэтнического культурного взаимодействия. При этом следует учитывать особенности потенциала культурных традиций взаимодействующих этносов. В этой связи, важно понимать на каких достоинствах той или иной социокультуры можно и нужно выстраивать конструирование общих для всех экотношений. Так, у этносов циркум-полярной зоны, а также, адептов даосизма и индуизма фундаментальность экологической культуры закреплена в жестком следовании биоритмам природы в организации жизни социума, что является необходимым условием их участия в экогармонизирующем синтезе этнокультур. В свою очередь, последователи буддийских традиций отличаются проявлениями материнской сердечности во взаимоотношениях, способствующих обеспечению стабильности и устойчивости социокультурной жизни. Представители синоцентрического (конфуцианцы), исламского и западноевропейского этносообществ отличаются прагматичным подходом в организации социальной жизни, опирающемся на такие качества, как социальная активность, динамизм, целеустремленность, способностью рационально и искусно снимать противоречия в эко-социальной сфере. Наконец, представители евразийских социокультур и российской, в частности, выделяются в качестве хранителей диалоговой традиции, что позволяет им воплощать в общении с иными этносами экологические ценности, так необходимые для создания атмосферы доверия между ними и, тем самым, выступать ведущей силой интеграционного процесса экогармонизации межэтнических отношений.

Выявление общего и особенного в творческом потенциале этнокультурного интеграционного процесса на почве освоения этносами лучшего опыта применения их экологических традиций нам представляется чрезвычайно значимым, особенно в условиях интенсифицирующейся контрвекторности современной глобализации, выражающейся в

элементах глокализации, означающей, по мнению Ю.Г. Волкова и А.В. Лубского, тот факт, что «современный мир становится не только однородным и единым, но и иерархичным и фрагментарным» [4, с. 4]. Ибо только с учетом такой специфики взаимодействия этносов в контексте перехода к тотальной экологизации общественной жизни представляется возможным выстраивать усилия всех ветвей власти, социальных институтов российского социума и его гражданского общества в деле преодоления кризисных проявлений его модернизации посредством комплексного использования ресурсов полиэтнической по своей природе экологической культуры. Это обусловлено наличием факторов, обеспечивающих этот процесс: духовно-творческими традициями и социальной практикой россиян, их опытом интернационального воспитания и укрепления дружбы народов. Позитивные результаты таких усилий будут зависеть от преобладающего влияния в нем сил, осознающих необходимость избавления от присущих носителям этнокультур ограничений. Ведь органический синтез экологических традиций этнокультур предусматривает органическое взаимодополнение всех типов социокультурного творчества, но без их унификации, а, наоборот, с учетом его осуществления на основе каждого из них. Это предполагает их различие, но без противопоставления и игнорирования хотя бы какого-либо одного из них.

Существенным при этом является различие понятий «социокультура» и «цивилизация», которое становится очевидным при выяснении основных принципов построения экологичного общества:

- 1) экологичности, ориентированности социума и каждой отдельной личности на гармоничную здоровую сожизнь с природой средой;
- 2) гармоничного общения этнокультур на почве творческого освоения экологических ценностей всех субъектов этого общения;
- 3) созидательности, ориентации всех участников эквзаимодействия на творчество жизни, – начиная с пересотворения себя в субъектов

Литература:

1. Андреев Э.М. Социально-гуманитарное знание и образование: новые реалии, иные измерения, информационная безопасность : монография / Э.М. Андреев, А.В. Миронов. М. : Соц.-гуманит. знания, 2001. 142 с.
2. Афанасьева О.В. Творчество как саморазвитие личности. М. : Луч, 1998. 288 с.
3. Быченко Ю.Г. Социологическая концепция человеческого капитала. Саратов, 2000.
4. Волков Ю.Г. Российская реальность в пространстве социологического дискурса : монография : в 2-х кн. Кн. 2 / Ю.Г. Волков, А.В. Лубский; ЮФУ; Отв. ред. Ж.Т. Тощенко. Ростов-н/Д.; Таганрог : Изд-во ЮФУ, 2019. 384 с.

экологического конструирования экосоциального пространства;

4) прогностичности, ориентации на будущее, на преодоление катастрофического настоящего при опоре на ценностный потенциал экологической культуры народов мира;

5) «личности», ориентации развития этнокультуры на основе воплощения в социальную практику лучших экологических качеств, демонстрируемых лидерами общественного мнения, аккумулировавших опыт применения экологических ценностей разных этносов.

Все эти принципы – результат этнокультурного синтеза на почве органичной интеграции ценностных установок разных по своей этноконфессиональной природе типов экологической культуры. В перспективе, в этом контексте каждую этнокультуру важно творить как бы заново, органично обновляя в сочетании с лучшими традициями всех этносов и конфессий. При этом основания для синтеза экологических ценностей этнокультур подлежат развитию, но с учетом разных условий:

а) экоорганичных – на собственной гармоничной основе, но посредством более развитого варианта логики творчества жизни;

б) техногенно ориентированных – на основе первых: логики творчества жизни и ценностей экологической культуры, а значит – путем экогармонизации техногенной парадигмы в форму экологической культуры как концептуального базиса стратегии экологического развития социума.

Все это послужит и экологизации самой политической деятельности, ориентируя ее на такой результат творчества жизни, который будет выражаться в снятии конфликтов межгосударственного, межконфессионального и межэтнического характера. Социологический анализ социокультурных реалий Крыма в условиях интеграции в пространство РФ свидетельствует в пользу необходимости выстраивания региональной стратегии развития в данном ключе.

Literature:

1. Andreev E.M. Social and humanitarian knowledge and education: new realities, other dimensions, information security : monograph / E.M. Andreev, A.V. Mironov. M. : Social and Humanitarian. knowledge, 2001. 142 p.
2. Afanasyeva O.V. Creativity as self-development of personality. M. : Ray, 1998. 288 p.
3. Bychenko Yu.G. Sociological concept of human capital. Saratov, 2000.
4. Volkov Yu.G. Russian reality in the space of sociological discourse : monograph : in 2 kn. Prince. 2/Yu.G. Volkov, A.V. Lubsky; SFU; Responsible editor J.T. Toshchenko. Rostov-on/D.; Taganrog : Publishing House of SFU, 2019. 384 p.

5. Основы государственной политики в области экологического развития Российской Федерации на период до 2030 года: утв. Президентом РФ 30.04.2012 г. // Консультант Плюс: справочная правовая система. Версия Проф. Электрон. дан.: Консультант Плюс, 2013.

6. Основы современного социального управления: теория и методология / Под ред. В.Н. Иванова. М. : ОАО «НПО «Экономика», 2000. 271 с.

5. Fundamentals of state policy in the field of environmental development of the Russian Federation for the period until 2030: utv. President of the Russian Federation 30.04.2012 // Consultant Plus: reference legal system. Version of Prof. Electron. dan: Consultant Plus, 2013.

6. Fundamentals of modern social management: theory and methodology / Ed. V.N. Ivanova. M. : OJSC NPO Economics, 2000. 271 p.

ЮРИДИЧЕСКИЕ НАУКИ

Аверин Александр Николаевич

доктор философских наук,
профессор,
Институт права
и национальной безопасности
Российской академии народного хозяйства
и государственной службы
при Президенте РФ
ponedelkov@uriu.ranepa.ru

Понеделков Александр Васильевич

доктор политических наук,
профессор,
заведующий лабораторией,
Южно-Российский институт управления –
филиал Российской академии
народного хозяйства и государственной
службы при Президенте РФ
ponedelkov@uriu.ranepa.ru

Колимбет Павел Сергеевич

аспирант
кафедры политологии и этнополитики,
Южно-Российский институт управления –
филиал Российской академии
народного хозяйства и государственной
службы при Президенте РФ
pkolimbet@finbridge.io

Стельмах Сергей Анатольевич

магистрант факультета политологии,
Южно-Российский институт управления –
филиал Российской академии
народного хозяйства и государственной
службы при Президенте РФ
sergej.stelmax@mail.ru

**СУБЪЕКТЫ ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ
ЭКСТРЕМИЗМУ**

Аннотация. В последние десятилетия органами федеральной власти и местного самоуправления Российской Федерации разработана и реализуется государственная политика в сфере противодействия экстремизму, основные положения которой изложены в Стратегии противодействия экстремизму в Российской Федерации до 2025 года. Она определяет основные источники внешних и внутренних угроз экстремизма в современных условиях, цель, задачи и основные направления государственной политики в сфере противодействия экстремизму. Авторами на основе федеральных нормативных правовых актов рассматриваются субъекты противодействия экстремизму – глава государства, федеральные законодательные, исполнительные, судебные органы государственной власти и прокуратура.

Alexander N. Averin

Doctor of Philosophical Science,
Professor,
Institute of Law and National Security
Russian Academy of National Economy
and Public Service under the President
of the Russian Federation
ponedelkov@uriu.ranepa.ru

Aleksandr V. Ponedelkov

Doctor of Political Science,
Professor,
Head of the Laboratory,
South-Russian Institute of Management –
branch of the Russian Academy
National Economy and State Services under
the President of the Russian Federation
ponedelkov@uriu.ranepa.ru

Pavel S. Kolimbet

Graduate student of the Department
of Political Science and Ethnopolitics,
South Russian Institute of Management –
branch of the Russian Academy
National Economy and State Services under
the President of the Russian Federation
pkolimbet@finbridge.io

Sergey A. Stelmax

Master's student
at the Faculty of Political Science,
South Russian Institute of Management –
branch of the Russian Academy
National Economy and State Services under
the President of the Russian Federation
sergej.stelmax@mail.ru

**THE SUBJECTS
OF COMBATING EXTREMISM**

Annotation. In recent decades, the federal and local governments of the Russian Federation have developed and implemented a state policy on countering extremism, the main provisions of which are outlined in the Strategy to Counter Extremism in the Russian Federation until 2025. The strategy identifies the main sources of external and internal threats of extremism in the current environment, the goal, objectives and the main areas of public policy in the field of countering extremism. Based on federal regulations, the subjects of countering extremism – the head of state, federal legislatures, executive, state courts and the prosecutor's office – are considered.

Ключевые слова: государственная программа, межведомственная комиссия, министерство, правительство, президент, прокуратура, противодействие экстремизму, стратегия, федеральный закон.

Keywords: state program, inter-ministerial commission, ministry, government, president, prosecutor's office, countering extremism, strategy, federal law.

Под противодействием экстремизму понимается деятельность субъектов противодействия экстремизму, направленная на выявление и устранение причин экстремистских проявлений, на предупреждение, пресечение, раскрытие и расследование преступлений экстремистской направленности, минимизацию и ликвидацию их последствий [1].

Субъектами противодействия экстремизму являются федеральные и региональные органы государственной власти, органы местного самоуправления. Президент Российской Федерации определяет основные направления государственной политики в области противодействия экстремистской деятельности; устанавливает компетенцию федеральных органов исполнительной власти, руководство деятельностью которых он осуществляет, по противодействию экстремистской деятельности [2].

В последние десятилетия органами федеральной власти и местного самоуправления Российской Федерации разработана и реализуется государственная политика в сфере противодействия экстремизму [3].

Основные положения данной политики в сфере изложены в Стратегии противодействия экстремизму в Российской Федерации до 2025 года, утвержденной указом Президента [4]. Стратегия определяет основные источники внешних и внутренних угроз экстремизма в современных условиях, цель, задачи и основные направления государственной политики в сфере противодействия экстремизму. Цель государственной политики в этой сфере – защита основ конституционного строя, государственной и общественной безопасности, прав и свобод граждан от экстремистских угроз и вызовов разного характера [5].

В современных условиях ключевыми задачами антиэкстремистской политики являются:

- создание единой государственной системы мониторинга в сфере противодействия экстремизму;
- совершенствование законодательства и правоприменительной практики в сфере противодействия экстремизму;
- консолидация усилий субъектов противодействия экстремизму, институтов гражданского общества и иных заинтересованных организаций;
- организация в средствах массовой информации, информационно-телекоммуникационных сетях, включая сеть «Интернет», информационного сопровождения деятельности субъектов противодействия экстремизму, реализация эффективных мер, направленных на информационное

противодействие распространению экстремистской идеологии;

- разработка и осуществление комплекса мер по повышению эффективности профилактики, выявления и пресечения преступлений и административных правонарушений экстремистской направленности [6].

Учитывая, что идеологи экстремизма рассматривают молодежь в качестве ресурсной базы, что убедительно подтвердили события на постсоветском пространстве [7], в Стратегии определены основные направления государственной политики противодействия экстремизму в области национальной, миграционной, информационной, культурной государственной политики, образования и молодежной государственной политики, обеспечения участия институтов гражданского общества в реализации государственной политики в сфере противодействия экстремизму. Указаны инструменты, механизмы, основные этапы, целевые показатели, ожидаемые результаты реализации Стратегии.

Проблемы противодействия экстремизму обсуждаются на заседаниях и совещаниях в конституционном совещательном органе – Совете Безопасности Российской Федерации, в состав которого входят Председатель – по должности, Президент, Заместитель Председателя, Секретарь, постоянные члены по должности и члены Совета Безопасности [8].

Образована Межведомственная комиссия по противодействию экстремизму в Российской Федерации [9], которая осуществляет свою деятельность во взаимодействии с полномочными представителями Президента РФ в федеральных округах, с федеральными и региональными органами исполнительной власти, органами местного самоуправления, общественными объединениями и организациями. Председателем Межведомственной комиссии по должности является Министр внутренних дел РФ, членами – федеральные министры, директора и руководители федеральных служб, Следственного комитета, заместитель Министра иностранных дел по вопросам противодействия терроризму, помощник Секретаря Совета Безопасности, начальник Главного управления по противодействию экстремизму Министерства внутренних дел. Межведомственная комиссия осуществляет координацию реализации Стратегии противодействия экстремизму в Российской Федерации до 2025 года.

Федеральное Собрание Российской Федерации в качестве представительного и законодательного органа, состоящего из Совета Федерации и Государственной Думы, принимают федеральные законы о противодействии экстремизму. В Федеральном законе от 25 июля 2002 года № 114-ФЗ

«О противодействии экстремистской деятельности» определены правовые и организационные основы противодействия экстремистской деятельности, ответственность за ее осуществление, понятия «экстремистская деятельность», «экстремистская организация» и ее символики, «экстремистский материал» [1]. В федеральном законе указаны основные принципы и направления противодействия экстремистской деятельности, профилактические меры, предостережение о недопустимости осуществления экстремистской деятельности, вынесение предупреждения обществу и религиозному объединению, организации о недопустимости осуществления экстремистской деятельности, предупреждение о недопустимости распространения экстремистских материалов через средство массовой информации и осуществлении им экстремистской деятельности.

Федеральный закон содержит статьи об ответственности за распространение экстремистских материалов, в том числе, средствами массовой информации, общественных и религиозных объединений, организаций, средств массовой информации, должностных лиц, государственных и муниципальных служащих, российских граждан, иностранных граждан и лиц без гражданства за осуществление экстремистской деятельности, о недопущении использования сетей связи общего пользования для осуществления экстремистской деятельности, недопущении осуществления экстремистской деятельности при проведении массовых акций, международном сотрудничестве в борьбе с экстремизмом. Совет Федерации и Государственная Дума определяют ответственность за экстремизм в Уголовном кодексе и Кодексе об административных правонарушениях [10; 11].

Правительство Российской Федерации определяет компетенцию федеральных органов исполнительной власти, руководство деятельностью которых оно осуществляет:

– в области противодействия экстремистской деятельности;

– организует разработку и осуществление мер по предупреждению экстремистской деятельности, минимизацию и ликвидацию последствий ее проявлений;

– организует обеспечение деятельности федеральных органов исполнительной власти по противодействию экстремистской деятельности необходимыми силами, средствами и ресурсами.

Правительство разрабатывает и утверждает план мероприятий по реализации Стратегии противодействия экстремизму в Российской Федерации до 2025 года [1].

Повышенное внимание уделяется профилактике исламского радикализма [12]. Правительство утвердило государственную программу Российской Федерации «Реализация государственной национальной политики», в которой содержится подпрограмма «Профилактика экстремизма на национальной и религиозной почве» [13].

Ответственным исполнителем подпрограммы выступает Федеральное агентство по делам национальностей. Подпрограмма реализуется с 01 января 2017 по 31 декабря 2025 года. Общий объем бюджетных ассигнований федерального бюджета составляет 1 млрд 538 млн 010,1 тыс. рублей.

В соответствии с Федеральным законом от 07 февраля 2011 года № 3-ФЗ «О полиции», на полицию возлагаются обязанности принимать меры, направленные на предупреждение, выявление и пресечение экстремистской деятельности общественных объединений, религиозных и иных организаций, граждан [14].

Функции по выработке и реализации государственной политики и нормативному правовому регулированию, правоприменительные полномочия в области противодействия экстремистской деятельности и терроризму выполняет Министерство внутренних дел Российской Федерации. В его структуре образовано Главное управление по противодействию экстремизму в качестве самостоятельного структурного головного оперативного подразделения полиции, входящего в центральный аппарат министерства [15]. Приоритетным направлением деятельности следственных органов Следственного комитета Российской Федерации является противодействие экстремистской деятельности [16]. Министерство юстиции Российской Федерации осуществляет ведение федерального списка, который содержит упорядоченную совокупность сведений об информационных материалах, признанных экстремистскими федеральным судом по месту их обнаружения, распространения или нахождения организации, осуществившей производство таких материалов, на основании заявления прокурора или при производстве по соответствующему делу об административном правонарушении, гражданскому или уголовному делу [17].

В противодействии экстремизму участвуют органы судебной власти и прокуратура. Суды рассматривают дела о совершенных преступлениях в области экстремистской деятельности, которые зафиксировали тенденцию роста числа экстремистских преступлений. Так, в январе – апреле 2020 года зарегистрировано 263 экстремистских преступлений, на одну треть больше, чем за этот же период 2019 года. Половина правонарушений связана с призывами к экстремизму в Интернете, 10 % – насильственные преступления: хулиганство, угроза убийством, побои, совершаемые из-за политической, идеологической, расовой, национальной, религиозной ненависти и вражды [18]. Прокуратура осуществляет надзор за исполнением законов о противодействии экстремизму. Для предупреждения правонарушений и при наличии сведений о готовящихся противоправных деяниях прокурор или его заместитель направляет в письменной форме должностным лицам, при наличии сведений о готовящихся противоправных деяниях, содержащих признаки экстремистской деятельности, руководителям общественных, религиозных объединений, иным лицам предостережение о недопустимости нарушения закона [19]. Генеральный прокурор или

подчиненный ему прокурор выносят в письменной форме предупреждение обществу, религиозному объединению, организации о недопустимости осуществления экстремистской деятельности [1]. Они выносят учредителю, редакции, главному редактору средства массовой информации предупреждение о недопустимости распространения экстремистских материалов через средство массовой информации и осуществления им экстремистской деятельности с указанием конкретных оснований вынесения предупреждения, в том числе, допущенных нарушений. Они могут сделать заявление для решения суда о прекращении деятельности средства массовой информации за распространение экстремистских

Литература:

1. Федеральный закон от 25 июля 2002 года № 114-ФЗ «О противодействии экстремистской деятельности» // Собрание законодательства Российской Федерации. 2002. № 30. Ст. 3031; 2019. № 49 (ч. V). Ст. 6980.
2. *Воронцов С.А.* Спецслужбы России : учебник для студентов высших учебных заведений, обучающихся по специальности «Юриспруденция» / С.А. Воронцов; Ростов-н/Д., 2016. Сер. Высшее образование (Изд. 4-е, дополненное и переработанное). С. 22–25.
3. *Воронцов С.А.* Антиэкстремистская деятельность органов государственной власти и местного самоуправления России в институционально-правовом контексте : автореф. дис. ... на соиск. уч. ст. д-ра юрид. наук / С.А. Воронцов; Ростовский юридический институт МВД Российской Федерации. Ростов-н/Д., 2009.
4. Указ Президента Российской Федерации от 29 мая 2020 года № 344 «Об утверждении Стратегии противодействия экстремизму в Российской Федерации до 2025 года» // Собрание законодательства Российской Федерации. 2020. № 22. Ст. 3475.
5. *Воронцов С.А.* О характере угроз национальной безопасности России // Наука и образование: хозяйство и экономика; предпринимательство; право и управление. 2016. № 3(70). С. 92–95.
6. *Воронцов С.А.* О совершенствовании стратегических подходов к противодействию экстремизму в Российской Федерации / С.А. Воронцов, А.Г. Штейнбух // Наука и образование: хозяйство и экономика; предпринимательство; право и управление. 2020. № 9(124). С. 105–107.
7. *Воронцов С.А.* Высокий образовательный уровень и гражданская активность молодежи – залог успеха в противодействии идеологии терроризма // Наука и образование: хозяйство и экономика; предпринимательство; право и управление. 2016. № 7(74). С. 137–140.
8. Федеральный закон от 28 декабря 2010 года № 390-ФЗ «О безопасности» // Собрание законодательства Российской Федерации. 2011. № 1. Ст. 2; 2020. № 6. Ст. 585.

материалов и осуществление экстремистской деятельности. Для повышения эффективности прокурорского надзора за исполнением правоохранительными органами законов при выявлении, пресечении, раскрытии и расследовании преступлений экстремистской направленности Генеральный прокурор обязал прокуроров обеспечить эффективный надзор за исполнением Министерством внутренних дел, федеральными службами – безопасности, исполнения наказаний законов при осуществлении оперативно-разыскной деятельности по выявлению, предупреждению, пресечению и раскрытию преступлений экстремистской направленности [20].

Literature:

1. Federal law of July 25, 2002 №114-Fz «On Countering Extremist Activities» // Assembly of legislation of the Russian Federation. 2002. № 30. Art. 3031; 2019. № 49 (part V). Art. 6980.
2. *Vorontsov S.A.* Special Services of Russia. Textbook for university students studying in the specialty «Justice» / S.A. Vorontsov; Rostov-on/D., 2016. Ser. Higher education (Edition 4, supplemented and recycled). P. 22–25.
3. *Vorontsov S.A.* Anti-extremist activities of state and local governments of Russia in the institutional and legal context : author's thesis for a doctorate in law / S.A. Vorontsov; Rostov Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation. Rostov-on/D., 2009.
4. Decree of the President of the Russian Federation of May 29, 2020 № 344 «On the approval of the Strategy to Counter Extremism in the Russian Federation until 2025» // Assembly of legislation of the Russian Federation. 2020. № 22. Art. 3475.
5. *Vorontsov S.A.* on the nature of threats to the national security of Russia // Science and education: economy and Economics; entrepreneurship; law and management. 2016. № 3(70). P. 92–95.
6. *Vorontsov S.A.* On improving strategic approaches to countering extremism in the Russian Federation / S.A. Vorontsov, A.G. Shteynbukh // Science and education: economy and Economics; entrepreneurship; law and management. 2020. № 9 (124). P. 105–107.
7. *Vorontsov S.A.* High educational level and civic activity of young people-the key to success in countering the ideology of terrorism // Science and education: economy and Economics; entrepreneurship; law and management. 2016. № 7(74). P. 137–140.
8. Federal law № 390-FZ of December 28, 2010 «On security» // Collection of legislation of the Russian Federation. 2011 № 1. Art. 2; 2020. № 6. Art. 585.

9. Указ Президента Российской Федерации от 26 июля 2011 года № 988 «О Межведомственной комиссии по противодействию экстремизму в Российской Федерации» // Собрание законодательства Российской Федерации. 2011. № 31. Ст. 4705; 2019. № 25. Ст. 3244.
10. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13 июня 1996 года № 63-ФЗ. Статья 282.1; 282.2; 282.3 // Собрание законодательства Российской Федерации. 1996. № 25. Ст. 2954; 2020. № 15 (ч. I). Ст. 2235.
11. Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях от 30 декабря 2001 года № 195-ФЗ. Статья 13.37; 20.29; 13.37 // Собрание законодательства Российской Федерации. 2002. № 1 (ч. I). Ст. 1; 2020. № 31 (ч. I). Ст. 5062.
12. *Воронцов С.А.* Исламский радикализм как угроза национальной безопасности современной России // *Философия права*. 2008. № 2(27). С. 94–100.
13. Постановление Правительства Российской Федерации от 29 декабря 2016 года № 1532 «Об утверждении государственной программы Российской Федерации «Реализация государственной национальной политики» // Собрание законодательства Российской Федерации. 2017. № 2. Ст. 361; № 52. Ст. 8152; 2020. № 15 (ч. II). Ст. 2255.
14. Федеральный закон от 7 февраля 2011 года № 3-ФЗ «О полиции» // Собрание законодательства Российской Федерации. 2011. № 7. Ст. 900; № 27. Ст. 3880, 3881; № 49. Ст. 7020, 7067; 2020. № 6. Ст. 591.
15. Главное управление по противодействию экстремизму. URL : https://мвд.рф/мвд/structure1/Glavnie_upravlenija/Glavnoe_upravlenie_po_protivodejstvu_j
16. Приказ Следственного комитета Российской Федерации от 12 июля 2011 года № 109 «О мерах по противодействию экстремистской деятельности». URL : http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_121554/
17. Приказ Министерства юстиции Российской Федерации от 11 декабря 2015 года № 289 «О порядке ведения федерального списка экстремистских материалов» // *Бюллетене нормативных актов федеральных органов исполнительной власти* от 15 февраля 2016 г. № 7 от 12 декабря 2016 г. № 50.
18. *Егоров И.* Кто сидит в Даркнете // *Российская газета*. 2020. 21 мая.
19. Федеральный закон «О прокуратуре Российской Федерации» (в редакции Федерального закона от 17 ноября 1995 года № 168-ФЗ) // *Ведомости Съезда народных депутатов Российской Федерации и Верховного Совета Российской Федерации*. 1992. № 8. Ст. 366; Собрание законодательства Российской Федерации. 1995. № 47. Ст. 4472; 2020. № 6. Ст. 594.
9. Decree of the President of the Russian Federation № 988 of July 26, 2011 «On the Interdepartmental Commission for countering extremism in the Russian Federation» // *Collection of legislation of the Russian Federation*. 2011. № 31. Art. 4705; 2019, № 25. Art. 3244.
10. Criminal code of the Russian Federation № 63-FZ of June 13, 1996. Art. 282.1; 282.2; 282.3 // *Collection of legislation of the Russian Federation*. 1996. № 25. Art. 2954; 2020. № 15 (part I). Art. 2235.
11. Code of administrative offences of the Russian Federation № 195-FZ of December 30, 2001. Art. 13.37; 20.29; 13.37 // *Collection of legislation of the Russian Federation*. 2002. № 1 (part I). Art. 1; 2020. № 31 (part I). Art. 5062.
12. *Vorontsov S.A.* Islamic radicalism as a threat to the national security of modern Russia // *Philosophy of law*. 2008. № 2(27). P. 94–100.
13. Decree of the Government of the Russian Federation № 1532 of December 29, 2016 «On approval of the state program of the Russian Federation» Implementation of the state national policy» // *Collection of legislation of the Russian Federation*. 2017. № 2. Art. 361; № 52. Art. 8152; 2020. № 15 (part II). Art. 2255.
14. Federal law № 3-FZ of February 7, 2011 «On police» // *Collection of legislation of the Russian Federation*. 2011. № 7. Art. 900; № 27. Art. 3880, 3881; № 49. Art. 7020, 7067; 2020. № 6. Art. 591.
15. Main Directorate for countering extremism. URL : https://мвд.рф/мвд/structure1/Glavnie_upravlenija/Glavnoe_upravlenie_po_protivodejstvu_j
16. Order of the Investigative Committee of the Russian Federation № 109 of July 12, 2011 «On measures to counteract extremist activities». URL : http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_121554/
17. Order of the Ministry of justice of the Russian Federation № 289 of December 11, 2015 «On the procedure for maintaining the Federal list of extremist materials» // *Bulletin of normative acts of Federal Executive authorities* of February 15, 2016. № 7; of December 12, 2016. № 50.
18. *Yegorov I.* Who's on the Darknet // *Russian newspaper*. 2020. May 21.
19. Federal law «On the Prosecutor's office of the Russian Federation» (as amended by Federal law № 168-FZ of November 17, 1995) // *Vedomosti of the Congress of people's deputies of the Russian Federation and the Supreme Council of the Russian Federation*. 1992. № 8. Art. 366; *Collection of legislation of the Russian Federation*. 1995. № 47. Art. 4472; 2020. № 6. Art. 594.

20. Указание Генеральной прокуратуры России от 21 сентября 2018 года № 602/27 «Об усилении прокурорского надзора за исполнением законов при выявлении, пресечении, раскрытии и расследовании преступлений экстремистской направленности» // Законность, 2018. № 11.

20. Instruction of the Prosecutor General's office of Russia dated September 21, 2018. № 602/27 «On strengthening the Prosecutor's supervision over the implementation of laws in the detection, suppression, disclosure and investigation of extremist crimes» // Law, 2018. № 11.

Бидова Бэла Бертовна
кандидат юридических наук,
доцент,
заведующая кафедрой
уголовного права и криминологии,
Чеченский государственный университет
bela_007@bk.ru

АНАЛИЗ ОСНОВНЫХ УГРОЗ НАЦИОНАЛЬНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ И НАЦИОНАЛЬНЫМ ИНТЕРЕСАМ

Аннотация. В статье рассмотрены современные правовые проблемы обеспечения национальной безопасности в контексте необходимости совершенствования системы предупреждения и противодействия криминальным угрозам. Противодействие внешним угрозам национальной безопасности России и продвижение ее национальных интересов происходит в условиях нарастающей тенденции перераспределения сфер влияния в геополитическом и экономическом пространстве на фоне глобализации социальных, экономических, культурных, политических и иных отношений. В этой связи, для того, чтобы Россия заняла достойное место в современном мире и эффективно противодействовала возникающим угрозам и вызовам, необходимо иметь комплекс взаимосвязанных политических механизмов, обеспечивающих конкурентоспособность страны в среднесрочной и долгосрочной перспективе, уважение ее национальных интересов и сохранение ее геополитического влияния на глобальные и региональные политические процессы.

Ключевые слова: интерес, национальные интересы, безопасность, национальная безопасность, функции государства, доктрина безопасности, политическая ситуация.

При анализе вопросов безопасности, на первый план выходит определение опасности как явления. Причем, в данном контексте под опасностью понимается наличие реального негативного воздействия как на само государство как единое целое, так и на общество и личность в целом и по отдельности, которые могли бы причинить реальный ущерб выше определенным субъектам.

При классификации опасности по отсутствию или наличию в ней возможности причинения реального ущерба можно выделить реально существующую и потенциальную (возможную) опасность. По признаку масштаба возможных отрицательных последствий – глобальную, региональную или локальную. По форме опасности бывают следующие: риски, вызовы, угрозы.

Bela B. Bidova
Candidate of Legal Sciences,
Assistant Professor,
Head of the Department
of Criminal Law and Criminology,
Chechen State University
bela_007@bk.ru

ANALYSIS OF MAJOR THREATS TO NATIONAL SECURITY AND NATIONAL INTERESTS

Annotation. The article deals with modern legal problems of ensuring national security in the context of the need to improve the system for preventing and countering criminal threats. Countering external threats to Russia's national security and promoting its national interests takes place in the context of an increasing trend of redistribution of spheres of influence in the geopolitical and economic space against the backdrop of globalization of social, economic, cultural, political and other relations. In this regard, in order for Russia to take its rightful place in the modern world and effectively counteract emerging threats and challenges, it is necessary to have a comprehensive set of interrelated political mechanisms that ensure the country's competitiveness in the medium and long term, respect for its national interests and preserve its geopolitical influence on global and regional political processes.

Keywords: interest, national interests, security, national security, state functions, security doctrine, political situation.

Под риском понимается возможность возникновения отрицательных последствий, обусловленных деятельностью сообществ и индивидов в плоскости политики, экономики, социальной действительности. В категорию «риск» также входят действия, при которых процесс достижения ожидаемой цели сопряжен с причинением вреда социуму, государству, гражданину. Словарь «Безопасность России» определяет риск как «вероятность появления опасности; возможную опасность получения ненужных (негативных) результатов; тип почерка социального регулирования в обстановке неопределенности. Риск – степень расхождения между разными следствиями решений, оцениваемыми сквозь призму их полезности, патогенности, а также, результативности, исходя из сложности избранным целям» [1, с. 245]. Теперь риски и опасности воспринимаются и, что важнее,

уясняются как неизменная и неизменяемая составляющая всяческой деятельности людей. Полученный опыт преобразования, перестройки нашего государства явствует о том, что присутствие рисков и опасностей становится закономерностью, происходит своего рода привыкание к ним.

Под вызовом понимается множественность факторов (ситуаций), не всегда имеющих форму конкретной угрозы, однако, требующих адекватной ответной реакции. Таковыми факторами являются «предпринимаемые государством (несколькими государствами) шаги, несущие объективно возможную опасность для иных субъектов международных отношений. Вызов является первой, начальной фазой формирования угрозы» [2, с. 339].

Под угрозой понимается прямая опасность, которая создается путем адресных действий явно враждебно настроенных сил.

Под опасностью же понимается «возможность причинения вреда, ущерба материального, физического, морального свойства человеку, социуму, государству» [3, с. 108].

Собственно, словосочетание «национальная безопасность» вошло в российский научно-политический лексикон в начале 90-х годов прошлого века. Несмотря на то, что само словосочетание «национальная безопасность» учеными не использовалось, но судя по содержанию их речей, они имели в виду именно его и именно в той трактовке, которая применяется в наши дни для обозначения этого понятия. Хотя, к концу XIX века в наибольшей мере изучены и концептуально проработаны были только проблемы внешней безопасности как одного из видов национальной безопасности. Внутренняя безопасность практически до конца прошлого века мало интересовала отечественную научную мысль. Национальная безопасность не исследовалась в совокупности всех ее проявлений, и внутренняя безопасность изучалась дифференционно, то есть, отдельно экономическая безопасность, отдельно политическая безопасность, отдельно социальная безопасность, отдельно оборонная безопасность и пр.

1992 год ознаменовался принятием закона РФ «О безопасности». В нем, среди прочего, содержалось следующее высказывание: «Достижение безопасности происходит посредством применения в совокупности экономических, политических, организационных и прочих мер, соразмерных угрозам наиболее существенным интересам человека, социума и государства» [4, с. 118]. Указанные сферы не были систематизированы, иначе говоря, доктрина национальной безопасности еще не была выработана. Вместо нее имели место различные выдержки из программ, провозглашаемые политиками и государственными деятелями, отражающие, в какой-то мере, национальные интересы, приоритетные задачи, ценности, и, разумеется, вызовы и угрозы им.

Видение национальной безопасности как многоаспектной системы, имеющей в функциональном

отношении много уровней, было отражено в федеральном законе «О безопасности». Здесь речь шла о неразрывной связи интересов человека, социума, государства в борьбе с угрозами этим интересам, исходящими извне и существующими внутри государства; о соединении безопасности внешней и внутренней; о взаимосвязи всех сфер национальной безопасности (имеется в виду экономическая, политико-социальная, информационная, экологическая, военная и прочие сферы).

Отсутствие баланса интересов человека, социума и государства образует большую угрозу национальной безопасности России. Имеется большое количество подтверждений тому, что государство ведет безответственную политику относительно безопасности целых социальных слоев общества. Наряду с этим, немалое количество россиян не стремится и не в состоянии совмещать свои собственные интересы с интересами государства. В итоге, мы видим возрастание правового скептицизма, умаления авторитета государственных основ в разных областях общественной жизни. По этой причине, вполне закономерно, что в структуру национальной безопасности были включены такие составляющие, как интересы человека и государства, угрозы таковым интересам, механизм сокращения количества и объема угроз или абсолютное воспрепятствование им.

При проведении любых реформ в социальной и политической сферах увеличивается степень опасности возникновения внезапных угроз (внутренних) национальной безопасности. Предвидеть такие угрозы возможно, но только при реализации комплексной оценки ведущихся реформ. Пришло понимание того, что приоритетными являются вопросы обеспечения внутренней национальной безопасности; они становятся все более актуальными, поскольку определенные нежелательные уничтожительные внутренние процессы способны привести к разрушению государства и без внешнего фактора. Среди таких процессов стоит отметить межэтнические и межрегиональные конфликты, техногенные катастрофы, демографический и экономический кризисы и пр.

В ряде ведущих стран мира до того времени как распался Советский Союз и завершилось идеологическое противостояние двух политических систем, уделялось огромное внимание военной безопасности страны. В частности, в Стратегии национальной безопасности США были закреплены следующие основные положения: отражение военных угроз США и государствам-союзникам [5, с. 102]. А.В. Возжеников в ходе изучения наиболее значимых векторов внутренней и внешней политики по достижению общенациональной безопасности таких стран, как Великобритания, Германия, Франция, Япония акцентировал внимание на ряде аспектов:

—интеграция мировой экономики оценивается (открыто или завуалировано) как источник возможной или объективной угрозы общенациональной безопасности, однако, допускается потребность в активизации своего присутствия в глобализационных процессах;

– двух- и многосторонние военные и политические коалиции, как и прежде, считаются необходимой составляющей безопасности государств;

– в вопросах модернизации вооруженных сил приоритет отдается качественному, а не количественному аспекту;

– признается связь безопасности с ростом экономики, результативностью государственного управления, эволюцией интеллектуальных возможностей социума.

В некоторых странах (в частности, в Японии) достижение национальной безопасности связывают с сохранением национальной культуры и ценностей. Среди общих целей внутренней безопасности следует отметить борьбу с терроризмом, иностранной агентурой, хищение сведений, имеющих отношение к высоким военным технологиям, достижение безопасности информационных систем (компьютерных), ликвидацию организованной преступности, наркобизнеса [6, с. 314].

В классическом понимании национальная безопасность соотносится с угрозами военного характера, с возможностью сбросить население при наступлении внешних сил. По этой причине те государственные органы, которые были ответственны за обеспечение национальной безопасности, отдавали предпочтение в своей деятельности вооруженным силам своей страны и системам вооружения иных государств. Во второй половине прошлого века (точнее в 70-е гг.) отечественная политология начала использовать несколько измененные термины. Например, военная опасность стала именоваться «военно-политической», а стратегия общенациональной безопасности – «военно-политической стратегией». Иначе говоря, трактовка общенациональной безопасности как государственной деятельности в военной сфере, использующей исключительно военные средства, перестала быть актуальной. Хотя никто не умалял значение военной силы, но все же стало очевидным, что добиться реализации национальной безопасности возможно, только применяя все средства, которыми располагает государство.

В Стратегии национальной безопасности России учтены многие угрозы (внутреннего и внешнего характера) интересам индивида, социума и страны. В качестве преимущественных выделены интересы: в сфере экономики (внутреннего и внешнего свойства); в политике (внутреннего и внешнего свойства); в социальной сфере (внутренней); в экологии (внутренней направленности); в области обороны (внешней и внутренней направленности); в информационной сфере (внутреннего и внешнего свойства). Все эти совокупности интересов функционируют внутри государства на трех его уровнях (федеральном, региональном, муниципальном). Следовательно, существует и три уровня безопасности: федеральный, региональный, местный.

Наличеству также и дифференциация общенациональной безопасности: видовая (внешняя и внутренняя безопасность); отраслевая,

сообразующаяся со сферами жизни и деятельности социума (экономическая, социальная, информационная, экологическая, военная безопасность). [7, с. 243].

Демографической безопасности России угрожает:

– непрекращающееся снижение численности населения, в первую очередь, русского, что происходит одновременно с демографическим старением населения и сокращением численности трудоспособного населения, являющегося базой развития производственной сферы;

– ухудшение здоровья нации;

– рост безработицы;

– неравномерное перераспределение доходов.

Угрозы национальной безопасности в информационной сфере сопряжены с тем, что Россия не присутствует на внешнем и даже внутреннем информационном рынке вследствие того, что отечественные информационные системы существенно отстают в развитии с точки зрения науки, техники и технологий. Наша страна терпит поражение в той информационной войне, которую объявили миру западноевропейские страны.

В прилегающих к границе РФ районах также имеются угрозы общенациональной безопасности страны. Демографическое, экономическое, культурно-религиозное расширение соседних стран за счет территории России, а также повышение уровня активности иностранных террористических группировок в обстановке фактической открытости ее границ образуют множество угроз и опасностей общенациональным интересам России.

Состояние экологии в России можно уже охарактеризовать как неудовлетворительное, что обусловлено преобладающим развитием топливно-сырьевых и энергетических сфер промышленности, практическим отсутствием разработок в области ресурсосберегающих технологий и, соответственно, их недостаточным применением, низким уровнем экологического сознания и культуры народа вообще, отсталостью законодательной базы сферы охраны окружающей среды.

Стагнация наукоемких отраслей, уменьшение количества исследований, связанных со стратегически значимыми и определяющими векторами развития также представляют угрозу общенациональной безопасности. Наша страна уже давно не стоит на передовом крае научно-технического и интеллектуального роста, находится в технологической зависимости от западных стран, что в итоге, делает ее недостаточно обороноспособной.

Среди угроз общенациональной безопасности нельзя не отметить также прогрессирующее этно-сепаратистских, националистских, политико-религиозно-экстремистских проявлений в сочетании с появившимися, незнакомыми для советского жителя проявлениями терроризма.

Все вышеприведенные угрозы касаются «интересов выживания народа», а именно: национального суверенитета; неприкосновенности территорий; конституционных прав и свобод; безопасности индивида и имущества; наличия среды для духовно-нравственного и материального довольства; гармонии природной и антропогенной среды и пр. То есть, «интересы выживания нации» заключаются в возможности защищать ею и оставлять неприкосновенным собственный культурный код, эволюционировать, репродуцировать нужный для обеспечения сохранности национальной культуры человеческий ресурс. Перечисленные наиболее существенные интересы нации являются самыми устойчивыми составляющими системы национальной безопасности и нуждаются в защите государством и социумом, в целом.

Необходимо сказать, что в отечественной политической и политологической среде не выработан официально установленный критерий детерминации иерархии общенациональных интересов.

Литература:

1. *Артюхин О.А.* Безопасность России: правовые, социально-экономические и научно-технические аспекты : Словарь терминов и определений. М. : Статус, 2019. 428 с.
2. *Бек У.* Общество риска. На пути к другому лидеру. М., 2000. 473 с.
3. *Султанов А.Д.* Гражданская защита: Понятийно-терминологический словарь. М. : Логос, 2011. С. 108.
4. *Ковалев А.А.* Влияние геополитических факторов на обеспечение военной безопасности Российской Федерации // Управленческое консультирование. 2018. № 6(114). С. 113–121.
5. *Бидова Б.Б.* Национальные интересы: становление, развитие и механизм обеспечения (теоретико-правовое исследование). М. : Научный консультант, 2020. 398 с.
6. *Возжеников А.В.* Национальная безопасность России. М. : РАГС, 2002. 423 с.
7. *Султанов А.Д.* Геополитические факторы обеспечения военной безопасности современной России // Государственное и муниципальное управление. Ученые записки. 2015. № 1. С. 242–246.

Поскольку четко определенной отлаженной доктрины национальных интересов государства и их иерархичной структуры еще не существует, то и возможность формирования единой стратегии государственной поддержки преимущественных национальных интересов, тесной координации всех уровней общенациональной безопасности в пределах единой доктрины национальной безопасности остается довольно низкой.

Разумеется, чтобы система национальной безопасности нормально и эффективно функционировала, только четкого формулирования национальных интересов и целей и правильного реагирования на угрозы и вызовы будет недостаточно. Государство должно обладать возможностями для осуществления этих национальных интересов. А в системе национальной безопасности наиболее чувствительной и слабой является именно такая ее составляющая, как указанные возможности.

Literature:

1. *Artyukhin O.A.* Security of Russia: legal, socio-economic and scientific-technical aspects : Dictionary of terms and definitions. M. : Status, 2019. 428 c.
2. *Beck W.* Risk society. On the way to another leader. M., 2000. 473 p.
3. *Sultanov A.D.* Civil protection: a Conceptual and terminological dictionary. M. : Logos, 2011. P. 108.
4. *Kovalev A.A.* Influence of geopolitical factors on ensuring military security of the Russian Federation // Management consultation. 2018. № 6(114). P. 113–121.
5. *Bidova B.B.* National interests: formation, development and security mechanism (theoretical and legal research). M. : Scientific consultant, 2020. 398 p.
6. *Vozzhenikov A.V.* national security of Russia, M. : Scientific consultant, 2002, 423 p.
7. *Sultanov A.D.* Geopolitical factors of ensuring military security in modern Russia // State and municipal administration. Scientific notes. 2015. № 1. P. 242–246.

Боровских Роман Николаевич
доктор юридических наук,
доцент
borovskih80@yandex.ru

Зыков Даниил Алексеевич
кандидат юридических наук,
доцент,
заведующий кафедрой
публично-правовых дисциплин,
Владимирский юридический институт
Федеральной службы
исполнения наказаний России
daniilzykov@mail.ru

НОВЕЛЛЫ УГОЛОВНОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА В СВЕТЕ ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ РАСПРОСТРАНЕНИЮ КОРОНАВИРУСНОЙ ИНФЕКЦИИ НА ТЕРРИТОРИИ РФ

Аннотация. Стремительное распространение коронавирусной инфекции вынудило органы законодательной и судебной власти максимально мобилизовать все ресурсы и активизировать различные меры по противодействию распространению коронавирусной инфекции. В статье авторы рассматривают уголовно-правовые меры противодействия распространению коронавирусной инфекции в Российской Федерации.

Ключевые слова: коронавирусная инфекция, противодействие распространению коронавирусной инфекции, уголовное законодательство, уголовная политика.

Федеральным законом РФ от 01.04.2020 г. № 100-ФЗ Уголовный кодекс РФ дополнен новыми положениями, предусматривающими ответственность за преступления, характер общественной опасности которых связан с распространением на территории РФ новой коронавирусной инфекции (далее – COVID-19).

В пояснительной записке к соответствующему законопроекту авторы инициативы обосновывали необходимость усиления уголовной ответственности за нарушение санитарно-эпидемиологических правил (ст. 236 УК РФ). Однако в итоговом законодательном решении новеллы состоялись по двум направлениям.

Направление первое: УК РФ дополнен нормами, предусматривающими ответственность за намеренную дезинформацию граждан и общественности относительно COVID-19, мер по ее предупреждению.

Roman N. Borovskikh
Doctor of Law,
Associate Professor
borovskih80@yandex.ru

Daniil A. Zykov
Candidate of Legal Sciences,
Assistant Professor,
Head of the Department
Public Law Disciplines,
Vladimir Law Institute
Federal Service
execution of punishments in Russia
daniilzykov@mail.ru

NOVELTIES OF CRIMINAL LEGISLATION IN THE LIGHT OF COUNTERACTION TO PROLIFERATION CORONAVIRUS INFECTION IN THE RUSSIAN FEDERATION

Annotation. The Rapid spread of coronavirus infection has forced the legislative and judicial authorities to maximize all resources and activate various measures to counteract the spread of coronavirus infection. In the article, the authors consider criminal legal measures to counter the spread of coronavirus infection in the Russian Federation.

Keywords: coronavirus infection, countering the spread of coronavirus infection, criminal law, criminal policy.

Соответствующие положения содержатся в настоящее время в Уголовном кодексе РФ в статье 207.1 «Публичное распространение заведомо ложной информации об обстоятельствах, представляющих угрозу жизни и безопасности граждан» и 207.2. «Публичное распространение заведомо ложной общественно значимой информации, повлекшее тяжкие последствия».

Состав преступления, предусмотренного ст. 207.1 УК РФ, сконструирован законодателем как формальный. Ответственность предусмотрена за публичное распространение под видом достоверных сообщений заведомо ложной информации об обстоятельствах, представляющих угрозу жизни и безопасности граждан, и (или) о принимаемых мерах по обеспечению безопасности населения и территорий, приемах и способах защиты от указанных обстоятельств. Преступление признается юридически оконченным с момента распространения в любой форме

указанной информации. В примечании в ст. 207.1 УК РФ дано понятие обстоятельств, представляющих угрозу жизни и безопасности граждан. Преступление относится к категории небольшой тяжести. Санкция не предусматривает наказание в виде лишения свободы, максимальное наказание – ограничение свободы на срок до трех лет.

Состав преступления, предусмотренного ст. 207.2 УК РФ, является материальным. Ответственность предусмотрена за публичное распространение под видом достоверных сообщений заведомо ложной общественно значимой информации. В отличие от преступления, предусмотренного ст. 207.1 УК РФ, предметом преступления в ст. 207.2 УК РФ признается информация о COVID-19, обладающая свойством общественной значимости. Обязательным условием уголовной ответственности признается наступление общественно опасных последствий в виде неосторожного причинения вреда здоровью человека (ч. 1) либо причинения человеку смерти по неосторожности или иных тяжких последствий (ч. 2). Законом предусмотрен квалифицированный вид данного преступления. По части 1 максимальное наказание – до трех лет лишения свободы, по части 2 – до пяти.

Направление второе: положения статьи 236 УК РФ дополнены нормами, устанавливающими более строгие меры ответственности за нарушение санитарно-эпидемиологических правил.

В связи с возникшими вопросами, Верховный Суд РФ подготовил соответствующие разъяснения и представил в формате двух обзоров:

1. Обзор № 1 Президиума Верховного Суда РФ по отдельным вопросам судебной практики, связанным с применением мер противодействия распространению на территории РФ COVID-19 (от 21.04.2020 г.).

2. Обзор № 2 Президиума Верховного Суда РФ по отдельным вопросам судебной практики, связанным с применением мер противодействия распространению на территории РФ COVID-19 (30.04.2020 г.).

В указанных выше Обзорах даны разъяснения, в том числе, по вопросам применения уголовного законодательства о противодействии распространению COVID-19.

Данные разъяснения можно представить и охарактеризовать по следующим основным направлениям:

1. Разъяснения относительно действия новелл УК РФ во времени.

2. Разъяснения относительно признаков предмета преступлений, предусмотренных статьями 207.1 и 207.2 УК РФ.

3. Разъяснения относительно объективной стороны составов преступлений, предусмотренных в ст. 207.1 и 207.2 УК РФ в части признака обстановки совершения данных преступлений.

4. Разъяснения относительно отграничения преступлений, предусмотренных статьями 207.1 и 207.2 УК РФ от смежных административно наказуемых деяний (ст. 13.15. КоАП РФ).

5. Разъяснения относительно отграничения преступления, предусмотренного частью 2 статьи 236 УК РФ, от смежного административного правонарушения (ч. 3 ст. 6.3 КоАП РФ).

Рассмотрим данные положения по порядку.

1. Разъяснения относительно действия новелл УК РФ во времени.

Вопрос 1: Возможна ли уголовная ответственность за публичное распространение заведомо ложной информации, если оно совершено до вступления в силу Федерального закона от 1 апреля 2020 г. № 100-ФЗ, устанавливающего преступность этого деяния, но пресечено в период, когда указанная статья уже действовала?

Позиция ВС РФ: Лицо не может быть привлечено к уголовной ответственности по статье 207.1 УК РФ, если деяние совершено до вступления в силу Федерального закона от 1 апреля 2020 г. № 100-ФЗ, то есть до 1 апреля 2020 года

Вопрос 2: Наступает ли ответственность по статье 207.2 УК РФ за публичное распространение заведомо ложной общественно значимой информации, совершенное до вступления в силу Федерального закона от 01 апреля 2020 г. № 100-ФЗ, в случаях, когда последствия этих действий в виде причинения вреда здоровью человека, смерти человека или иные тяжкие последствия наступили после вступления его в силу?

Позиция ВС РФ: Уголовно наказуемыми по статье 207.2 УК РФ могут быть признаны только те действия, которые были совершены в период, начиная с 01 апреля 2020 года.

2. Разъяснения относительно признаков предмета преступлений, предусмотренных статьями 207.1 и 207.2 УК РФ.

Вопрос 1: Относятся ли обстоятельства распространения COVID-19 на территории РФ к обстоятельствам, представляющим угрозу жизни и безопасности граждан?

Позиция ВС РФ: Относятся, поскольку распространение COVID-19 на территории РФ повлекло и может еще повлечь:

– человеческие жертвы, нанесение ущерба здоровью людей;

– значительные материальные потери и нарушение условий жизнедеятельности населения.

Кроме этого, на противодействие COVID-19 направлены принимаемые меры по обеспечению безопасности населения и территорий.

Вопрос 2: Что является общественно значимой информацией?

Позиция ВС РФ: Предмет преступления, предусмотренного статьей 207.2 УК РФ, является содержательно более широким по отношению к предмету преступления, ответственность за которое установлена в ст. 207.1 УК РФ. Федеральный закон РФ от 27.07.2006 г. № 149-ФЗ «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» общественно значимой признает информацию, которая:

– создает угрозу причинения вреда жизни и (или) здоровью граждан, имуществу;

– угрозу массового нарушения общественного порядка и (или) общественной безопасности;

– угрозу создания помех функционированию или прекращения функционирования объектов жизнеобеспечения, транспортной или социальной инфраструктуры, кредитных организаций, объектов энергетики, промышленности или связи.

Если в результате распространения информации о COVID-19 последствия, указанные в статье 207.2 УК РФ, не наступили, содеянное надлежит квалифицировать по статье 207.1 УК РФ.

Вопрос 3: Что следует понимать в диспозициях статей 207.1 и 207.2 УК РФ под заведомо ложной информацией?

Позиция ВС РФ: Под заведомо ложной информацией следует понимать такую информацию (сведения, сообщения, данные и т.п.), которая изначально не соответствует действительности, о чем достоверно было известно лицу, ее распространявшему

Вопрос 4: Что следует понимать в диспозициях статей 207.1 и 207.2 УК РФ под распространением под видом достоверных сообщений?

Позиция ВС РФ: О придании ложной информации вида достоверной могут свидетельствовать, например:

– формы, способы ее изложения (ссылки на компетентные источники, высказывания публичных лиц и пр.);

– использование поддельных документов, видео- и аудиозаписей либо документов и записей, имеющих отношение к другим событиям.

Лицо должно действовать с прямым умыслом, сознавать, что размещенная им, например, в сети Интернет под видом достоверной информация является ложной и имеет цель довести эту информацию до сведения других лиц.

3. Разъяснения относительно объективной стороны составов преступлений, предусмотренных в ст. 207.1 и 207.2 УК РФ – признака обстановки совершения данных преступлений.

Вопрос: В чем состоит публичность распространения информации, указанной в диспозициях статей 207.1 и 207.2 УК РФ?

Позиция ВС РФ: Признак публичности распространения означает, что информация адресована группе или неограниченному кругу лиц, а также, что информация выражена в любой доступной форме (например, в устной, письменной, с использованием технических средств).

При оценке наличия признака публичности распространения следует учитывать место, способ, обстановку и другие обстоятельства.

Публичный характер распространения заведомо ложной информации – например, использование для этого СМИ, информационно-телекоммуникационных сетей, в том числе мессенджеров (WhatsApp, Viber и других), в массовой рассылке электронных сообщений, путем выступления на собрании, митинге, распространения листовок, вывешивания плакатов и т.п.

4. Разъяснения относительно отграничения преступлений, предусмотренных статьями 207.1 и 207.2 УК РФ от смежных административно наказуемых деяний (ст. 13.15. КоАП РФ).

Позиция ВС РФ: Критерии разграничения данных правонарушений являются следующими:

1) уголовно-наказуемое распространение – это публичное распространение, но не только путем использования СМИ и интернета, но и посредством выступления на собрании, митинге, распространения листовок, вывешивания плакатов и т.п.);

2) уголовно-наказуемое распространение – это распространение заведомо ложной информации (в случае административно наказуемого деяния распространяемая информация является заведомо недостоверной).

3) для целей разграничения необходимо учитывать условия, в которых осуществляется распространение, цели и мотивы (например, для того, чтобы спровоцировать панику среди населения, нарушения правопорядка).

5. Разъяснения относительно отграничения преступления, предусмотренного частью 2 статьи 236 УК РФ, от смежного административного правонарушения (ч. 3 ст. 6.3 КоАП РФ).

Позиция ВС РФ: правила разграничения правонарушений следующие:

1) административная ответственность по ч. 3 ст. 6.3 КоАП РФ наступает лишь в тех случаях, когда действия (бездействие) правонарушителя не содержат уголовно наказуемого деяния;

2) за нарушение физическим лицом санитарно-эпидемиологических правил, повлекшее по неосторожности смерть человека, предусмотрена уголовная ответственность;

3) в случае наступления последствий в виде смерти человека действия (бездействие) виновного следует квалифицировать по ч. 2 ст. 236 УК РФ;

4) если наступили последствия в виде причинения вреда здоровью человека (одного человека или нескольких лиц), то содеянное квалифицируется по ч. 3 ст. 6.3 КоАП РФ;

5) если установлено массовое заболевание людей либо создание угрозы наступления таких последствий – то ч. 1 ст. 236 УК РФ.

Литература:

1. Обзор по отдельным вопросам судебной практики, связанным с применением законодательства и мер по противодействию распространению на территории Российской Федерации новой коронавирусной инфекции (COVID-19) № 1 / Утвержден Президиумом Верховного Суда Российской Федерации 21 апреля 2020 года. URL : <https://www.vsrp.ru/files/28856/>

2. Обзор по отдельным вопросам судебной практики, связанным с применением законодательства и мер по противодействию распространению на территории Российской Федерации новой коронавирусной инфекции (COVID-19) № 2 / Утвержден Президиумом Верховного Суда Российской Федерации 30 апреля 2020 года. URL : <https://www.vsrp.ru/documents/all/28882/>

Таким образом, сложившаяся нестандартная ситуация вынудила максимально мобилизовать все ресурсы и активизировать различные меры по противодействию распространению коронавирусной инфекции, в том числе и меры уголовно-правового характера. Анализ указанных мер показывает, что, и законодательная, и судебная власти оперативно отреагировали и внесли соответствующие изменения в регулирование общественных отношений.

Literature:

1. Review of certain issues of judicial practice related to the application of legislation and measures to counteract the spread of a new coronavirus infection (COVID-19) on the territory of the Russian Federation № 1 / Approved by the Presidium of the Supreme Court of the Russian Federation on April 21, 2020. URL : <https://www.vsrp.ru/files/28856/>

2. Review of certain issues of judicial practice related to the application of legislation and measures to counteract the spread of a new coronavirus infection (COVID-19) on the territory of the Russian Federation № 2 / Approved by the Presidium of the Supreme Court of the Russian Federation on April 30, 2020. URL : <https://www.vsrp.ru/documents/all/28882/>

Варченко Игорь Александрович

кандидат юридических наук,
доцент,
доцент кафедры уголовного процесса
и криминалистики,
Новороссийский филиал
Краснодарского университета МВД России
igorvarchenko@yandex.ru

Сафонов Андрей Александрович

кандидат юридических наук,
доцент,
доцент кафедры
техничко-криминалистического
обеспечения экспертных исследований,
Московский университет МВД России
safonov_volga@mail.ru

Кривошеин Александр Александрович

старший преподаватель кафедры
тактико-специальной подготовки,
Волгодонский филиал
Ростовского юридического института
МВД России

**ОТДЕЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ
НАЗНАЧЕНИЯ И ПРОИЗВОДСТВА
ИДЕНТИФИКАЦИОННОЙ
ПОЧЕРКОВЕДЧЕСКОЙ ЭКСПЕРТИЗЫ**

Аннотация. В статье рассматриваются отдельные особенности назначения и производства судебно-почерковедческой экспертизы. Опрос экспертов-почерковедов однозначно свидетельствует о том, что подобную экспертизу проводить можно, но только по прямым копиям, которые, к сожалению, практически не фигурируют в качестве доказательств по материалам уголовных дел – в подавляющем большинстве копий документов присутствуют признаки цифровой обработки изображения.

Ключевые слова: почерковедческая экспертиза, эксперт, образцы почерка, копии документов.

После назначения почерковедческой экспертизы и направления материалов в экспертное учреждение в соответствии со ст. 14 Федерального закона от 31.05.2001 № 73-ФЗ [1], а также, согласно Приказу МВД России № 511 от 29.06.2005 [2], руководитель судебно-экспертного учреждения/экспертно-криминалистического подразделения поручает ее производство

Igor A. Varchenko

Candidate of Law Sciences,
Assistant Professor,
Associate Professor of the Department
of Criminal Procedure and Forensics,
Novorossiysk branch Krasnodar University
of the Ministry of Internal Affairs of Russia
igorvarchenko@yandex.ru

Andrey A. Safonov

Candidate of Law Sciences,
Assistant Professor,
Associate Professor of the Department
Technical and Forensic
Securing Expert Research,
Moscow University of the Ministry
of Internal Affairs of Russia
safonov_volga@mail.ru

Alexander A. Krivoshein

Senior lecturer of the Department
Tactical and Special Training,
Volgodonsk branch
Rostov Law Institute
igorvarchenko@yandex.ru

**SEPARATE ISSUES
OF APPOINTMENT AND PRODUCTION
OF IDENTIFICATION
HANDWRITING EXPERTISE**

Annotation. The article discusses some features of the appointment and production of forensic handwriting expertise. A survey of handwriting experts unequivocally indicates that such an examination can be carried out, but only on direct copies, which, unfortunately, practically do not appear as evidence on the materials of criminal cases – in the vast majority of copies of documents there are signs of digital image processing.

Keywords: handwriting expertise, expert, handwriting samples, copies of documents
Keywords: handwriting examination, expert, handwriting samples, copies of documents.

конкретному эксперту (комиссии экспертов) данного учреждения, который обладает специальными знаниями в объеме, требуемом для ответов на поставленные вопросы, разъясняет обязанности и права эксперта, а также предупреждает эксперта об уголовной ответственности по ст. 307 УК РФ за дачу заведомо ложного заключения, отбирает у него соответствующую подпись,

направляемую вместе с заключением эксперта в орган или лицу, которые назначили судебную экспертизу.

По сути, в остальном эксперт – фигура процессуально самостоятельная, он дает заключение от своего имени и не обязан выполнять указания руководителя относительно существа почерковедческого исследования.

Однако особо следует отметить, что эксперт не вправе самостоятельно собирать материалы для экспертного исследования, а должен ходатайствовать перед следователем (судом) о предоставлении дополнительных материалов в случае их недостаточности.

При этом частью 4 ст. 202 УПК РФ предусмотрено, что если получение образцов для сравнительного исследования является частью судебной экспертизы, то оно производится экспертом. В указанной связи сразу следует оговориться, что в методиках наиболее распространенных видов почерковедческих экспертиз отбор экспертом образцов почерка в рамках исследования не предусмотрен. Таким образом, все дополнительные материалы и сравнительные образцы для производства экспертизы должны быть истребованы через орган, назначивший таковую, путем подачи соответствующего ходатайства.

Поскольку производство идентификационной экспертизы в любом случае предусматривает наличие идентифицируемого и идентифицирующих объектов, в распоряжение эксперта необходимо будет предоставить соответствующие образцы почеркового материала проверяемого(ых) лица. Дифференциация образцов почерка на свободные, условно-свободные и экспериментальные образцы, безусловно, имеет более чем практически обусловленное значение, однако анализ постановлений о назначении почерковедческой экспертизы и опрос следователей свидетельствует, что в большинстве случаев предоставляются либо один вид образцов, либо один – два вида. При этом, как правило, это те материалы, которые имеются у следователя и не требуют производства дополнительных следственных действий напрямую не связанных с производством экспертизы (например, обывск). Таким образом, эксперту попадают либо условно-свободные образцы почерка, содержащегося в процессуальных и иных документах уголовного дела, либо экспериментальные – специально отобранные для нужд исследования.

Законодательно количество отбираемых образцов для исследования не закреплено, но рекомендуется отбирать не менее 5–6 образцов почерка, различных по характеру (деловые бумаги, анкеты, личная переписка, черновики), не менее 10 свободных образцов подписей в различных документах и экспериментальных образцов почерка не менее 12 листов. При этом стоит отметить, что в специальной учебной и научной литературе встречаются указания на совершенно разные количества подготавливаемых образцов почерка. Как правило, в реальных условиях расследования преступлений, назначению экспертизы

предшествует консультация экспертом следователя (дознателя) о необходимых видах и количестве образцов. Подобная деятельность относится к непроцессуальной форме взаимодействия между подразделениями и не отражается в материалах уголовного дела.

Для производства судебной почерковедческой экспертизы представляются документы на бумажных носителях, содержащие непосредственные почерковые объекты и сравнительные образцы. Анализ нормативной базы, регулирующей вопросы производства экспертиз в подведомственных организациях, позволил выявить, что, например, в Федеральной службе судебных приставов существует запрет на производство почерковедческой экспертизы по копиям документов. Отмечается, что документы представляются в оригиналах (подлинниках), так как электрофотографические копии являются ограниченно пригодным объектом для почерковедческого исследования, что обусловлено возможными искажениями при изготовлении данных копий [3]. Аналогичными информационными письмами руководствуются эксперты-криминалисты в системе экспертных учреждений МВД России [4]. В информационном письме, подготовленном ФГКУ ЭКЦ МВД России в 2015 году, отмечается, что производство почерковедческих экспертиз в отношении изображений документов недопустимо. Стоит отметить, что в письме имеется оговорка относительно производства предварительных исследований – таковые иногда можно проводить в целях получения оперативно-разыскной информации при проводимых ОРМ, однако, рекомендуется давать вывод о совпадении только общеконфигурационных характеристик сравниваемых объектов, ввиду того, что по изображениям невозможно судить о многих параметрах выполнения рукописных реализаций. При этом результаты должны оформляться справкой об исследовании, в которой содержится пояснение о целесообразности последующего исследования оригиналов данных документов.

Указанный подход применяется и в судебной практике при оценке экспертных заключений в качестве доказательств [5], причем, при отсутствии оригинала документа встречаются случаи, когда суды отказывают в назначении экспертизы [6]. В то же время, стоит отметить отсутствие единообразия в судебной практике по указанному вопросу. В отдельных случаях суды назначают почерковедческую экспертизу по копиям и принимают такие экспертные заключения в качестве доказательств, с учетом вероятностных выводов и всех доказательств в совокупности [7], в других же случаях, Высшей судебной инстанцией, по сути, опровергаются положения локальных нормативных актов отдельных министерств и ведомств о запрете на проведение почерковедческой экспертизы по копиям, устанавливая, что «...действующее законодательство не запрещает проводить почерковедческую экспертизу на основании копий документов. Вопрос о достаточности и пригодности предоставленных образцов для исследования экспертом, как и вопрос о методике проведения экспертизы применительно к вопросам, поставленным в постановлении о

назначении экспертизы, относится к компетенции лица, проводящего экспертизу» [8]. Сходную позицию разделяют и авторы отдельных научных статей по вопросу исследования, опубликованные в последнее время. Так, Барина О.А. и Купин А.Ф. считают, что возможности криминалистического исследования копий документов, содержащих изображения реквизитов документов, в том числе рукописных, с целью установления ... исполнителей различных реквизитов возможно. Решая вопрос о назначении почерковедческой ... экспертизы по копии документа, следует принимать во внимание ее качество в целом либо отдельных реквизитов (четкость изображения, его разрешение, разрядность цветовой палитры и пр.) [9].

В то же время, особенно в практике расследования мошенничеств с недвижимостью, стоит отметить, что очень часто фигурируют почерковые объекты именно в виде копий, изготовленных, в свое время, с оригиналов документов. Более того, в качестве доказательств фигурируют и копии, заверенные нотариально. И если в первом случае еще можно поспорить о юридической природе документа, то во втором – все вполне очевидно. По нашему мнению, основанному на опросе следователей, отдельных экспертов, при наличии копии, удовлетворяющей эксперта своим качеством, можно было бы допустить решение идентификационной задачи. Другое дело – качественно неудовлетворительный почерковый материал, в котором не прослеживаются частные признаки тех или иных записей и их элементов. В подобном случае, безусловно, стоит ограничить производство экспертизы. Однако для подобной ситуации и существует специфическая форма экспертного вывода – «не представляется

сделать вывод» (НПВ). Еще одной стороной вопроса о запрете исследования копий документов является парадокс, состоящий в том, что следователь, естественно, не может и не имеет права исключить данные доказательства из уголовного дела только на том основании, что это не оригиналы, а копии с них, но он обязан их исследовать, оценить и использовать в рамках расследования. Однако разрешенными научными методами в рамках ведомственной экспертной системы он воспользоваться не может ввиду запрета и, соответственно, вопрос об оценке имеющегося доказательства остается открытым. Как водится, практика, складывающаяся на местах в неразрешимых вопросах, находит выход. Не исключением является и подобная ситуация – органы предварительного расследования идут по пути назначения почерковедческих исследований в экспертные учреждения, не имеющие такового запрета – учреждения Министерства юстиции, негосударственные экспертные учреждения.

Хотелось бы так же отметить, что в настоящее время Методическим советом ФГКУ ЭКЦ МВД России активно прорабатывается вопрос об отмене запрета на производство почерковедческих экспертиз по электрографическим копиям, но как уже было сказано выше, вопрос достаточно неоднозначный и даже внутри экспертного сообщества по нему отсутствует единая согласованная позиция. Опрос экспертов-почерковедов однозначно свидетельствует о том, что подобную экспертизу проводить можно, но только по прямым копиям, которые, к сожалению, практически не фигурируют в качестве доказательств по материалам уголовных дел – в подавляющем большинстве копий документов присутствуют признаки цифровой обработки изображения.

Литература:

1. О государственной судебно-экспертной деятельности в Российской Федерации. Федеральный закон от 31.05.2001 № 73-ФЗ.
2. Вопросы организации производства судебных экспертиз в экспертно-криминалистических подразделениях органов внутренних дел Российской Федерации. Приказ МВД России от 29.06.2005 № 511.
3. О Методических рекомендациях (вместе с «Методическими рекомендациями по порядку назначения и производства судебных экспертиз в рамках доследственных проверок и расследования преступлений, подследственных Федеральной службе судебных приставов», утв. ФССП России 15.09.2014 № 0004/22). Письмо ФССП России от 18.09.2014 № 00043/14/56151-ВВ.
4. *Ефремова М.В.* Производство судебно-почерковедческой экспертизы по электрофотографическим копиям: Информационное письмо / М.В. Ефремова, В.Ф. Орлова, А.Д. Старосельская // Теория и практика судебной экспертизы. М., 2006. № 1(1); Современные подходы к исследованию копий документов: Информационное письмо //

Literature:

1. About the state forensic expert activity in the Russian Federation. Federal law № 73-FZ of 31.05.2001.
2. Issues related to the organization of forensic examinations in forensic units of the internal Affairs bodies of the Russian Federation. Order of the Ministry of internal Affairs of Russia № 511 of 29.06.2005.
3. About Methodical recommendations (together with «Methodical recommendations on the order of appointment and production of forensic examinations in the framework of pre-investigation checks and investigation of crimes under investigation by the Federal bailiff service», approved. Federal bailiff service of Russia 15.09.2014 № 0004/22). Letter of the FSSP of Russia dated 18.09.2014 № 00043/14/56151-BB.
4. *Efremova M.V.* The Production of forensic handwriting examination for electrophotographic copies: Information letter / M.V. Efremova, V.F. Orlova, A.D. Staroselsky // Theory and practice of forensic examination, M., 2006. № 1(1); Modern approaches to the study of copies of documents: Information letter; Federal state INSTITUTION «Forensic center of

ФГКУ «Экспертно-криминалистический центр МВД РФ» (опубликовано не было).

5. Определение Верховного Суда РФ от 31.05.2016 № 14-КГ16-9.

6. Апелляционное определение Московского городского суда от 14.12.2016 по делу № 33-44682/2016.

7. Апелляционное определение Саратовского областного суда от 16.11.2016 по делу № 33-8743/2016.

8. Определение Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда РФ от 14.03.2017 № 20-КГ16-21.

9. *Барина О.А.* Копии документов как объекты судебной экспертизы: криминалистический и правовой аспекты / О.А. Барина, А.Ф. Купин // Российский судья. 2019. № 6. С. 41–45.

the Ministry of internal Affairs of the Russian Federation» (not published).

5. Ruling of the Supreme Court of the Russian Federation № 14-KG16-9 of 31.05.2016.

6. Appeal ruling of the Moscow city court of 14.12.2016 in case № 33-44682/2016.

7. Appeal ruling of the Saratov regional court of 16.11.2016 in case № 33-8743/2016.

8. Definition of the Judicial Board for civil cases of the Supreme Court of the Russian Federation from 14.03.2017 № 20-KG16-21.

9. *Barinova O.A.* Copies of documents as objects of forensic examination: forensic and legal aspects / O.A. Barinova, A.F. Kupin // Russian judge. 2019. № 6. P. 41–45.

Веснина Снежана Николаевна
кандидат юридических наук,
доцент,
начальник кафедры криминалистики
и специальной техники,
Владивостокский филиал
Дальневосточного юридического института
МВД России,
полковник полиции
SnowV@mail.ru

Неустроева Александра Викторовна
кандидат юридических наук,
доцент кафедры криминалистики
и специальной техники,
Владивостокский филиал
Дальневосточного
юридического института МВД России,
полковник полиции
Shem.vladivostok@mail.ru

Степанюгин Константин Викторович
кандидат философских наук,
доцент кафедры морского права
юридического факультета,
Морской государственный университет
имени Г.И. Невельского
kot_stepanyugin@mail.ru

МОДИФИКАЦИЯ КИБЕРУГРОЗ В УСЛОВИЯХ СЛОЖНОЙ ЭПИДЕМИОЛОГИЧЕСКОЙ ОБСТАНОВКИ, ВЫЗВАННОЙ РАСПРОСТРАНЕНИЕМ ВИРУСА «COVID-19»

■ ■ ■

Аннотация. В статье на основе анализа отчетов экспертов по информационной безопасности и Интерпола рассмотрены особенности способов совершения преступлений в сфере информационно-телекоммуникационных технологий, возросших в условиях пандемии коронавируса по всему миру. Киберпреступники, воспользовавшись сложной эпидемиологической ситуацией и режимом самоизоляции, введенным во многих странах, не только активизировали свою деятельность, но и модифицировали способы совершения преступных деяний.

Ключевые слова: компьютерная информация, информационные технологии, киберпреступность, киберугроз, кибератака, преступление, мошенничество.

■ ■ ■

Интернет, компьютеры и мобильные технологии кардинально изменили современное общество. Хотя это трудно понять, менее двух

Snezhana N. Vesnina
Candidate of Law Sciences,
Assistant Professor,
Head of the Department of Forensic Science
and Special Equipment,
Vladivostok branch
Far Eastern Law Institute of the Ministry
of Internal Affairs of Russia,
Police Colonel
SnowV@mail.ru

Alexandra V. Neustroeva
Candidate of Law Sciences,
Associate Professor of the Department
of Forensic Science and special equipment,
Vladivostok branch the Far East Law Institute
of the Ministry of Internal Affairs of Russia,
Police Colonel
Shem.vladivostok@mail.ru

Konstantin V. Stepanyugin
Candidate of Philosophical Sciences,
Associate Professor of the Department
of Maritime Law Faculty of Law,
Maritime State University
named after G.I. Nevelskoy
kot_stepanyugin@mail.ru

MODIFICATION OF CYBERTHREATS IN COMPLEX EPIDEMIOLOGICAL SITUATION CAUSED BY THE SPREAD OF THE VIRUS «COVID-19»

■ ■ ■

Annotation. Based on the analysis of reports of information security experts and Interpol, the article analyzes the features of ways to commit crimes in the field of information and telecommunications technologies that have increased in the context of the coronavirus pandemic around the world. Cybercriminals, taking advantage of the complex epidemiological situation and the self-isolation regime introduced in many countries, not only intensified their activities, but also modified the ways of committing criminal acts.

Keywords: computer information, information technology, cybercrime, cyber threat, cyber attack, crime, fraud.

■ ■ ■

десятилетий назад большинство людей не владели мобильным телефоном, а персональные компьютеры все еще были довольно дорогими

предметами оборудования. Только некоторые «настоящие компьютерные гуру» могли отправлять корреспонденцию и осуществлять переписку через интернет. Подключение к интернету для конечного пользователя, чаще всего, было возможно через удаленный доступ (коммутируемое подключение к сети посредством модема по преимущественно устаревшим телефонным сетям общего пользования) или по Ethernet (от провайдера специальным кабелем, подключаемым в разъем сетевой карты), а люди платили за доступ в глобальную компьютерную сеть не как в современное время за скорость подключения к сети (пропускную ширину канала), а, преимущественно, за время работы в сети интернет или объем скачанной из сети информации, так называемый интернет-трафик. Системы видеоигр использовали 16-битную графику и не подключались к другим устройствам. Глобальные системы позиционирования (GPS, ГЛОНАСС) изначально создавались в военных ведомствах, использовались, преимущественно, в военных целях, и только в последнее время стали доступны для решения гражданских и коммерческих целей.

Сегодня мы можем уверенно говорить о том, что современное общество перешагнуло в информационную стадию, одним из самых ценных ресурсов стала информация и, как следствие прогресса, большая часть мира становится все более зависимым не от индустриальных ресурсов, а от средств коммуникации и обработки информации. Современный человек стал сильно зависим от компьютеров и мобильных устройств, интернета и сотовой связи. Теперь у множества людей помимо стационарных персональных компьютеров есть подключенные к сети Internet беспроводным способом через ноутбук, сотовые телефоны и другие устройства, а современные видеоигры могут не только удивлять реалистичной графикой, но распространяются и поддерживаются посредством сетевых технологий, имеют подключение к сети для обеспечения мультиплеерной среды и продажи игрового контента. Одна или несколько систем видеоигр, которые могут быть подключены к сети. Обычной стала ситуация, когда у одного человека, кроме того, есть несколько учетных записей электронной почты для личного и делового использования, а также, профили социальных сетей на нескольких платформах. Смартфоны и сотовые телефоны стали предпочтительным способом общения для большинства людей, особенно текстовые сообщения, причем, активно используется не только обычная телефонная связь, но и переписка короткими текстовыми сообщениями, обмен цифровым контентом (файлами с фотографиями, видеороликами, музыкой, текстами, программами и пр.). Активно развиваются и используются сервисы интернет-магазинов, люди также часто покупают товары в интернете, все чаще предпочитают не тратить время на поход в магазин для подбора товара, а изучают подробное описание требуемого товара в виртуальном пространстве и заказывают его доставку. Не обошел стороной прогресс и область литературы, где традиционные бумажные издания постепенно вытесняются их удобными электронными аналогами, бумажные газеты просто не успевают за скоростью прохождения новостей

по электронным СМИ, люди все чаще предпочитают использовать электронные ридеры-устройства для книг и газет, а не традиционные печатные средства массовой информации, а новости узнают на страницах специализированных сайтов или социальных сетей.

Распространение и интеграция в нашу жизнь современных цифровых технологий привело к заметным изменениям в том, как люди взаимодействуют с окружающим миром: делают покупки, общаются и обмениваются информацией в цифровых форматах, что раньше было невозможно. Технологические инновации, по мере их разработки внедрения в повсеместную реальность, вносят изменения в поведение людей, меняют их сознание, преобразовывают как культуру, так и нормы права с ответственностью.

Новые информационные технологии, в основе которых лежит широкое использование компьютерной техники и средств коммуникаций, оптимизации и автоматизации процессов во всех без исключения сферах жизнедеятельности, привели, вместе с этим, к нивелированию границ и переплетению национальных экономик и национальных инфраструктур стран мира. Более того, указанные тенденции привели к формированию единого мирового информационного пространства, где каждый может получить доступ к любой информации в любой точке планеты, осуществлять дистанционно управление собственными активами и активами компании, заключать хозяйственные договоры с иностранными субъектами хозяйствования без необходимости личного контакта и т.д. [1, с. 3].

В этих условиях нельзя не согласиться с Е.Р. Росинской и И.А. Рядовским, что «лавинообразно возрастающий процесс цифровизации, проникновение современных компьютерных технологий практически во все сферы человеческой деятельности: в экономическую, социальную, управленческую, культурную и другие – существенно повлиял на жизнь социума, в том числе, не смог не затронуть и судопроизводство, оказав огромное влияние на видоизменение преступной деятельности в целом» [2, с. 87].

Распространение компьютерных вирусов, мошенничества с платежными картами, хищения денежных средств с банковских счетов, компьютерной информации, нарушение правил эксплуатации разного рода автоматизированных электронных систем – далеко не полный перечень преступлений, совершаемых с помощью компьютерных технологий [3, с. 72]. Наряду с новыми видами преступлений, в нашу жизнь вошел и новый термин: «киберпреступление» – обобщающее понятие, охватывающее «весь спектр преступлений в сфере информационных технологий, будь это преступления, совершённые с помощью компьютеров, или преступления, предметом которых являются компьютеры, компьютерные сети и хранящаяся на этих носителях информация» [4, с. 48].

Сложная эпидемиологическая обстановка во всем мире, вызванная распространением вируса «COVID-19», возникшая с начала 2020 года

повлияла на все сферы жизнедеятельности общества. Введение ограничительных мер и режима самоизоляции явилось определяющим фактором, детерминантой для лавинообразного роста числа пользователей различных сервисов сети «Интернет». Люди, ранее не планирующие осваивать современные цифровые технологии, были вынуждены интегрироваться в новую для них среду общения. Появилось большое число пользователей среднего и старшего поколения, оказавшегося в условиях режима самоизоляции, вынужденных осваивать новые информационные технологии для сохранения связи с миром, сохранения работы и самообеспечения. С учетом малого опыта работы в новой информационной среде, индивидуальных и возрастных факторов, указанные категории пользователей сети стали наиболее уязвимы для манипулирования ими и совершения противоправных действий с их участием. Значительная часть этих людей до пандемии не являлась активными пользователями сервисов сети интернет, не имела знания компьютерной техники, навыков общения с довольно широкой аудиторией, преследующей собственные, далеко не всегда законные, интересы в интернете. Вследствие возраста и менталитета, старшее поколение гораздо доверчивее, более внушаемо и менее критично. Этими обстоятельствами воспользовались киберпреступники.

По данным МВД России, общее количество зарегистрированных в стране преступлений примерно соответствует уровню прошлого года, наблюдается незначительный рост на 0,5 %. Основным фактором, определяющим такое положение дел, является рост киберпреступности. Число преступлений, совершенных с использованием информационно-коммуникационных технологий, выросло на 94,6 %, в том числе, тяжких и особо тяжких – на 129,7 %. При этом расчетные (пластиковые) карты использовались в криминальных целях почти в 6 раз чаще, чем годом раньше, а средства мобильной связи – более чем в 2 раза чаще [5].

В период с января по июль 2020 года зарегистрировано 272737 преступлений, совершенных с использованием информационно-телекоммуникационных технологий или в сфере компьютерной информации. Из них совершенных с использованием или применением: расчетных (пластиковых) карт 101422 преступлений, компьютерной техники – 16426, программных средств – 5725, фиктивных электронных платежей – 735, сети «Интернет» – 155745, средств мобильной связи 115996 преступных посягательств. Преобладающий вид преступлений, совершенных с использованием инфокоммуникационных технологий, различные виды мошенничества. При этом их раскрытаемость составила 24,5 % [6, с. 30–31]. Также, необходимо помнить о том, что данные виды преступлений по различным причинам обладают достаточно высокой степенью латентности, и реальные цифры совершенных преступных посягательств будут значительно выше официально публикуемых на порталах правовой информации.

По данным Интерпола, в связи с пандемией COVID-19 были определены следующие

киберугрозы: развертывание вредоносных доменов, содержащих вредоносные исполняемые файлы – 22 %, использование вредоносных программ и программ-вымогателей – 36 %; фишинг, спам, мошенничество – 59 %; распространение фальшивых новостей – 14 % [7].

Волна фишинговых атак под видом сервисов доставки, о которой «Лаборатория Касперского» сообщила весной, летом превратилась в цунами и дополнилась огромным количеством ресурсов, мимикрирующих под площадки с досками объявлений. Если в апреле счёт поддельных страниц шёл на десятки, то в июле эксперты выявили сотни таких ресурсов.

Злоумышленники создают фишинговые сайты, которые имитируют популярные площадки в сегменте электронной коммерции, заманивая покупателей возможностью выгодно купить, продать или получить товар. Так, например, в апреле эксперты выявили 58 страниц, мимикрирующих под Авито, а в июле – 201. Общее же число обнаруженных подделок под эту площадку за семь месяцев превысило 500. [8]. По заявлениям группы глобальной разведки угроз в Palo Alto Networks® – Подразделения 42, недавно зарегистрированные домены (NRDs) с ключевыми словами «COVID» или «Corona». По состоянию на конец марта 2020 года было обнаружено 116357 недавно зарегистрированных доменов (NRDs) с ключевыми словами «COVID» или «Corona», из них из них 2022 были идентифицированы как вредоносные и 40261 – как «высоко рискованные» [9]. К июню 2020 года Директоратом Интерпола по киберпреступности было выявлено уже около 200000 вредоносных доменов, затрагивающих более 80 стран [7].

Используя пандемию как возможность дать своим атакам больше шансов на успех, субъекты угроз пересмотрели свои обычные схемы онлайн-мошенничества и фишинга. Используя фишинговые электронные письма с тематикой COVID-19, часто выдающие себя за государственные органы и органы здравоохранения, киберпреступники соблазняют жертв предоставлять свои личные данные и загружать вредоносный контент.

Ограничительные меры по борьбе с пандемией, которые во втором квартале частично или полностью сохранялись во многих странах, привели к перемещению привычных нам процессов в онлайн: чаще, чем раньше, люди использовали цифровые ресурсы, как в личных, так и в рабочих целях. Вынужденное перемещение жизни в интернет привело к увеличению количества возможных целей для DDoS-атак. Киберпреступники все чаще используют разрушительные вредоносные программы против критической инфраструктуры и медицинских учреждений из-за потенциального высокого воздействия и финансовой выгоды. Такие вымогатели или DDoS-атаки могут привести к регулярным сбоям или полному прекращению бизнес-операций, а также – временной или постоянной потере важной информации.

Тема COVID-19 активно используется для совершения вредоносных операций. Так, например,

была проведена кибератака, предположительно нацеленная на индийских военных. Злоумышленники распространяли троянские программы под видом приложения для контроля распространения коронавируса, обязательного для установки в Индии. Вскоре после этого, эксперты «Лаборатории Касперского» обнаружили аналогичную атаку, нацеленную уже на пакистанских пользователей мобильных устройств.

По данным «Лаборатории Касперского» одним из ключевых событий прошедшего периода стало то, что группа Lazarus начала вести свою деятельность и в России. Кроме того, в её арсенале появились программы-вымогатели – не типичный для АPT-кампаний инструмент. Также, эксперты обнаружили, что целями Lazarus являются не только кибершпионаж и киберсаботаж, но и кража денег. В числе жертв этой группы в прошлом квартале оказались различные банки и финансовые институты по всему миру.

Группа Microsoft тоже расширила свой инструментарий и использовала необычный троянец. Его внедряли в память системного процесса на устройстве жертвы. Злоумышленники использовали при разработке усовершенствования, которые позволяют затруднить обнаружение и анализ вредоносного программного обеспечения.

Также, в прошедшем квартале был обнаружен неизвестный ранее сложный фреймворк, который закреплялся в ядре Windows с помощью уязвимости в драйвере VirtualBox. Эксперты дали ему название MagicScroll (он же AcidBox).

В марте были обнаружены атаки типа watering hole («атака на водопое») группы HoneyMyte на государственные сайты в Юго-Восточной Азии. В них применялись метод белых списков и техники социальной инженерии. Злоумышленники загружали на устройство обычный ZIP-архив, в состав которого входил файл, активирующий утилиту Cobalt Strike. Для этого они устанавливали DLL-библиотеку, которая шифровала и выполняла код запуска оболочки.

Во втором квартале были отмечены атаки LightSpy, вобравшего в себя функциональность множества общедоступных эксплойтов, на пользователей iOS-устройств. Вредоносное ПО распространялось через Telegram и Instagram [10].

Возросший спрос на медицинские принадлежности и информацию о COVID-19, привел к значительному увеличению числа киберпреступников, регистрирующих доменные имена, содержащие связанные ключевые слова, такие как «коронавирус» или «COVID». Эти мошеннические веб-сайты лежат в основе широкого спектра вредоносных действий, включая серверы C2, развертывания вредоносных программ и фишинга.

Воспользовавшись экономическим спадом и тревогой людей во время пандемии, киберпреступники

Литература:

1. Евразийская группа по противодействию легализации преступных доходов и финансированию

усилили свою тактику социальной инженерии, используя COVID-19 в качестве основы для своих атак. В частности, многие существующие организованные преступные группы изменили свою тактику, чтобы использовать пандемические обновления и нехватку поставок, а также рекламу поддельных лекарств, фискальных пакетов и экстренных льгот.

Значительная доля инцидентов, о которых сообщают правоохранительные органы разных стран, связана с субъекты угроз развертывают тематические фишинговые письма COVID-19 для запроса учетных данных пользователей и паролей. Эти электронные письма часто выдаются за официальные правительственные и медицинские органы, утверждающие, что они предоставляют информацию и рекомендации относительно пандемии.

Фишинговые электронные письма, предположительно отправленные министерствами здравоохранения или Всемирной Организацией Здравоохранения, содержали вредоносные вложения, которые используют уязвимости для запуска вредоносного кода. Вредоносные программы, такие как Emotet, Trickbot и Cerberus, разработанные специально для кражи информации.

Компрометация деловой электронной почты (BEC) по-прежнему является предпочтительной схемой для многих субъектов угроз. Тактика была адаптирована к текущему контексту COVID-19 – подмена адресов электронной почты поставщика и клиента или использование почти идентичных адресов электронной почты – для проведения атак. Крайняя потребность в основных поставках и медицинских продуктах обеспечивает идеальный сценарий для преступников, чтобы собрать детали или перенаправить миллионы долларов средств закупок на преступные счета [7].

Таким образом, с изменением социально-экономической ситуации в мире, изменилась и киберпреступность.

Учитывая эволюцию транснациональных киберугроз, обусловленную COVID-19, особую важность приобретает сотрудничество между национальными правоохранительными органами и своевременное реагирование на запросы о предоставлении информации, которые они получают от других стран, что, в свою очередь, позволит прогнозировать новые тенденции и обмениваться информацией о преступных методах в целях повышения осведомленности и профилактики данных преступлений. Не последнее место занимают также профилактические меры через просвещение и расширение прав и возможностей общественности быть в безопасности в Интернете, путем проведения информационно-просветительских кампаний на национальном уровне.

Literature:

1. Eurasian group on countering money laundering and terrorist financing. The project is a typological

терроризма. Проект типологического исследования на тему Киберпреступность и отмывание денег. 2014. 50 с. URL : https://old.cbr.ru/StaticHtml/File/61493/Tipologiya_kiber_EAG_2014.pdf (дата обращения 23.08.2020).

2. *Россинская Е.Р.* Современные способы компьютерных преступлений и закономерности их реализации / Е.Р. Россинская, И.А. Рядовский // Lex Russica (Русский закон). 2019. №3. С. 87–99.

3. *Шаталов А.С.* Феноменология преступлений, совершенных с использованием современных информационных технологий // Право. Журнал Высшей школы экономики. 2018. № 2. С. 68–83.

4. *Номоконов В.А.* Киберпреступность как новая криминальная угроза / В.А. Номоконов, Т.Л. Тропина // Криминология: вчера, сегодня, завтра. № 1(24), 2012. С.45–55.

5. Краткая характеристика состояния преступности в Российской Федерации за январь-июль 2020 года. URL : <https://мвд.рф/reports/item/20901417/> (дата обращения 23.08.2020).

6. Состояние преступности в России за январь-июль 2020 года. М. : ГИАЦ МВД РФ, 2020. 66 с.

7. INTERPOL report shows alarming rate of cyberattacks during COVID-19. URL : <https://www.interpol.int/News-and-Events/News/2020/INTERPOL-report-shows-alarming-rate-of-cyberattacks-during-COVID-19> (дата обращения 25.08.2020).

8. «Лаборатория Касперского» зафиксировала в июле многократный рост фишинга в сегменте онлайн-продаж и доставки. URL : https://www.kaspersky.ru/about/press-releases/2020_laboratoriya-kasperskogo-zafiksirovala-v-iyule-mnogokratnii-rost-fishinga-v-segmente-onlain-prodazh-i-dostavki (дата обращения 25.08.2020).

9. *Szurdi J.* Studying How Cybercriminals Prey on the COVID-19 Pandemic / J. Szurdi, Zh. Chen, O. Starov, A. McCabe, R. Duan. URL : <https://unit42.paloaltonetworks.com/how-cybercriminals-prey-on-the-covid-19-pandemic/> (дата обращения 25.08.2020).

10. Никакого локдауна: «Лаборатория Касперского» о сложных атаках во втором квартале. URL : https://www.kaspersky.ru/about/press-releases/2020_nikakogo-lokdauna-laboratoriya-kasperskogo-o-slozhnih-atakah-vo-vtorom-kvartale (дата обращения 25.08.2020).

study on the topic of Cybercrime and money laundering. 2014. 50 p. URL : https://old.cbr.ru/StaticHtml/File/61493/Tipologiya_kiber_EAG_2014.pdf (accessed 23.08.2020).

2. *Rossinskaya E.R.* Modern methods of computer crimes and patterns of their implementation / E.R. Rossinskaya, I.A. Ryadovsky // Lex Russica (Russian law). 2019. № 3. P. 87–99.

3. *Shatalov A.S.* Phenomenology of crimes committed using modern information technologies // Right. Journal of the Higher school of Economics. 2018. № 2. P. 68–83.

4. *Nomokonov V.A.* Cybercrime as a new criminal threat / V.A. Nomokonov, T.L. Tropina // Criminology: yesterday, today, tomorrow. № 1(24), 2012. P. 45–55.

5. Brief description of the state of crime in the Russian Federation for January-July 2020. URL : <https://мвд.рф/reports/item/20901417/> (accessed 23.08.2020).

6. The state of crime in Russia for January-July 2020. M. : Giac of the Ministry of internal Affairs of the Russian Federation, 2020. 66 p.

7. INTERPOL report shows alarming rate of cyberattacks during COVID-19. URL : <https://www.interpol.int/News-and-Events/News/2020/INTERPOL-report-shows-alarming-rate-of-cyberattacks-during-COVID-19> (accessed 25.08.2020).

8. «Kaspersky Lab» recorded a multiple increase in phishing in the segment of online sales and delivery in July. URL : https://www.kaspersky.ru/about/press-releases/2020_laboratoriya-kasperskogo-zafiksirovala-v-iyule-mnogokratnii-rost-fishinga-v-segmente-onlain-prodazh-i-dostavki (accessed 25.08.2020).

9. *Szurdi J.* Studying How Cybercriminals Prey on the COVID-19 Pandemic / J. Szurdi, Zh. Chen, O. Starov, A. McCabe, R. Duan. URL : <https://unit42.paloaltonetworks.com/how-cybercriminals-prey-on-the-covid-19-pandemic/> (accessed 25.08.2020).

10. No lockdown: Kaspersky lab on complex attacks in the second quarter. URL : https://www.kaspersky.ru/about/press-releases/2020_nikakogo-lokdauna-laboratoriya-kasperskogo-o-slozhnih-atakah-vo-vtorom-kvartale (accessed 25.08.2020).

Волков Вячеслав Русланович
аспирант кафедры уголовного права,
уголовного процесса и криминалистики,
Московский государственный
институт международных отношений
МИД России
slava18-08@yandex.ru

К ВОПРОСУ О НЕКОТОРЫХ ОСНОВНЫХ НАЧАЛАХ НАУКИ УГОЛОВНОГО ПРАВА, ПОВЛИЯВШИХ НА СОДЕРЖАНИЕ ДИФФЕРЕНЦИАЦИИ УГОЛОВНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ

Аннотация. В настоящей статье обращается внимание на причины, повлиявшие на содержание дифференциации уголовной ответственности. Преобладающим методом исследования является исторический метод. Автором делается вывод о том, что дифференциация уголовной ответственности – элемент, находящийся в связи с преступлением и с наказанием; деятельность до начала индивидуализации наказания; она предшествует реализации права наказания, обеспечивая соблюдение положительного уголовного закона в интересах общества.

Ключевые слова: преступление, наказание, право наказания, основания права наказания, дифференциация уголовной ответственности, исторический метод, памятники отечественного права, основные начала уголовного закона.

Уголовное право имеет дело с двумя институтами – преступлением и наказанием. Изменение общественных отношений влияет на их юридическое содержание. Объем понятий, их свойства, связи меняются, юридический быт преобразовывается.

Подтверждение находим у доктора уголовного права Н.С. Таганцева: «Из всех областей права наиболее изменчивым является право уголовное: на понятиях о преступлении и наказании с наглядностью отражаются все политические и социальные повороты народной жизни...» [6, с. 221].

В процессе нормативного образа реализации уголовной ответственности происходит процесс дифференциации уголовной ответственности. В основе такого вывода нравственное оправдание наказания.

Нравственное оправдание наказания побудило профессора С.В. Познышева примириться с его существованием, признать его нравственно законным [4, с. 5]. Объясняется это тем, что

Vyacheslav R. Volkov
Postgraduate student of the Department
of Criminal Law,
Criminal Procedure and Criminalistics
Moscow State Institute of International
Relations of the Russian Ministry
of Foreign Affairs
slava18-08@yandex.ru

TO THE QUESTION OF SOME BASIC PRINCIPLES OF THE SCIENCE OF CRIMINAL LAW THAT INFLUENCED THE CONTENT OF DIFFERENTIATION OF CRIMINAL RESPONSIBILITY

Annotation. This article draws attention to the reasons that influenced the content of differentiation of criminal liability. The prevailing method of research is the historical method. The author concluded that the differentiation of the criminal liability – an item that is in connection with crime and punishment, activities before the start of individualization of punishment, it precedes the realization of the right of punishment in enforcing positive criminal law in the public interest.

Keywords: crime, punishment, right of punishment, grounds for the right of punishment, differentiation of criminal responsibility, historical method, monuments of domestic law, basic principles of criminal law.

«каждая общественная наука должна прийти к сознанию своей связи с этикой...» [4, с. 4].

Наказание является возмездием, основывается на нравственном законе справедливости, лежащем в основании всякого нравственного порядка [7, с. 303].

Поскольку право наказания признано нравственно законным, вопрос о его основаниях остаётся открытым. Ответ ищется в свойствах человека (в чувственных, нравственных свойствах), в свойствах человеческого общества, в свойствах человеческого мышления, в общественном договоре [2, с. 54–58].

Думается, что основными началами можно назвать содержание понятий «преступление» и «наказание», поскольку возникающие отношения именно между людьми, вкладываемый в них смысл, отражают нравственные, социальные ориентиры народа.

Преступлением должно считаться такое деяние, которое выходит за пределы свободы личности,

совместимой с общим прогрессом, посягает на какое-либо благо других людей и не может быть в достаточной мере предупреждено, если его не будет сопровождать, в качестве последствия, уголовное наказание. Под правовыми благами понимаются конкретные отношения, вещи и состояния лиц или вещей, которые охраняются законом под страхом наказания [4, с. 127–133].

Уголовное наказание нравственно законно, поскольку является мерой психического противодействия деяниям, недопустимым с точки зрения общих интересов граждан [4, с. 77].

Причины существующей правовой реальности и дифференциации уголовной ответственности лежат в истории отечественного государства и права. С помощью исторического и сравнительного методов возможно «уяснить истинный смысл норм, имеющих корни в прошлом...» [3, с. 2–3].

Проследим воплощение такой идеи, ознакомившись с некоторыми сторонами памятников отечественного права и условиями жизни народа.

Одним из древних отечественных памятников права является Русская Правда (датируется концом X века). Она была открыта в 1738 году В.Н. Татищевым [8, с. 6]. К 1940 году имелись сведения о 112 списках Русской Правды [8, с. 15]. Её нормы имели казуальный характер, частные начала.

Профессор Н.В. Калачев обращал внимание на то, что списки Русской Правды и Уставы о церковных судах содержались в Кормчих книгах [7, с. 336–337], которые хранились в монастырях.

Судебник 1497 года сохранился в единственном списке. Его узаконения не исчерпывали всех правовых реалий, которые были выражены и в нормах вотчинного, общинного права [9, с. 4].

Судебник 1550 года насчитывал более пятидесяти списков [9, с. 53]; являлся источником права (ст. 97) [10, с. 107], но не был единственным источником права.

В 1833 году В.М. Строевым впервые был поднят вопрос о роли христианского учения в законодательстве царя Алексея Михайловича [9, с. 264].

В результате деятельности исследователей были разработаны три направления: православно-риторическое, православно-аналитическое, государственно-светское [9, с. 274].

В 1845 году И.А. Максимович высказал мнение, согласно которому «Уложение смотрит на преступление оком Веры, считает оное не только нарушением законов государственной власти, но и неуважением к закону Божию, оскорблением Божества... Отсюда же объясняется строгость уголовных наказаний за преступление вообще и, в особенности, против Веры, государя, государства» [9, с. 268].

В труде А.М. Богдановского, опубликованном в 1857 году правовед-криминалист отмечал, что в законодательстве XVII века «...почти весь

юридический быт тогдашнего времени был прикрыт, защищён грозой законного наказания». Это произошло под влиянием эволюции светского права с середины XV до начала XVIII столетия под влиянием греко-римского законодательства и православной церкви. Духовенство занималось издавна уголовными делами, но, в отличие от княжеского суда, церковь судила «...не для того, чтобы удовлетворить обиженного и вознаградить материальный вред, причинённый преступлением, – она видела в последнем единственно греховное, злое дело, беззаконие, преступление страха и закона Божия, богомерзкое дело и налагала церковные и светские наказания» [9, с. 268–269].

В работе, изданной П.Д. Колосовским в 1859 году, отмечено: «С принятием Уложения допущено участие субъективной стороны, этот элемент получает характер основного начала. Преступник является здесь не только нарушителем прав человеческих, но и божеских – «забывателем» христианской религии, её повелений» [9, с. 269–270].

Профессор Владимир Линовский отмечал, что «в Уложении не встречаются начала так называемой политики уголовного права; Уложению не могли быть известны начала новой немецкой школы...мера наказания должна быть основана на личных качествах преступника. Словом, в Уложении преимущественно господствуют понятия о справедливости, развитые в древности греками, по которым для определения внутреннего отношения между преступлением и наказанием нужно было прибегнуть к началу возмездия» [1, с. 111].

Уложение стремилось основать наказание на чистых началах правды и справедливости, а не на временных и преходящих. Церковное право имело влияние на Уложение тем, что сообщило свой характер системе наказаний [1, с.2].

Развитие начал уголовного права, их применение осуществлялись постепенно. На смену частным началам приходили общие начала. Вопрос об их соотношении является актуальным.

Принятие христианства, влияние духовенства в некоторой части на быт [5, с. 5], нравственность народа, культура народа, развитие государства и права оказывали влияние на правовую действительность, на меняющееся содержание понятий преступление и наказание.

Правоведы, воспитанные в традициях отечественного права, подчёркивали связи с религией, с нравственностью. В учении о наказании право наказания, теории, обосновывающие начало права наказания, опирались не только на юридическую действительность, но и на иные формы взаимоотношений людей друг с другом.

Появление субъективного начала, вышеперечисленные обстоятельства представляются необходимыми для понимания общего развития содержания дифференциации уголовной ответственности. Она находится в границах содержания основных понятий уголовного права. Их содержание

преходящее; условия применения дифференциации уголовной ответственности – изменчивы, её границы подвижны. Вместе с тем, она опирается на законы справедливости, субъективное начало, религию.

Исторический и наблюдаемый сравнительный подходы, факт отнесения уголовного права к общественным наукам разрешают представить дифференциацию уголовной ответственности следующим образом: элемент, находящийся в

Литература:

1. *Линовский В.А.* Исследование начал уголовного права, изложенных в уложении царя Алексея Михайловича. Одесса : Гор. тип., 1847.
2. *Малиновский И.А.* Лекции по истории русского права. Томск : типо-лит. Сиб. т-ва печ. дела, 1907.
3. *Немировский Э.Я.* Основные начала уголовного права. Одесса : Б. И., 1917.
4. *Познышев С.В.* Основные начала науки уголовного права: общ. часть уголов. права. 2-е изд., испр. и доп. М., 1912.
5. *Розенкампф Г.А.* О Кормчей книге : введение к сочинению барона Г.А. Розенкампфа. СПб., 1827.
6. *Таганцев Н.С.* Русское уголовное право : лекции : часть общая : в 2-х т. Т. 1. СПб., 1902.
7. *Томсинов В.А.* Российские правоведы XVIII—XX веков : очерки жизни и творчества : в 3-х т. Т. 1. М. : Зерцало-М, 2015.
8. *Правда Русская* : в 3-х т. Т. 1. / Под общ. ред. Б.Д. Грекова. М.; Ленинград, 1940.
9. *Судебник 1497 г. в контексте истории русского и зарубежного права XI–XIX вв. / Ин-т рос. истории РАН [и др.] ; [Баранов К.В. [и др.]; Под общ. ред. А.Н. Сахарова. М. : Парад, 2000.*
10. *История отечественного государства и права: хрестоматия. Ч. 1. XI–XVIII вв. / Сост. В.М. Дерескова. Иркутск : Иркутский юрид. ин-т (филиал) Акад. Ген. прокуратуры Рос. Фед., 2011.*

связи с преступлением и с наказанием; деятельность до начала индивидуализации наказания; она предшествует реализации права наказания, обеспечивая соблюдение положительного уголовного закона в интересах общества. Дифференциация уголовной ответственности поддерживается, с одной стороны, законодателем, который определяет её пределы, обеспечивается судебным усмотрением судей, с другой стороны.

Literature:

1. *Linovsky V.A.* Research of the principles of criminal law set forth in the code of Tsar Alexey Mikhailovich. Odessa : Mountain type, 1847.
2. *Malinovsky I.A.* Lectures on the history of Russian law. Tomsk : typo-lit. Sib. t-va pech. dela, 1907.
3. *Nemirovsky E.Ya.* Basic principles of criminal law. Odessa : B. I., 1917.
4. *Poznyshev S.V.* Basic principles of the science of criminal law: general part of the criminal rights. 2-nd ed., Ispr. and ext., M., 1912.
5. *Rozenkampf G.A.* Of a rudder book : an introduction to the work of Baron G.A. Rozenkampf. SPb., 1827.
6. *Tagantsev N.S.* Russian criminal law: lectures: general part : in 2 p. P. 1. SPb., 1902.
7. *Tomsinov V.A.* Russian jurists of the XVIII–XX centuries: essays on life and creativity : in 3 p. P. 1. M. : Zertsalo-M, 2015.
8. *The Russian Truth* : in 3 p. P. 1. / Under the general ed. of B.D. Grekov M.; Leningrad, 1940.
9. *The Sudebnik 1497 in the context of the history of Russian and foreign law of the XI–XIX centuries / Int Rus. istorii RAS [and etc.]; [Baranov K. V. [and etc.]; under the general ed. of A. N. Sakharov. M. : Parade, 2000.*
10. *History of the Russian state and law: reader. Part 1. XI–XVIII centuries / Compiled by V.M. Deresкова. Irkutsk : Irkutsk yurid. in-t (branch) Akad. Gen. Prosecutor's office of the Russian Federation, 2011.*

Гаврилов Владимир Николаевич

кандидат юридических наук,
доцент,
профессор кафедры гражданского права,
Саратовская государственная
юридическая академия
vladimirrgavrilov@rambler.ru

Бажко Сергей Иванович

студент Института прокуратуры,
Саратовская государственная
юридическая академия
sergbaz1999@gmail.com

Попов Илья Дмитриевич

студент Института прокуратуры,
Саратовская государственная
юридическая академия
z89517274177@gmail.com

**ОСОБЕННОСТИ
ДОГОВОРА КОНТРАКТАЦИИ
В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ**

Аннотация. В данной статье рассматриваются правила Гражданского кодекса РФ, касающиеся нормативного регулирования института контрактации. Цель работы заключается в разработке предложений по развитию и преобразованию договора контрактации как коммерческого договора. Исследование базируется на анализе Гражданского Кодекса РФ, а также, гражданского законодательства Украины, Республики Беларусь, Франции, США. В результате исследовательской работы были рассмотрены вопросы о внедрении в ГК РФ положений об ограничении договора контрактации и договора поставки, о субъектном составе данного договора, а также о более детальном раскрытии понятия вины производителя сельскохозяйственной продукции.

Ключевые слова: договор контрактации, поставка, вина, производитель, заготовитель, предпринимательское право, государство, непреодолимая сила.

Сельское хозяйство является одной из важнейших областей мировой экономики, в целом, и экономики Российской Федерации, в частности. Нормальное функционирование данного сектора обусловлено несколькими факторами, к которым относят и качественное правовое регулирование общественных отношений, возникающие между различными субъектами, в том числе, между производителем сельскохозяйственной продукции и заготовителем, а также, общее развитие информационных технологий, вызвавших структурные сдвиги в мировой экономике и

Vladimir N. Gavrilov

Candidate of Juridical Sciences,
Associate Professor,
Professor of the Department of Civil Law,
Saratov State Law Academy
vladimirrgavrilov@rambler.ru

Sergey I. Bazhko

Student the Institute of Prosecution,
Saratov State Law Academy
sergbaz1999@gmail.com

Ilya D. Popov

Student the Institute of Prosecution,
Saratov State Law Academy
z89517274177@gmail.com

**FEATURES
OF THE CONTRACT OF CONTRACTING
IN THE RUSSIAN FEDERATION**

Annotation. Considered the rules of the Civil Code of the Russian Federation regarding the regulatory framework of the institution of contracting. The purpose of the work is to develop proposals for the development and transformation of the contract of contracting as a commercial contract. The study is based on an analysis of the Civil Code of the Russian Federation, as well as the civil legislation of Ukraine, Belarus, France, the USA. As a result of the research work, questions were examined on introducing provisions in the Civil Code of the Russian Federation on the delimitation of a contract and a supply contract, on the subject composition of this contract, as well as on a more detailed disclosure of the concept of guilt of an agricultural producer.

Keywords: contract of contract, supply contract, wine, producer, procurer, commercial law.

породивших новые виды общественных отношений в товарно-денежном обороте [11].

Договор контрактации является разновидностью договора поставки, который, в свою очередь, является видом купли-продажи и заключается в области реализации и продажи сельскохозяйственной продукции. Данный договор регулируется нормами §5 гл. 30 раздела IV Гражданского кодекса Российской Федерации (далее – ГК РФ) [1]. Стоит отметить, что предметом договора поставки должны быть товары, только

производимые или закупаемые поставщиком [12]. Неурегулированные гражданским законодательством, условия договора контрактации также могут регулироваться правилами о договоре поставки.

Ключевая особенность договора контрактации заключена в его предмете. Так, ГК РФ указывает, что предметом договора является выращенная (произведенная) сельскохозяйственная продукция. Сельскохозяйственная продукция включает в себя зерновые, овощные, фруктовые культуры растений и т.д., а также – живой скот, птицу, молочные продукты, шерсть и т.д. При этом данная продукция должна соответствовать ассортименту, качеству и количеству, что заранее оговариваются сторонами. Это – существенное условие при заключении договора контрактации.

Следует отметить, что предметом контрактации может выступать только та сельскохозяйственная продукция, которая будет выращена или произведена в будущем, т.е., после заключения договора контрактации. Эту позицию также разделяют и большинство судов [10]. В противном случае, стороны заключают обычный договор поставки. К примеру, Постановлением ФАС Северо-Кавказского округа от 24 января 2007 г. № 08-7234/2006 [6] указано, что предметом договора может быть только будущий урожай. Однако в судебной практике можно встретить и противоположное мнение. Так, в Постановлении ФАС Уральского округа от 24 августа 2006 г. № Ф09-7329/06-С6 [7] закреплено, что предметом договора может являться и уже существующая сельскохозяйственная продукция. Такая путаница связана с несовершенством регулирования договора контрактации.

В Гражданских кодексах Украины и Республики Беларусь (далее – ГК Украины и ГК РБ соответственно) договор контрактации и договор поставки сельскохозяйственной продукции разграничены именно предметом договора. В п. 1 ст. 713 ГК Украины [8] и в п. 1 ст. 506 ГК РБ [9] указано, что по договору контрактации производитель обязуется вырастить (произвести) сельскохозяйственную продукцию.

Таким образом, отсутствие разграничения между договором контрактации и договором поставки приводит к фактическому смешению двух разновидностей договора купли-продажи. Статью 535 ГК РФ следовало бы дополнить пунктом 1.1, который указывал бы, что: «Предметом договора контрактации является выращенная (произведенная) сельскохозяйственная продукция в будущем».

В вышеуказанной статье ГК РФ закреплено, что сторонами по договору контрактации являются производитель сельскохозяйственной продукции и заготовитель. Некоторые ученые считают, что ими могут быть любые субъекты гражданского права, которые обладают необходимым объемом прав для заключения сделок [15]. Однако существует и другая позиция, согласно которой производителем должен быть только индивидуальный предприниматель или юридическое лицо [16].

По нашему мнению, договор контрактации является классическим примером предпринимательского договора. К примеру, во Франции договор контрактации регулируется нормами Коммерческого кодекса. Заключать договор контрактации вправе сельскохозяйственные производители, а также – промышленные и торговые предприятия [13]. Именно поэтому заключать договор контрактации должны только специалисты в этой области, т.е., лица, осуществляющие предпринимательскую деятельность, что и должно быть специально закреплено в ГК РФ.

В ст. 538 ГК РФ зафиксировано, что производитель сельскохозяйственной продукции несет ответственность только при наличии вины. В данном случае производитель должен будет доказать, что поставка урожая сорвалась вследствие чрезвычайных или непредотвратимых обстоятельств (ч. 3 ст. 401 ГК РФ [2]).

В судебной практике выработалась позиция, согласно которой только при наличии весомых доказательств, подтверждающих факт невиновности, суд может освободить производителей сельскохозяйственной продукции от ответственности. При этом возникает вопрос: Какие же доказательства указывают на невиновность лица? К примеру, справки метеорологических служб, которые свидетельствуют о засухе или обильных осадках, рассматриваются лишь в качестве подтверждения погодных условий.

Так, в апелляционной инстанции по делу № А50-2817/2014 суд, отклоняя доводы ответчика о том, что из-за засухи он не смог исполнить обязательство, указал: «Ответчик, являясь коммерческой организацией, которая действует в рамках предпринимательской деятельности, должна проявлять осмотрительность и разумность при заключении сделок (п. 2 ст. 50 ГК РФ)» [5]. Причем, ответчиком помимо справок метеослужб были представлены различные акты, отчеты и сведения, характеризующие состояние и гибель сельскохозяйственных культур и скота, пострадавших от засухи. В Постановлении Президиума ВАС РФ от 20 марта 2012 г. № 14316/11 указано, что к обстоятельствам непреодолимой силы относятся только объективно непредотвратимые события [4]. Как указывает Головин Н.М., при разрешении дела об исключении ответственности вследствие обстоятельств непреодолимой силы «суд должен исследовать, предприняло ли лицо достаточные меры для предупреждения и (или) ликвидации последствий» [14]. Именно поэтому в этом деле ответчику необходимо было доказать факт, что он не мог предвидеть и предотвратить события чрезвычайного характера, продемонстрировать суду наличие причинно-следственной связи между неблагоприятными погодными условиями и неисполнением договора. Поэтому на практике суды не так просто снимают вину с производителей сельхозпродукции, что соответствует требованиям логики и принципам института гражданско-правовой ответственности.

В ст. 8 Федерального закона № 53-ФЗ «О закупках и поставках сельскохозяйственной продукции, сырья и продовольствия для государственных

нужд» (далее – Федеральный закон № 53-ФЗ), в частности, указано, что подразумевается под событиями чрезвычайного характера (засуха, наводнение и другие форс-мажоры), а также, раскрывается признак непредвиденных обстоятельств [3]. Возникает насущный вопрос: Почему такие положения не были также закреплены в ст. 538 ГК РФ, так как наличие определенных критериев позволяет хоть как-то сориентировать правоприменителя при установлении наличия вины в действиях сторон?

Необходимо рассмотреть особенности договора контрактации в зарубежных государствах.

Так, во Франции вместо договора контрактации применяется договор поставки продукции и услуг. Типовые договоры поставки продукции и услуг содержат основные условия и обязанности для сторон, в том числе, порядок установления цен, сроки и ответственность. Фактически, законодатель заранее разрабатывает наиболее оптимальные условия сотрудничества для хозяйствующих субъектов. С экономической точки зрения, это «вертикальная интеграция», от которой выигрывают обе стороны: производитель выращивает или производит продукцию для конкретного заготовителя, который помимо того, что обязан купить данную продукцию, также, оказывает определенную поддержку и производителю. Такая форма сотрудничества получила широкое распространение в этой стране.

В США крупные оптовые компании, занимающиеся закупкой плодоовощной и сельскохозяйственной продукции, прямо заинтересованы в том, чтобы фермерские хозяйства развивались и поэтому оказывают им поддержку. Она может заключаться как в обеспечении фермеров необходимым оборудованием или расходным материалом, так и в разработке для них специальных технологических программ для производства продукции. В хозяйства могут направляться специалисты заказчиков для контроля за исполнением обусловленных договорами технологии выращивания плодов и овощей [17].

В России используется передовой опыт зарубежных стран (и Франции, и США, в том числе), о чем свидетельствуют положения Федерального закона № 53-ФЗ. Так, государство предоставляет льготы по налогообложению, целевые дотации, кредиты, необходимую материальную базу, а также иные меры поддержки для реализации заключенного контракта. Однако данная система не будет работать до тех пор, пока не будут

Литература:

1. Часть вторая Гражданского кодекса Российской Федерации от 26 января 1996 г. № 14-ФЗ (ред. от 18 марта 2019) // Собрание законодательства РФ: 1996. № 5. Ст. 410; 2019. № 12. Ст. 1224.

2. Часть первая Гражданского кодекса Российской Федерации от 30 ноября 1994 г. № 51-ФЗ

выработаны четкие критерии, которые позволят определить, что подразумевается под «непредвиденными обстоятельствами, возникшими после его заключения в результате событий чрезвычайного характера». В противном случае, производителю сельскохозяйственной продукции не имеет никакого смысла сотрудничать с государством, так как он как никто другой знает, что производство сельскохозяйственной продукции – это тяжелая, рискованная деятельность, которая зависит от множества факторов, а при неисполнении обязательств по контракту едва ли он сможет доказать свою невиновность.

Положения ГК РФ направлены на заключение единичных сделок, причем, стороны по договору могут работать между собой годами. Задача законодателя заключается в разработке такой нормативной базы, которая делала бы выгодным постоянное сотрудничество производителя сельскохозяйственной продукции и заготовителя, рассчитанное как минимум на 5 лет, а не на 2 года, как это указано в Федеральном законе № 53-ФЗ. Такой пятилетний срок обусловлен спецификой производства сельскохозяйственной продукции, когда при сотрудничестве государство требует от сельхозпроизводителей достижения определенных результатов, однако, если срок будет небольшим, то о приемлемых показателях не может идти речи. Также, учитывая риски бизнеса, и тот факт, что при не достижении результатов государству необходимо будет вернуть денежные средства, т.к. в рамках существующих сроков смысл поддержки теряется.

Таким образом, в России договор контрактации нуждается в преобразовании. Во-первых, необходимо четкое ограничение договора контрактации от договора поставки. Во-вторых, должно быть закреплено, что сторонами договора контрактации могут стать только субъекты предпринимательской деятельности. В-третьих, необходимо определить, в чем выражается вина производителя при неисполнении договора контрактации. В-четвертых, необходимо закрепить в Федеральном законе № 53-ФЗ (в ст. 7) срок постоянного сотрудничества на 5 лет.

В заключение хотелось бы отметить, что развитие экономики, в том числе и сектора сельского хозяйства, напрямую зависит от правовой базы. Договор контрактации должен превратиться из обычного гражданско-правового договора в договор сотрудничества между производителем и заготовителем.

Literature:

1. Part two of the Civil Code of the Russian Federation of January 26, 1996 № 14-FZ (as amended on March 18, 2019) // Collection of legislation of the Russian Federation: 1996. № 5. Art. 410; 2019. № 12. Art. 1224.

2. Part one of the Civil Code of the Russian Federation of November 30, 1994 № 51-ФЗ (as amended

(ред. 03.08.2018) // Собрание законодательства РФ: 1994. № 32. Ст. 3301; 2018. № 32. Ст. 5132.

3. Федеральный закон от 2 декабря 1994 № 53-ФЗ «О закупках и поставках сельскохозяйственной продукции, сырья и продовольствия для государственных нужд» (ред. 19.07.2011) // Собрание законодательства РФ: 1994. № 34. Ст. 3540; 2011. № 30. Ст. 4596.

4. Постановление Президиума Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации от 20 марта 2012 г. № 14316/11 // Федеральные арбитражные суды РФ. URL : http://arbitr.ru/bras.net/f.aspx?id_casedoc=1_1_43fe30c6-3562-412a-99de-37b33160d508 (дата обращения 05.07.2020).

5. Постановление Семнадцатого Апелляционного Арбитражного Суда от 06 октября 2014 г. по делу № А50-2817/2014. URL : https://kad.arbitr.ru/Document/Pdf/0f8e896b-4cbb-4495-8228-ca0bdde97d8e/f25c2895-98c0-46d8-9438-01729d2f4ad3/A50-2817-2014_20141006_Reshenija_i_postanovlenija.pdf?isAddStamp=True (дата обращения 05.07.2020).

6. Постановление ФАС Северо-Кавказского округа от 24 января 2007 г. № 08-7234/2006 // Судебная практика. URL : <http://www.alppp.ru/court/fas-severo-kavkazskogo-okruga/06-2007/postanovlenie-fas-severo-kavkazskogo-okruga-ot-27-06-2007--f08-31832007-po-delu--a53-1333.html> (дата обращения 05.07.2020).

7. Постановление ФАС Уральского округа от 24 августа 2006 г. № Ф09-7329/06-С6 по делу № А07-19376/2005. // Судебная практика. URL : <https://www.lawmix.ru/ural/50803> (дата обращения 05.07.2020).

8. Гражданский кодекс Республики Беларусь от 7 декабря 1998 г. № 218-3 // Кодексы Республики Беларусь. URL : <http://xn----7sbakgchdukjdc8auvwj.xn--90ais/> (дата обращения 05.07.2020).

9. Гражданский кодекс Украины от 16 января 2003 г. № 435-IV // Юрист. URL : https://online.zakon.kz/document/?doc_id=30418568 (дата обращения 05.07.2020).

10. *Астраханкин А.А.* Проблемы ответственности производителя сельскохозяйственной продукции по договору контрактации // Юриспруденция. 2009. № 4(16). С. 13–19.

11. *Гаврилов В.Н.* Криптовалюта как объект гражданских прав в законодательстве России и ряда зарубежных стран / В.Н. Гаврилов, Р.М. Рафиков // Вестник экономики, права и социологии. Казань, 2019. № 1. С. 51–59.

12. *Гаврилова А.М.* Договор поставки в условиях рыночной экономики : дис. ... канд. юрид. наук: Саратов, 2001. 201 с.

13. *Годунов В.Н.* Договор контрактации как правовая форма реализации произведенной

on August 3, 2018) // Collection of legislation of the Russian Federation: 1994. № 32. Art. 3301; 2018. № 32. Art. 5132.

3. Federal law «On the procurement and supply of agricultural products, raw materials and food for state needs» dated 02.12.1994 № 53-FZ (as amended on July 19, 2011) // Collected Legislation of the Russian Federation: 1994. № 34. Art. 3540; 2011. № 30. Art. 4596.

4. Resolution of the Presidium of the Supreme Arbitration Court of the Russian Federation of March 20, 2012 № 14316/11 // Federal Arbitration Courts of the Russian Federation. URL : http://arbitr.ru/bras.net/f.aspx?id_casedoc=1_1_43fe30c6-3562-412a-99de-37b33160d508 (accessed date 05.07.2020).

5. The judgment of the Seventeenth Arbitration Court of Appeal of October 6, 2014 in case № А50-2817/2014. URL : https://kad.arbitr.ru/Document/Pdf/0f8e896b-4cbb-4495-8228-ca0bdde97d8e/f25c2895-98c0-46d8-9438-01729d2f4ad3/A50-2817-2014_20141006_Reshenija_i_postanovlenija.pdf?isAddStamp=True (accessed date 05.07.2020).

6. The decision of the FAS of the North Caucasus District dated January 24, 2007 № 08-7234/2006 // Judicial practice. URL : <http://www.alppp.ru/court/fas-severo-kavkazskogo-okruga/06-2007/postanovlenie-fas-severo-kavkazskogo-okruga-ot-27-06-2007--f08-31832007-po-delu--a53-1333.html> (accessed date 05.07.2020).

7. Decision of the Federal Antimonopoly Service of the Ural District of August 24, 2006 № F09-7329/06-С6 in the case № А07-19376 / 2005. // Arbitrage practice. URL : <https://www.lawmix.ru/ural/50803> (accessed date 05.07.2020).

8. Civil Code of the Republic of Belarus dated December 7, 1998 № 218-3 // Codes of the Republic of Belarus. URL : <http://xn----7sbakgchdukjdc8auvwj.xn--90ais/> (accessed date 05.07.2020).

9. The Civil Code of Ukraine of January 16, 2003 № 435-IV // Lawyer. URL : https://online.zakon.kz/document/?doc_id=30418568 (accessed date 05.07.2020).

10. *Astrakhankin A.A.* Problems of the responsibility of an agricultural producer under a contract of contract // Jurisprudence. 2009. № 4(16). P. 13–19.

11. *Gavrilov V.N.* Cryptocurrency as an object of civil rights in the legislation of Russia and a number of foreign countries / V.N. Gavrilov, R.M. Rafikov // Bulletin of Economics, Law and Sociology. Kazan, 2019. № 1. P. 51–59.

12. *Gavrilova A.M.* The supply contract in a market economy : dis. ... cand. legal Sciences: Saratov. 2001. 201 p.

13. *Godunov V.N.* Contracting contract as a legal form of sales of agricultural products // Problems of

сельскохозяйственной продукции // Проблемы гражданского права и процесса: сб. науч. ст. Гродно : ГрГУ, 2012. С. 90–105.

14. *Головин Н.М.* Феномен непреодолимой силы: цивилистическое исследование : дис. ... канд. юрид. наук. Пермь : 2013. 72 с.

15. Гражданское право : учебник : в 2 т. / Под ред. Б.М. Гонгало. 2-е изд., перераб. и доп. М. : Статут, 2017. Т. 2. 543 с.

16. *Гришаев А.А.* Договор контрактации сельскохозяйственной продукции // Хозяйство и право. 2012. № 6. С. 62–66.

17. *Румянцева Н.В.* Договорные отношения и контрактация в сельском хозяйстве. М. : ВНИИТЭИСХ, 1974. 40 с.

civil law and process: Sat. scientific Art. Grodno: GrSU, 2012. P. 90–105.

14. *Golovin N.M.* Force Majeure Phenomenon: A Civilizational Study : dis. ... cand. legal sciences. Perm : 2013. 72 p.

15. Civil law : textbook : in 2 t. / Ed. B.M. Gongalo. 2nd ed., Rev. and add. M. : Statute, 2017. T. 2. 543 p.

16. *Grishaev A.A.* Contract for the contracting of agricultural products // Management and law. 2012. № 6. P. 62–66.

17. *Rumyantseva N.V.* Contractual relations and contracting in agriculture. M. : VNIITEISKH, 1974. 40 p.

Гончаров Дмитрий Константинович
адъюнкт 1 курса кафедры криминалистики,
Краснодарский университет Министерства
внутренних дел Российской Федерации
Dmitrij.goncharov.2016@mail.ru

КРИМИНАЛИСТИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ НЕЗАКОННОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ПО ОРГАНИЗАЦИИ И ПРОВЕДЕНИЮ АЗАРТНЫХ ИГР В НОВЫХ СУБЪЕКТАХ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Аннотация. Азартная игорная деятельность влияет на развитие преступности и негативно сказывается на экономической деятельности Российской Федерации, являясь одной из самых криминализованных отраслей российской экономики и одним из наиболее прибыльных видов нелегального бизнеса. В статье рассмотрены тенденции и закономерности развития незаконных организации и проведения азартных игр. Проанализированы статистические данные таких преступлений. Рассмотрены некоторые проблемные вопросы противодействия незаконной организации и проведения азартных игр в Российской Федерации, в том числе в Республике Крым и г. Севастополе.

Ключевые слова: незаконная деятельность, организация и проведение, азартные игры, организатор, уголовное дело, борьба.

Азартная игорная деятельность влияет на развитие преступности и негативно сказывается на экономической деятельности Российской Федерации и является «одной из самых криминализованных отраслей российской экономики и одним из наиболее прибыльных видов нелегального бизнеса» [8].

Преступники постоянно совершенствуют механизм своей криминальной деятельности, обходя законные требования по организации легальной азартной игорной деятельности. Проблема противодействия незаконной азартной игорной деятельности с использованием криминалистических средств, приемов и методов имеет высокую степень актуальности для нашей страны.

18 марта 2014 года Крым и город Севастополь были включены в состав Российской Федерации на основании договора, который был подписан Президентом РФ, правительством Крыма и главой г. Севастополя. Таким образом, в состав РФ добавилось два таких субъекта, как Республика Крым и город Севастополь.

Dmitry K. Goncharov
Adjunct 1st year
at the Department of Criminalistics,
Krasnodar University of the Ministry of Internal
Affairs of the Russian Federation
Dmitrij.goncharov.2016@mail.ru

FORENSIC FEATURES OF COUNTERING ILLEGAL ACTIVITIES IN THE ORGANIZATION AND CONDUCT OF GAMBLING IN THE NEW SUBJECTS OF THE RUSSIAN FEDERATION

Annotation. Gambling affects the development of crime and negatively affects the economic activity of the Russian Federation. It is one of the most criminalized branches of the Russian economy and one of the most profitable types of illegal business. The article examines the tendencies and patterns of the development of illegal organization and conduct of gambling. Analyzed the statistical data of such crimes. Some problematic issues of countering illegal organization and conduct of gambling in the Russian Federation, including in the Republic of Crimea and the city of Sevastopol, are considered.

Keywords: illegal activity, organizing and conducting, gambling, organizer, criminal case, fight.

Период с 18.03.2014 г. до 01.01.2015 г. являлся переходным, для того, чтобы была возможность перенастроить работу предприятий, учреждений под новое для Крыма законодательство.

Согласно Федеральному конституционному закону от 21.03.2014 г. № 6-ФКЗ «О принятии в Российскую Федерацию Республики Крым и образовании в составе Российской Федерации новых субъектов – Республики Крым и города федерального значения Севастополя», с 01.01.2015 г. в Крыму действует законодательство Российской Федерации и нормативно-правовые акты органов местного самоуправления, которые были приняты после 18.03.2014 г., в том случае, если они не противоречат федеральному законодательству [9].

Такого рода изменения в России повлияли на развитие незаконной игорной деятельности и борьбу с ней.

Следует отметить, что до вступления в состав Российской Федерации на территории Крыма,

уголовные дела, связанные с незаконным игорным бизнесом, расследовали следователи органов внутренних дел.

Начиная с 18 марта 2014 года, сбор материалов и документирование преступлений, связанных с незаконной организацией и проведением азартных игр, осуществляют сотрудники МВД России, работающие в сфере экономической безопасности и противодействия коррупции, а также, сотрудники Федеральной службы безопасности Российской Федерации.

Обратившись к п. 1 ч. 2 ст. 151 Уголовно-процессуального Кодекса Российской Федерации, мы видим, что предварительное следствие по уголовным делам, которые предусмотрены ст. 171.2 УК РФ, осуществляется следователями Следственного комитета РФ [7].

Такое распределение процессуальных обязанностей, возможно, усложняет отдельным коррумпированным должностным лицам способствовать не привлечению к уголовной ответственности организаторов и участников организованных преступных групп и преступных сообществ, осуществляющих незаконное проведение азартных игр.

В период 2014–2015 гг. происходит повсеместный переход Республики Крым и г. Севастополя на законодательство Российской Федерации. Приводятся в соответствие уголовные дела и все процессуальные документы в целом. Это объясняет отсутствие в Крыму возбужденных уголовных дел в период 2014–2015 гг. по признакам ст. 172.1 УК РФ о незаконных организации и проведения азартных игр.

Федеральные целевые программы и многомиллиардные вливания в экономику Крыма, в том числе, в строительство таких глобальных проектов, как «Крымский мост» и трасса «Таврида» привлекли внимание криминалитета, и Крым стал неким плацдармом теневого бизнеса, немалый пласт которого занимает незаконная игорная деятельность. Не удивительно, что организаторов азартных игр это привлекло, и они переместили часть своего теневого бизнеса с материковой части России на территорию Крыма, войдя в преступный сговор с лицами, ранее осуществлявшими данную незаконную деятельность.

18.06.2007 Правительством Российской Федерации было издано Постановление № 376 «Об утверждении положения о создании и ликвидации игорных зон» определен порядок создания и ликвидации игорных зон на территории Российской Федерации [2].

С целью интеграции и возможности наиболее эффективного применения Федерального Закона от 29.12.2006 № 244 «О государственном регулировании деятельности по организации и проведению азартных игр и о внесении изменений в некоторые законодательные акты Российской Федерации», 30.11.2015 в Крыму принят Закон № 170 «О государственном регулировании деятельности по организации и проведению азартных игр в игорной зоне на территории Республики Крым».

Изучая ч. 1 и ч. 2 ст. 5 Закона РК № 170, мы видим, что для осуществления деятельности по организации и проведению азартных игр на территории игорной зоны необходимо получить специальные разрешения, порядок выдачи которых устанавливается Советом Министров Республики Крым [1].

В соответствии с Распоряжением Совета Министров Республики Крым от 15.06.2016 г. № 624-р, определены границы игорной зоны на территории Республики Крым. Границы игорной зоны устанавливаются в точном соответствии с границами участка земли, который расположен в муниципальном образовании Ялта, в районе пгт. Гаспра. Кадастровый номер данного земельного участка 90:25:000000:418 [4].

Начиная с 18.03.2014 г. и по настоящее время, на территории Крыма не был создан орган управления указанной игорной зоной, в связи с чем, никому не выдавались разрешения на организацию и проведение азартных игр.

На основании изложенного, мы приходим к выводу о том, что осуществление организации, а также проведения азартных игр в Крыму с использованием информационно-телекоммуникационных сетей, и мировой сети «Интернет» в игорной зоне и за ее пределами запрещены.

Таким образом, организация и проведение азартных игр с использованием информационно-телекоммуникационных сетей, в том числе, сети «Интернет», а также, организация и проведение азартных игр в игорной зоне на территории Республики Крым запрещены.

Обращаясь к статистическим данным МВД по выявлению преступлений в сфере незаконной игорной деятельности, начиная с 2016 по 2019 гг., можно проследить ежегодную динамику их роста на территории Республики Крым. При этом на территории всей Российской Федерации наблюдается снижение таких преступлений.

Так, следственными органами Республики Крым в 2016 году приняты решения о возбуждении 8 уголовных дел по ст. 171.2 УК РФ, в 2017 – 9, в 2018 – 11, в 2019 – 20. За 7 месяцев 2020 г. возбуждено всего 2 уголовных дела [5].

На территории г. Севастополя прослеживается небольшое количество уголовных дел данной категории. Так, в 2016 году возбуждено – 1 уголовное дело, в 2017 – 2, в 2018 – 0, в 2019 – 2, за 7 месяцев 2020 г. уголовные дела не возбуждались [5].

Статистика такого рода преступлений на всей территории РФ свидетельствует о значительном их снижении. Так, за 2016 год возбуждено 1340 уголовных дел по ст. 171.2 УК РФ, за 2018 – 1093, за 2019 – 999, за период 7 месяцев 2020 года – 534 преступления. [3].

Изучив ряд уголовных дел по ст. 171.2 УК РФ, возбужденных и направленных в суд на территории Республики Крым, можно предположить, что с каждым годом улучшается качество сбора первичных материалов и доказательной базы, в том

числе, полученной в рамках Федерального закона 12.05.1995 № 144-ФЗ «Об оперативно-разыскной деятельности» [10]. Данное обстоятельство свидетельствует о том, что правоохранительные органы Республики Крым и г. Севастополя ежегодно оттачивают мастерство и идут в ногу со временем, не давая организаторам и участникам незаконных азартных игр уйти от ответственности.

В ходе анализа уголовных дел о незаконных организации и проведении азартных игр, можно сделать вывод о том, что наиболее значимым источником получения дохода организаторами азартных игр является неконтролируемые наличные денежные средства, полученные в качестве оплаты от игроков. Данные денежные средства, как правило, используются для организации работы игорных клубов, в том числе, для уплаты аренды, выплаты заработной платы работникам, «выигрышей» игрокам игорных клубов. Организаторами азартных игр на территории Крыма, как правило, используется специализированное компьютерное оборудование, предназначенное для подключения с помощью сети «Интернет» через определенные логин и пароль к удаленному серверу, на котором и проводятся азартные игры.

Одним из проблемных вопросов является отсутствие возможности установить местонахождение удаленных серверов, используемых для проведения азартных игр. Как правило, доступ к указанным ресурсам предоставляется организаторам азартных игр на территории Крыма за, так называемую, «абонентскую плату» (роялти), которая осуществляется с использованием систем перевода денежных средств (QIWI, WebMoney) без идентификации плательщика и получателя.

Федеральный закон от 29.12.2006 № 244-ФЗ «О государственном регулировании деятельности по организации и проведения азартных игр и о внесении изменений в некоторые законодательные акты Российской Федерации», говорит о том, что «игровым оборудованием являются устройства или приспособления, используемые для проведения азартных игр» [11].

Зачастую, в помещениях, в которых предоставляются услуги в виде азартных игр, используются обычные компьютеры, подключенные к сети «Интернет» с возможностью выхода к удаленному серверу, на платформе которого и осуществляется проведение азартных игр. К такому оборудованию можно отнести системные блоки персональных компьютеров, мониторы, моноблоки, манипуляторы, устройства ввода информации, маршрутизаторы. Установить местонахождение удаленных серверов, зачастую, не представляется возможным по техническим причинам, а также применяемым организаторами мерам конспирации. В ходе проверочных мероприятий указанное компьютерное оборудование отключается от сети «Интернет» и, соответственно, отключается от удаленного сервера, на котором осуществлялась азартная игра. При проведении экспертными учреждениями компьютерно-технической экспертизы установить наличие на жестких дисках изъятого оборудования программ или модулятора случайных числовых комбинаций

(генератор случайных чисел), определяющих выигрыш или проигрыш участников азартных игр, зачастую, не удается.

В связи с изложенным, экспертные учреждения в своих выводах не относят оборудование, на котором осуществляет свою деятельность организатор азартных игр, к игровому, а проводимые игры – к азартным.

При этом необходимо указать на то, что для признания какого-либо оборудования игровым, необходимо на стадии сбора доказательств подтвердить факт проведения азартных игр с использованием данного оборудования, механизм проведения игры, факт получения денежного выигрыша.

В период с 2015 года по настоящее время на территории Крыма выявлен ряд организованных преступных групп и преступных сообществ, одни из которых осуществляли одновременно незаконную игорную деятельность на территории г. Керчи и г. Ялты; другие – на территории г. Керчи и г. Севастополя, на территории г. Керчи, пгт. Ленино и г. Евпатории, г. Симферополя, г. Ялты, г. Евпатории, г. Феодосии, г. Керчи.

Как правило, организаторы азартных игр заранее продумывали методы конспирации своей незаконной деятельности, сообщая участникам своих преступных групп сведения о якобы предоставлении в местах проведения игр предоставления услуг по аренде компьютеров с возможностью выхода в сеть «Интернет». Поэтому при проведении проверок таких заведений их сотрудники, как правило, дают такие пояснения сотрудникам правоохранительных органов, с целью введения в заблуждение последних о законности деятельности, которую они осуществляют.

Однако при грамотном проведении проверок и сборе необходимых доказательств такие версии легко разрушаются на стадии досудебного следствия.

Показательным является приговор Киевского районного суда г. Симферополя от 25.03.2019, согласно которому одному из организаторов незаконной игорной деятельности на территории Крыма, назначено наказание в виде лишения свободы сроком 12 лет.

Исходя из практики выявления и расследования преступлений указанной категории, для повышения эффективности работы в данной сфере необходимо разработать пошаговый алгоритм выявления преступлений в виде незаконной организации и проведения азартных игр, проводить тематические занятия, а также, межведомственные совещания с представителями территориальных следственных подразделений следственного комитета и прокуратуры по вопросам реализации материалов проверок и выработки решений по возникающим проблемным вопросам.

Только путем сплоченной работы и плотного взаимодействия оперативных, следственных, надзорных и судебных органов можно добиться положительных результатов в противодействии и

профилактике незаконных организации и проведения азартных игр, принося тем самым определенный вклад в сохранение стабильности

Литература:

1. Закон Республики Крым от 30 ноября 2015 года № 170-ЗРК/2015 «О государственном регулировании деятельности по организации и проведению азартных игр в игорной зоне на территории Республики Крым» Официальный сайт Правительства Республики Крым. URL : <https://rk.gov.ru/ru/document/show/10966> (дата обращения 10.09.2020).
2. Постановление Правительства РФ от 18.06.2007 № 376 (ред. от 28.05.2019) «Об утверждении Положения о создании, ликвидации и изменении границ игорных зон» // Доступ из справочно-правовой системы «Консультант Плюс». URL : http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_69125 (дата обращения 10.09.2020).
3. Раздел «Статистика и аналитика». Подраздел «Состояние преступности». Официальный сайт МВД России. URL : <https://xn--b1aew.xn--p1ai/folder/101762> (дата обращения 10.09.2020).
4. Распоряжение Совета министров Республики Крым от 15 июня 2016 года № 624-р «Об определении границ игорной зоны на территории Республики Крым» Официальный сайт Правительства Республики Крым. URL : <https://rk.gov.ru/ru/document/show/5664> (дата обращения 10.09.2020).
5. Результаты деятельности (информационно-аналитические справки) // Официальный сайт МВД по Республике Крым. URL : https://82.xn--b1aew.xn--p1ai/Dejatelnost/Rezultati_dejatelnosti/ (дата обращения 10.09.2020).
6. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 г. № 63-ФЗ (ред. от 31.07.2020 г.) // Доступ из справочно-правовой системы «Консультант Плюс». URL : http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_10699/b20820739fab5a2c2645f2c2dba2d73e9025f6e4/ (дата обращения 08.09.2020).
7. Уголовно-процессуальный Кодекс Российской Федерации от 18.12.2001 № 174 ФЗ (ред. от 31.07.2020) // Доступ из справочно-правовой системы «Консультант Плюс». URL : http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_34481/a8ce863fe783cf2bec75f4f1de3e5ffb7b4cc043/ (дата обращения 09.09.2020).
8. *Усенко О.В.* Реализация оперативно-тактических комбинаций на различных этапах расследования незаконных организации и проведения азартных игр : автореф. дис. ... кан. юр. наук. Ростов-н/Д., 2019. 25 с.
9. Федеральный конституционный закон от 21.03.2014 № 6-ФКЗ (ред. от 31.07.2020) «О принятии в Российскую Федерацию Республики Крым и образовании в составе Российской Федерации новых субъектов – Республики Крым и

экономики отдельных регионов и Российской Федерации, в целом.

Literature:

1. Law of the Republic of Crimea dated November 30, 2015 № 170-ЗРК/2015 Law of the Republic of Crimea/ 2015 «On state regulation of activities related to the organization and conduct of gambling in the gambling zone on the territory of the Republic of Crimea» Official website of the Government of the Republic of Crimea. URL : <https://rk.gov.ru/ru/document/show/10966> (date of access 09/10/2020).
2. Decree of the Government of the Russian Federation of 18.06.2007 № 376 (revised from 28.05.2019) «On approval of the Regulation on the creation, liquidation and change of the boundaries of gambling zones» // Access from the reference legal system «Consultant Plus». URL : http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_69125 (date of treatment 09/10/2020).
3. Section «Statistics and Analytics». Subsection «State of Crime». Official website of the Ministry of Internal Affairs of Russia. URL : <https://xn--b1aew.xn--p1ai/folder/101762> (date of access 09/10/2020).
4. Order of the Council of Ministers of the Republic of Crimea dated June 15, 2016 № 624-r «On Determining the Boundaries of the Gambling Zone on the Territory of the Republic of Crimea» Official website of the Government of the Republic of Crimea. URL : <https://rk.gov.ru/ru/document/show/5664> (date of treatment 09/10/2020).
5. Results of activities (information and analytical information) // Official website of the Ministry of Internal Affairs in the Republic of Crimea. URL : https://82.xn--b1aew.xn--p1ai/Dejatelnost/Rezultati_dejatelnosti/ (date of access 09/10/2020).
6. The Criminal Code of the Russian Federation of 13.06.1996. № 63-FZ (as amended on 31.07.2020) // Access from the reference legal system «Consultant Plus». URL : http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_10699/b20820739fab5a2c2645f2c2dba2d73e9025f6e4/ (date of access 09/08/2020).
7. The Criminal Procedure Code of the Russian Federation of 12/18/2001 № 174 FZ (as amended on 07/31/2020) // Access from the reference legal system «Consultant Plus». URL : http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_34481/a8ce863fe783cf2bec75f4f1de3e5ffb7b4cc043/ (access date 09/09/2020).
8. *Usenko O.V.* Implementation of operational-tactical combinations at various stages of the investigation of illegal organization and conduct of gambling : author's abstract dis. ... can. legal entity sciences. Rostov-on/D. : 2019. 25 p.
9. Federal Constitutional Law of March 21, 2014 № 6-FKZ (as amended on July 31, 2020) «On the acceptance of the Republic of Crimea into the Russian Federation and the formation of new subjects within the Russian Federation – the Republic of

города федерального значения Севастополя» // Доступ из справочно-правовой системы «Консультант Плюс». URL : http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_160618/ (дата обращения 07.09.2020).

10. Федеральный закон от 12.08.1995 № 144-ФЗ «Об оперативно-розыскной деятельности» // Доступ из справочно-правовой системы «Консультант Плюс». URL : http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_7519/(дата обращения 09.09.2020).

11. Федеральный закон от 29.12.2006 № 244-ФЗ (в редакции от 31.07.2020) «О государственном регулировании деятельности по организации и проведению азартных игр и о внесении изменений в некоторые законодательные акты Российской Федерации» // Доступ из справочно-правовой системы «Консультант Плюс». URL : http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_10699/b20820739fab5a2c2645f2c2dba2d73e9025f6e4/ (дата обращения 10.09.2020).

Crimea and the federal city of Sevastopol» // Access from the Consultant Plus legal reference system. URL : http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_160618/ (date of treatment 09/07/2020).

10. Federal Law of 12.08.1995 № 144-FZ «On Operational Investigation Activities» // Access from the reference legal system «Consultant Plus». URL : http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_7519/ (date of access 09/09/2020).

11. Federal Law of December 29, 2006 № 244-FZ (as amended on July 31, 2020) «On state regulation of activities related to the organization and conduct of gambling and on amendments to certain legislative acts of the Russian Federation» // Access from the Consultant Plus legal reference system. URL : http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_10699/b20820739fab5a2c2645f2c2dba2d73e9025f6e4/ (date of treatment 09/10/2020).

Дзюба Александр Олегович
магистрант кафедры криминалистики
юридического факультета,
Московский государственный университет
имени М.В. Ломоносова
lyuba.muerte@yandex.ru

Шманцарь Юлия Александровна
аспирантка отдела
конституционного права,
Институт законодательства
и сравнительного правоведения
при Правительстве Российской Федерации
6414627s@gmail.com

ДОПУСТИМОСТЬ ГЕНЕТИЧЕСКОЙ ДАКТИЛОСКОПИИ И СОЗДАНИЯ БАЗ ДАННЫХ ДНК С ТОЧКИ ЗРЕНИЯ КРИМИНАЛИСТИКИ И КОНСТИТУЦИОННЫХ ПРАВ И СВОБОД ЧЕЛОВЕКА

Аннотация. Цель исследования: обратить внимание на проблемы, связанные с внедрением ДНК – идентификации в повседневную жизнь, изучить зарубежный опыт использования генетических баз данных, рассмотреть указанную деятельность с точки зрения криминалистики и рассмотреть проблему отсутствия ее четкой законодательной регламентации.

Методы: в работе были использованы как общенаучные методы, такие как анализ, синтез, индукция и дедукция, так и собственно юридические методы – метод сравнительного правоведения, юрико-догматический.

Результаты: авторы обосновывают возможность использования ДНК – идентификации граждан для целей расследования преступлений при строгом соблюдении принципов законности, добровольности и непротиворечивости указанной деятельности Конституции Российской Федерации.

Выводы: в ходе исследования авторы пришли к выводу об отсутствии законодательной регламентации использования генетической дактилоскопии. Развитие научного и технического прогресса, опыт зарубежных стран определяют необходимость использования генетической базы данных и в России.

Ключевые слова: ДНК – идентификация; конституционные права; криминалистика; преступление; база данных; гражданин; генетическая паспортизация; раскрытие преступлений; добровольность; международное право.

Alexander O. Dzyuba
Master's student at the Department
of Forensic Science Faculty of Law,
Moscow State University
named after M.V. Lomonosov
lyuba.muerte@yandex.ru

Ulia A. Shmantsar
Graduate student of the Department
Constitutional Law,
Institute of Legislation and Comparative
Jurisprudence under the Government
of the Russian Federation
6414627s@gmail.com

WHETHER GENETIC INFORMATION IS ACCEPTABLE FINGERPRINTING AND CREATING DNA DATABASES IN TERMS OF CRIMINALISTICS AND CONSTITUTIONAL RIGHTS AND HUMAN RIGHTS

Annotation. Object: to draw attention to the problems associated with the introduction of DNA identification in everyday life, study foreign experience in using genetic databases, assess the possible risks of genetic certification, consider this activity from the point of view of criminology and consider the problem of its lack of clear legislative regulation..

Methods: both General scientific methods such as analysis, synthesis, induction and deduction were used in the work, as well as legal methods proper – the method of comparative law, jurico-dogmatic.

Findings: the authors substantiate the possibility of using the DNA identification of citizens for the purposes of investigating crimes in strict compliance with the principles of legality, voluntariness and consistency of this activity of the Constitution of the Russian Federation.

Conclusions: in the course of the study, the authors concluded that there is no legal regulation of the use of genetic fingerprinting. The development of scientific and technological progress and the experience of foreign countries determine the need to use the genetic database in Russia as well.

Keywords: DNA identification; constitutional rights; forensic science; crime; database; citizen; genetic certification ; detection of crimes; voluntariness; international law.

Введение (Introduction).

На сегодняшний день мы находимся в том времени, когда наука и техника стремительно развивается. Биология, медицина, генная инженерия вырабатывают новые методы лечения болезней, улучшения качества жизни. Такой прогресс помогает решить и иные задачи, например – идентификационную. Стремительный прогресс ставит перед нами вопрос – насколько прогресс в развитии (генетики, медицины) может быть использован для вмешательства в сущность человеческого индивида, т.е., в каких пределах допустимо вмешательство права, медицины и биологии в человеческую сущность, чтобы не затрагивать его достоинство и не нарушать его фундаментальные права» [5, с. 6]? Действительно, последние научные достижения открывают перед нами широкие перспективы развития во многих областях, но они не должны ставить под угрозу права и свободы человека.

Около 150 лет назад было сделано одно из величайших открытий в истории науки генетики – обнаружение ДНК. В 1985 году ДНК было предложено использовать для идентификации людей (по отличиям молекул). В те годы эта идея была воспринята позитивно, хотя подходы к ДНК-идентификации были различны в разных странах, зачастую технически сложны и не исключали ошибок при проведении экспертиз. На сегодняшний день развитие этой теории прошло большой путь, а правоохранительные органы используют один общий метод [4, с. 285].

Материалы и методы (Materials and methods).

Для анализа ДНК – идентификации граждан в целях сбора необходимой доказательственной базы в работе использованы общенаучные методы анализа и синтеза. Материалы о генетической базе данных синтезированы и проанализированы. Также, в работе использованы собственно юридические методы, метод сравнительного правоведения для оценки уже имеющихся статей Федерального закона, регулирующих сбор и хранение образцов ДНК и разработке на основе этого анализа комплексных принципов и охраны генетической базы данных граждан Российской Федерации

Литературный обзор (Literature Review).

Поскольку проблема использования генетических данных граждан достаточна нова для общества, несмотря на ее актуальность, трудов по данной тематике не много. В ходе изучения проблематики были исследованы основные имеющиеся работы, затрагивающие рассмотренную проблему. Были изучены работы: Аминова Ф.Г., Чемерис А.В., Анисимова В.А., Гарафутдинова Р.Р., Сагитова А.М., Сахабутдиновой А.Р., Хуснутдиновой Э.К., «ДНК-криминалистика – зарождение, современность и перспективы», Квачадзе М.О. «Эксперименты в сфере генной инженерии и правовые вопросы».

Обсуждение (Discussion).

Генетическая дактилоскопия успешно используется для установления родства, идентификации

трупов и останков людей, идентификации преступников и раскрытия преступлений. С тех пор как экспертиза ДНК стала использоваться в расследовании, она считается непогрешимым доказательством. Однако большая часть анализа, который проводится в настоящее время в лабораториях, часто подвергается субъективной или предвзятой оценке, что приводит к ошибочным результатам экспертизы.

Идентификация личности с помощью ДНК проводится посредством сравнения ряда нуклеотидов, их закономерной последовательности. Однако некоторые ряды нуклидов бывают ложными, поэтому требуется сравнивать большие образцы. Ошибки также могут возникнуть при смешении образцов. К сожалению, образцы с места преступлений не всегда чисты и берутся в маленьких количествах, а при возникновении повторов рядов эксперты зачастую используют свое субъективное аналитическое мнение [8]. На сегодняшний день широкое распространение получила идея формирования современных криминалистических баз данных ДНК. Такие базы создавались из ДНК-образцов всех лиц, когда либо осужденных или подозреваемых в преступлениях. В Российской Федерации 03 декабря 2008 года был принят Федеральный закон «О государственной геномной регистрации в Российской Федерации» [3], согласно которому обязательной геномной регистрации подлежат лица, осужденные за совершение тяжких или особо тяжких преступлений, а также, всех категорий преступлений против половой неприкосновенности и половой свободы личности и неустановленные лица, биологический материал которых изъят в ходе производства следственных действий. Образцы ДНК обрабатываются и хранятся в Федеральной базе данных геномной информации, оператором которой выступает МВД России.

В 2019 году Президент Российской Федерации подписал Указ [2], который предусматривает осуществление генетической паспортизации населения с учетом правовых основ защиты данных о персональном геноме человека и формирование генетического профиля населения. Эта система предусмотрена для снижения уровня преступности и повышения уровня безопасности страны.

Насколько же допустимо создание генетических баз данных? Нарушает ли конституционные права человека и гражданина его принудительная регистрация в геномных базах данных? И насколько генетическая паспортизация населения отвечает заявленным в конституции правам и свободам человека?

Ч. 1 ст. 23 Конституции Российской Федерации предусматривает, что «каждый имеет право на неприкосновенность частной жизни, личную и семейную тайну, защиту своей чести и доброго имени» [1]. В связи с принятым вышеупомянутым Указом Президента, реализация данного права находится под сомнением, потому что возникает угроза посягательства на неприкосновенность частной жизни. *Предполагается, что генетический паспорт будет отображать уникальные возможности, а также, генетические*

особенности гражданина, например, какими заболеваниями он болел и каким заболеваниям подвержен в будущем. В случае хакерской атаки на генетическую базу данных граждан нашей страны возможна утечка информации, которая повлечет за собой необратимые последствия для всего общества, в целом.

Вместе с этим, под угрозу реализации может попасть и конституционное право на труд. Так, согласно ч. 1 ст. 37 Конституции Российской Федерации, «Труд свободен. Каждый имеет право свободно распоряжаться своими способностями к труду, выбирать род деятельности и профессию» [1]. Но при использовании информации из генетической базы данных работодатель при обнаружении какого-либо заболевания у сотрудника может ему отказать в приеме на работу. По мнению кандидата философских наук, специалиста по философским проблемам биологии и медицины Брызгаловой Елены Владимировны, в данной паспортизации для извлечения собственной выгоды могут быть заинтересованы различные «агенты системы медицинского страхования, работодатели, которые заинтересованы в оценке здоровья своих сотрудников» [7]. Поэтому важно предусмотреть механизм защиты конституционного права на труд гражданина в условиях недопустимости проведения генетического тестирования с целью получения информации работодателем для принятия дальнейшего решения о приеме на работу сотрудника [1].

Использование генетического материала должно подлежать строгой правовой регламентации, чтобы не поставить под угрозу право граждан на получение образования. В соответствии с ч. 2. ст. 32 Конституции, «Граждане Российской Федерации имеют право избирать и быть избранными в органы государственной власти и местного самоуправления, а также участвовать в референдуме» [1]. Генетические заболевания – это заболевания, связанные с изменениями в ДНК на уровне мутаций хромосом, поэтому они могут затрагивать и интеллектуальные способности человека. Но не стоит забывать о том, что у великих людей XX века были проблемы, связанные с таким генетическим заболеванием, как альцгеймер; им были подвержены Уинстон Черчилль, Рональд Рейган, и если бы эта информация была доступна в момент предвыборной кампании, можно ли было говорить об их возможности быть избранными? Нам представляется, что данный факт мог бы поставить под угрозу карьеру данных политических деятелей. «Сбор, хранение, использование и распространение информации о частной жизни лица без его согласия не допускается». Данная норма предусмотрена ч.1 ст. 24 Конституции Российской Федерации и транслируется в обществе как право гражданина на предоставление частной информации о себе по собственному желанию. Согласно ст. 17 Конституции Российской Федерации, права человека и гражданина неотчуждаемы, они признаются и гарантируются основным законом нашей страны, а также, международными правовыми актами. [1] Но вместе с этим, Указ Президента РФ № 97 от

11.03.2019 года предусматривает, что «существует возможность ограничения прав и свобод человека при обеспечении химической и биологической безопасности только в той мере, в какой это необходимо в целях защиты здоровья других лиц, их прав и законных интересов, обеспечения обороны страны и безопасности государства» (п. 2 ст. 11 Указа) [2].

Результаты (Results).

Таким образом, если человек не согласится добровольно на проведение генетического тестирования для паспортизации, то его могут ограничить в своих правах и в свободах. Данная норма, на наш взгляд, противоречит ч.1, ч. 2 ст. 55 Конституции Российской Федерации, а именно: «1. Перечисление в Конституции Российской Федерации основных прав и свобод не должно толковаться как отрицание или умаление других общепризнанных прав и свобод человека и гражданина.

2. В Российской Федерации не должны издаваться законы, отменяющие или умаляющие права и свободы человека и гражданина» [1].

Также, данный Указ ставит перед собой задачи, среди которых можно выделить: «осуществление генетической паспортизации населения с учетом правовых основ защиты данных о персональном геноме человека и формирование генетического профиля населения» (п. 8 ст. 13). Это норма говорит о том, что ДНК будут собирать со всех граждан Российской Федерации, а не только у военных, государственных служащих, а также – служащих силовых структур, преступников.

В свою очередь, можно выделить и положительную тенденцию внедрения генетических паспортов всего населения в других странах. Так, например, в Исландии в профильном генетическом реестре собраны генотипы всего населения. Не отстают и такие страны, как США, Япония, Китай Канада. Генетические базы этих стран используются в социальной направленности и в криминалистике. Прародительницей формирования генетической базы населения является Великобритания. Именно она создала свою национальную базу с 1995 года.

Заключение (Conclusion).

Сегодня современное общество невозможно представить без процессов глобализации, ускорения развития научных и биологических технологий. Данные процессы необратимы, поэтому очень важно не забывать о человеческой природе, конституционных правах и интересах человека, ведь именно они являются высшей ценностью государства. Использование генетической информации граждан, а также, генетическая регистрация населения в национальной базе данных должны осуществляться добровольно и только с согласия человека. В связи с этим, необходимо разработать комплексные принципы и нормы охраны генетической базы данных граждан Российской Федерации.

Литература:

1. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993) (с учетом поправок, внесенных Законами РФ о поправках к Конституции РФ от 30.12.2008 № 6-ФКЗ, от 30.12.2008 № 7-ФКЗ, от 05.02.2014 № 2-ФКЗ, от 21.07.2014 № 11-ФКЗ) // СПС Консультант Плюс.
2. Указ Президента Российской Федерации от 11.03.2019 № 97 «Об Основах государственной политики Российской Федерации в области обеспечения химической и биологической безопасности на период до 2025 года и дальнейшую перспективу» // СПС Консультант Плюс.
3. Федеральный закон «О государственной геномной регистрации в Российской Федерации» от 03.12.2008 N 242-ФЗ // СПС Консультант Плюс.
4. *Аminev Ф.Г.* ДНК-криминалистика – зарождение, современность и перспективы / Ф.Г. Аминев, А.В. Чемерис, В.А. Анисимов, Р.Р. Гарафутдинов, А.М. Сагитов, А.Р. Сахабутдинова, Э.К. Хуснутдинова; Федеральное государственное бюджетное учреждение науки Институт биохимии и генетики Уфимского научного центра Российской академии наук. Уфа : Биомика, 2019. Т. 11(3). С. 282–314.
5. *Квачадзе М.О.* Эксперименты в сфере генной инженерии и правовые вопросы // Московский журнал международного права. 1999. № 3. С. 3–10.
6. О проектах «оздоровления» нации с помощью евгенических абортот и «генетических паспортов». URL : <https://www.liveinternet.ru/users/optina/post214184282/> (дата обращения 02.06.2020 г.).

Literature:

1. The Constitution of the Russian Federation (adopted by popular vote 12.12.1993) (as amended, amended Laws of the Russian Federation on amendments to the Constitution of the Russian Federation from 30.12.2008 № 6-FKZ, from 30.12.2008 № 7-FCL from 05.02.2014 № 2-FKZ, from 21.07.2014 № 11-FKZ) // Consultant Plus.
2. Decree of the President of the Russian Federation of 11.03.2019 № 97 «On the Fundamentals of the state policy of the Russian Federation in the field of chemical and biological safety for the period up to 2025 and beyond» // Consultant Plus.
3. Federal law «On state genomic registration in the Russian Federation» dated 03.12.2008 № 242-FZ // Consultant Plus.
4. *Aminev F.G.* DNA criminalistics – origin, modernity and prospects / F.G. Aminev, A.V. Chemeris, V.A. Anisimov, R.R. Garafutdinov, A.M. Sagitov, A.R. Sakhabutdinova, E.K. Khusnutdinova; Federal state budgetary institution of science Institute of biochemistry and genetics of the Ufa scientific center of the Russian Academy of Sciences. Ufa : Biomika, 2019. Vol. 11(3). P. 282–314.
5. *Kvachadze M.O.* Experiments in the field of genetic engineering and legal issues // Moscow journal of international law. 1999. № 3. P. 3–10.
6. About projects of «health improvement» of the nation with the help of eugenic abortions and «genetic passports». URL : <https://www.liveinternet.ru/users/optina/post214184282/> (accessed data 02.06.2020).

Должникова Екатерина Викторовна
преподаватель кафедры государственных
и гражданско-правовых дисциплин,
Новороссийский филиал Краснодарского
университета МВД России
katyadoll1994@mail.ru

Савосина Наталья Владимировна
старший преподаватель
кафедры государственных
и гражданско-правовых дисциплин,
Новороссийский филиал
Краснодарского университета МВД России
nvsavosina@mail.ru

Караваев Евгений Сергеевич
старший преподаватель
кафедры специальных дисциплин,
Волгодонский филиал Ростовского
юридического института МВД России
evgkaravaev@yandex.ru

ОСОБЕННОСТИ ПРИВЛЕЧЕНИЯ К АДМИНИСТРАТИВНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ ЗА ПОБОИ В СЕМЬЕ

Аннотация. Проблема семейного насилия вызывает беспокойство у общественности и правоохранительных органов, потому что сейчас агрессия в семье проявляется в различных формах. Чаще всего, жертвами становятся женщины и дети. При этом нередко они не обращаются в полицию, чтобы не провоцировать своих обидчиков и вновь не стать их жертвами. Статья посвящена изучению вопросов привлечения к административной ответственности за побои в семье. Акцент делается на насилии в отношении детей – именно они являются наиболее уязвимой категорией, так как в силу возраста не могут противостоять обидчику.

Ключевые слова: побои, домашнее насилие, КоАП РФ, административное правонарушение, воспитание детей, жертва насилия.

Безусловно, проблема семейного насилия вызывает беспокойство у общественности и правоохранительных органов, потому что сейчас агрессия в семье проявляется в различных формах. Чаще всего, жертвами становятся женщины и дети. При этом нередко они не обращаются в полицию, чтобы не спровоцировать своих обидчиков и вновь не стать их жертвами. То есть, достаточно большое количество правонарушений, связанных с насилием в семье, сегодня носит

Ekaterina V. Dolzhnikova
Lecturer of the Department State
and Civil Law Disciplines,
Novorossiysk branch Krasnodar University
of the Ministry of Internal Affairs of Russia
katyadoll1994@mail.ru

Natalia V. Savosina
Senior lecturer of the Department
State and Civil Law Disciplines,
Novorossiysk branch Krasnodar University
of the Ministry of Internal Affairs of Russia
nvsavosina@mail.ru

Evgeny S. Karavaev
Senior lecturer
of the Department Special Discipline,
Volgodonsk branch
Rostov Law Institute of the Ministry
of internal Affairs of Russia
evgkaravaev@yandex.ru

FEATURES OF BRINGING TO ADMINISTRATIVE RESPONSIBILITY FOR BEATINGS IN THE FAMILY

Annotation. The problem of domestic violence is of concern to the public and to law enforcement agencies, because now aggression in the family manifests itself in various forms. Most often, the victims are women and children. In this case, they often do not go to the police, so as not to provoke their offenders and again not to become their victims. The article is devoted to the study of issues of bringing to administrative responsibility for beatings in the family. The focus is on violence against children – they are the most vulnerable category, since they cannot resist the abuser due to their age.

Keywords: beatings, domestic violence, administrative Code of the Russian Federation, administrative offense, parenting, victim of violence.

латентный, скрытый для правоохранительных органов характер.

В 2017 году президент России Владимир Путин подписал закон о декриминализации побоев в семье.

Как заявила тогда Елена Мизулина, побои в отношении членов семьи и других близких лиц должны быть отнесены к административным

правонарушениям, так как за «шлепок» в семье можно получить до двух лет и клеймо «уголовника» на всю жизнь, за побои на улице – штраф до 40 тыс. рублей.

Большинство россиян к изменениям отнеслись отрицательно, о чем говорят данные опроса фонда «Общественное мнение», проведенного 27–28 июля 2019 года в 104 населенных пунктах, при участии 1,5 тысяч респондентов.

По данным исследования, 57 % опрошенных считают ошибкой декриминализацию побоев. Положительно её оценили 26 % россиян, еще 17 % ответить затруднились.

При этом доля тех, кто считает, что насилие в семье должно преследоваться в уголовном порядке увеличилась на 2 % по сравнению с 2018 годом и на 13 % по сравнению с 2016 годом. Число тех, кто согласен с заменой уголовного наказания на административное, выросло на 1 % по отношению к 2018 году и на 3 % по отношению к 2016 году.

Как показывают данные опроса, убеждение в необходимости уголовного преследования за домашние побои, чаще встречается среди женщин. Так, 67 % опрошенных женщин высказались против декриминализации, 20 % – за, 13 % затруднились ответить. Среди мужчин 45 % считают, что насилие в семье должно наказываться в уголовном порядке, 33 % поддерживают декриминализацию, 23 % воздержались от ответа.

Согласно результатам опроса, основная причина, по которой россияне поддерживают декриминализацию домашнего насилия, – уверенность в том, что «административное наказание – тоже наказание». Респонденты, высказавшиеся против, считают, что за домашние побои должно быть «более суровое» наказание (17 %), уверенностью в необходимости «отвечать за свои поступки» (11 %), и тем, что уменьшение ответственности, ведёт к большему насилию (9 %).

Декриминализация «побоев» в КоАП (ст. 6.1.1 КоАП РФ) предоставила возможность привлекать к ответственности членов семьи, совершающих данное правонарушение, в делах о семейном насилии. Поскольку ответственность стала административной и для правонарушителя последствия выступают в виде административного штрафа или административного ареста и пр., а не в виде судимости, члены семьи, в отношении которых были совершены побои, смелее принимают решение о сообщении в полицию о данном факте в отношении своего родственника, зная, что для родственника (близкого человека) – правонарушителя не наступит социально-вредных последствий при назначении административного наказания. Таким образом, у члена семьи появляется возможность «проучить» своего обидчика путем привлечения его к административной ответственности.

В настоящий момент за совершение побоев в семье впервые установлена административная ответственность. При совершении побоев повторно, лицо подвергается уголовной ответственности по ст. 116.1 УК РФ – в этом и заключается принцип административной преюдиции. То есть, законодатель как бы предупреждает правонарушителя и предоставляет возможность задуматься, стоит ли совершать правонарушение.

Более 80 % преступлений против детей в России совершаются родственниками и близкими людьми. Поводами для побоев в семье в «воспитательных целях» служат мелкие провинности или неприязнь к своим детям. В частности, детей били за громкий плач, за нежелание ложиться спать или идти домой, за плохие оценки, за то, что ребенок мешал смотреть телевизор. Родители избивали маленьких детей за то, что их вырвало во время еды и т.д.

Так, в Москве приёмная мать избивала ремнём своего семилетнего сына за неправильное написание буквы «Ж». Ребёнок пришёл в школу с ссадинами и синяками, поэтому учителям пришлось обратиться в органы соцзащиты с заявлением о возможном факте жестокого обращения с несовершеннолетним. В настоящее время в отношении приёмных родителей правоохранительные органы проводят проверку.

Заявителями могут быть родные, знакомые, соседи или незнакомые люди. Так, например, в Калуге родители других детей, заметив, как женщина схватила мальчишку за плечо, начала трясти его и нецензурно обзывать, вызвали полицию. Нарушительницу порядка отвели в отделение, где выяснилось, что совсем недавно она уже была привлечена к административной ответственности за совершение побоев, что уже послужило основанием для ее привлечения к уголовной ответственности.

Сообщить правоохранительным органам о возможном совершенном правонарушении со стороны взрослого могут представители администраций детских садов или школ, если заметят странное поведение ребенка. Заявить может и врач после медосмотра, если обнаружит ссадины и шишки, которые ребенок сам себе неспособен поставить при игре. Так, воспитательница детского сада заметила синяки на руке и спине 6 летнего ребенка, о чем незамедлительно было сообщено в полицию. Полиция выяснила, что 23-летний мужчина имеет такие своеобразные методы воспитания троих детей своей сожительницы. В течение трёх месяцев – с ноября 2018-го по февраль – он ежедневно бил 6-летнего мальчика и его сестёр – одной девочке 2 года, другой 8 лет. За малейшую провинность или под надуманным предлогом он бил их ремнём, давал подзатыльники. Полиция квалифицировала такой воспитательный процесс как административное правонарушение. Инспектором по делам несовершеннолетних было возбуждено дело об административном правонарушении, предусмотренным ст. 6.1.1 КоАП РФ «Побои».

Обычно, побои детей родителями тщательно скрываются, активно вуалируются и подменяются другими событиями, вследствие которых ребенок мог получить синяки, ссадины и следы от побоев. Ни один родитель не признается в том, что телесные повреждения сыну или дочке были нанесены им самим, а не воспитателем, учителем либо другим лицом.

В Твери отправлена на обязательные работы на 60 часов мать, которая сгоряча толкнула сына. Ребенок капризничал, мама не сдержалась. Житейская история обернулась делом об административном правонарушении. Женщина из неприязненных отношений, возникших из-за поведения ребенка, который капризничал, толкнула малолетнего в спину, от чего последний испытал физическую боль, упал и заплакал. Заволжский районный суд Твери признал женщину виновной в совершении административного правонарушения по статье «Побои».

Обратимся к опыту зарубежных стран в привлечении к ответственности лиц, совершающих побои в отношении членов своей семьи и близких родственников. К примеру, в Великобритании семейно-бытовое насилие наказывается сроком до 5 лет лишения свободы, в США – от нескольких месяцев до 3–5 лет лишения свободы в зависимости от степени тяжести причиненного вреда. А во Франции существует наказание для тех, кто стал свидетелем домашнего насилия над детьми и не сообщил об этом в правоохранительные органы.

Таким образом, родители не вправе причинять вред физическому и психическому здоровью детей, их нравственному развитию. Способы воспитания детей должны исключать пренебрежительное, жестокое, грубое, унижающее человеческое достоинство обращение, оскорбление или эксплуатацию. Родители обязаны заботиться о здоровье, физическом, психическом, духовном и нравственном развитии своих детей, обеспечивать их интересы. Это должно быть предметом их основной заботы.

Литература:

1. Более 80 % преступлений против детей в России совершаются в семье. URL : https://vogazeta.ru/articles/2019/9/23/incident/9528-boleee_80_prestupleniy_protiv_detey_v_rossii_v_semie (05.03.2020).
2. В России стали наказывать родителей за побои детей. URL : <https://rg.ru/2019/11/25/v-rossii-stali-nakazyvat-roditelej-za-poboi-detej.html> (05.03.2020).
3. В Воронежской области изверг морил троих детей голодом и ежедневно избивал. URL : <https://moe-online.ru/news/incidents/1036890> (05.03.2020).

В последнее время в обществе вспыхнула активная дискуссия на тему как защитить жертв домашнего насилия.

Сейчас традиционно защита детей от домашнего насилия заключается в их изъятии из представляющей опасность семьи. Ребенок оказывался в детском доме, что зачастую еще хуже. К сожалению, существующих правовых механизмов недостаточно для того, чтобы сотрудники полиции могли во всех случаях быстро обеспечить предотвращение повторения актов насилия.

В настоящее время существует законопроект Федерального закона РФ «О профилактике семейно-бытового насилия», в проекте которого законодатель предлагает закрепить на федеральном уровне цели и основные направления деятельности по предупреждению и профилактике насилия в семейно-бытовой сфере, чтобы подержать семейное благополучие и здоровый климат в российских семьях. На наш взгляд, данные механизмы пути решения данной проблемы эффективны, так как направлены на устранение семейно-бытового насилия, а также – на пресечение предпосылок и причин его возникновения.

Сейчас Оксана Пушкина вместе с группой соавторов разрабатывает законопроект о домашнем насилии. На данный момент формируется его понятийный аппарат. Будут введены определения «семейно-бытовой насилие» и «близкие лица», «охранный ордер» («защитное предписание»). Предполагается, что новый закон будет носить не рамочный характер, а станет основой для реально действующей системы профилактики, пояснила депутат. Охранный ордер представляет собой запрет виновнику жестокого обращения приближаться к пострадавшему, вступать с ним в контакт. Данная мера успешно применяется в других странах.

Введение охранных ордеров облегчит защиту потерпевших и будет работать на профилактику новых актов насилия.

Literature:

1. More than 80 % of crimes against children in Russia are committed in the family. URL : https://vogazeta.ru/articles/2019/9/23/incident/9528-boleee_80_prestupleniy_protiv_detey_v_rossii_v_semie (05.03.2020).
2. In Russia, they began to punish parents for beating children. URL : <https://rg.ru/2019/11/25/v-rossii-stali-nakazyvat-roditelej-za-poboi-detej.html> (05.03.2020).
3. In the Voronezh region, a monster starved three children and beat them daily. URL : <https://moe-online.ru/news/incidents/1036890> (05.03.2020).

4. Лимит на подзатыльники. URL : <https://rg.ru/2019/11/25/rossijskie-sudy-nachali-nakazyvat-roditelej-udarivshih-detej.html> (05.03.2020).

5. ФОМ: большинство россиян не поддерживают декриминализацию домашнего насилия. URL : <https://ria.ru/20190802/1557107607.html> (05.03.2020).

4. Limit on the back of the head. URL : <https://rg.ru/2019/11/25/rossijskie-sudy-nachali-nakazyvat-roditelej-udarivshih-detej.html> (05.03.2020).

5. FOM: most Russians do not support the decriminalization of domestic violence. URL : <https://ria.ru/20190802/1557107607.html> (05.03.2020).

Карлов Илья Викторович

кандидат юридических наук,
преподаватель кафедры управления
и административно-правовых дисциплин
юридического факультета,
Владимирский юридический институт
Федеральной службы
исполнения наказаний России
daniilzykov@mail.ru

Рябчиков Вадим Вячеславович

кандидат юридических наук,
доцент кафедры
публично-правовых дисциплин
факультета права и управления,
Владимирский юридический институт
Федеральной службы
исполнения наказаний России
daniilzykov@mail.ru

**СОЦИАЛЬНО-КУЛЬТУРНЫЕ ФАКТОРЫ
СОВЕРШЕНИЯ ПРЕСТУПЛЕНИЙ
СТУДЕНТАМИ, ОБУЧАЮЩИМИСЯ
В ВЕДОМСТВЕННЫХ
ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫХ ОРГАНИЗАЦИЯХ**

Аннотация. Исследование детерминации преступности является одним из главных направлений в криминологии. В статье рассматриваются основные социальные, культурные и духовно-нравственные факторы совершения преступлений и правонарушений молодыми людьми, обучающимися как в классических высших учебных заведениях, так и в правоохранительной системе : наркотизм, алкоголизм, деформация нравственной культуры личности и др. На основании статистических данных, результатов социологических исследований делается вывод о снижении влияния криминогенных факторов внешней среды на курсантов ведомственных вузов по сравнению со студентами.

Ключевые слова: преступление, криминогенный фактор, наркотизм, обучающийся, курсант, студент.

Исследование детерминации преступности является одним из главных направлений в криминологии. Ввиду многообразия факторов, влияющих на совершение преступлений обучающимися, в данном исследовании предлагаем остановиться на социально-культурных факторах.

Прежде всего, следует отметить такие негативные социальные факторы, как наркотизм и злоупотребление алкоголем. Так, например, в уголовно-исполнительной системе преступления в

Ilya V. Karlov

Candidate of Legal Sciences,
Lecturer of the Department
of Management and Administrative
and Legal Disciplines Faculty of Law,
Vladimir Law Institute
Federal Penitentiary Service of Russia
daniilzykov@mail.ru

Vadim A. Ryabchikov

Candidate of Legal Sciences,
Associate Professor of the Department
Public Law Disciplines Faculty
of Law and Management,
Vladimir Law Institute
Federal Penitentiary Service of Russia
daniilzykov@mail.ru

**SOCIO-CULTURAL FACTORS
OF COMMITTING CRIMES
BY STUDENTS OF DEPARTMENTAL
EDUCATIONAL INSTITUTIONS**

Annotation. The study of the determination of crime is one of the main areas in criminology. The article deals with the main social, cultural, spiritual and moral factors of committing crimes and offenses by students: drug addiction, alcoholism, deformation of the moral culture of the individual, etc. Based on statistical data and the results of sociological research, it is concluded that the influence of criminogenic factors of the external environment on cadets of departmental universities is reduced in comparison with students.

Keywords: crime, criminogenic factor, drug addiction, student, cadet, student.

сфере незаконного оборота наркотиков составили около половины, совершенных курсантами преступлений (и это без учета фактов потребления), а в 18 % случаев преступные деяния были ими совершены в состоянии алкогольного или наркотического опьянения.

По результатам исследований С.Ф. Милюкова, С.А. Ступиной и П.В. Тепляшина, около 60 % опрошенных считают, что достать наркотики в их населенном пункте является очень легкой задачей. При этом каждый третий респондент указал

на то, что имеет в ближайшем окружении лиц, употребляющих наркотики; 6 % опрошенных имели опыт наркопотребления, еще у 10 % возникло желание их попробовать [4; 8]. Аналогичные результаты были получены С.Д. Долгиновым. Каждый второй опрошенный им студент был информирован о видах наркотиков и месте их возможного приобретения, а уровень окружения студентов лицами, употребляющими наркотики, составил от 19 % до 33 % [1].

Негативное влияние ряда криминогенных социальных детерминант, действовавших на молодых людей до времени их поступления на службу, может быть существенно снижено за счет проведения комплексного отбора кандидатов, что подтвердили результаты наших социологических исследований: количество студентов, отметивших прием обучающимися наркотиков в качестве причины совершения преступлений, почти в 7 раз больше, чем курсантов, увлечение алкоголем – более чем в 5 раз, увлечение азартными играми – почти на 20 % больше.

Согласно Концепции реализации государственной политики по снижению масштабов злоупотребления алкогольной продукцией и профилактике алкоголизма среди населения Российской Федерации на период до 2020 года, злоупотребление алкоголем является одной из основных причин социальной деградации определенной части общества, которая, в том числе, выражается в росте преступности и насилия. При этом за последние 10 лет удельный вес преступлений, совершаемых в состоянии алкогольного опьянения, вырос более чем в 2 раза – с 13,0 % в 2009 г. до 30,7 % в 2019 г. (по итогам 7 месяцев 2020 г. – 30,8 %).

По результатам исследования, проведенного Е.В. Кунц среди учащейся молодежи, было установлено, что 5,3 % употребляет алкоголь ежедневно, 21,3 % – раз в 2–3 дня, 27,8 % – раз в неделю, 19,8 % – 2–3 раза в месяц, остальные – очень редко. Таким образом, среди городской молодежи в возрасте 14–22 лет «группа риска» составляет, как минимум, 26,6 % [3]. Сложная ситуация и среди молодых людей, поступающих в ведомственные вузы. Так, по данным С.Н. Шатиловича, лишь в 4 % семей молодых людей, поступающих на службу, спиртные напитки не употребляют, а в 70 % семей не осуждают даже злоупотребление алкоголем [9].

Злоупотребление алкоголем распространено и в уголовно-исполнительной системе. Согласно ведомственной статистике, в течение многих лет наблюдалась тенденция снижения количества данных нарушений: в 2007 г. было выявлено 848 фактов злоупотреблений алкоголем (69 среди курсантов), 2010 г. – 545 и 45 фактов соответственно, 2015 г. – 218 и 23. Однако в последние годы отмечался прирост нарушений: в 2017 г. – 256 и 13, в 2018 г. – 277 и 10 фактов.

Значительная часть криминологов в качестве причин совершения преступлений в России отмечают общую деградацию ценностей, снижение у населения духовной культуры и иммунитета к

криминальной деятельности, углубление процесса аномии в обществе [6]. По результатам исследований, проведенных сотрудниками Института психологии Российской академии наук, было установлено, что одной из особенностей нравственного состояния российского общества является его криминализация. В ценностно-смысловой сфере молодежи с 1990-х усилилась роль ценностей и норм криминальной морали – агрессивности (на 3,93 %), алчности (на 5,22 %), аномии (на 2,62 %), грубости (на 2,92 %), жестокости (на 3,85 %), меркантильности (на 4,79 %), наглости (на 4,22 %), ненависти (на 3,93 %), хамства (на 2,86 %), эгоизма (на 3,86 %) [7]. Все это может приводить к использованию противоправных методов решения конфликтных ситуаций и совершению преступлений.

Деградация духовно-нравственной сферы курсантов может проявляться и в нарушении правил поведения, антиобщественных формах досуга, неосознании морально-правовых последствий своих действий, которые расцениваются в качестве вполне допустимых. Кроме того, деформация морально-нравственной структуры личности обучающегося делает его более подверженным деструктивному влиянию окружающих (в том числе, криминальному). Помимо этого, совершению правонарушений в ведомственных вузах могут способствовать упущения в организации культурно-досуговой работы с курсантами. По данным исследования, проведенного коллективом авторов Воронежского института ФСИН России, только 21 % курсантов положительно оценили организацию быта и досуга в вузе, 55 % охарактеризовали эту работу как неоднозначную, а 24 % вообще считают ее отрицательной [2].

Можно также говорить о низком культурном уровне определенной части обучающихся. Согласно результатам исследования, проведенного В.И. Никоненко, у многих курсантов наблюдается низкий уровень культуры, отсутствие стремления к познавательному процессу и творчеству: из опрошенных им курсантов посещали библиотеки только треть, а музеи, выставки – и вовсе 19 %. При этом число лиц, посещающих кинотеатры, дискотеки, бары, гораздо выше – 90 % опрошенных [5], т.е., налицо преобладание развлекательных форм досуга.

Таким образом, по результатам проведенного анализа можно отметить снижение влияния на курсантов по сравнению со студентами общих (внешних) криминогенных факторов преступности, что обусловлено ограничением контактов курсантов с внешней средой, комплексным отбором кандидатов на службу и повышенным контролем над обучающимися. Криминогенное влияние социальных факторов среди обучающихся, прежде всего, проявляются в совершении преступлений, связанных с незаконным оборотом наркотиков. Культурные и духовно-нравственные детерминанты способствуют общей негативной деформации личности, делают обучающихся более подверженными внешнему деструктивному влиянию и могут способствовать их антиобщественному поведению.

Литература:

1. Долгинов С.Д. О профилактике наркомании в студенческой среде (по материалам Пермского края) // Наркоконтроль. М., 2008. № 4. С. 36–37.
2. Комолова Э.В. Некоторые особенности ценностных ориентаций курсантов (на примере Воронежского института ФСИН России) / Э.В. Комолова, Н.П. Поливаева, А.П. Шумаров // Вестн. Воронеж. ин-та ФСИН России. 2012. № 1. С. 122–132.
3. Кунц Е.В. Девиантное поведение женщин и молодежи как предмет социологического и криминологического анализа (по материалам Уральского федерального округа) // Вестн. Челяб. гос. ун-та. 2010. Вып. 23. № 9(190). С. 74.
4. Милуков С.Ф. Некоторые направления формирования новой парадигмы антинаркотической политики / С.Ф. Милуков, С.А. Ступина // Наркоконтроль. 2015. № 4. С. 15–22.
5. Никоненко В.И. Ранняя профилактика преступлений курсантов высших военно-учебных заведений : автореф. дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.08. Иркутск, 2003. 20 с.
6. Номоконов В.А. Проблема исследования причинного комплекса преступности в современной России / В.А. Номоконов; Под ред. А.И. Долговой // Проблемы детерминации и предупреждения преступности. М., 2017. С. 42.
7. Нравственность современного российского общества: психологический анализ / Отв. ред. А.Л. Журавлёв, А.В. Юревич. М., 2012. С. 25.
8. Ступина С.А. Доступность наркотиков при оценке наркоситуации (по результатам проведенного мониторинга) / С.А. Ступина, П.В. Тепляшин // Вестн. Сиб. юрид. ин-та ФСКН России. Спецвып. 2013. С. 36–40.
9. Шатилович С.Н. Направления работы с личным составом по противодействию злоупотреблению алкоголем в условиях реформирования органов внутренних дел Российской Федерации // Юрид. наука и правоохран. практика. 2013. № 4(26). С. 152–160.

Literature:

1. Dolginov S.D. On prevention of drug addiction in the student environment (based on the materials of the Perm region) // Narkokontrol. M., 2008. № 4. P. 36–37.
2. Komolova E.V. Some features of value orientations of cadets (on the example of the Voronezh Institute of the Federal penitentiary service of Russia) / E.V. Komolova, N.P. Polivaeva, A.P. Shumarov // Vestn. Voronezh. in-TA of the Federal penitentiary service of Russia. 2012. № 1. P. 122–132.
3. Kunts E.V. Deviant behavior of women and youth as a subject of sociological and criminological analysis (based on the materials of the Ural Federal district) // Vestn. Chelyabinsk state university un-ta. 2010. Iss. 23. № 9(190). P. 74.
4. Milyukov S.F. Some directions of forming a new paradigm of anti-drug policy / S.F. Milyukov, S.A. Stupina // Drug Control. 2015. № 4. P. 15–22.
5. Nikonenko V.I. Early prevention of crimes of cadets of higher military educational institutions : autoref. dis. ... cand. of law. sciences: 12.00.08. Irkutsk, 2003. 20 p.
6. Nomokonov V.A. The Problem of investigation of the causal complex of crime in modern Russia / V.A. Nomokonov; Ed. by A.I. Dolgova // Problems of determination and prevention of crime. M., 2017. P. 42.
7. Morals of modern Russian society: psychological analysis / Ed. A.L. Zhuravlev, A.V. Yurevich. M., 2012. P. 25.
8. Stupina S.A. Availability of drugs in the assessment of the drug situation (based on the results of monitoring) / S.A. Stupina, P.V. Teplyashin // Vestn. Sib. jurid. Institute of Russian Federal drug control service. Special Issue. 2013. P. 36–40.
9. Shatilovich S.N. Directions of work with personnel on countering alcohol abuse in the context of reforming the internal Affairs bodies of the Russian Federation // Yurid. Nauka and law enforcement. practice. 2013. № 4(26). P. 152–160.

Клопова Евгения Николаевна

специалист по связям с общественностью
отдела по взаимодействию
органов государственной власти,
Представительство губернатора
Свердловской области
в органах государственной власти РФ
mustafina2006.82@mail.ru

Evgenia N. Klopova

Specialist in Public Relations Department
for cooperation public authorities,
Representation of the Governor
Sverdlovsk Region in State Authorities
of the Russian Federation
mustafina2006.82@mail.ru

**ОБЩЕСТВЕННЫЕ СОВЕТЫ (ПАЛАТЫ)
КАК ПРАВОВАЯ ФОРМА
ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ ОРГАНОВ
ВНУТРЕННИХ ДЕЛ И ИНСТИТУТА
ГРАЖДАНСКОГО ОБЩЕСТВА**

**PUBLIC COUNCILS (CHAMBERS)
AS A LEGAL FORM OF INTERACTION
BETWEEN INTERNAL AFFAIRS BODIES
AND CIVIL SOCIETY INSTITUTIONS**

Аннотация. Происходящие в России реформы политической и социально-экономической сферы сильно влияют на общественные отношения. На данный момент актуальны вопросы создания эффективного механизма взаимоотношений граждан с местным самоуправлением и органами государственной власти, участия их в выработке решений государственного масштаба по важным экономическим, социальным и другим важным общественным вопросам. Общественные советы (палаты) как правовая форма взаимодействия органов исполнительной власти и института гражданского общества признаны обеспечить участие граждан в принятии серьезных и значимых решений, касающихся органов внутренних дел.

Annotation. The ongoing political and socio-economic reforms in Russia have a strong impact on public relations. At the moment, the issues of creating an effective mechanism for citizens' relations with local self-government and state authorities, their participation in the development of state-scale decisions on important economic, social and other important public issues are relevant. Public councils (chambers) as a legal form of interaction between Executive authorities and civil society institutions, it is necessary to ensure the participation of citizens in making serious and significant decisions concerning internal Affairs bodies.

Ключевые слова: общественные советы (палаты), органы внутренних дел, институт гражданского общества, взаимодействие.

Keywords: community councils (wards), the internal Affairs bodies and the civil society Institute, interaction.

Происходящие в России реформы политической и социально-экономической сферы сильно влияют на общественные отношения, для которых было характерно отсутствие сильной системы взаимодействия общественных образований и органов власти, и в целом неразвитость институтов гражданского общества. На данный момент актуальны вопросы создания эффективного механизма взаимоотношений граждан с местным самоуправлением и органами государственной власти, участия их в выработке решений государственного масштаба по важным экономическим, социальным и другим важным общественным вопросам.

органами государственной власти. В ходе законодательного оформления взаимодействия гражданского общества и органов власти в процесс вовлекаются большое количество людей. Идея такого взаимодействия нашла отражение в создании общественных советов (палат). Различные формы общественных советов (палат) получили широкое распространение на федеральном и региональном уровне в 2000-е гг. в России. При различных структурах, в частности, при структурах исполнительной власти, стали развиваться общественно-консультативные советы, что говорит об усилении публичных начал и участии граждан в осуществлении политики. Тенденция увеличения числа общественных советов (палат) наблюдается во многих демократических странах, содействуя сотрудничеству органов исполнительной власти и институтов гражданского общества, увеличивая возможность влиять населению страны на политику в различных вопросах. Общественные советы (палаты) упорядочивают взаимодействие власти и граждан, развивают институты общественного самоуправления, привлекают

гражданское общество к решению задач развития территории в социальном и экономическом плане, выдвигают и поддерживают гражданские инициативы.

Общественные палаты действуют на основе определенных законов и нормативных актов, которые были приняты на федеральном, региональном или местном уровне депутатами. Как пример можно привести Общественную палату РФ, созданную в соответствии с ФЗ РФ «Об Общественной палате Российской Федерации» от 04 апреля 2005 г. № 32. Сейчас Общественная палата избирается каждые три года. В числе прочих функций общественные палаты могут проводить экспертизу социально значимых проектов ФЗ, проектов законов уровня субъекта РФ, проектов законов органов исполнительной власти РФ и органов местного самоуправления.

При органах исполнительной власти имеется ряд общественных советов, объединяющих широкий спектр некоммерческих организаций. Как правило, в них состоят уже состоявшиеся граждане, обладающие определенным авторитетом и способные оказывать влияние не только в своей деятельности, но и на общественное мнение. Сюда можно отнести Советы ветеранов, созданные почти повсеместно, они не только отстаивают интересы своего поколения, но и оказывают помощь деятельности администраций различного уровня. В некоторых республиках, краях и областях есть Совет старейшин, образованный при губернаторах, который помогает рассматривать многие вопросы относительно образования, воспитания молодежи, хозяйствования. При МВД, Федеральной миграционной службе, Федеральной службе исполнения наказаний и других созданы и функционируют общественно-консультативные советы.

Общественные советы обладают рядом функций, из которых мы выделим основные:

- обсуждение рекомендаций, проведение консультаций;
- помощь во взаимодействии между обществом и властью, в качестве координатора такого взаимодействия;
- выступают в роли эксперта, помогают разрабатывать рекомендации и предложения по решению уже выявленных проблем, выявляют новые проблемы;
- информационно-просветительская;
- развитие механизмов контроля и осуществление общественного контроля над деятельностью власти.

Деятельность, согласованная по месту, целям, времени применения средств и сил для достижения поставленных задач, называется взаимодействием; в качестве принципов такой деятельности можно обозначить осуществление в форме информационного обмена или в форме совместной деятельности (прямого сотрудничества).

Начало демократизации общества обозначилось вливанием органов внутренних дел во все сферы социальных отношений, однако эффективной деятельностью не может быть без четких социальных ориентиров. Необходимо организовывать взаимодействие органов внутренних дел с гражданами на основе социального партнерства, что создаст подъем правовой активности населения, что, в свою очередь, приведет к более благоприятной криминологической обстановке.

Согласно исследованию зарубежных специалистов, эффективнее решаются задачи, поставленные перед полицией, когда в обществе доминирует доверие и поддержка в ее сторону. В большинстве стран население активно привлекается к помощи полиции, к этому стремятся и Россия. Для решения этой задачи привлекаются общественные советы как правовая форма взаимодействия, созданные при органах государственной власти, в том числе, при МВД РФ и его подразделениях. В состав общественных советов при органах исполнительной власти входят члены различных общественных организаций, граждане из основных социальных слоев и групп гражданского общества.

Общественные советы (палаты) как правовая форма взаимодействия органов исполнительной власти и института гражданского общества призваны обеспечить участие граждан в принятии серьезных и значимых решений, касающихся органов внутренних дел. В первую очередь, общественные советы должны принимать участие в экспертной работе, давать антикоррупционную оценку разрабатываемых правовых актов и помогать в разработке предложений по решению наиболее актуальных вопросов, касающихся органов внутренних дел.

Общественные советы (палаты) также служат в качестве получения обратной связи от населения, являются источником информации об общественном мнении относительно деятельности органов внутренних дел, а также механизмом по привлечению институтов гражданского общества для решения вопросов относительно защиты жизни, здоровья, прав и свобод граждан, охране общественного порядка, обеспечению общественной безопасности.

Органы внутренних дел совместно с общественными советами создают каналы взаимодействия с заявителями (электронная почта, Интернет), «горячие линии», «телефоны доверия», определяют порядок обработки поступающих сообщений.

Общественные советы (палаты) – важный элемент демократического общества, их создание придает эффективность и системность взаимоотношений органов внутренних дел и институтов гражданского общества.

Общественные советы, созданные при органах внутренних дел, существуют не так давно, но уже имеют полноценную структуру, которая может оказывать значимое влияние на деятельность внутренних органов. Основой взаимодействия

органов внутренних дел с институтами гражданского общества в правовом поле является № 3-ФЗ «О полиции». В частности, право общественных советов на осуществлении контроля деятельности полиции прописано в статье 50 Закона «О полиции» [3].

Кроме многочисленных положительных моментов такого взаимодействия следует выделить ряд недостатков, которые встречаются в отдельных территориальных органах МВД России [1]:

1. Недостаточное внимание некоторых руководителей органов внутренних дел взаимодействию с институтами гражданского общества посредством общественных советов, недооценки роли институтов гражданского общества в повышении качества и эффективности правоохранительной деятельности.
2. Неполное и несвоевременное информирование граждан и СМИ об инициативах, выдвигаемых общественными советами по важным вопросам, касающимся деятельности органов внутренних дел, об их работе.
3. При расследовании резонансных дел и обсуждения положительного опыта работы полиции имеет место недостаточное привлечение к обсуждению общественных советов.

Литература:

1. Методические рекомендации по организации взаимодействия территориальных органов МВД России с образованными при них общественными советами. URL : <https://235.56.мвд.рф/document/16673699> (дата обращения 22.09.2020).
2. Общественные объединения и органы власти: правовая основа и опыт взаимодействия / Сост. и отв. ред. Н.Ю. Беляева. М. : Интерлигал, 1997. 238 с.
3. Федеральный закон «О полиции» от 07.02.2011 № 3-ФЗ. URL : http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_110165/ (дата обращения 22.09.2020).

4. Отклонение без обоснований рекомендаций и предложений, поступающих со стороны общественных советов по вопросам деятельности органов внутренних дел.

5. Неиспользование потенциала общественных советов в полной мере при подготовке проектов правовых актов относительно деятельности правоохранительных органов.

Чаще всего, вышеперечисленные недочеты возникают по причине незнания сотрудниками внутренних дел и членами общественных советов нормативных правовых актов, которые регламентируют деятельность вышеперечисленных ведомств и нехваткой опыта взаимодействия органов внутренних дел и институтов гражданского общества.

К условиям взаимодействия органов внутренних дел и институтов гражданского общества можно отнести формируемое правовое поле на различных уровнях. Примером тому служат Законы РФ: «О борьбе с терроризмом», «О полиции», «О безопасности» и другие.

Все вышеизложенное нами в статье по-прежнему требует дальнейшего поиска путей улучшения взаимодействия органов внутренних дел и институтов гражданского общества посредством общественных советов.

Literature:

1. Methodological recommendations on the organization of interaction between the territorial bodies of the Ministry of internal Affairs of Russia and the public councils formed under them. URL : <https://235.56.мвд.рф/document/16673699> (date accessed 22.09.2020).
2. Public associations and authorities: legal basis and experience of interaction / Comp. and ed. by N.Yu. Belyaev. M. : Interlignal, 1997. 238 p.
3. Federal law «On police» dated 07.02.2011 № 3-FZ. URL : http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_110165/ (accessed 22.09.2020).

Кудряшов Константин Викторович

кандидат исторических наук,
доцент,
доцент кафедры истории
и теории государства и права
АНО ВО «СКСИ», г. Ставрополь
kv-26@yandex.ru

Konstantin V. Kudryashov

Candidate of Historical Sciences,
Associate Professor,
Associate Professor
of the Department of History
and Theory of State and Law
of the ANO VO «SCSI», Stavropol
kv-26@yandex.ru

Понеделков Александр Васильевич

Заслуженный деятель науки РФ,
доктор политических наук,
профессор, заведующий
лабораторией проблем повышения
эффективности государственного
и муниципального управления,
Южно-Российский институт управления –
филиал Российской академии
народного хозяйства и государственной
службы при Президенте РФ
ponedelkov@uriu.ranepa.ru

Alexander V. Ponedelkov

Honored Scientist
of the Russian Federation,
Doctor of Political Sciences,
Professor,
Head of the Laboratory of the South Russian
Institute of Management – branch
of the Russian Academy National Economy
and State Services under the President
of the Russian Federation
ponedelkov@uriu.ranepa.ru

Косенко Оксана Константиновна

глава Целинского района
Ростовской области
ra_271@celina.donpac.ru

Oksana K. Kosenko

Head of the Tselinsky district
of the Rostov region
ra_271@celina.donpac.ru

Семеренко Алина Сергеевна

магистрант факультета политологии,
Южно-Российский институт управления –
филиал Российской академии
народного хозяйства и государственной
службы при Президенте РФ
semerenko_polit@mail.ru

Alina S. Semerenko

Master's student at the Faculty
of Political Science,
South-Russian Institute of Management –
branch of the Russian Academy
National Economy and State Services under
the President of the Russian Federation
semerenko_polit@mail.ru

**ПРАВОВЫЕ НОВЕЛЛЫ
РОССИЙСКОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА
О ПРОТИВОДЕЙСТВИИ
МОЛОДЕЖНОМУ ЭКСТРЕМИЗМУ**

**LEGAL INNOVATIONS
OF THE RUSSIAN LEGISLATION
ON COUNTERING YOUTH EXTREMISM**

■ ■ ■

Аннотация. В статье анализируются основные причины изложения Президентом Российской Федерации Стратегии противодействия экстремизму в России в новой редакции. Авторами рассматриваются основные угрозы, новые и обновлённые определения Стратегии, причины радикализации поведения среди отдельных групп населения, способы дестабилизации общественно-политической и социально-экономической обстановки в стране, привлечения несовершеннолетних в ряды экстремистских организаций, прямые и косвенные последствия экстремизма. Авторы обосновывают новые требования к организации деятельности по противодействию экстремизму на всех уровнях, а также – по минимизации его последствий.

■ ■ ■

Annotation. The article analyzes the main reasons for the presentation by the President of the Russian Federation of the Strategy for Countering Extremism in Russia in the new edition. The authors consider the main threats, new and updated concepts of the Strategy, the reasons for radicalization among certain groups of the population, ways of destabilizing the socio-political and socio-economic situation in the country, attracting minors into the ranks of extremist organizations, direct and indirect consequences of extremism. The authors substantiate new requirements for organizing activities to counter extremism at all levels, as well as to minimize its consequences.

Ключевые слова: основные угрозы экстремизма, преступность, причины экстремизма в молодёжной среде, профилактика экстремизма, распространение радикализма, экстремизм.

Keywords: main threats of extremism, crime, causes of extremism in the youth environment, prevention of extremism, the spread of radicalism, extremism.

Президент РФ В.В. Путин в своем майском Указе 2020 г. изложил Стратегию противодействия экстремизму в РФ в новой редакции. Срок действия самой Стратегии не изменился, она по-прежнему – до 2025 г., как, собственно, и была принята в 2014 г. Однако динамичный ход событий, связанных с шестью прошедшими годами, не могли не повлиять на первоначальные планы противодействия этому крайне опасному явлению, порождающему такие крайние формы насилия, как терроризм [1].

События «русской весны», повлёкшие вхождение Крыма в состав России, открытая русофобия стран Запада, санкции США, ЕС, направленные на то, чтобы «порвать экономику России в клочья», неоднократные попытки внести «цветные» революции на постсоветское пространство, двойные стандарты и обвинения России в систематических нарушениях прав человека, попытки разрушения традиционных российских духовно-нравственных ценностей и содействие странами Запада и Залива деятельности международных экстремистских и террористических организаций повлияли на распространение радикализма и экстремистской идеологии в российском обществе [2].

Всё это, в конечном, итоге неизбежно привело к переосмыслению самой Стратегии и к началу работы её новой редакции [3].

Формально внести поправки в действующую Стратегию предложило МВД России, однако, о том, что отечественное законодательство об экстремизме нуждается в обновлении, в решении множества накопившихся проблем, начиная с 2014 г., шла речь на научных конференциях, писалось в работах представителей самых различных отраслей знания: философами, политологами, юристами, экономистами и др., докладывалось по различным служебным инстанциям судьями, прокурорами, сотрудниками ФСБ и иными работниками правоохранительной системы России [4]. Они предлагали, в частности:

- вести борьбу с разрушительным влиянием иностранных и (или) международных неправительственных организаций (НКО);
- приобщать российскую молодёжь к патриотическим, нравственным и духовным ценностям через интернет;
- ввести постоянный общероссийский мониторинг интернет-сетей на предмет экстремизма и осуществлять учёт уже заблокированных сайтов с экстремистскими и террористическими материалами [5].

Однако и сама инициатива МВД РФ была важна уже тем, что на официальном портале

нормативных правовых актов началось общественное обсуждение поправок к разработанной МВД РФ Стратегии противодействия экстремизму до 2025 г. Проектом будущего указа и была, фактически, подготовлена новая редакция Стратегии, в последствие, ставшей основой для утверждённого текста.

В Стратегии противодействия экстремизму в РФ до 2025 г., были определены и целевые показатели, и ожидаемые результаты от её реализации. В тексте Стратегии были внесены изменения следующего характера:

- актуализированы состояние и источники угроз экстремизма в современной России;
- дополнительно сформулированы понятия «идеология насилия», «сепаратизм», «пропаганда экстремизма»;
- предусмотрен комплекс задач организационного и правового характера, охватывающий не только законодательную и правоохранительную деятельность, но и практически все направления государственной политики, включая национальную, миграционную, молодёжную, культурную и информационную;
- важное значение определено выявлению фактов распространения радикальной идеологии в средствах массовой информации и сети Интернет;
- существенная роль отводится участию институтов гражданского общества, образовательных организаций в противодействии экстремистским проявлениям на территории нашей страны.

В действующей Стратегии были даны определения понятиям «идеология экстремизма (экстремистская идеология)», «проявления экстремизма (экстремистские проявления)», «субъекты противодействия экстремизму», «противодействие экстремизму» и «радикализм». Новый вариант предполагает дополнение этого перечня следующими понятиями:

- «идеология насилия» – система общественных теорий, взглядов и идей, оправдывающих насилие, в том числе, с применением экстремистских (террористических) методов и средств для достижения политических, религиозных, идеологических и иных целей;
- «сепаратистские проявления (сепаратизм)» – одна из разновидностей экстремизма, выражающаяся в действиях, направленных на нарушение территориальной целостности государства, в том числе, на отделение от него части его территории или дезинтеграцию государства, совершаемых противоправным путем, а равно – планирование и подготовка такого деяния, пособничество его совершению, подстрекательство к нему;

– «пропаганда экстремизма» – выраженные в любой форме (устной, письменной, с использованием технических средств, информационно-телекоммуникационных сетей) обращения к другим лицам с целью побудить их к осуществлению террористической или экстремистской деятельности.

Полагаем, что в новой редакции Стратегии даётся и более уточненное описание угроз безопасности, которые традиционно классифицируются как внешние и внутренние угрозы [6].

К внешним угрозам отнесены, помимо деятельности международных экстремистских и террористических организаций, «поддержка и стимулирование рядом государств через иностранные или международные неправительственные организации деструктивной деятельности в целях дестабилизации общественно-политической и социально-экономической обстановки в нашей стране, нарушения единства и территориальной целостности РФ, в том числе, с использованием технологий и сценариев, так называемых, «цветных революций», разрушения традиционных российских духовно-нравственных ценностей» [1].

Что касается внутренних угроз, то в Стратегии определено, что к ним относится не просто деятельность различных объединений и отдельных лиц, а их попытки «использовать для реализации своих целей экстремистские и террористические формы и методы деятельности, распространять идеологию насилия, направленную на склонение, вербовку или иное вовлечение российских граждан и, находящихся на территории страны иностранцев, в экстремистскую, террористическую и иную противоправную деятельность, формирование замкнутых этнических и религиозных анклавов, а также, имеющие исторические и социально-экономические корни межнациональные и территориальные противоречия и конфликты в отдельных субъектах РФ, стимулирующие сепаратистские проявления» [1].

К экстремизму в нескольких пунктах Стратегии отнесено проведение несогласованных публичных мероприятий, в том числе, протестных акций (в ранее действующей редакции был использован менее точный термин «несогласованные акции».

Отдельное внимание в новой версии документа уделено вовлечению в экстремистские структуры несовершеннолетних [7].

В Стратегии также упоминается «информационно-психологическое воздействие» зарубежных спецслужб, которые имеют цель «разрушения традиционных российских духовно-нравственных ценностей, дестабилизацию внутривнутриполитической и социальной ситуации в стране». Если в действующей редакции Стратегии далее упоминается деятельность зарубежных НПО (неправительственных организаций) по распространению экстремистской идеологии, то теперь предлагается уточнить, что «дестабилизирующее влияние на ситуацию» оказывают как зарубежные организации, так и подконтрольные им российские структуры «под видом гуманитарных, образовательных, культурных, национальных и религиозных

проектов», а также, «инспирирование протестной активности населения с использованием социально-экономических, экологических и других факторов».

По мнению авторов документа, в сфере национальной политики был внесен ряд изменений, где наиболее любопытными нам показались следующие предложения:

– в сфере правоохранительной деятельности – борьбой с угрозами «применения технологий «цветных революций»;

– «в сфере информационной политики: приобщать молодёжь к ценностям русской культуры предлагается как через СМИ (не только государственные), так и через интернет, причем указано, что это – «духовные, нравственные и патриотические» ценности;

– в образовательный процесс, согласно новой редакции Стратегии, должен формировать у детей «общероссийскую гражданскую идентичность, патриотизм, гражданскую ответственность, чувство гордости за историю России», а также, воспитывать «культуру межнационального и межрелигиозного общения». Кроме того, отмечена важность развития исламского образования в России [8].

Важно отметить, что, в отличие от ранее действующей редакции, новый вариант Стратегии имеет целевые показатели. Учитываться, по задумке разработчиков, должна ежегодная динамика:

– зарегистрированных преступлений экстремистского характера;

– численности выявленных лиц, совершивших такие преступления;

– количества административных правонарушений экстремистской направленности;

– численности выявленных лиц, совершивших такие правонарушения;

– процентной доли преступлений насильственного характера в общем количестве экстремистских преступлений;

– количество заблокированных сайтов с материалами экстремистской и террористической направленности.

Названы ожидаемые результаты от реализации Стратегии в новой редакции. Среди них:

– «сокращение количества экстремистских угроз в Российской Федерации;

– уменьшение доли преступлений насильственного характера в общем количестве преступлений экстремистской направленности;

– недопущение распространения экстремистских материалов в средствах массовой информации и сети «Интернет»;

– повышение уровня взаимодействия субъектов противодействия экстремизму;

– активное участие институтов гражданского общества в профилактике и предупреждении экстремистских проявлений; формирование в обществе, особенно среди молодёжи, атмосферы нетерпимости к экстремистской деятельности, неприятия экстремистской идеологии; повышение уровня защищенности граждан и общества от экстремистских проявлений» [1].

Полагаем, что принятие новой Стратегии в мае 2020 г. не потребует дополнительного финансирования из федерального бюджета, а также – внесения изменений в нормативные правовые акты РФ.

Считаем, что Стратегия в её новой редакции уделяет большее внимание молодёжному экстремизму, в частности, лидеры современных экстремистских организаций в своей деятельности ориентируются именно на молодёжь, проявляя повышенное внимание к националистам, вербуя их в свои ряды, подталкивая и провоцируя их на различные правонарушения, включая и преступления [9].

Не может не вызывать тревогу и распространение радикализма в спортивной среде, проникновение последователей экстремистской деятельности в тренерско-преподавательский состав.

Не стоит исключать и внешнего информационно-психологического воздействия на российскую молодёжь, преследующего размывание традиционных ценностей с последующей дестабилизацией общественно-политической и социально-экономической обстановки в России [10].

Считаем, что, благодаря использованию современных технологических достижений, возможна и необходима социальная реклама и нравственно-патриотическое воспитание.

Назрели давно изменения и в образовательной сфере, и в сфере государственной молодёжной политики, и в организации досуга молодёжи, обеспечения доступности для молодёжи объектов культуры, спорта и отдыха [11].

Полагаем оправданными и необходимыми, в условиях продолжающейся информационной войны против России, меры государственной поддержки воспитания и последовательного включения в учебные планы, учебно-методические материалы предметов, направленных на формирование у российских детей и молодёжи на всех этапах образовательного процесса общероссийской гражданской идентичности, гражданской ответственности, чувства гордости за историю России и патриотизма [12].

Очевидно, что необходимо, также и увеличение роли координационных органов при федеральных и региональных органах исполнительной власти в деятельности по формированию общероссийской гражданской идентичности и воспитанию патриотизма у молодёжи, создание в обществе условий для активного участия коллегиальных органов управления образовательных

организаций в профилактике экстремизма среди учащихся и студентов.

Необходимо также и дальнейшее развитие в будущем эффективного взаимодействия всех субъектов по противодействию экстремизму с молодёжными общественными объединениями, организациями спортивных болельщиков, группами лиц и гражданами в целях профилактики экстремистских проявлений при проведении массовых мероприятий.

Проведение мониторинга деструктивного и девиантного поведения молодёжи, своевременных социологических исследований социальной обстановки в различных образовательных организациях, а также – молодёжных субкультур в целях своевременного выявления и недопущения распространения экстремистской идеологии позволит также повысить качество мероприятий, направленных на профилактику экстремистских проявлений в этих образовательных организациях. В конечном итоге, это будет способствовать оптимизации проведения мероприятий по своевременному выявлению и пресечению фактов радикализации поведения среди несовершеннолетних.

Снижение уровня молодёжного экстремизма требует внимания региональных элит и государственной поддержки институтов гражданского общества, деятельность которых должна быть направлена:

– на профилактику экстремистских проявлений и использование их потенциала в целях патриотического воспитания граждан;

– на обеспечение единства многонационального народа России и формирование в обществе атмосферы нетерпимости к экстремистской деятельности;

– на неприятие экстремистской идеологии и применения насилия для достижения политических, идеологических, религиозных и иных целей [13].

Необходима разработка и внедрение новых образовательных стандартов и педагогических методик, направленных на противодействие экстремизму и повышение профессионального уровня педагогических работников.

В целях исключения самой возможности влияния зарубежных религиозных организаций необходимо повышение престижности образования в российских религиозных образовательных организациях, а также, применение мер государственной поддержки общественного контроля за выездом российских граждан для обучения в иностранных религиозных образовательных организациях [14].

Полагаем, что всё это будет содействовать стабилизации общественно-политической ситуации в России, уменьшению случаев проявления радикализма и ксенофобии в обществе, укреплению общественной безопасности, стабилизации межнациональных и межконфессиональных отношений, выработыванию гражданского и духовного единства у многонационального народа РФ.

Литература:

1. Об утверждении Стратегии противодействия экстремизму в Российской Федерации до 2025 года: Указ Президента РФ от 29.05.2020 № 344 // СПС «Консультант плюс».
2. *Кудряшов К.В.* Нарушения прав человека в России: мифы и реальность / К.В. Кудряшов, А.А. Санькова // Научно-методический электронный журнал «Концепт». 2018. № 1. С. 50–57. URL : <http://e-koncept.ru/2018/183002.htm> (дата обращения 19.08.2020).
3. *Аверин А.Н.* Участие элиты в противодействии экстремизму / А.Н. Аверин, А.В. Понеделков, А.Ю. Голобородько, Н.Н. Соколов // Наука и образование: хозяйство и экономика; предпринимательство; право и управление. 2018. № 10(101). С. 107–111.
4. *Воронцов С.А.* Основы национальной безопасности Российской Федерации : учебное пособие / С.А. Воронцов, О.В. Локота, А.В. Понеделков. Ростов-н/Д., 2017. 320 с.
5. *Воронцов С.А.* Антиэкстремистская деятельность органов государственной власти и местного самоуправления России в институционально-правовом контексте : дис. ... на соиск. уч. ст. д-ра юрид. наук / С.А. Воронцов; Ростовский юридический институт МВД РФ. Ростов-н/Д., 2009. С. 57–58.
6. *Воронцов С.А.* Спецслужбы России : учебник для студентов высших учебных заведений, обучающихся по специальности «Юриспруденция». Ростов-н/Д., 2016. Сер. Высшее образование (Издание 4-е, дополненное и переработанное).
7. Методические материалы по противодействию распространению экстремизма в молодежной среде. URL : <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/71293532/>
8. *Воронцов С.А.* Исламский радикализм как угроза национальной безопасности России // Философия права. 2008. № 2. С. 94–100.
9. *Понеделков А.В.* О восприятии проблем национальной безопасности на региональном уровне // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 4: История. Регионоведение. Международные отношения. 2015. № 6(36). С. 93–100.
10. *Воронцов С.А.* Антиэкстремистская деятельность органов государственной власти и местного самоуправления России в институционально-правовом контексте : автореф. дис. ... на соиск. уч. ст. д-ра юрид. наук / С.А. Воронцов; Ростовский юридический институт МВД Российской Федерации. Ростов-н/Д., 2009. С. 3–5.
11. *Голобородько А.Ю.* Актуальные направления государственной культурной политики в контексте укрепления культурного суверенитета современной России / А.Ю. Голобородько, А.В. Понеделков, В.В. Стеценко. Ростов-н/Д., 2019.

Literature:

1. On approving the Strategy for countering extremism in the Russian Federation until 2025: Decree of the President of the Russian Federation of 29.05.2020 N 344 // SPS «Consultant plus».
2. *Kudryashov K.V.* Human rights Violations in Russia: myths and reality / K.V. Kudryashov, A.A. Sanikova // Scientific and methodological electronic journal «Concept». 2018. № 1. P. 50–57. URL : <http://e-koncept.ru/2018/183002.htm> (accessed 19.08.2020).
3. *Averin A.N.* Participation of the elite in countering extremism / A.N. Averin, A.V. Ponedelkov, A.Yu. Goloborodko, N.N. Sokolov // Science and education: economy and economy; business; law and management. 2018. № 10(101). P. 107–111.
4. *Vorontsov S.A.* Fundamentals of national security of the Russian Federation : textbook / S.A. Vorontsov, O.V. Lokota, A.V. Ponedelkov. Rostov-on/D., 2017. 320 p.
5. *Vorontsov S.A.* Anti-Extremist activity of state authorities and local self-government in Russia in the institutional and legal context. Dissertation for the degree of doctor of law / S.A. Vorontsov; Rostov law Institute of the Ministry of internal Affairs of the Russian Federation. Rostov-on/D., 2009. P. 57–58.
6. *Vorontsov S.A.* Special Services Of Russia. Textbook for students of higher educational institutions studying in the specialty «Jurisprudence». Rostov-on/D., 2016. Ser. Higher education (4th Edition, updated and revised).
7. Methodological materials on countering the spread of extremism among young people. URL : <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/71293532/>
8. *Vorontsov S.A.* Islamic radicalism as a threat to the national security of Russia // Philosophy of law. 2008. № 2. P. 94–100.
9. *Ponedelkov A.V.* On perception of national security problems at the regional level // Bulletin of Volgograd state University. Series 4: History. Regional studies. International relations. 2015. № 6(36). P. 93–100.
10. *Vorontsov S.A.* Anti-Extremist activity of state authorities and local self-government in Russia in the institutional and legal context. Abstract of the dissertation for the degree of doctor of law / S.A. Vorontsov; Rostov law Institute of the Ministry of internal Affairs of the Russian Federation. Rostov-on/D., 2009. P. 3–5.
11. *Goloborodko A.Yu.* Actual directions of state cultural policy in the context of strengthening cultural sovereignty in modern Russia / A.Yu. Goloborodko, A.V. Ponedelkova, V.V. Stetsenko. Rostov-on/D., 2019.

12. *Воронцов С.А.* Патриотизм как базовая ценность российского государственного управления / С.А. Воронцов, А.В. Понеделков, А.А. Вилков // Государственное и муниципальное управление. Ученые записки СКАГС. 2015. № 3. С. 70–74.

13. *Воронцов С.А.* Роль и влияние административно-политических элит в процессе обеспечения региональной безопасности на Юге России / С.А. Воронцов, А.В. Понеделков, Р.Х. Усманов // Каспийский регион: политика, экономика, культура. 2014. № 2(39). С. 234–244.

14. *Абдулганеев Р.Р.* Совершенствование системы предупреждения распространения идеологии религиозного экстремизма в сфере религиозного образования // Вестник Казанского юридического института МВД России. 2014. № 1(15). С. 50–54.

12. *Vorontsov S.A.* Patriotism as the basic value of Russian public administration / S.A. Vorontsov, A.V. Ponedelkov, A.A. Vilkov // State and municipal management. Proceedings of the SKAGS. 2015. № 3. P. 70–74.

13. *Vorontsov S.A.* The Role and influence of administrative and political elites in the process of ensuring regional security in the South of Russia / S.A. Vorontsov, A.V. Ponedelkov, R.H. Usmanov // The Caspian region: politics, economy, culture. 2014. № 2(39). P. 234–244.

14. *Abdulganeev R.R.* Improving the system of preventing the spread of the ideology of religious extremism in the sphere of religious education // Bulletin of the Kazan law Institute of the Ministry of internal Affairs of Russia. 2014. № 1(15). P. 50–54.

Макеева Елена Александровна

кандидат исторических наук,
доцент кафедры истории и философии,
Пензенский государственный университет
архитектуры и строительства
elenamea82@yandex.ru

Макеева Инна Александровна

учитель иностранных языков,
гимназия «САН», г. Пенза
innamia88@yandex.ru

Логинава Елена Валерьевна

студентка,
Пензенский государственный университет
архитектуры и строительства
innamia88@yandex.ru

**ОСОБЕННОСТИ
ПРОФИОРИЕНТАЦИОННОЙ РАБОТЫ
ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЙ ПОЛИТИКИ
СОВЕТСКОЙ ВЛАСТИ В СИСТЕМЕ
АДАПТАЦИИ МОЛОДЕЖИ
К СОЦИАЛЬНЫМ УСЛОВИЯМ**

Аннотация. Статья посвящена анализу образовательной политики властей в советский период отечественной истории. Одной из особенностей образовательной политики в то время был переход на новое содержание образования, к которому была усилена взаимосвязь обучения и производственного труда. Учреждениям народного образования, общественным организациям была поставлена задача усиления работы по профориентации учащихся на массовые профессии народного хозяйства. Особое внимание в статье уделено анализу особенностей форм и методов профессиональной ориентации в советской школе.

Ключевые слова: советский период, образовательная политика, социальная адаптация, методы профессиональной ориентации.

Одной из особенностей образовательной политики советского периода отечественной истории был переход на новое содержание образования. В конце 1964 г. Президиум Наук СССР и Президиум Академии педагогических наук РСФСР создали специальную комиссию, которой было поручено определить содержание общего и политехнического образования в средней школе и, в соответствии с этим, разработать проекты

Elena A. Makeeva

Candidate of Historic Science,
Associate Professor of the Department
of History and Philosophy,
Penza State University
of Architecture and Construction
elenamea82@yandex.ru

Inna A. Makeeva

Teacher of Foreign Languages,
Gymnasium «SUN», Penza
innamia88@yandex.ru

Elena V. Loginova

Student,
Penza State University
of Architecture and Construction
innamia88@yandex.ru

**THE VOCATIONAL
GUIDANCE PECULIARITIES
OF THE EDUCATIONAL POLICY
OF THE SOVIET AUTHORITY
IN THE SYSTEM OF YOUTHS
ADAPTATION
TO THE SOCIAL CONDITIONS**

Annotation. The article is devoted to the analysis of the educational policy in the Soviet period. One of the peculiarities of the Soviet period educational policy was a change into a new content in education. In the educational content the link between learning and vocational training was strengthened. For institutions of public education, social organizations the task was set to reinforce the vocational guidance to mass professions of national economy. In the article special attention is given to the analysis of forms and methods peculiarities in vocational guidance in the Soviet school.

Keywords: soviet period, educational policy, social adaptation, methods of vocational guidance.

новых учебных планов и программ. В соответствии с постановлениями ЦК КПСС и Совета Министров СССР «О мерах дальнейшего улучшения работы средней общеобразовательной школы» (10 ноября 1966 г.), в практику школы вводились новые учебные планы, программы и учебники.

Более глубокое и последовательное развитие получили такие важные тенденции рассматриваемого

процесса, как повышение идейно-воспитательного потенциала учебных курсов, совершенствование трудовой и политехнической направленности всех школьных предметов. В содержании образования была усилена взаимосвязь обучения и производственного труда, предполагающая включение учащихся, начиная с младших классов в систематический общественно полезный труд.

В это время появилась проблема, связанная с ростом выпусков из средней общеобразовательной школы и небольшим количеством наборов в вузы, поэтому необходимо было готовить молодежь, оканчивающую среднюю школу, к труду в промышленности и сельскохозяйственном производстве. В связи с этим, учреждения народного образования, общественным организациям была поставлена задача усиления работы по профориентации учащихся на массовые профессии народного хозяйства, как было отмечено на XXIV съезде КПСС: «развивать и совершенствовать общеобразовательную школу как трудовую и политехническую, являющуюся основной формой получения молодежью общего среднего образования» [1].

С учетом всех этих обстоятельств было существенно пересмотрено содержание и характер трудовой подготовки в общеобразовательных школах. Всем школам рекомендовалось усилить политехническую направленность изучения физики, химии, биологии, математики и других предметов, в большей мере знакомить учащихся с применением законов этих наук в производстве, расширить круг прикладных знаний в курсах этих предметов, увеличить число лабораторных и практических работ, систематически проводить производственные экскурсии [2].

В частности, в школах Пензенской области на уроках математики проводилась отработка наиболее важных умений и навыков по выполнению арифметических действий с десятичными дробями, рациональными числами, действительными числами. Учителя рассказывали детям о возможностях реализации математических знаний в практической деятельности – применение формул площадей и объемов для расчета потребности в строительных материалах, использовании производственной для исследования функций, определения скоростей и ускорения движущихся тел. При изучении физики у школьников формировались практические умения применять теоретические знания по механике к решению задач, производить измерения и расчеты, связанные с определением координаты тела, читать и строить графики. Учащихся знакомили в теории и на практике с устройством, принципом действия измерительных приборов (амперметра, вольтметра, омметра, манометра), электрического двигателя, генератора переменного тока, трансформатора с процессом производства и передачи электроэнергии.

На уроках химии, при изучении реакции нейтрализации детям показывали возможности ее применения на местном производстве: окраска кожи на кожевенном заводе, проверка молока на кислотность на молокозаводе. При рассмотрении

темы «Производство чугуна» учащиеся получали представление о научных принципах получения железа из руды методом прямого восстановления.

Получаемые на уроках политехнические знания закреплялись в процессе учебных экскурсий на промышленные предприятия. Тематика таких экскурсий, как правило, связывалась с содержанием изучаемого материала. Например, при рассмотрении темы «Применение сжиженных газов» учащиеся совершали экскурсию в кислородный цех завода «Полимермаш», в котором им показывали основы технологии получения сжиженного кислорода и его применение в цехе горячейковки. При изучении свойств паров и влажности воздуха была проведена экскурсия на элеватор, где ребятам рассказывали, как на практике происходит сушка и очистка зерна [3].

В учебном плане старших классов средней школы были предусмотрены специальные занятия для изучения общих основ современного производства, ознакомление учащихся с его главными отраслями, выработки практических навыков в обращении и наиболее распространенными орудиями труда, машинами, механизмами. Время, выделяемое для таких занятий, школы получили возможность использовать по своему усмотрению в зависимости от имеющихся у них условий и возможностей.

В целом, политехническая направленность образования в Пензенской области предусматривала углубление теоретических основ трудового обучения школьников по избранному ими профилю. Так, учащиеся средних школ № 3, 9, 16 г. Пензы на постоянной основе проходили трудовую подготовку на радиозаводе и заводе «Полимермаш». Будущие токари, фрезеровщики, слесари умело использовали свои знания по физике и химии, правильно объясняли физические и химические свойства металлов, способы охлаждения обрабатываемых материалов, виды деформации и зависимость их величины от свойств материалов, скорости резания [4]. В свою очередь, школьные учителя физики значительно больше внимания уделяли объяснению таких вопросов, как простые механизмы, КПД простых механизмов, способы передачи теплоты, внутренняя энергия тела, виды движения, линейная и угловая скорости, мощность.

Например, для учащихся средней школы № 17, проходивших практику на обувной фабрике, изучение курсов физики и химии велось с учетом профиля рабочих специальностей. В теме «Давление жидкости и газа» ребятам объясняли принцип действия гидравлического пресса для раскройки обуви; в теме «Испарение и теплопередача» им рассказывали о процессах сушки изделий и использования меха, ваты, поролон для утепления обуви. Такой подход позволял повысить эффективность политехнической и прикладной направленности обучения [5].

Как трудовые политехнические практикумы, так и углубленное изучение одной из главных отраслей производства, осуществляемые на широкой

политехнической основе, должны были дать школьникам подготовку к труду в различных сферах производства. Задачей каждой школы также было всемерно расширять и совершенствовать труд учеников в школьных мастерских, на учебно-опытных участках, в ученических производственных бригадах.

Задачи и содержание профориентационной работы в каждой школе в значительной мере определялись особенностями производственного окружения, направлениями развития народного хозяйства. Во всех школах Пензенской области были созданы уголки и кабинеты профориентации. Проводились смотры – конкурсы школьных учебно-производственных мастерских, кабинетов трудового обучения и профориентации учащихся [6]. В деятельности педагогических и производственных коллективов области был накоплен значительный опыт работы по профессиональной ориентации школьников. В школах систематически проводились встречи с передовиками производства, ветеранами труда, победителями социалистического соревнования.

В справке Кузнецкого горно об организации работы по профориентации в школах города, отмечалось: «Практическое обучение учащихся 9–10 классов на рабочих местах предприятий рядом с кадровыми рабочими позволяет школьникам предметнее увидеть значимость знаний.

Юноши 9-х и 10-х классов средних школ № 9 и №16 проходят производственное обучение в учебном цехе завода «Кузполимермаш».

С помощью базового предприятия в школах оборудованы кабинеты профориентации, организуются и проводятся экскурсии, занятия кружков

Литература:

1. Материалы XXIV съезда КПСС. М. : Политиздат, 1977. 255 с.
2. Государственный архив Пензенской области (далее ГАПО) Ф.р. – 1381. Оп. 1. Д. 2750. Л. 128–130.
3. ГАПО.Ф.р – 2730. Оп. 1. Д. 5853. Л. 134–142.
4. Учительская газета. 1979. № 21.
5. Учительская газета. 1979. № 19.
6. ГАПО.Ф.п. – 1381. Оп. 1. Д. 3055. Л. 8–10.
7. ГАПО.Ф.п. – 148. Оп. 1. Д. 5853. Л. 62. Пензенская правда. 1978. 22 октября.

технического творчества. Новыми начинаниями стала организация социалистического соревнования комсомольско-молодежной бригады предприятия и учащихся школ. Большое внимание в школах области среди учащихся уделялось пропаганде массовых профессий, семейным традициям крестьянских династий и рабочих. В школах имелись уголки и стенды профориентации, где пропагандировались профессии окружающих хозяйств, указывалось место, где можно было получить эту профессию, подбирались материал, где подробно раскрывалась сущность профессии [7].

Следует отметить, что в практике профориентации преобладали расчет на обобщенную модель ученика, использование декларативно-агитационных методов, что негативно отражалось на результатах этой работы. В середине 1960-х – середине 1980-х гг. вся совокупность вопросов, связанных с выбором профессии и места в трудовой сфере, теоретически разрабатывалась и решалась на практике с позиции доминирующей установки на так называемый социальный заказ в основном как идея профессиональной ориентации. В системе профориентации не хватало важнейшего ее элемента – развивающей психологической диагностики. Однако советская теория и практика профориентации сыграли большую роль в изменении концептуального взгляда и инструментария, связанных с оказанием помощи учащимся в выборе жизненного, в том числе профессионального пути. Для создания теории «Профессионального самоопределения», успешного поиска эффективных практических форм и методов его осуществления в современных социально-экономических условиях важно использовать положительный опыт профориентации и учесть негативные явления и процессы, проявившиеся в этой сфере в СССР.

Literature:

1. Materials of the XXIV Congress of KPSU. M. : Political Publishing house, 1977. 255 p.
2. State Archive of Penza region (further SAPR). F.r. – 1381. Inventory 1. D. 2750. P. 128–130.
3. SAPR. F.r. – 2730. Inventory 1. D. 5853. P. 134–142.
4. Teacher's newspaper. 1979. № 21.
5. Teacher's newspaper. 1979. № 19.
6. SAPR. F.p. – 1381. Inventory 1. D. 3055. P. 8–10.
7. SAPR. F.p. – 148. Inventory 1. D. 5853. P. 62. Penza Pravda. 1978. 22 October.

Марьин Евгений Владимирович
кандидат юридических наук,
доцент кафедры
земельного права и государственной
регистрации недвижимости,
Московский государственный университет
геодезии и картографии
evgenii_marin@mail.ru

О НЕКОТОРЫХ ВОПРОСАХ ПРАВОВОГО ОБЕСПЕЧЕНИЯ ЭКОНОМИЧЕСКИХ ИНСТРУМЕНТОВ В СФЕРЕ ОХРАНЫ ОКРУЖАЮЩЕЙ СРЕДЫ

Аннотация. В статье речь идет о правовом обеспечении существующих связей между экономической деятельностью и состоянием окружающей среды. Анализ инструментов экологической политики должен позволить нам понять, как они могут изменить природу производственных процессов, потребляемые товары и само содержание феномена экономического роста. После представления того, как экологические вопросы анализируются в экономике, подробно представлены различные инструменты, обеспечивающие эффективную экологическую политику. Экономико-правовой анализ государственного вмешательства в вопросы окружающей среды подразумевает, что мы возвращаемся к концепции устойчивого развития, которая базируется на интересах настоящего и будущего поколений.

Ключевые слова: экономические инструменты, окружающая среда, платность природопользования, экологические издержки, платежи за загрязнение, права собственности на природу, экологический налог, субсидии.

Российская экономика переходит от экономики, в которой потребительский спрос играет лишь поверхностную роль в качестве экономического фактора, к системе, которая все больше основывается на потреблении. Экспорт нефти и газа является в настоящее время цементирующей основой экономического благосостояния России. Этот экспорт в основном был получен из наиболее легко эксплуатируемых существующих, разработанных месторождений и за счет сбалансированного бурения на новых площадках и, следовательно, не является устойчивым без дальнейшей разведки и инвестиций.

Поскольку разведка и добыча нефти в настоящее время являются основной причиной фрагментации в природе, можно ожидать, что скорость фрагментации возрастет, так как эксплуатация новых запасов становится необходимой для поддержания экономики. Рост доходов от экспорта

Evgeniy.V. Maryin
Candidate of Legal Sciences,
Associate Professor
Land law and State
Registration of Real Estate,
Moscow State University
Geodesy and Cartography
evgenii_marin@mail.ru

ON SOME ISSUES OF LEGAL SUPPORT OF ECONOMIC INSTRUMENTS IN THE FIELD OF ENVIRONMENTAL PROTECTION

Annotation. The article deals with the legal support of the existing links between economic activity and the state of the environment. An analysis of environmental policy tools should allow us to understand how they can change the nature of production processes, the products required, and the very content of the phenomenon of economic growth. After presenting how environmental issues are analyzed in the economy, various tools that ensure effective environmental policy are presented in detail. The economic and legal analysis of state intervention in environmental issues implies that we are returning to the concept of sustainable development, which is based on the interests of present and future generations.

Keywords: economic instruments, environment, environmental management fees, environmental costs, payments for pollution, property rights to nature, environmental tax, subsidies.

нефти в свое время вызвал всплеск потребительских расходов в России.

Ряд факторов еще больше ухудшает экологическую обстановку в России, в том числе:

– устаревшие технологии промышленного производства и стареющая инфраструктура большинства отраслей;

– растущее количество неочищенных сточных вод и выбросов в атмосферу, только часть, из которых были обработаны до уровней, которые соответствовали нормативным требованиям;

– увеличение количества отходов производства и потребления.

Например, по некоторым оценкам, в день происходит два крупных разлива нефти и утечек с газопроводов. Так 29 мая 2020 года в зоне

ответственности металлургического завода ПАО «ГМК «Норильский никель» разлилось около 20 тысяч тонн нефтепродуктов на значительной площади, которые попали водные объекты и в грунт. Происшествие повлекло значительное загрязнение территории и причинение вреда окружающей среде [9]. В результате этого разлива экологический ущерб составил около 150 млрд рублей. Росприроднадзор привлек к административной ответственности предприятие в дополнение к сумме затрат на устранение последствий аварии, которое предприятие согласилось провести своими силами и за свой счет [6].

Некоторые аналитики констатируют, что Россия начинает страдать от «ресурсного проклятия», рискуя своим экономическим развитием, полагаясь на изменчивые цены на сырьевые товары и свою политическую стабильность [10].

В этих условиях чрезвычайно важно сформировать адекватные современным вызовам экономико-правовые инструменты в сфере охраны окружающей среды. По справедливому мнению В.В. Круглова, «необходимо искать пути совершенствования правового регулирования и организации природоохранной деятельности промышленных предприятий, являющихся основными потребителями природных ресурсов, с одной стороны, и загрязнителями окружающей среды – с другой. Один из предлагаемых путей решения проблемы – широкое применение не только организационных и экономических мер, но и их более тесное взаимодействие в рассматриваемой сфере, для чего необходимо создать достаточную правовую основу их функционирования» [4].

В их основе лежит в первую очередь нормы статьи 42 Конституции о праве каждого на благоприятную окружающую среду. Как справедливо отмечает С.А. Боголюбов «заметная активизация природоохранных усилий в последний год, нарастающие экологические вызовы и глобальные угрозы, отмеченный четвертьвековой юбилей наиболее стабильной Конституции РФ инициируют новые подходы к ее экологическим положениям, взгляды на них с высоты пройденного пути и не решенных проблем, задач» [1].

Также фундаментальные основы экономического механизма в сфере охраны окружающей среды были заложены в базовом нормативно-правовом акте экологического законодательства – Федеральном законе от 10.01.2002 года № 7 ФЗ «Об охране окружающей среды». Экономические инструменты были детализированы и раскрыты как в отраслевых актах природоресурсного законодательства, таких как Земельный, Лесной, Водный Кодексы Российской Федерации, в подзаконных нормативно-правовых актах, так и в нормах финансового законодательства – Бюджетного, Налогового кодексов Российской Федерации.

Следует поддержать А.Я. Рыженкова в части того, что «взимание платы за использование природных ресурсов (или негативное воздействие на окружающую среду) и возмещение вреда окружающей среде являются тесно связанными видами

деятельности. Вместе с тем их взаимосвязь не следует преувеличивать. Например, использование земельных участков (как вид природопользования) предполагает уплату земельного налога, однако в большинстве случаев такое использование не причиняет вреда земле как природному объекту» [8].

Экономический механизм охраны окружающей среды в России опирается как на элементы стимулирования, так и на инструменты принуждения, причем последние несколько преобладают. Наиболее распространенными являются: экологические сборы и налоги, вмененные очень большому количеству загрязнителей воздуха и воды, а также сборы за образование отходов. Существует и система штрафов за экологические правонарушения в рамках административной ответственности и возмещение ущерба за загрязнение окружающей среды в рамках гражданско-правовой ответственности. Гарантирование кредитов, субсидирование процентов по кредитам и тому подобные механизмы имеют у нас в стране ограниченное использование. Другие экономические инструменты для защиты окружающей среды, такие как налоги на продукты и системы возврата депозитов, ускоренная амортизация активов и т.д., в России не используются, что не способствует прогрессу социальной сферы [3].

Важность учета экологических издержек в устойчивом развитии и решающая роль экономических инструментов в его достижении были должным образом признаны Конференцией Организации Объединенных Наций по окружающей среде и развитию в Рио-де-Жанейро еще в июне 1992 года. Принцип 16 Рио-де-Жанейрской декларации требует, чтобы национальные органы должны стремиться содействовать интернализации экологических издержек и использованию экономических инструментов [7].

Действительно, экономические инструменты не могут быть использованы только для уменьшения очевидного конфликта в области экологического развития, но, при правильной разработке и реализации, могут фактически сделать экономическое развитие средством защиты окружающей среды [9]. По справедливому мнению Гизатулина Р.Х. «требование более широкого внедрения экономических методов не говорит об их альтернативности мерам административного характера, что и подтверд» [2, с. 21].

В поддержку нормативных требований были введены инструменты, основанные на принципе «загрязнитель платит». Предполагается, что они переводят социальную ценность природы в денежную ценность, в единицу измерения с измерением цены, чтобы интегрировать ее во все частные или общественные решения, чтобы расширить возможности экономических субъектов.

Монетизация природы наталкивается на сильное противодействие со стороны тех, кто считает ее ценность самоцелью, выходящей за пределы ее полезности. Дискуссия о цене природы, правовом закреплении прав на природу, использование и аккумулирование финансов от реализации

национальных природных ресурсов на общественно-значимые проекты является предметом

Литература:

1. *Боголюбов С.А.* Периодизация освоения земельных, экологических положений Конституции Российской Федерации // *Аграрное и земельное право.* 2020. № 2(182). С. 89.
2. *Гиззатуллин Р.Х.* Реализация принципа платности природопользования в экологическом законодательстве // *Аграрное и земельное право.* 2017. № 9(153). С. 121
3. *Киевич А.В.* Социальная сфера как драйвер экономического роста // *Современные аспекты экономики.* 2017. № 12(244). С. 93–98.
4. *Круглов В.В.* Правовое обеспечение взаимосвязи организационных и экономических механизмов охраны окружающей среды / В.В. Круглов, Е.П. Пельвицкая // *Российское право: образование, практика, наука.* 2019. № 6. С. 97.
5. Наличие транспортных средств по Российской Федерации. URL : <https://www.gks.ru/storage/mediabank/nalich.xls>
6. Норильск заплатит крупнейший штраф в истории России. URL : <https://teknoblog.ru/2020/07/06/106439>
7. *Пасенов А.Н.* Концепция устойчивого развития: историко-правовые аспекты // *Научные ведомости БелГУ. Серия: Философия. Социология. Право.* 2017. № 10(259).
8. *Рыженков А.Я.* Принцип платности природопользования и возмещения вреда окружающей среде: вопросы теории и практики // *Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Право.* 2017. № 2(29). С. 116.
9. Следствие ходатайствует об аресте задержанного по уголовному делу о разливе нефтепродуктов в Норильске. URL : <https://sledcom.ru/news/item/1470617/>
10. *Ховавко И.Ю.* Ресурсное проклятие: обзор точек зрения / И.Ю. Ховавко, К.И. Шведов // *Государственное управление. Электронный вестник.* 2017. № 64.

дальнейшего научного осмысления и исследования.

Literature:

1. *Bogolyubov S.A.* Periodization of land and environmental development provisions of the Constitution of the Russian Federation // *Agricultural and land law.* 2020. № 2(182). P. 89.
2. *Gizzatullin R.H.* Implementation of the principle of paid nature management in environmental legislation // *Agricultural and land law.* 2017. № 9(153). P. 121
3. *Kievich A.V.* Social sector as a driver of economic growth // *Modern aspects of the economy.* 2017. № 12(244). P. 93–98.
4. *Kruglov V.V.* Legal support of interrelation of organizational and economic mechanisms of environmental protection / V.V. Kruglov, E.P. Pelvitskaya // *Russian law: education, practice, science.* 2019. № 6. P. 97.
5. Availability of vehicles in the Russian Federation URL : <https://www.gks.ru/storage/mediabank/nalich.xls>
6. Norilsk Nickel will pay the largest fine in the history of Russia. URL : <https://teknoblog.ru/2020/07/06/106439>
7. *Asenov A.N.* The concept of sustainable development: historical and legal aspects // *Scientific sheets of BelSU. Series: Philosophy. Sociology. Right.* 2017. № 10(259).
8. *Ryzenkov A.Ya.* The principle of paying for nature management and compensation for environmental damage: issues of theory and practice // *Bulletin of the Voronezh state University. Series: Law.* 2017. № 2(29). P. 116.
9. The Investigation requests the arrest of the detainee in the criminal case of the oil spill in Norilsk. URL : <https://sledcom.ru/news/item/1470617/>
10. *Khovavko I.Yu.* Resource curse: review of points of view / I.Yu. Khovavko, K.Y. Shvedov // *State management. Electronic Bulletin.* 2017. № 64.

Михайлов Алексей Евгеньевич

кандидат юридических наук,
доцент,
доцент кафедры
правового обеспечения государственного
и муниципального управления,
Владимирский филиал РАНХиГС,
доцент кафедры
публично-правовых дисциплин
факультета права и управления,
Владимирский юридический институт
Федеральной службы
исполнения наказаний
urgantfk@mail.ru

Семенов Сергей Александрович

кандидат юридических наук,
доцент,
доцент кафедры
публично-правовых дисциплин,
Владимирский юридический институт
Федеральной службы
исполнения наказаний
kurlak09@rambler.ru

Тараканов Илья Александрович

кандидат юридических наук,
доцент,
полковник внутренней службы,
доцент кафедры уголовного права
и криминологии юридического факультета,
Владимирский юридический институт
Федеральной службы
исполнения наказаний
il8@list.ru

**НАСИЛЬСТВЕННАЯ ПРЕСТУПНОСТЬ:
СОСТОЯНИЕ И ТЕНДЕНЦИИ**

Аннотация. Насильственная преступность с давних пор выступает неотъемлемой составляющей частью преступности любой страны, любого региона, любого города. Статья посвящена рассмотрению современного состояния насильственной преступности. Авторами анализируются особенности данного вида преступности, а также, ее количественные и качественные показатели. В результате проведенного исследования сделаны выводы о негативных тенденциях насильственной преступности и необходимости дальнейшего совершенствования профилактического воздействия на нее.

Ключевые слова: преступность, насилие, состояние, показатели, структура, динамика, тенденции.

Alexey E. Mikhailov

Candidate of Legal Sciences,
Associate Professor,
Associate Professor of the Department
of Legal Support of the State
and Municipal Administration,
Vladimir branch of the RANEPa,
Associate Professor of Public Law
Faculty of Law and Management,
Vladimir Law Institute
Federal Penitentiary Service
urgantfk@mail.ru

Sergey A. Semenov

Candidate of Legal Sciences,
Associate Professor,
Associate Professor of Public Law,
Vladimir Law Institute
Federal Penitentiary Service
kurlak09@rambler.ru

Ilya A. Tarakanov

Candidate of Legal Sciences,
Associate Professor,
Colonel of Internal Service,
Associate Professor of the Department
of Criminal Law and Criminology
of the Faculty of Law,
Vladimir Law Institute
Federal Penitentiary Service
il8@list.ru

**VIOLENT CRIME:
STATE AND TRENDS**

Annotation. Violent crime has long been an integral part of the crime of any country, any region, any city. The article is devoted to the current state of violent crime. The authors analyze the features of this type of crime, as well as its quantitative and qualitative indicators. As a result of the research, conclusions are made about the negative trends of violent crime, as well as the need to further improve the preventive impact on it.

Keywords: crime, violence, state, indicators, structure, dynamics, trends.

Насильственная преступность с давних пор выступает неотъемлемой составляющей частью преступности любой страны, любого региона, любого города. Отличительной особенностью данного вида преступности является то, что образующие ее преступления содержат в себе компонент насилия. По мнению С.И. Буз, под насилием, как правило, следует понимать намеренное причинение вреда человеку другим лицом; при этом возможно и бесконтактное, психологическое насилие [1].

Традиционно насильственная преступность связывается с преступлениями против личности, однако, не все из данных преступлений входят в структуру насильственной преступности, поскольку не предполагают в механизме преступного поведения насилие (к примеру, неоказание помощи больному (ст. 124 УК РФ), оставление в опасности (ст. 125 УК РФ), клевету (ст. 128.1 УК РФ), нарушение тайны переписки, телефонных переговоров, почтовых, телеграфных или иных сообщений (ст. 138 УК РФ) и т.д.).

Среди преступлений, предусмотренных главой 16 УК РФ, можно выделить следующие группы, относящиеся к насильственным:

- преступления против жизни и здоровья;
- преступления против свободы, чести и достоинства личности;
- преступления против половой неприкосновенности и половой свободы.

Помимо этого, к структуре насильственной преступности можно отнести и другие преступления, характеризующиеся наличием признаков насилия (преступления террористического характера и экстремистской направленности, преступления против правосудия и порядка управления и т.д.), однако, с учетом специфики объекта посягательства и субъектов уголовно-правовой охраны, данные виды преступлений целесообразно относить к самостоятельным разновидностям преступности.

Изучение преступности требует исследования ее количественных и качественных показателей, к которым следует отнести объем, динамику, структуру. При этом в официальных данных системы учета МВД России (сведения о состоянии преступности в России за январь-декабрь отчетного года) насильственная преступность не выделяется в качестве самостоятельного структурного компонента преступности. Специальному учету подлежат только некоторые виды насильственных преступлений, отражающих повышенную общественную опасность данной преступности, – убийство (ст. 105 УК РФ), умышленное причинение тяжкого вреда здоровью (ст. 111 УК РФ), изнасилование (ст. 131 УК РФ), а также – угроза убийством или причинением тяжкого вреда здоровью (ст. 119 УК РФ).

В связи с этим, для формирования представления об объеме насильственной преступности целесообразно обратиться к данным Департамента Верховного Суда, осуществляющего учет

осужденных лиц. Однако данные показатели учитывают только те случаи, когда виновное лицо осуждено и не принимают внимание факты прекращения уголовного преследования по не реабилитирующим основаниям в период предварительного расследования, в связи с чем, соотношение некоторых преступлений между собой значительно разнится.

В соответствии с данными Судебного Департамента Верховного суда РФ, доля насильственной преступности достаточно велика и составляет порядка 20 %. Следует также отметить, что насильственные преступления традиционно образуют большую долю в общем объеме преступности на протяжении довольно длительного времени. Обращая на это внимание, А.В. Варданян отмечал следующее: «Современные условия функционирования нашего общества позволяют с сожалением констатировать, что насильственные посягательства на жизнь и здоровье, свободу, честь и достоинство личности продолжают сохранять довольно высокий удельный вес в структуре преступности, даже несмотря на некоторые колебания в показателях ее динамики в течение последних нескольких лет» [2].

При этом наиболее распространенными преступлениями в структуре насильственной преступности являются:

- угроза убийством или причинения тяжкого вреда здоровью – порядка 24,5 %;
- умышленное причинение тяжкого вреда здоровью – порядка 23 %;
- умышленное причинение легкого вреда здоровью и вреда здоровью небольшой тяжести – порядка 17 %;
- умышленное причинение вреда здоровью средней тяжести – примерно 11 %;
- убийства – около 8 % (Отчет о составе осужденных, месте совершения преступления : форма № 11: Сводные статистические сведения о состоянии судимости в России за 2019 год [электронный ресурс] Судебный Департамент Верховного Суда РФ: официальный сайт. URL : <http://www.cdep.ru/index.php?id=79&item=5259>).

Согласно официальных статистических данных МВД России, объем умышленного причинения тяжкого вреда здоровью в России в 2019 году составил 21465 эпизодов преступной деятельности, в то время, как угроза убийством и причинением тяжкого вреда здоровью – превысила эти показатели более чем в 2,5 раза и составила 56563 эпизодов преступной деятельности.

Следует отметить высокую латентность насильственных преступлений, достигающую, по мнению некоторых исследователей, 90 %. Причины латентности насильственных преступлений, преимущественно естественного характера, связаны с комплексом таких факторов, как:

- распространенное мнение о допустимости незначительного насилия (не причинившего вред здоровью) при решении бытовых вопросов;

– страх перед возмездием, стыд оказаться потерпевшим от совершенного насильственного преступления (особенно преступлений против половой свободы и половой неприкосновенности);

– нежелание портить личные или семейные отношения (особенно это касается семейного насилия) и т.п.

Обращая внимание на высокую латентность насильственных преступлений в семье, Е.Д. Романенко отмечал, что ввиду повышенной естественной и искусственной латентности данной категории преступлений фактически отсутствуют достоверные сведения об их реальном состоянии. Статистика о насильственной преступности в семье основывается на сведениях, предоставляемых медицинскими организациями, соответствующими общественными учреждениями, кризисными центрами и иными организациями, деятельность которых специализируется на помощи жертвам семейного насилия. В результате статистическая информация является разрозненной и не исследуется в должной мере [6].

Примечательно, что повышение уровня латентности рассматриваемого вида преступности обратно пропорционально степени причиненного вреда жизни и здоровью, – чем меньше причинен вред, тем выше латентность данных преступлений, что объясняется необходимостью обращения пострадавшего за медицинской помощью в случае причинения вреда опасного для его жизни и здоровья, наличием социально-правовых инструментов контроля правоохранительных органов за обращением в медицинские учреждения лиц с травмами криминального характера и нежеланием потерпевших мириться с опасностью, угрожавшей их жизни и здоровью.

Литература:

1. Буз С.И. Зарубежный опыт профилактики насильственной преступности // Вестник Краснодарского университета МВД России. 2018. № 3 (41). С. 37–41.
2. Варданян А.В. Феномен агрессии в структуре современной насильственной преступности // Юрист-Правовед. 2018. № 2(85). С. 39–44.
3. Гриценко Т.В. Актуальные проблемы предупреждения насильственной преступности в России / Т.В. Гриценко, Н.С. Диденко // Вестник Краснодарского университета МВД России. 2019. № 3 (45). С. 7–13.
4. Мироненко Н.С. Деятельность органов внутренних дел по предупреждению насильственной преступности / Н.С. Мироненко; Под научной ред. В.А. Авдеева, С.В. Розенко. // Стратегические направления противодействия преступности на национальном и транснациональном уровнях. сборник научных трудов по материалам международной научно-практической конференции. Ханты-Мансийск, 2020. С. 190–198.

Анализ показателей насильственной преступности позволяет сделать вывод о том, что, несмотря на снижение в целом объема, удельный вес ее продолжает оставаться весьма существенным. Кроме того, высокий уровень латентности насильственных преступлений, особенно относящихся к категории небольшой или средней тяжести, способен обусловить в будущем совершение более тяжких преступлений при отсутствии надлежащего профилактического воздействия. Следует также учесть, что в современном обществе уровень агрессии, ненависти и грубости неумолимо возрастает.

Профилактика насильственной преступности должна носить комплексный характер и включать в себя, как отмечает С.Ю. Мироненко, социально-экономические, политические, организационно-управленческие, воспитательные, технические, правовые и другие меры [4]. Следует также согласиться с мнением, высказанным Н.С. Мироненко о том, что «невозможно решить в необходимом объеме ни одной задачи в борьбе с насилием без создания социальной организации, основанной на общественном равенстве в экономическом, социальном, политическом и культурном смысле. Никакие локальные победы в борьбе с насильственной преступностью не дают оснований для успокоения» [5].

Вышеизложенное позволяет сделать вывод о том, что насильственная преступность, несмотря на снижение за последние годы ее объема, нуждается в дальнейших криминологических исследованиях с целью выявления негативных закономерностей и тенденций, что позволит определить, спланировать и реализовать адекватные меры профилактического воздействия, позволяющих эффективно обеспечить безопасность личности, общества и государства от различных проявлений насилия.

Literature:

1. Buz S.I. Foreign experience of prevention of violent crime // Bulletin of the Krasnodar University of the Ministry of internal Affairs of Russia. 2018. № 3 (41). P. 37–41.
2. Vardanyan A.V. The phenomenon of aggression in the structure of modern violent crime // Jurist-Pravoved. 2018. № 2(85). P. 39–44.
3. Gritsenko T.V. Actual problems of prevention of violent crime in Russia / T.V. Gritsenko, N.S. Didenko // Bulletin of the Krasnodar University of the Ministry of internal Affairs of Russia. 2019. № 3(45). P. 7–13.
4. Mironenko N.S. Activity of internal Affairs bodies on prevention of violent crime / N.S. Mironenko; Under the scientific editorship of V.A. Avdeev, S.V. Rozenko // Strategic directions for combating crime at the national and transnational levels. collection of scientific papers on the materials of the international scientific and practical conference. Khanty-Mansiysk, 2020. P. 190–198.

5. *Мироненко С.Ю.* Общесоциальные меры предупреждения корыстной и корыстно-насильственной преступности // Криминологические чтения. Материалы XIII Всероссийской научно-практической конференции с международным участием, посвященной 90-летию заслуженного юриста Российской Федерации и Республики Бурятия, профессора Б. Ц. Цыденжапова. Улан-Удэ, 2018. С. 112–120.

6. *Романенко Е.Д.* К вопросу о латентности семейно-бытовой насильственной преступности // Новатор года 2020. Сборник статей Международного научно-исследовательского конкурса. Петрозаводск, 2020. С. 63–69.

5. *Mironenko S.Yu.* General Social measures of prevention of self-serving and self-serving violent crime // Criminological readings. Materials of the XIII all-Russian scientific and practical conference with international participation dedicated to the 90th anniversary of the honored lawyer of the Russian Federation and the Republic of Buryatia, Professor B. Tsydenzhapov. Ulan-Ude, 2018. P. 112–120.

6. *Romanenko E.D.* On the question of the latency of family and domestic violent crime // Innovator of the year 2020. Collection of articles of the International research competition. Petrozavodsk, 2020. P. 63–69.

Савин Андрей Александрович
старший преподаватель
кафедры публично-правовых дисциплин,
Владимирский юридический институт
Федеральной службы
исполнения наказаний
Aasavin33@mail.ru

ОБЯЗАТЕЛЬНЫЕ СОСТАВЛЯЮЩИЕ ПРИ РАССМОТРЕНИИ ВОПРОСА О ПРИНУДИТЕЛЬНЫХ МЕРАХ МЕДИЦИНСКОГО ХАРАКТЕРА

Аннотация. Учитывая последние изменения, прошедшие в отечественном законодательстве, автором статьи раскрывается материально-правовая и процессуальная составляющие производства применения принудительных мер медицинского характера. Всесторонне рассматриваются основания, условия, процедуры и правила указанного особого уголовного производства. Затрагиваются вопросы необходимости доказывания вины, права на защиту, целесообразности предварительного и судебного следствия. Исследуются вопросы назначения, продления, изменения и прекращения принудительных медицинских мер.

Ключевые слова: принудительные меры медицинского характера, невменяемость, принудительное лечение, преступление, освобождение от наказания.

Состояние общей вменяемости лица, совершившего преступление, имеет важнейшее значение для принятия решения о привлечении его к ответственности. В соответствии с действующим законом, к уголовной ответственности можно привлечь исключительно вменяемое лицо, что является обязательным условием наступления ответственности. Совершая преступление в невменяемом состоянии, когда лицо не способно отдавать отчет своим действиям, уголовной ответственности оно не подлежит в силу ст. 21 УК РФ.

Мнения большинства ученых, интересующихся вопросами принудительных мер медицинского характера (далее ПММХ), сходятся в том, что данные меры не являются уголовным наказанием, а рассматривать их необходимо как систему терапевтических, профилактических и реабилитационных медицинских мер [1]. ПММХ ставят своей первоочередной целью излечение лица от психического недуга, а при невозможности полного излечения – стабилизации и улучшения его состояния, кроме того, купируются попытки совершения им новых преступлений. Уголовное законодательство, в свою очередь, ставит целью назначения наказания восстановление

Andrei A. Savin
Senior lecturer of the Departments
of Public Law Disciplines,
Vladimir Law Institute Federal Service
Execution of Punishments
Aasavin33@mail.ru

MANDATORY COMPONENTS WHEN CONSIDERING THE QUESTION OF COMPULSORY MEASURES OF A MEDICAL NATURE

Annotation. Taking into account recent changes in legislation, the article reveals the substantive and procedural components of the procedure for applying compulsory medical measures. The grounds, conditions, procedures and rules of the specified special criminal proceedings are comprehensively considered. The issues of the necessity of proving guilt, the right to defense, and the expediency of preliminary and judicial investigation are discussed. The issues of prescribing, extending, changing and terminating compulsory medical measures are investigated.

Keywords: compulsory medical measures, insanity, compulsory treatment, crime, release from punishment.

социальной справедливости, а также, предупреждение совершения виновным лицом новых преступлений. Эти два основания и являются разновидностями государственного принуждения. Несмотря на всю разницу целей применения, у указанных мер имеются и некоторые сходства. По общим основаниям ни уголовное наказание, ни ПММХ не могут применяться для причинения физических страданий и унижать человеческое достоинство.

Законодатель одной из целей применения ПММХ видит предупреждение совершения лицами, находящимися в болезненном психическом состоянии, иных противоправных деяний и недопущение причинения вреда самому себе и окружающим. Не рассматривая ПММХ как уголовное наказание, очевидно, что меры неразрывно связаны с ограничениями свободы лица, его прав, принуждением к прохождению лечения. Такие ограничения могут назначаться только судом. Лицо полностью освобождается от уголовного наказания за совершенное преступление, если до его совершения, после, а также, в период отбывания наказания приобрело психическое расстройство. В случае же, если у виновного лица есть заболевание, которое не лишает его понимания

содеянного, то он на общих основаниях несет ответственность. Данные обстоятельства обязательно учитываются при вынесении приговора.

В ч. 1 ст. 99 УК РФ законодатель закрепил три типа медицинских организаций, где указанные лица могут наблюдаться и проходить соответствующее лечение: общего типа, специализированного и специализированного типа с интенсивным наблюдением. Также, предусмотрен такой вид, как принудительное наблюдение и лечение у врача-психиатра в амбулаторных условиях, который, как указал Пленум ВС РФ «О практике применения судами принудительных мер медицинского характера», как вид принудительных медицинских мер, являющийся равноценным остальным. Ряд ученых утверждал, что такой вид может быть применен к лицам, находящимся в психически болезненном состоянии, а также, когда нарушение психики случилось уже после совершения преступления [2], но все ли «гладко» в таких суждениях с точки зрения основ права? УПК РФ в ч. 1 ст. 433 указывает на то, что в отношении рассматриваемой нами категории лиц применяются меры, указанные в п. «б» – «г» ч. 1 ст. 99 УК РФ, и, кроме того, прямо указано, что такой вид принудительных мер, как амбулаторное наблюдение у врача - психиатра не может быть применен.

При наличии подобных разночтений, необходимо их правовое урегулирование. В противном случае перед правоприменителем встает проблема определения применяемого вида принудительных медицинских мер. Это одновременно могут быть как наблюдение и лечение у врача-психиатра в амбулаторных условиях, так и применение иных, предусмотренных ст. 99 УК РФ. Однако не могут игнорироваться и требования п. «б» – «г» ч. 1 ст. 99 УК РФ, которые также могут быть использованы во взаимосвязи с ч. 4 ст. 433 УПК РФ. ПММХ не могут исходить из самого факта совершения преступления, а в основу применения указанных мер можно положить, исключительно, установление опасности для себя и (или) окружающих. При отсутствии же опасности со стороны больного применение принудительных медицинских мер к нему бессмысленно, т.к. показаний к его лечению попросту нет [3].

Нередко, в судебных решениях встречаются такое словосочетание, как «применение судом принудительных мер медицинского характера», однако, очевидно, что в функции суда это не входит. УИК РФ регулирует порядок исполнения назначенных судом наказаний и ограничений в отношении лиц, страдающих психическими заболеваниями. Встречающаяся путаница с понятиями «назначение ПММХ» и «применение ПММХ», одновременно повлияла и на определение оснований применения мер, назначаемых в соответствии с ч. 1 ст. 443 УПК РФ. По мнению В.К. Боброва, основаниями для применения принудительных медицинских мер к лицу является его (лица) поведение, ранее послужившее причинением существенного вреда, охраняемым законом прав граждан, ..., а также – возможной опасностью для самого себя [4].

Назначение принудительных медицинских мер возможно только при наличии совокупности ряда обстоятельств, таких как юридические - как факт совершения преступления, так и медицинские – наличие подтвержденного психического заболевания. Есть обоснованное мнение о том, что началом психиатрического освидетельствования может являться момент помещения лица на основании постановления суда в следственный изолятор, причем, освидетельствованию должны подлежать все без исключения поступающие [5].

Принцип законности при рассмотрении вопроса о назначении лицу ПММХ является основополагающим, по причине существенного ограничения его в конституционных правах, в случае их назначения, в связи, с чем, в соответствии со ст. 438 УПК РФ, с момента вынесения постановления о назначении судебно-психиатрической экспертизы к участию в производстве привлекается адвокат. Однако не все ученые согласны с этим, так, С.П. Сереброва излагает указанное выше требования закона несколько шире: «Защитник должен быть допущен в уголовный процесс не с момента вынесения постановления о назначении судебно-экспертизы..., а несколько раньше. Основания для допуска защитника есть уже тогда, когда в распоряжении следователя помимо документа, удостоверяющего душевное заболевание, имеется такая совокупность доказательств, которая не позволяет предъявить обвинение лишь в связи с имеющимися сомнениями во вменяемости искомого лица в момент совершения им деяния, запрещенного уголовным законом» [6].

Постановление Пленума ВС РФ «О практике применения судами ПММХ» в п. 12 во взаимосвязи со ст. 438 и п. 3 ст. 196 УПК РФ фактическим началом их применения видит момент назначения судебно-психиатрической экспертизы лицу, в отношении которого собраны доказательства виновности, при обычных условиях позволившие предъявить ему обвинение. В случае же, если в ходе судебного рассмотрения дела возникнут обоснованные подозрения о психическом состоянии подсудимого, суд в соответствии с 51 главой УПК РФ выносит соответствующее постановление.

В том случае, если будет доказано, что лицо совершило деяние в состоянии невменяемости, или психическое расстройство наступило позже, и назначить уголовное наказание такому лицу нельзя, в соответствии со ст. 21 и ст. 81 УК РФ, суд освобождает его от уголовной ответственности с вынесением постановления о применении ПММХ. Срок принудительных мер медицинского характера не устанавливается, однако, ограничивается, в соответствии с п. 26 Постановления Пленума ВС РФ «О практике применения судами принудительных мер медицинского характера». В соответствии с ч. 2 ст. 102 УК РФ, не реже одного раза в шесть месяцев лицо должно освидетельствоваться комиссией врачей-психиатров с целью последующего обращения в суд для изменения или прекращения меры. При этом, в соответствии с ч. 1 ст. 445 УК РФ, в случае поступления в суд такого ходатайства, назначенная ранее мера медицинского характера продлевается, изменяется или прекращается.

Литература:

1. Постановление Пленума Верховного Суда РФ № 19 от 27 июня 2013 г. «О применении судами законодательства, регламентирующего основания и порядок освобождения от уголовной ответственности» (с изм., внесен. постановл. Пленума от 15.11.2016 г. № 48 и от 29.11.2016 г. № 56).
2. *Кондратьев Ф.В.* Глава 51. Производство о применении принудительных мер медицинского характера / Ф.В. Кондратьев, С.М. Пахомов // Комментарий к УПК РФ. Новая редакция. М. : ИКФ «ЭКМОС», 2002. С. 673–701.
3. *Савин А.А.* Применение принудительных мер медицинского характера к невменяемым лицам, вследствие освобождения их от уголовной ответственности // Вестник Владимирского юридического института. 2020. № 2(55). С. 120–124.
4. *Бобров В.К.* Глава 51. Производство о применении принудительных мер медицинского характера / В.К. Бобров; Под общ. ред. В.М. Лебедева // Научно-практический комментарий к УПК РФ. М. : Спарк, 2002. С. 708–714.
5. *Звонов А.В.* Проблемы регулирования законодательства в части исполнения принудительных мер медицинского характера / А.В. Звонов, А.А. Савин // Известия Тульского государственного университета. Экономические и юридические науки. 2019. № 4. С. 135–143.
6. *Сереброва С.П.* Глава 27. Производство о применении принудительных мер медицинского характера / С.П. Сереброва, А.С. Александров, Н.Н. Ковтун, М.П. Поляков; Науч. ред. В.Т. Томин // Уголовный процесс России : учебник. М. : Юрайт-Издат, 2003. С. 704–724.

Literature:

1. Decision of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation No. 19 of June 27, 2013 «On the application by the courts of legislation regulating the grounds and procedure for exemption from criminal liability» (amended. постановл. Plenum of 15.11.2016. № 48 and of 29.11.2016. № 56).
2. *Kondratyev F.V.* Chapter 51. Proceedings on the application of coercive measures of a medical nature / F.V. Kondratyev, S.M. Pakhomov // Commentary to the Code of Criminal Procedure of the Russian Federation. New revision. M. : ICF «ECMOS», 2002. P. 673–701.
3. *Savin A.A.* Application of coercive measures of a medical nature to insane persons, as a result of their exemption from criminal liability // Bulletin of the Vladimir Law Institute. 2020. № 2(55). P. 120–124.
4. *Bobrov V.K.* Chapter 51. Proceedings on the application of coercive measures of a medical nature / V.K. Bobrov; Under the general. Ed. V.M. Lebedeva // Scientific and practical commentary on the Code of Criminal Procedure of the Russian Federation M. : Spark, 2002. P. 708–714.
5. *Zvonov A.V.* Problems of regulation of legislation in terms of the implementation of coercive measures of a medical nature / A.V. Zvonov, A.A. Savin // Izvestia Tula State University. Economic and legal sciences. 2019. № 4. С. 135–143.
6. *Serebrova S.P.* Chapter 27. Proceedings on the application of coercive measures of a medical nature / S.P. Serebrova. A.S. Alexandrov, N.N. Kovtun, M.P. Polyakov; Scientific ed. V.T. Tomin // Criminal process of Russia : textbook M. : Yurite-Publishing House, 2003. P. 704–724.

Савченко Нина Игоревна
соискатель,
Академия права и управления
Федеральной службы
исполнения наказаний России,
майор внутренней службы
ninelsaw@yandex.ru

СОДЕРЖАНИЕ НЕКОТОРЫХ ПОДГОТОВИТЕЛЬНЫХ ДЕЙСТВИЙ, ПРЕДШЕСТВУЮЩИХ ПОЛУЧЕНИЮ И ДАЧИ ВЗЯТКИ

Аннотация. Получению и даче взятки предшествует подготовительная деятельность: при получении в 86 % случаев и в 78 % – при даче. По своему назначению подготовительные действия направлены на сбор разносторонней информации, которая является отправной в создании необходимых условий для совершения посягательств (прежде всего договоренностей, на них при получении взятки приходится 62 %, при даче – 60 %). Их продолжительность, направленность, содержательность обусловлены комплексом различных обстоятельств. В статье раскрывается содержание подготовительных действий, предшествующих совершению получения или дачи взятки (ст. 290, 291 УК РФ), составляющих содержание криминалистической характеристики преступлений.

Ключевые слова: взятка, подготовка, взяткополучатель, взяткодатель, посредник.

Приводимые нами эмпирические данные являются результатом изучения 109 архивных уголовных дел по ст. 290 и 101 – по ст. 291 УК РФ. Их рассмотрение осуществлялось районными федеральными судами городов: Астрахань, Кемерово, Курск, Москва, Мурманск, Орел, Оренбург, Рязань, Тамбов, Ульяновск, Ярославль. А также, Волгоградской, Московской областей, Республики Чувашия. Период изучения включал 2008–2018 годы. Основываясь на этом, мы говорим о том, что получению и даче взятки предшествует подготовительная деятельность: при получении в 86 % случаев и в 78 % – при даче. По своему назначению подготовительные действия направлены на сбор разносторонней информации, которая является отправной в создании необходимых условий для совершения посягательств (прежде всего договоренностей, на них при получении взятки приходится 62 %, при даче – 60 %). Их продолжительность, направленность, содержательность обусловлены комплексом различных обстоятельств. Характер таких действий зависит от правового положения, личностных свойств инициатора взяточничества; количества

Nina I. Savchenko
Applicant,
Academy of Law and Management
Federal Service Execution
of Punishments in Russia,
Major of Internal Service
ninelsaw@yandex.ru

CONTENT OF SOME PREPARATORY ACTIONS PRIOR TO RECEIVING AND GIVING A BRIBE

Annotation. Receiving and giving a bribe is preceded by preparatory activities: when receiving in 86 % of cases and in 78 % – in the giving. For their purpose, the preparatory actions are aimed at collecting a variety of information, which is the starting point in creating the necessary conditions for the commission of encroachments (primarily agreements, they account for 62 % when receiving a bribe, in the case of giving – 60 %). The article discloses the content of preparatory actions preceding the commission of a bribe (Art. 260, 291 of the Criminal Code of the Russian Federation), which constitute the content of the forensic characteristic of crimes.

Keywords: bribe, preparation, bribetaker, briber, intermediary.

лиц, вовлеченных в совершение планируемого преступления. А также, от действий (бездействия), направленных на расчет за незаконное вознаграждение; от наличия или отсутствия факта вымогательства взятки (при получении взятки вымогательство имело место в 17 % случаев, при даче – в 5 %); ресурсов, используемых для этого (в том числе, характера «вознаграждения», размера денежной суммы).

В тех случаях, когда планировалась поэтапная взятка в особо крупном размере, подготовительные действия являлись наиболее конспиративными, объемными, продолжительными по времени. Они отличаются и своей тщательностью, насыщенностью и присущи, главным образом, взятке-подкупу и почти не характерны для взятки-благодарности как разновидностям рассматриваемых преступлений.

Если инициатором взяточничества выступает взяткодатель (иногда с использованием возможностей и связей посредника) [1], то в процессе подготовки им, как правило, выясняются:

а) правовой статус должностного лица, данные о его вышестоящем руководстве, подчиненных, взаимоотношениях с ними;

б) характер (объем) его служебных полномочий, в том числе временно делегированных, регламент служебной деятельности;

в) место жительства, условия проживания (квартира, коттедж, размеры, этажность), наличие транспортных средств, гаража, загородного дома или дачи;

г) наличие родственников, места их проживания, характер взаимоотношений с планируемым взяточполучателем, место работы;

д) наличие лиц, с которыми он находится в доверительных отношениях;

е) предстоящее участие в служебных мероприятиях, поездках в командировки, выездах за пределы региона (отдых, рыбалка);

ж) хозяйственно-бытовые проблемы, в разрешении которых может быть заинтересован взяточполучатель;

з) увлечения, предпочтительные места свободного времяпрепровождения, круг участников;

и) возможности влиять на других должностных лиц (если в его компетенцию не входит решение конкретного вопроса) в целях выполнения действий (бездействия), в которых заинтересован взяточполучатель и которые будут обусловлены взяткой.

Полученные данные предназначаются для налаживания контактов с предполагаемым взяточполучателем, его родственниками, друзьями, коллегами по работе, для установления заинтересованности в тех или иных предложениях. С должностным лицом стремятся установить внеслужебные отношения, оказаться вместе на контактном мероприятии, познакомиться. Исходя из ситуации общения, ненавязчиво инициировать конкретную тему для беседы (возможно, с помощью других лиц), так, чтобы она вызвала интерес у предполагаемого взяточполучателя. Если беседа становится активной с переходом на другие аспекты, то инициатор может показать свои возможности в решении определенных вопросов или рассказать, как она якобы решалась другими. Во время таких общений взяточдателя могут обозначить и свою проблему, при этом предполагаемому взяточполучателю делаются намеки на вознаграждение за решение определенного вопроса или прямо сообщается об этом и одновременно фиксируется характер реакции.

Иногда это делается с помощью лиц, которые и не являются посредниками, но искренне принимают участие в беседе и, таким образом, как бы оказывают помощь взяточдателя в решении интересующих его вопросов (о месте, времени, предмете взятки, способах его передачи и сокрытия). В некоторых случаях взяточдателя специально используют в своих целях лиц,

заблуждающихся в порядочности субъекта, дающего или принимающего вознаграждение за выполнение определенной услуги.

В процессе подготовки к совершению преступления взяточдатель нередко особо продумывают сам процесс личной передачи денежных средств, векселей, ценностей, предметов, бытовой техники, инструментов, строительных материалов, осуществления определенных услуг. Для этого они иногда делают специальные тайники, размещают деньги в документах, книгах, папках, подарочных коробках, футлярах, специальной упаковке, готовят транспортные средства, которые будут использоваться в указанных целях, осуществляют определенные действия по скрытию содержимого упаковки.

Значительное время на подготовительном этапе отдельных взяточдателей занимает установление посредников (в 2019 году по данным ГИАЦ МВД России было зарегистрировано 1297 посредничеств во взяточничестве) – как правило, лиц, приближенных к взяточполучателем (его родственников, близкого окружения).

На практике имели место случаи, при которых инициативу в осуществлении конкретных действий (бездействия), по регламенту, входящих в обязанности должностного лица, брали на себя посредники (доверенные лица) [2, с. 95–99] и определяли размер взятки или виды предлагаемых услуг. В таких случаях преступление совершается «с молчаливого согласия» взяточполучателя.

Ознакомление с материалами уголовных дел показывает, что посредники в некоторых случаях дезориентировали должностных лиц, во-первых, не информировали о сумме денежных средств, количестве и наименовании предметов, услуг, являющихся предметом взятки, во-вторых, не сообщали обо всем объеме и характере действий (бездействия), подлежащих выполнению за взятку.

В практике имеют место ситуации [3, с. 150–152], при которых взяточполучатель как инициатор преступления сам создавал препятствия (сложности), в том числе, и временные, затрудняющие выполнение просьбы взяточдателя. При этом в беседах не конкретизировались причины невозможности их выполнения.

Следует сказать о том, что свойства личности и в подготовке к совершению взяточничества являются доминирующими. В одних случаях высказываются однозначные требования о передаче вознаграждения, в других это делается в завуалированной форме, с намеками, раскрытием содержания определенных сложностей, препятствий, в третьих – по переписке (СМС-переписка ведется с использованием деловых отношений или закодированным способом). Для общения, как общепризнанные и наиболее распространенные, используются такие мессенджеры, как «Viber», «WhatsApp», «Telegram». В ряде случаев применяются протоколы шифрования сообщений, что

создает дополнительные трудности в процессе расследования [4, с. 113–118].

Иногда имеет место неторопливость действий по получению предмета взятки: встреча переносится на более поздний, неопределенный срок, без указания дат, времени и места. Порой, это делается с целью проследить за поведением взяткодателя, посредника, за деятельностью определенных должностных лиц правоохранительных органов, лиц из собственного окружения. Установить, нет ли в их поведении действий провокационного характера. При изложенных обстоятельствах может вводиться информация о необходимости обговорить этот вопрос с вышестоящим начальством, создаваться видимость, что принятое решение согласовывалось с контролирующей инстанцией.

При достижении договоренности о встрече, как следует из материалов изученных уголовных дел, подозреваемые и обвиняемые продумывали ее конфиденциальность. Как показало обобщение следственной практики, получение взятки в 19 % случаев происходило в присутствии свидетелей, а дача – в 18 %. Заметим, что присутствие посторонних становилось достоянием других лиц и в силу различных обстоятельств. В том числе, такие граждане проходили, проезжали мимо, видели через окно, находясь на рабочем месте, дома, специально наблюдали, проявляя определенный интерес, спровоцированный поведением одной из сторон взяточничества. Такая категория граждан в процессе расследования, как правило, давала свидетельские показания. Содержание приведенного выше материала можно именовать первой из ситуаций, способствующих проведению следственных действий.

Таким образом, если приведенное переводить в содержание следственных ситуаций [5, с. 138–145], то их получается две: с присутствием и без присутствия свидетелей. При первой и сумма взятки незначительно превышает 10 000 рублей. Ее субъекты – должностные лица учреждений здравоохранения, образовательных организаций, сотрудники ДПС ГИБДД, служащие органов внутренних дел. В такой ситуации подготовка может отсутствовать вообще или являться незначительной (выяснение возможностей получения листка нетрудоспособности). Во второй (без присутствия свидетелей) нередко имеются составляющие конспирации, тщательности, получения

Литература:

1. *Степаненко Р.А.* Особенности методики расследования преступлений, связанных с посредничеством во взяточничестве : дис. ... канд. юрид. наук. Улан-Удэ, 2015.
2. *Марданов А.Н.* Взаимодействие следователя и оперативных подразделений в процессе выявления фактов взяточничества при наличии посредника, а также последующего возбуждения и расследования уголовного дела // Вестник Санкт-

предмета взятки один на один и, в то же время, об определенных «каналах» получения денежного «вознаграждения» известно определенному кругу лиц, есть специальные доверенные лица, которые выступают посредниками, содействуют посредникам. Такой расклад характерен для взяточничества лиц, занимающих высокое должностное положение (судебные процессы являются свидетельством этого).

Готовя транспортные средства, взяточники исходят из его назначения в таких обстоятельствах служить:

- местом (мобильным) передачи-получения предмета взятки;
- средством его доставки, если он громоздкий;
- средством, обеспечивающим возможность быстро удалиться с места, заранее определенного для этого, остаться незамеченным, не быть зафиксированным возможными переносимыми и стационарными видеорегистраторами.

Нередко субъектами принимаются также и меры по обеспечению наблюдения за местом передачи предмета взятки. Обе стороны уделяют внимание исключению использования видеорегистрации, как стационарной, так и временной (носимой).

На этапе подготовки к совершению преступления его участники стараются продумывать линию своего поведения, которая исключала бы их причастность к даче-получению взятки. Содержанием указанной линии поведения могут быть продумывание правдоподобного алиби на случай захвата с поличным; подготовка специальных расписок о получении денег в долг, сообщение о потере или краже банковской пластиковой карты (с информированием банка по телефону, СМС-сообщением (банк онлайн), на которую прошло перечисление денежных средств.

Резюмируя приведенное, следует сказать, что на протяжении последних лет значительно расширена практика бесконтактных расчетов за предоставление преференций с одновременным исключением личных контактов (осуществление получения и дачи взятки через платежные терминалы либо посредством электронных сетей на виртуальные счета), что также относится к предмету подготовки преступлений, предусмотренных ст. 290, 291 УК РФ.

Literature:

1. *Stepanenko R.A.* Features of the methodology for investigating crimes related to mediation in bribery : dis. ... edging. legal sciences. Ulan-Ude, 2015.
2. *Mardanov A.N.* Interaction of the investigator and operational units in the process of identifying facts of bribery in the presence of an intermediary, as well as the subsequent initiation and investigation of a criminal case // Bulletin of St. Petersburg University of the

Петербургского университета МВД России. 2015. № 1(65). С. 95–99.

3. *Баев О.Я.* Методика расследования взяточничества и коммерческого подкупа (в зависимости от следственных ситуаций) / О.Я. Баев, Е.А. Пидусов // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература: РЖ. Сер. 4: Государство и право. 2011. № 2. С. 150–152.

4. *Шурухнов Н.Г.* Использование электронной почты (e-mail) в процессе организации и деятельности экстремистских сообществ: технология поиска и изъятия компьютерных сообщений при расследовании // Криминалистические чтения на Байкале – 2015. Иркутск, 2015. С. 113–118.

5. *Хлус А.М.* Ситуационный подход к расследованию взяточничества: проблемы и пути их решения // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. 2019. № 2. С. 138–145.

Ministry of Internal Affairs of Russia. 2015. № 1(65). P. 95–99.

3. *Baev O.Ya.* Methodology of investigation of bribery and commercial bribery (depending on investigative situations) / O.Ya. Baev, E.A. Pidusov // Social and humanities sciences. Domestic and foreign literature: R.J. It is gray. 4: State and law. 2011. № 2. P. 150–152.

4. *Shurukhnov N.G.* The use of e-mail (e-mail) in the process of organizing and operating extremist communities: the technology of searching for and withdrawing computer messages during the investigation // Forensic readings in Baikal – 2015. Irkutsk, 2015. P. 113–118.

5. *Khkus A.M.* Situational approach to the investigation of bribery: problems and ways to solve them // Bulletin of the Nizhny Novgorod Lobachevsky University. 2019. № 2. P. 138–145.

Санников Денис Викторович
адвокат,
Адвокатский кабинет
denis.sannikov@rambler.ru

СОВРЕМЕННЫЕ ПРОБЛЕМЫ ЗАЩИТЫ ГРАЖДАНСКИХ ПРАВ И ЗАКОННОГО ВЛАДЕНИЯ В РФ

Аннотация. В первой части статьи автор рассматривает тему защиты гражданских прав, во второй уделяет внимание понятию «владение» в России. Защита гражданских прав – меры, закрепленные законодательно и имеющие целью признание и/или восстановление этих прав, а также, защиту гражданских прав при посягательстве на них. Формой защиты гражданских прав выступает комплекс мероприятий по защите этих прав и интересов. Принято выделять две основные формы защиты: юрисдикционную и неюрисдикционную (самостоятельное восстановление и защита). Проблем защиты гражданских прав большое количество, в статье автор выделил несколько их основных групп.

Ключевые слова: гражданские права, владение, юрисдикционная форма защиты, неюрисдикционная форма защиты, гражданский кодекс.

В первой части статьи рассмотрим вопросы защиты гражданских прав, во второй – вопросы законного владения в РФ.

Защита гражданских прав – меры, закрепленные законодательно и имеющие целью признание и/или восстановление этих прав, а также защиту гражданских прав при посягательстве на них.

В понятие «право на защиту гражданских прав» включены два компонента:

- требовать от виновного лица определенных действий, поведения (применяемые меры к виновному лицу от государственных органов);
- право совершать некие действия, направленные на защиту гражданских прав в пределах необходимой обороны или применения санкций, и т.д.

Формой защиты гражданских прав выступает комплекс мероприятий по защите этих прав и интересов. Принято выделять две основные формы защиты: юрисдикционную и неюрисдикционную (самостоятельное восстановление и защита) [3]. Самооборона имеет место быть, но она не должна выходить за пределы необходимой для защиты своих прав, быть соразмерной противоправным намерениям.

Denis V. Sannikov
Lawyer,
Law office
denis.sannikov@rambler.ru

MODERN PROBLEMS OF PROTECTION OF CIVIL RIGHTS AND LEGAL OWNERSHIP IN THE RUSSIAN FEDERATION

Annotation. In the first part of the article, the author examines the protection of civil rights, and in the second part pays attention to the concept of ownership in Russia. Protection of civil rights – measures established by law and aimed at recognizing and/or restoring these rights, as well as protecting civil rights in case of infringement. The form of civil rights protection is a set of measures to protect these rights and interests. It is customary to distinguish two main forms of protection: jurisdictional and non-jurisdictional (independent restoration and protection). Problems of protection of civil rights of a large number, the author identified several major groups.

Keywords: civil rights, ownership, jurisdictional form of protection, non-jurisdictional form of protection, civil code.

Юрисдикционная форма защиты гражданских прав имеет следующие разновидности:

- общий порядок защиты прав или судебный;
- несудебный порядок защиты или административный.

Все меры по защите гражданских прав прописаны в статье 12 Гражданского кодекса РФ, сюда относятся:

- право самозащиты;
- решение об исполнении обязательств;
- взыскание неустойки;
- компенсация морального вреда;
- возмещение упущенной выгоды и понесенных убытков;
- изменение или прекращение правоотношений;
- признание гражданского права оспариваемого в суде;
- пресечение каких-либо действия по угрозе нарушения гражданских прав и восстановление нарушенных прав;

- признание акта государственного органа или решение собрания, или признание сделки недействительной и применение данного решения на практике;
- непризнание акта органа государственной власти судом, противоречащий законодательству;
- другие способы, предусмотренные законом.

Какой из перечисленных способов применить на практике зависит от конкретного материального права [1], либо от сути правоотношений, способа защиты или субъекта гражданского права [2]. Например, при нарушениях прав собственности применяют виндикационный и негаторный иск, при нарушении имущественных прав применяют такой способ, как возмещение убытков или взыскание неустойки.

Проблем защиты гражданских прав большое количество, все их можно разделить на 4 большие группы:

- отмечается низкий уровень реализации решений суда по восстановлению гражданских прав и свобод. В частности, присуждение моральной компенсации часто встречается по решению суда, по факту получение этой компенсации редко когда возможно;
- возможность отказа от защиты своих гражданских прав, это может привести к плохим последствиям как для общества в целом, так и для отдельных социальных групп и институтов. У одариваемых нет обязанности (согласно правовым актам) отдавать обратно некачественные подарки, отказываться от этого дара (ст. 573 ГК РФ) либо отменять дарение (ст. 578 ГК РФ), да и, в целом, предъявлять иски к должникам, претензии к кредиторам. Здесь стоит отметить, что государственные и муниципальные предприятия не могут, в свою очередь, бездействовать при защите нарушенных прав и интересов, охраняемых законом, так как это повлечет ущемление интересов государства и общества. К примеру, унитарное предприятие имеет формальную возможность не предъявлять исковых требований к должникам при нарушении ими своих обязанностей, но это, в свою очередь, приведет к ущемлению общественных интересов. Мы полагаем, что процессуальное и гражданское право должно быть дополнено обязанностью государственных и унитарных предприятий отстаивать свои интересы и обращаться в арбитражный суд за защитой своих нарушенных или оспариваемых прав;
- противоречие Конституции РФ и Гражданского кодекса РФ. В ч. 2 ст. 45 Конституции РФ дается возможность защищать свои права всеми способами, не противоречащие закону, но в ГК есть ограничения по защите своих гражданских прав, защищать их можно только на основании ст. 12 ГК РФ. Таким образом, круг возможностей по защите прав уменьшается;
- много гражданских прав и свобод имеют декларативный характер, правовой механизм их реализации просто не предусмотрен, как, например,

право на бесплатное первое высшее образование, по факту же это гражданское право не реализуется, с каждым годом бюджетных мест в вузе становится все меньше, идет переход на доминирующее платное обучение и поступить на бесплатное возможно только по конкурсу.

Применение конкретных способов защиты не достаточно подробно расписано в законе, например, ГК не объясняет предел самозащиты и порядок ее осуществления, указывается лишь, что такой способ защиты имеет место быть. Остро стоит вопрос о пределах защиты гражданских прав, разделяющей защиту субъективного права и самоуправство. Пределы этой защиты должны быть обозначены, защищая свои гражданские права, гражданин не должен нарушать субъективные права и интересы других лиц.

Перейдем к вопросам законного владения в РФ. Владение одно из основополагающих юридических явлений, которое составляет основу правовых возможностей, их реализации в рамках, прежде всего, вещных правоотношений. Г.Ф. Шершеневич полагал, что основным аргументом признания владения вещным правом является:

- 1) владение можно приобрести и утратить, владение передается по наследству;
- 2) при нарушении владения имеет место правонарушение и присутствует абсолютный характер защиты [4].

Владение – право, дающее возможность пользоваться вещью только владельцу, запрещающее использование данной вещью в любых целях без разрешения владельца. Владение может наступить посредством устной договоренности, правового оформления, при молчаливом согласии собственника. В законодательстве России термин «законное право владения» является синонимом права собственности, Владелец – то же самое, что и собственник.

По способам получения владение бывает:

- законным и незаконным; законным в данном случае признается владение имуществом, если оно получено разрешенным государством способом.
- добросовестное и недобросовестное; при добросовестном владении владелец абсолютно уверен, что имущество не принадлежит никому другому.
- давностное – у владельца есть намерение иметь данное имущество как личную собственность.

Владеть можно движимым (транспорт) или недвижимым (земля, дома, постройки и т.д.) имуществом. Владеть можно вещами, непосредственно находящимися на теле собственника. Право собственности также распространяется на то имущество, которое у владельца находится в принадлежащих ему помещениях. Владение собственностью подразумевает его защиту с помощью

специальных приспособлений, законность владения охраняется государством за счет нормальных документов.

Защита вещи осуществляется за счет возврата вещи лицу, которое было его лишено. В законе прописаны случаи, когда к защите владения могут прибегать лица, которые официально не являются их владельцами. Защита может осуществляться самостоятельно, обращением в органы местного самоуправления или в судебном порядке. Самостоятельно защищать свои владения можно любым способом, главное, чтобы это не противоречило статье 14 кодекса. К судебному порядку защиты владения могут обращаться лица, достигшие четырнадцати лет. Лицо, утратившее владение, предъявляет требование о защите лицу, у которого фактически находится данная вещь. Защита права собственности является составной частью защиты гражданских прав в целом.

Для защиты владений (вещных прав в целом) применяют два вида:

- виндикационный иск – истребование имущества из чужого (незаконного) владения;
- негаторный иск – восстановление нарушенного права пользования.

Литература:

1. *Грибанов В.П.* Указ. соч. С. 155.
2. *Брагинский М.И.* Договорное право: Общие положения / М.И. Брагинский, В.В. Витрянский. М., Статут. 2003. С. 629.
3. *Белов В.А.* Гражданское правл. Особенная часть. Абсолютные гражданско-правовые формы. М. : Юрайт, 2016. Т. 3. 819 с.
4. *Шершеневич Г.Ф.* Учебник русского гражданского права. М., 1995. С. 152.

Применяют еще иск о признании права собственности для того, чтобы устранить в будущем вероятность оспаривания принадлежности права собственности.

Гражданское право РФ не дает возможности выбора иска и не имеет института конкуренции исков, поэтому на практике вопрос решается однозначно: наличие обязательственных правоотношений между субъектами является непреодолимым препятствием для представления вещного иска.

Гражданско-правовой оборот в полной мере возможен только после обеспечения правовой защиты гражданских прав и, в первую очередь – права собственности. Россия занимает второе место по количеству жалоб из-за неисполнения решений суда (на первом месте Турция). По статистике только треть всех решений судов по гражданским спорам исполняется. Анализируя нормы гражданского права, можно понять, что в положениях закреплены права и обязанности, но не механизм их реализации. В нормах, к сожалению, ничего не говорится о том, что нарушенные права могут считаться восстановленными в полной мере после осуществлении и реализации юридической и фактической защиты, данное положение было бы хорошо предусмотреть и прописать в ГК РФ.

Literature:

1. *Gribanov V.P.* Specified compositions. P. 155.
2. *Braginsky M.I.* Contract law: General provisions / M.I. Braginsky, V.V. Vitryansky. M., Statut. 2003. P. 629.
3. *Belov V.A.* Civil law. Special part. Absolute civil law forms. M. : YUrayt, 2016. Vol. 3. 819 p.
4. *Shershenevich G.F.* Textbook of Russian civil law. M., 1995. P. 152.

Сафонов Андрей Александрович

кандидат юридических наук,
доцент,
доцент кафедры
техничко-криминалистического
обеспечения экспертных исследований,
Московский университет МВД России
safonov_volga@mail.ru

Устюгов Сергей Николаевич

старший преподаватель
кафедры специальных дисциплин,
Волгодонский филиал
Ростовского юридического
института МВД России
Ustyugov_s@mail.ru

Куркин Петр Геннадьевич

преподаватель кафедры
специальных дисциплин,
Волгодонский филиал
Ростовского юридического института
МВД России
Petor.kurkin@yandex.ru

**К ВОПРОСУ ОБ ИСПОЛЬЗОВАНИИ
ОТДЕЛЬНЫХ ВИДОВ ЭКСПЕРТИЗ
ПРИ РАССЛЕДОВАНИИ НЕЗАКОННОГО
ОБОРОТА НАРКОТИЧЕСКИХ СРЕДСТВ
И ПСИХОТРОПНЫХ ВЕЩЕСТВ**

Аннотация. В практике расследования дел о незаконном обороте наркотических средств в ситуации обнаружения вещества, предположительно являющегося наркотическим, достаточно быстро сориентироваться в обстановке помогает набор «Нарко-тест», позволяющий во внелабораторных условиях определить вид наркотиков посредством химических реакций. В статье рассматриваются отдельные специализированные виды экспертиз, характерные для расследования незаконного оборота наркотических средств, практика их назначения и характеристика в специальной учебной и научной литературе.

Ключевые слова: незаконный оборот наркотических средств, экспертное сопровождение, химическая экспертиза, ботаническая экспертиза, агротехническая экспертиза, фармакологическая экспертиза.

В начале статьи сразу следует допустить оговорку относительно региональных особенностей расследования незаконного оборота наркотических средств, поскольку сами виды

Andrey A. Safonov

Candidate of legal Sciences,
Assistant Professor,
Associate Professor Technical and Forensic
Providing Expert Research,
Moscow University of the Ministry
of Internal Affairs of Russia
safonov_volga@mail.ru

Sergey N. Ustyugov

Senior lecturer
of the Departments of Special Disciplines,
Volgodonsk branch Rostov Legal
Institute of the Ministry
of Internal Affairs of Russia
Ustyugov_s@mail.ru

Peter G. Kurkin

Teacher of the Department
of Special Disciplines,
Volgodonsk branch of the Rostov Law Institute
of the Ministry of Internal Affairs of Russia
Petor.kurkin@yandex.ru

**ON THE USE OF CERTAIN TYPES
OF EXPERTISE IN THE INVESTIGATION
OF ILLICIT TRAFFICKING
IN NARCOTIC DRUGS
AND PSYCHOTROPIC SUBSTANCES**

Annotation. In the practice of investigating drug trafficking cases in the detection of a substance suspected of being a narcotic, a drug set, which can be identified through chemical reactions, is quick enough to navigate the environment. The article deals with certain specialized types of expertise that are typical for the investigation of illicit drug trafficking, the practice of their appointment and characteristics in special educational and scientific literature.

Keywords: illicit drug trafficking, expert support, chemical expertise, Botanical expertise, agrotechnical expertise, pharmacological expertise.

наркотических средств, способы совершения преступлений, а также – «установка» надзирающей инстанции в лице Прокуратуры РФ в отношении наличия конкретных видов экспертиз в

материалах уголовного дела, могут качественно различаться в субъектах федерации.

В практике расследования дел о незаконном обороте наркотических средств в ситуации обнаружения вещества, предположительно являющегося наркотическим, достаточно быстро сориентироваться в обстановке помогает набор «Наркотест», позволяющий во внелабораторных условиях определить вид наркотиков посредством химических реакций. В зависимости от производителя существует и различное количество возможных к выявлению наркотических средств. Тем не менее, для однозначного определения вида наркотического средства его в любом случае необходимо направить на экспертное исследование. Соотношение особенностей экспертного сопровождения расследования рассматриваемой группы преступлений на основе анализа практики их расследования в отдельно взятых районах Краснодарского края и Ростовской области с методическими рекомендациями по этому же вопросу, содержащимися в специальной научной и учебной литературе, позволило установить ряд неоднозначных в практическом аспекте указаний.

Анализ следственной практики убедительно показывает, что из, так называемых, «специализированных» экспертиз, характерных именно для определенного вида преступлений, наиболее частой к назначению при расследовании незаконного оборота наркотических средств, является химическая экспертиза наркотических средств. В отдельных случаях, когда в качестве наркотического средства выступают маковая соломка, марихуана, может быть назначена ботаническая экспертиза, решающая ряд своих специфических вопросов, о которых будет сказано далее. Также, исходя из особенностей объектов, собранных в результате производства следственных действий, могут назначаться и традиционные криминалистические экспертизы: дактилоскопическая, трасологическая, почерковедческая, технико-криминалистическая экспертиза документов. Указанные экспертизы могут быть назначены вместе в рамках комплексного исследования. Также, в большинстве случаев при расследовании рассматриваемых преступлений практика идет по пути назначения психиатрической экспертизы.

В рамках указанных выше специализированных экспертиз (химическая и ботаническая) наиболее распространенными целями и востребованными с позиции задач правоприменителя выступает установление вида наркотического средства, его количества (размеров), способа изготовления (производства), региона произрастания, отнесения объектов к одному или разным видам и пр.

В то же время, детальный анализ специальной научной и учебной криминалистической литературы показал, что ее авторы включают, в качестве экспертного сопровождения расследования, агротехническую экспертизу. Последняя, по их мнению, назначается для решения вопросов: имеют ли выявленные посевы наркосырья дикорастущий или культурный характер; какова величина урожая, ожидаемого с данного участка, и др. [1]. В свою очередь, изучение практики расследования и специальной экспертной литературы и

нормативных актов, регулирующих экспертно-криминалистическую деятельность, позволил сделать вывод о некорректности включения агротехнической экспертизы в алгоритм расследования незаконного оборота наркотических средств. В практике расследования указанных преступлений подобный вид экспертизы вообще не назначается, а опрос следователей показывает, что они даже не знакомы с ее возможностями.

Известный отечественный криминалист Россинская Е.Р. отмечает, что судебная агротехническая (агробиологическая) экспертиза производится по ... уголовным делам ... в целях выявления причин гибели, порчи или ухудшения качества продукции сельского хозяйства при их выращивании, хранении или транспортировке [2]. При этом, далее по тексту главы, посвященной характеристике данной экспертизы, автор не приводит какого-либо примера из практики расследования по уголовным делам. Наоборот, автором использован пример из гражданского дела о гибели картофеля на площади 100 га. В государственных судебно-экспертных учреждениях указанная судебная агротехническая экспертиза не производится. Она назначается частным экспертам-агрономам (агрохимикам) и в негосударственные экспертные учреждения.

Описывая возможности ранее упомянутой ботанической экспертизы, Россинская Е.Р. указывает на то, что последняя является наиболее развитым родом биологических экспертиз и производится как по уголовным делам при выяснении обстоятельств совершения таких тяжких преступлений, как убийства, изнасилования, разбойные нападения, изготовление и сбыт наркотических веществ растительного происхождения и др., так и при рассмотрении гражданских дел в суде и арбитраже, когда необходимо исследование овощей, фруктов, строительного леса, сена, составляющих некоторых пищевых продуктов и прочее [2].

Основными целями ботанической экспертизы являются установление природы растительных объектов, их родовой, групповой (таксономической) принадлежности, источника происхождения.

На разрешение данной экспертизы могут быть поставлены вопросы диагностического характера:

1. Имеются ли на данных объектах частицы растительного происхождения? Какова природа этих частиц?
2. Каковы род, вид, возраст, пол данного растительного объекта?
3. Частью какого растения является данный объект (корень, стебель, лист и проч.)?
4. Какому воздействию (механическому, термическому, химическому, биологическому) подвергался данный растительный объект?
6. Каков компонентный состав данной смеси объектов растительной природы?

7. К какой форме мака (опийной, масличной, дикорастущей, декоративной) относятся растения с данного участка?

Кроме того, возможности современной ботанической экспертизы могут решить и вопросы идентификационного характера:

1. Являются ли растительные частицы на данном предмете-носителе частями конкретного растения, конкретного объема смеси растительного происхождения? Не является ли данный лист, частью конкретного растения?

2. Имеют ли данные растения, их части или растительные частицы общую родовую (групповую) принадлежность с образцами, представленными для сравнительного исследования?

3. Не принадлежало ли данное растение определенному участку местности?

Объектами ботанической экспертизы в контексте расследования незаконного оборота наркотических средств, выступают растения или их части, несущие информацию о фактах, имеющих доказательственное значение по уголовным делам.

Использование возможностей данной экспертизы при расследовании указанных выше преступлений опосредовано наличием в деле наркотических средств растительного происхождения, как правило не смешанных с химическими веществами, растворителями, не подвергнутых глубокой термической обработке. В большинстве случаев речь, как было отмечено выше, идет о маковой соломке и марихуане, либо о кустах конопли, культивируемой подозреваемым, либо срезанной и планируемой к дальнейшей обработке. Стоит отметить, что достаточно широкое распространение в наркоиндустрии получили наркотики синтетического происхождения, однако, говорить о полном вытеснении с рынка сбыта наркотиков растительного происхождения пока не приходится. В зависимости от особенностей региона (его географического положения, места в транспортно-логистической цепи субъекта или федерации, экономической развитости, национально-культурных особенностей и пр.) указанные виды наркотических средств могут преобладать друг над другом. Соответственно, и экспертное сопровождение расследования будет иметь определенный вектор – либо с доминированием химической экспертизы, либо, в отдельных случаях, с использованием ботанической экспертизы.

В то же время, изученная практика позволяет заключить, что ботаническая экспертиза, несмотря на достаточно серьезные возможности по изучению вещественных доказательств, не назначается при расследовании незаконного оборота наркотических средств. С одной стороны, следователей лишь в минимальной степени интересуют вопросы, разрешаемые данной экспертизой, а с другой – в большинстве районов ответственности того или иного органа внутренних дел отсутствуют соответствующие специалисты в данной области.

Еще один вид экспертизы, который, по мнению авторов учебника по криминалистике, распространен и может быть назначен при расследовании незаконного оборота наркотических средств и психотропных веществ – это фармакологическая экспертиза, которая позволяет определить:

– является ли вещество лекарственным и каким именно;

– нет ли на данном предмете следов лекарственных средств; разрешен ли данный лекарственный препарат к применению без назначения врача и т.д. [1].

Стоит отметить, что в практике расследования незаконного оборота наркотических средств подобный вид экспертиз вообще не встречался. Вполне возможно, что это связано с определенным информационным вакуумом относительно ее возможностей ввиду того, что указанный вид экспертиз не относится к ведомственным, не производится также и в учреждениях Министерства юстиции. Подобно агротехнической экспертизе, фармакологическая проводится в негосударственных учреждениях. Опрос следователей показал, что они не представляют возможности данного исследования и не видят целесообразности в ее назначении.

Справедливости ради отметим, что судебная практика знакома с назначением и проведением подобной экспертизы с целью решения вопроса об отнесении изъятых веществ к аналогам наркотических веществ. Причем, последняя (именовалась, как химико-фармакологическая) была проведена как раз не в ведомственном экспертном учреждении, а в учреждении даже не экспертного профиля – в высшем учебном заведении, которое на тот момент имело лицензию на осуществление деятельности, связанной с оборотом наркотических средств и психотропных веществ [3].

В учебной литературе по криминалистике в рамках расследования незаконного оборота наркотических средств также фигурируют комплексные экспертизы – комплексная судебно-медицинская и судебно-психиатрическая экспертиза [4]. Последние, как отмечают авторы, позволяют решить следующие вопросы:

– имеются ли у подозреваемого признаки недавнего потребления наркотика, и если имеются, то какие?

– находится ли гражданин в состоянии наркотического опьянения?

– имеются ли у задержанного признаки наркомании и какие конкретно?

– нуждается ли данный субъект в специальном лечении?

– не находилось ли данное лицо в момент совершения преступления в состоянии невменяемости?

– какова давность возникновения стойкой наркологической зависимости и др.?

Анализ практики расследования данных преступлений также подтверждает, что подобные экспертизы проводятся. Однако носят они не комплексный характер, а обычный. В большинстве случаев, следователями назначается амбулаторная

Литература:

1. *Волохова О.В.* Криминалистика : учебник / О.В. Волохова, Н.Н. Егоров, М.В. Жижина и др.; Под ред. Е.П. Ищенко. М. : Проспект, 2011. 504 с.
2. *Россинская Е.Р.* Судебная экспертиза в гражданском, арбитражном, административном и уголовном процессе : монография. 4-е изд., перераб. и доп. М. : Норма, ИНФРА-М, 2018. 576 с.
3. Апелляционное определение судебной коллегии по уголовным делам Челябинского областного суда от 23.04.2015 г. по делу № 10-1909/2015. URL : <http://sudact.ru>
4. *Ищенко Е.П.* Криминалистика : учебник / Е.П. Ищенко, А.А. Топорков; Под ред. Е.П. Ищенко. 2-е изд., испр., доп. и перераб. М. : КОНТРАКТ, ИНФРА-М, 2010. 784 с.

психиатрическая экспертиза для установления, страдает ли определенное лицо наркотической зависимостью и нуждается ли оно в применении принудительных мер медицинского характера.

Literature:

1. *Volokhova O.V.* Criminalistics : textbook / O.V. Volokhova, N.N. Egorov, M.V. Zhizhina et al.; ed. by E.P. Ishchenko. M. : Prospect, 2011. 504 p.
2. *Rossinskaya E.R.* Judicial expertise in civil, arbitration, administrative and criminal proceedings : monograph. 4th ed., reprint. and add. M. : Norma, INFRA-M, 2018. 576 p.
3. Appeal ruling of the judicial Board for criminal cases of the Chelyabinsk regional court dated 23.04.2015 in case № 10-1909 / 2015. URL : <http://sudact.ru>
4. *Ishchenko E.P.* Forensic Science : textbook / E.P. Ishchenko, A.A. Toporkov; under the editorship of E.P. Ishchenko. 2nd ed., ISPR., add. and pererab. M. : CONTRACT, INFRA-M, 2010. 784 p.

Сачков Андрей Николаевич
арбитражный управляющий,
Ассоциация евросибирская
саморегулируемая организация
арбитражных управляющих «Евросиб»
sachkov_a@mail.ru

ОБЪЕКТ СОСТАВА ОРГАНИЗАЦИИ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ПО ПРИВЛЕЧЕНИЮ ДЕНЕЖНЫХ СРЕДСТВ И (ИЛИ) ИНОГО ИМУЩЕСТВА

Аннотация. Проблема уголовно-правового противодействия такому общественно опасному деянию, как создание и функционирование «финансовых пирамид» длительное время не находила адекватного отражения в российском уголовном законодательстве. В статье рассматриваются проблемы определения объекта состава организации деятельности по привлечению денежных средств и (или) иного имущества (ст. 1722 УК РФ). Проанализированы и сформулированы разъяснения относительно понимания родового и видового объектов данного преступления. Установлено содержание непосредственного объекта организации «финансовой пирамиды». Сделан вывод о его двойственной структуре, включающей основной и дополнительный объекты.

Ключевые слова: уголовная ответственность, преступление, квалификация преступлений, объект, «финансовая пирамида», собственность, банковская деятельность, инвестиции.

Проблема уголовно-правового противодействия такому общественно опасному деянию, как создание и функционирование «финансовых пирамид» длительное время не находила адекватного отражения в российском уголовном законодательстве. Имевшиеся в арсенале средства уголовно-правовой борьбы с такими деяниями в виде норм об ответственности за мошенничество и за незаконную банковскую деятельность не являлись в этом ракурсе достаточно эффективными мерами. Им на смену, хоть и с ощутимым запозданием, пришли уголовно-правовые предписания о запрете организации деятельности по привлечению денежных средств и (или) иного имущества. И если вопросы понимания различных проявлений «финансовых пирамид» и потенциальных путей противодействия им до введения в УК РФ ст. 1722 являлись достаточно подробно изученными, то в современных условиях состав организации деятельности по привлечению денежных средств и (или) иного имущества нуждается в обстоятельном исследовании. Тем более, что, помимо нормативных трансформаций, коренным образом видоизменились и существующие схемы работы «финансовых пирамид».

Andrey N. Sachkov
Arbitration Manager,
Association of Euro-Siberian
Self-Regulatory Organization
of Arbitration Managers «Eurosib»
sachkov_a@mail.ru

OBJECT OF THE STRUCTURE OF THE ORGANIZATION OF ACTIVITIES TO ATTRACT FUNDS AND (OR) OTHER PROPERTY

Annotation. The problem of criminal and legal counteractment of such a socially dangerous act, as the creation and operation of «financial pyramids» for a long time did not find adequate reflection in the Russian criminal law. The article deals with the problems of determining the object of the organization of activities to attract money and (or) other property (article 1722 of the criminal code of the Russian Federation). Analyzed and formulated explanations regarding the understanding of generic and specific objects of this crime. The content of the direct object of the organization «financial pyramid» is established. The conclusion is made about its dual structure, which includes the main and additional objects.

Keywords: criminal liability, crime, qualification of crimes, object, «financial pyramid», property, banking, investment.

Указанная уголовно-правовая норма помещена законодателем в раздел о преступлениях в сфере экономики. Соответственно, таким образом, признаётся, что организация деятельности «финансовой пирамиды» посягает на отношения в сфере экономики как родовый объект. Мы полагаем, что это законодательное решение в полной мере отражает социально-юридическую сущность организации деятельности по привлечению денежных средств и (или) иного имущества нуждается в обстоятельном исследовании.

Содержание видового объекта конкретного преступления определяет его принадлежность к главе уголовного закона. В существующем нормативном регулировании видовым объектом организации функционирования «финансовых пирамид» признаются отношения в сфере экономической деятельности. Такие общественные отношения, как известно, связаны с предпринимательством, коммерческой деятельностью, направленной на систематическое извлечение прибыли. Как правило, такая деятельность связана с производством товаров или услуг.

В условиях ранее действовавшего отечественного уголовного законодательства, нормы которого позволяли квалифицировать «финансовые пирамиды» в качестве мошенничества, видовым объектом рассматриваемого преступления считались отношения собственности. В отличие от отношений в сфере экономической деятельности, данные отношения более статичны, и они сводятся к владению, пользованию и распоряжению имуществом.

На наш взгляд, правонарушения, состоящие в организации деятельности «финансовых пирамид», не ограничиваются лишь нарушением правоотношений собственности. Подобного рода организации функционируют на систематической основе с привлечением значительного количества вкладчиков, инвесторов. Поэтому другой стороной «финансовой пирамиды» является ненадлежащее оказание финансовых услуг потребителям.

В этой связи, представляется возможным утверждать, что организация деятельности по привлечению денежных средств и (или) иного имущества одновременно посягает и на отношения собственности, и на отношения, складывающиеся в сфере осуществления экономической деятельности. При этом в анализируемом ракурсе, по нашему мнению, приоритет должен быть отдан предпринимательским отношениям, поскольку отношения собственности применительно к ним нередко имеют подчинённый характер. Оказание ненадлежащих финансовых услуг, состоящих в привлечении денежных средств в «финансовую пирамиду», непременно сопряжено с нарушением правоотношений собственности.

Таким образом, мы считаем вполне обоснованным законодательное признание видовым объектом состава преступления, предусмотренного ст. 1722 УК РФ, отношений в сфере экономической деятельности.

В отличие от родового и видового объектов, непосредственный объект состава преступления не раскрывается и не описывается в нормативном материале. Его содержание определяется на теоретическом уровне. При этом, зачастую, оно зависит от бланкетной составляющей, особенно это касается преступлений в сфере экономической деятельности. Однако в юридической литературе обращается внимание на отсутствие отраслевого законодательного запрета организации финансовых пирамид. Вопреки устоявшемуся порядку конструирования бланкетным способом норм об уголовной ответственности за совершение преступлений в сфере экономической деятельности, предписание, предусмотренное ст. 1722 УК РФ, не основывается на положениях иной отраслевой принадлежности [1].

Прежде всего, такое положение вещей затрудняет уяснение содержания непосредственного объекта состава организации деятельности по привлечению денежных средств и (или) иного имущества. Проведённый нами анализ положений гражданского законодательства также показывает отсутствие нормативных установлений о недопущении организации «финансовых

пирамид». Российский Гражданский кодекс регламентирует вопросы привлечения денежных средств во вклады, займы и кредиты. В нём же предусматриваются ссылки на то, что соответствующая деятельность должна быть разрешена на основании закона. Например, согласно п. 6 ст. 807 ГК РФ, «заёмщик – юридическое лицо вправе привлекать денежные средства граждан в виде займа под проценты путём публичной оферты либо путём предложения делать оферту, направленного неопределённому кругу лиц, если законом такому юридическому лицу предоставлено право на привлечение денежных средств граждан».

Разрешение указанной деятельности, в соответствии с законом, подразумевает систему лицензирования определённых видов предпринимательства, связанного с обращением финансов. В то же время, отечественное гражданское законодательство прямо не запрещает организацию финансовых пирамид. Такой запрет установлен в уголовном и административном законодательстве (ст. 14.62 КоАП РФ).

Следует отметить, что квалификация содеянного по ст. 1722 УК РФ предполагает решение вопросов о несоответствии квазифинансовой деятельности виновного положениям гражданского законодательства о банковской, инвестиционной, кредитной деятельности. Причём, сложность этого решения, как указано выше, обуславливается не просто установлением факта нарушения запрета на организацию финансовых пирамид, но и выходом действий виновного за пределы дозволенного гражданским законодательством.

Традиционно признаётся, что организация деятельности финансовых пирамид посягает на отношения собственности как непосредственный объект состава преступления [2; 3]. Объяснением этому служит длительное время допускаясь квалификация подобных деяний в качестве мошенничества [4]. В уголовно-правовых работах последних лет объектом преступления, регламентированного ст. 1722 УК РФ, признаются отношения в сфере экономической деятельности [5]. Как пишет Харьков А.В., «основным непосредственным объектом преступления, предусмотренного ст. 172.2 УК РФ являются общественные отношения, позволяющие осуществлять на свой риск самостоятельную, зарегистрированную в установленном законом порядке, предпринимательскую деятельность, направленную на систематическое получение прибыли от пользования имуществом, продажи товаров, выполнения работ или оказания услуг, т.е. предпринимательские отношения» [6].

По нашему мнению, столь произвольное толкование непосредственного объекта состава преступления, регламентированного ст. 1722 УК РФ, не вполне оправданно. Основывать вывод о содержании непосредственного объекта исследуемого преступления исключительно на законодательном подходе не верно. Тем более, когда речь ведётся об уголовно-правовых новеллах. Здесь требуется обстоятельный анализ. Представляется, что полное отрицание предыдущего подхода к

определению непосредственного объекта организации «финансовой пирамиды» поспешно.

Дело в том, что в результате функционирования «финансовой пирамиды» привлекаются денежные средства граждан, многие из которых их впоследствии лишаются. Причём, изначальные обещания организаторов таких квазифинансовых структур сулят исключительно гарантированную прибыль. В случаях, когда помимо организации «финансовой пирамиды» в действиях виновных усматриваются признаки мошенничества или другого преступления против собственности, представляется возможным говорить об охвате отношений собственности соответствующими нормами главы 21 УК РФ. Однако действия организаторов «финансовых пирамид» далеко не всегда сопряжены с мошенничеством, они могут сами заблуждаться относительно успешности, эффективности, а главное – законности своего предприятия. В подобных ситуациях не может быть применена ст. 159 УК РФ, но ущерб собственникам налицо. И потерпевшие не рассчитывали безвозмездно утратить свои денежные средства, как это допускается, к примеру, при приобретении лотерейных билетов, где выигрыш не гарантирован. Поэтому мы считаем обоснованным утверждение о том, что в преобладающем большинстве случаев функционирования «финансовых пирамид» наносится урон отношениям собственности. Но не всегда, при этом, применяется норма об уголовной ответственности за мошенничество.

В этой связи, закономерно следует вывод о том, что отношениям собственности причиняется вред или создаётся угроза причинения вреда при организации деятельности по привлечению денежных средств и (или) иного имущества.

Что же касается отношений в сфере осуществления экономической деятельности, то они, безусловно, страдают в результате организации различного рода «финансовых пирамид». Объясняется это тем, что «финансовые пирамиды», как правило, маскируются или выдаются за очень эффективные финансовые институты, позволяющие извлекать доход в результате вкладов, инвестиций, займов. То есть, такие «предприятия» уподобляются банкам или иным кредитным учреждениям либо инвестиционным структурам. А это, в итоге, подрывает доверие к легальным финансовым организациям, банковским и другим кредитным учреждениям.

По этому поводу И.Г. Сафаров обращает внимание на то, «что в случае с «финансовыми пирамидами» речь идёт о сложных многообъектных криминальных деликтах» [7]. В науке уголовного

права отмечается, что «пирамиды наносят ущерб не только потребителям. Во многих случаях они влияют на текущую деятельность банков и вредят репутации банковской отрасли. Многие организаторы пирамид выставляют свои схемы как более совершенную альтернативу традиционным банкам и инвестициям» [8].

Развивая изложенные тезисы, следует отметить, что сложный характер рассматриваемого преступления выражается, в том числе в одновременном нарушении нескольких групп общественных отношений. Таковыми являются, в первую очередь, отношения в сфере экономической деятельности и отношения собственности.

Стоит оговориться, что отношения собственности нарушаются не во всех случаях функционирования «финансовых пирамид». Дело в том, что оконченный состав преступления, предусмотренный ст. 1722 УК РФ, налицо даже в случаях, когда ущерб ещё никому не причинён и не начал причиняться. Деятельность «финансовой пирамиды» может быть пресечена на ранних стадиях. Но угроза нанесения вреда отношениям собственности в данном случае имеет место быть. И такая угроза, на наш взгляд, возникает с самого начала функционирования «финансовой пирамиды». Угроза причинения вреда отношениям собственности выступает неременным спутником «финансовых пирамид».

В этих условиях необходимо определить, какой из названных объектов правовой охраны является основным, а какой дополнительным. Ответ должен основываться на приоритетности одних общественных отношений перед другими в контексте конкретного состава преступления. И здесь очевидно, что ст. 1722 УК РФ включена в российский уголовный закон в главу о преступлениях в сфере экономической деятельности совершенно оправданно. Данный уголовно-правовой запрет ориентирован на предотвращение появления и функционирования организаций, прикрывающихся законной банковской, кредитной или инвестиционной деятельностью, но фактически являющихся «финансовыми пирамидами».

Подводя итог, целесообразно сделать вывод о том, что преступление, закреплённое ст. 1722 УК РФ, одновременно посягает на два непосредственных объекта. Основным выступают отношения в сфере банковской, кредитной, инвестиционной или иной экономической деятельности, связанной с привлечением денежных средств или иного имущества. Дополнительным непосредственным объектом являются отношения собственности.

Литература:

1. Сапрыкин А.М. Статья 172.2 Уголовного кодекса Российской Федерации: проблемы уголовно-правовой оценки и правоприменения // Евразийская адвокатура. 2018. № 4(35). С. 25.

Literature:

1. Saprykin A.M. Article 172.2 of the Criminal code of the Russian Federation: problems of criminal law assessment and law enforcement // Eurasian bar Association. 2018. № 4(35). P. 25.

2. *Алабердеев Р.Р.* Финансовые пирамиды как форма непроизводительного предпринимательства / Р.Р. Алабердеев, Ю.В. Латов // TERRA ECONOMICUS. 2010. Т. 8. № 2. С. 35–43.
3. *Назарова Н.Л.* Уголовно-правовая квалификация деятельности финансовых пирамид / Н.Л. Назарова, О.Д. Семенченко // Вестник КГУ им. А.Н. Некрасова. 2016. № 4. С. 232–235.
4. *Курбанова Д.Н.* Финансовые пирамиды как вид мошенничества // Вестник Дагестанского государственного университета. Серия 2: Общественные науки. 2013. № 2. С. 137–140.
5. *Белицкий В.Ю.* Уголовная ответственность за организацию деятельности по привлечению денежных средств и (или) иного имущества (ст. 172.2 УК РФ) // Алтайский юридический вестник. 2017. № 1(17). С. 80–84.
6. *Харьков А.В.* Непосредственный объект преступного посягательства по ст. 172.2 УК РФ // Пробелы в российском законодательстве. 2017. № 4. С. 174–176.
7. *Сафаров И.Г.* Организация деятельности по привлечению денежных средств и (или) иного имущества: юридико-технический анализ // Вестник Казанского юридического института МВД России. 2016. № 4(26). С. 112–114.
8. *Бублик В.А.* Финансовая составляющая криминальной пирамидальной экономики / В.А. Бублик, И.Я. Козаченко, А.В. Губарева // Всероссийский криминологический журнал. 2017. Т. 11. № 1. С. 71–87.
2. *Alaberdeev R.R.* Financial pyramids as a form of unproductive entrepreneurship / R.R. Alaberdeev, Yu.V. Latov // TERRA ECONOMICUS. 2010. Vol. 8. № 2. P. 35–43.
3. *Nazarova N.L.* Criminal law qualification of financial pyramid activities / N.L. Nazarova, O.D. Semenchenko // Bulletin of the KSU named after A.N. Nekrasov. 2016. № 4. P. 232–235.
4. *Kurbanova D.N.* Financial pyramids as a type of fraud // Bulletin of the Dagestan state University. Series 2: Social Sciences. 2013. № 2. P. 137–140.
5. *Belitsky V.Yu.* Criminal responsibility for organizing activities to attract monetary funds and (or) other property (article 172.2 of the criminal code) // Altai legal Bulletin. 2017. № 1(17). P. 80–84.
6. *Kharkov A.V.* Direct object of a criminal assault under article 172.2 of the criminal code // Gaps in Russian legislation. 2017. № 4. P. 174–176.
7. *Safarov I.G.* Organization of activities to attract funds and (or) other property: legal and technical analysis // Bulletin of the Kazan law Institute of the Ministry of internal Affairs of Russia. 2016. № 4(26). P. 112–114.
8. *Bublik V.A.* Financial component of the criminal pyramid economy / V.A. Bublik, I.Ya. Kozachenko, A.V. Gubareva // All-Russian journal of criminology, 2017. Vol. 11. № 1. P. 71–87.

Украинчик Алевтина Владимировна
преподаватель кафедры
международного права, правосудия
и правоохранительной деятельности,
Юридический институт,
Пятигорский
государственный университет,
судья в отставке
ukralevtina@gmail.com

ПОНЯТИЕ И ПРИЗНАКИ ИСПОЛНИТЕЛЯ ПРЕСТУПЛЕНИЯ

Аннотация. В статье анализируются признаки, отличающие исполнителя от иных соучастников преступления. Особое внимание уделяется таким признакам, как выполнение исполнителем объективной стороны преступления и обладание им признаками субъекта преступления.

Ключевые слова: соучастие в преступлении, исполнитель преступления, субъект преступления, объективная сторона преступления.

Согласно предписаниям действующего уголовного закона, исполнитель преступления, а наряду с ним, организатор, подстрекатель и пособник, являет собой отдельный вид соучастника в преступлении (ч. 1 ст. 33 УК РФ). Близкая к современной функциональная градация соучастников на виды появилась только в начале XX века и окончательно сложилась в УК РСФСР 1960 г. До этого, в частности, в середине XIX столетия законодательство исходило из иных представлений о видах соучастников. В частности, ст. 14 Уложения о наказаниях уголовных и исправительных 1845 г. выделяла «главных виновников» и «участников», руководствуясь, по преимуществу, представлениями о степени виновности и акцессорным принципом, исходя из которого «главные виновники» совершают свое преступление, а «участники» – соучаствуют в преступлении «главных виновников».

Такое законодательное решение в доктрине оправдывалось тем обстоятельством, что функциональная роль и степень виновности соучастника может быть установлена только в каждом отдельном случае, но не как общее правило. В частности, Н.С. Таганцев писал, что принципиального различия между лицами, входящими в число соучастников, не может существовать; «если иногда степень виновности участвующих окажется различной, то это будет зависеть от индивидуальной обстановки их деятельности, а не от принадлежности к тому или иному типу» [15, с. 344].

Однако такая градация и связанные с ней сомнения были изъяты из уголовно-правовой науки и практики уже в первой трети XX века. По мере того, как закон отказывался от нормативной

Alevtina V. Ukrainchik
Teacher of the Department
International Law and Justice
and Law Enforcement,
Law Institute,
Pyatigorsk State University,
Retired Judge
ukralevtina@gmail.com

CONCEPT AND FEATURES OF THE PERPETRATOR OF THE CRIME

Annotation. The article analyzes the features that distinguish the perpetrator from other accomplices of the crime. Special attention is paid to such features as the performer's fulfillment of the objective side of the crime and his possession of the features of the subject of the crime.

Keywords: complicity in the crime, the perpetrator of the crime, the subject of the crime, the objective side of the crime.

градации объема ответственности соучастников (в частности, от законодательного смягчения наказания пособникам), деление соучастников на «главных» и «второстепенных» утрачивало свое значение. Но одновременно с этим усилилось значение градации соучастников на виды, исходя из иных критериев. И здесь на первый план вышли содержательные особенности тех действий, которые лицо выполняет при совместном совершении преступления. Уже А.Н. Трайнин в 1941 г. писал, что «классификация соучастников должна быть построена на учете конкретных функций соучастника» [16, с. 98]. Об этом же говорят современные авторы [11, с. 109].

В общем ряду соучастников, совместно совершающих преступление, исходя из особой роли или функции, выделяется фигура исполнителя преступления. Это обстоятельство отражает определенную «зону согласия» в отечественной науке и получило нормативное закрепление. Но оно, вместе с тем, является лишь исходной точкой в понимании содержания и сути этой роли (функции). В ее интерпретации доктрина и практика демонстрируют множество несовпадающих подходов.

Начнем с забытого в современной российской науке, но весьма обсуждаемого в доктрине XIX в. положения о том, что все многообразие взглядов на природу исполнителя преступления можно свести к трем основным теориям: объективной, субъективной и смешанной.

Объективные теории при описании исполнителя («главного виновника») делали акцент на содержании, объеме его действий и причинной связи.

Один из первых представителей такого взгляда А. Фейербах писал: «то лицо, в коего воле и деяния содержится достаточная причина, производящая преступление, яко действие оной, называется виновником»; кто же с умыслом совершает деяния, которые «хотя сами по себе и не производят преступления, однако жестопоспешествованием сцеплению причин или побуждений виновника способствуют к произведению оного», называется помощником [17, с. 42–43].

Такие представления об исполнителе активно критиковались еще в позапрошлом веке как слишком умозрительные и недостаточно пригодные для решения практических задач реализации ответственности. Вместе с тем, их влияние весьма заметно и в современной доктрине при обсуждении таких извечных вопросов, как квалификация действий лиц, обеспечивающих тайность при совершении изъятия имущества, либо квалификация действий лиц, которые обездвигивают жертву в ситуации нанесения ей смертельных ударов.

Неудовлетворенность теории и практики возможностями, которые предоставляет объективная теория исполнителя, привели к появлению так называемых субъективных теорий, которые отражали в себе единение принципа вины и строгой акцессорности соучастия. Как писал Ф. Лист, они сформировались под существенным влиянием практики Имперского суда Германии. Г. Фристер признает, что они и сегодня составляют опору немецкой правоохранительной практики при разграничении между исполнительством и соучастием [18, с. 549]. Суть субъективного взгляда на исполнителя состоит в том, что в качестве такового признается лицо, которое рассматривает деяние как свое, а соучастниками признаются те, кто воспринимает преступление как чужое деяние. При этом в рамках субъективных теорий авторы по-разному расставляли акценты: некоторые признавали исполнителем того, кто достигает преступлением свою собственную цель или интерес, другие видели исполнителем того, кто осуществляет свою собственную волю или намерение, третьи признавали исполнителем любого, кто рассматривает деяние как свое «собственное».

Однако оценивая эти подходы, С.Н. Будзинский иронично замечал, что они «вводят в малодоступную сферу мотивов, от которой по мере возможности криминалист должен держаться в стороне» [2, с. 216–217]. Их существенный недостаток состоит, среди прочего, в том, что субъективные теории позволяют в ряде случаев весьма произвольно менять местами исполнителей и иных соучастников.

В чистом виде объективная и субъективная теории исполнителя не могли быть признаны в полной мере удовлетворительными уже в самый момент их доктринального обоснования. В этой связи не случайно, что в русской уголовно-правовой науке было широко представлено третье, промежуточное или комбинаторное учение об исполнителе. Так, критикуя представленные концепции, А.С. Жиряев писал: «оба взгляда –

ложные в своей исключительности – представляют каждый свою справедливую сторону; и поэтому, для удовлетворительного решения целой нашей задачи, необходимо соединить их между собой» [8, с. 33]. Развивая комбинаторное направление, П.Д. Калмыков указывал: «Виновник преступления есть тот, кто первый возымел мысль о преступлении, исполнил его и сделался таким образом причиною преступления и его последствий и при этом исполнил собственное, а не чужое намерение» [9, с. 132].

Представляется, что это комбинаторное направление, по сути своей, стало основой для современных теорий. С определенной долей уверенности можно утверждать о том, что отдельные проявления смешанной (объективно-субъективной) теории исполнителя лежат и в основе современной российской концепции соучастия (что вызывает, отметим забегая наперед, порой существенные сложности в правоприменении и нуждается в корректировке).

В доказательство этого тезиса продолжим анализ, обращаясь к нормативным предписаниям действующего уголовного закона, практики его применения и современным литературным источникам.

Понятие исполнителя преступления относится сегодня к числу нормативно установленных. Согласно ч. 2 ст. 33 УК РФ, исполнителем преступления признается лицо, непосредственно совершившее преступление либо непосредственно участвовавшее в его совершении совместно с другими лицами (соисполнителями), а также лицо, совершившее преступление посредством использования других лиц, не подлежащих уголовной ответственности в силу возраста, невменяемости или других обстоятельств, предусмотренных кодексом.

В отечественной науке «общим местом» всех рассуждений об исполнителе является признание того, что именно он, обладая нормативно установленными признаками субъекта, выполняет объективную сторону преступления.

Вместе с тем, каждое из этих утверждений (о субъекте и об объективной стороне) может быть признано верным лишь в качестве общего правила, которое таит ряд значимых исключений, игнорировать которые не представляется возможным при исследовании общего понятия исполнителя.

Начнем с тезиса об исполнителе как о субъекте преступления. Ф.Г. Бурчак верно пишет, что исполнителем преступления может быть только лицо, отвечающее требованиям, предъявляемым к субъектам конкретных преступлений, поскольку иначе в его деянии не будет состава преступления как необходимого условия привлечения его к ответственности [3, с. 138–139].

Это положение в полной мере разделяется судебной практикой. Однако оно имеет некоторые специфические проявления в зависимости от форм соучастия.

Когда речь идет о квалификации преступлений, совершенных в так называемом «сложном соучастии», каких-либо сложностей, как правило, не возникает, ибо отсутствие признаков субъекта преступления у лица, которое совершило уголовно-противоправное деяние, по общему правилу, исключает квалификацию содеянного как совершенного в соучастии. Здесь вступают в силу правила квалификации посредственного исполнения.

Требование наличия признаков субъекта у исполнителя распространяется в полной мере также на преступления, совершенные в группе лиц или в группе лиц по предварительному сговору. Само наличие таких групп связывается в судебной практике (хотя иногда и оспаривается в науке) с наличием, как минимум, двух исполнителей. Соответственно, каждый из них должен обладать признаками субъекта.

Вместе с тем, при квалификации преступлений, совершенных в иных формах соучастия, это правило игнорируется. Речь идет, в частности, о квалификации преступлений, совершенных организованной группой и преступным сообществом. В данном случае для признания самого факта наличия организованной группы достаточно, чтобы в ней признаками специального субъекта преступления обладал хотя бы один из участников. Так, по общему правилу (и это абсолютно обоснованно) преступление в виде создания преступного сообщества окончено в тот момент, когда два или более лица объединились в устойчивую группу в целях совершения преступления. Эти два лица должны обладать признаками общего субъекта преступления, но при этом не обязательно должны обладать всеми признаками субъекта преступления, которое планирует совершить организованная группа.

Нарушается требование об обладании признаками субъекта преступления всех исполнителей и в ситуации, когда объективную сторону преступления выполняют два лица, одно из которых не подлежит уголовной ответственности. В этом случае судебная практика последовательно придерживается правила о квалификации преступления, совершенного «годным субъектом» как выполненного группой лиц или группой лиц по предварительному сговору. Тем самым косвенно признается, что лицо, не обладающее признаками субъекта (в силу невменяемости или недостижения возраста) в совершенном преступлении также выполняет роль исполнителя. Его действия для целей принятия процессуального решения об освобождении ответственности и применении принудительных мер медицинского характера или воспитательного воздействия также квалифицируются как исполнительские.

Таким образом, тезис о том, что исполнитель преступления обладает всеми признаками субъекта преступления (общими и специальными) является лишь общим требованием, допускающим ряд исключений. Он полностью справедлив для ситуации, когда преступление совершается одним исполнителем при соучастии иных лиц, и не является уже столь категоричным, когда

преступление совершается в группе лиц, группе лиц по предварительному сговору, в организованной группе и преступном сообществе. Поскольку в основе всех этих форм соучастия лежит феномен соисполнительства (реальное или основанное на юридической фикции наличие двух или более исполнителей), можно сделать вывод о том, что для соисполнительства рассматриваемое требование не является обязательным в отношении всех соисполнителей. Необходимо только, чтобы хотя бы один из них обладал всеми признаками субъекта преступления.

Сказанное наводит на мысль о том, что при соисполнительстве возникает некий особенный субъект ответственности: не просто лицо, совершающее преступление совместно с иными лицами, а именно группа лиц как коллективный субъект. Дальнейшее обсуждение этого вопроса оставим для последующих научных разработок. Здесь же констатируем вывод, имеющий непосредственное отношение к рассматриваемой проблематике: обладание признаками субъекта преступления не является специфической характеристикой исполнителя. Наличие таких признаков предопределяет способность лица претерпеть последствия, связанные с реализацией уголовной ответственности, но никак не связано с самим фактом исполнительства. Субъект преступления может быть исполнителем или не быть им в той же степени, в какой исполнитель может обладать признаками субъекта преступления или же не обладать ими. Такой вывод, хотя и не является общепризнанным в науке, тем не менее, не противоречит общему подходу к вычленению исполнителя в общей массе соучастников, поскольку таковое вычленение происходит на основе функционального признака, то есть той роли или функции, которую лицо выполняет при совершении преступления. Обладание же признаками субъекта к самой по себе роли не имеет прямого отношения. Как следствие, можно утверждать, что признание лица исполнителем должно увязываться не с фактом наличия у него признаков субъекта преступления, а с теми конкретными действиями, которые оно совершает.

Это позволяет нам перейти к анализу второго из выделенных ранее признака, характеризующего исполнителя и отличающего его от других соучастников, а именно к тому, что именно исполнитель, как гласит ч. 2 ст. 33 УК РФ, «непосредственно совершает преступление».

В судебной практике этот признак понимается вполне определенно, как выполнение исполнителем (в отличие от иных соучастников) объективной стороны преступления. Наука также вполне разделяет такой подход, увязывая исполнительство с непосредственным совершением преступления, а непосредственное совершение – с выполнением объективной стороны состава.

Однако признавая это положение как общее требование, нельзя не заметить, что в ряде случаев судебная практика и наука допускают признание исполнителем преступления лица, которое не выполняло непосредственно объективной стороны преступления. Оставим в стороне случаи

посредственного исполнения и выполнения соисполнителями объективной стороны совместно, но в определенной части. Обратим внимание на другие ситуации, а именно: признание исполнителями преступления всех участников организованной группы или преступного сообщества и признание исполнителем лица, которое выполняет действия, непосредственно не описанные в диспозиции статьи Особенной части УК РФ.

Высшая судебная инстанция последовательно проводит в жизнь правило о том, что действия всех участников организованной группы, независимо от выполняемой ими роли, следует квалифицировать как действия исполнителей преступлений, в совершении или подготовке которых они участвовали; а действия организаторов организованных групп квалифицировать как исполнительские в отношении всех преступлений, совершенных группой, при условии, что они охватывались его умыслом на момент создания группы, вне зависимости от того, принимали ли они непосредственное участие в совершении или подготовке того или иного конкретного преступления.

Это правило вызывает неоднозначную оценку у представителей научного сообщества. К примеру, Д.С. Дядькин его полностью поддерживает и предлагает закрепить нормативно [6, с. 19]. В тоже время С.А. Балеев оспаривает устоявшуюся практику и высказывается в пользу самостоятельной квалификации действий участников организованных групп, в том числе при необходимости со ссылкой на соответствующую часть статьи 33 УК РФ [1, с. 174].

Анализируя эту проблему, полагаем необходимым оставить в стороне аргументы, связанные с особой опасностью организованной преступной группы, необходимостью дифференциации преступных групп, утилитарными потребностями квалификации и т.д. Следует ограничить исследование исключительно уголовно-правовыми соображениями, связанными с критериями признания лица исполнителем преступления. В этом случае важно признать, что если строго следовать началам объективной теории исполнительства, объявляя исполнителем лишь того, кто выполняет объективную сторону состава преступления, то надо безоговорочно отказать существующей сегодня практике признания всех участников организованных групп исполнителями в справедливости и обоснованности. Либо надо признать, что требуется дополнительный (наряду с исполнением объективной стороны) критерий, позволяющий обосновать ответственность лица как исполнителя преступления.

В.В. Васюков критикует господствующее сегодня в науке уголовного права мнение, согласно которому критерием отграничения соисполнителя от других соучастников является непосредственное участие в выполнении объективной стороны состава преступления, предусмотренного Особенной частью УК РФ, и утверждает, что описание всех элементов состава преступления, предусмотренных Особенной частью уголовного закона, влияет на отграничение исполнителя от соучастников других видов [4, с. 10]. Соглашаясь с

самой идеикритики, тем не менее, нельзя не заметить, что предлагаемые автором критерии выделения исполнителей – «все элементы состава» – слишком общи и аморфны, а потому обладают слабым прикладным значением и мало что приносят в развитие доктрины.

Приступая к собственному поиску, стоит обратить внимание, что правила признания участников организованной группы исполнителями распространяется (как бы это тавтологично не звучало) только на самих участников. Верховный Суд РФ последовательно проводит линию на то, что лица, не являющиеся участниками организованной группы, но принявшие участие в совершении преступления в ее составе, должны нести ответственность лишь за конкретные действия, совершенные ими лично; на них не распространяется правило об автоматическом признании их исполнителями. Соответственно, возникает вопрос о том, чем участник организованной группы отличается от иного лица, которое принимает участие в совершении преступления организованной группой, не будучи ее участником.

Анализ позволяет сделать вывод, что участники организованной группы – это те лица, которые участвуют в разработке или реализации общих планов функционирования группы, включая планы по совершению конкретных преступлений. Лица, не являющиеся участниками организованной группы, (а) не участвуют в разработке общих планов функционирования группы; (б) не участвуют в действиях, не связанных с совершением конкретных преступлений; (в) не участвуют в разработке плана совершения конкретного преступления. Иными словами, они не принимают решения о совершении преступления и не имеют личной заинтересованности в функционировании организованной группы. У участников организованной группы, соответственно, все с точностью до наоборот. Они либо принимают решение о совершении преступления, либо участвуют в реализации этого решения, имея заинтересованность в функционировании группы как таковой. Эти два признака не обязательно совпадают в одном лице: некоторые (прежде всего, руководитель группы) могут не принимать непосредственного участия в совершении преступления, но при этом принимают решение о его совершении и планируют его подготовку и выполнение; иные, не принимая решения о совершении преступления, непосредственно его исполняют, осуществляя при этом различные функциональные роли.

Господствующая практика исходит из того, что лицо, принимающее в организованной группе решение о совершении преступления, признается его исполнителем даже в том случае, когда не участвовало в исполнении объективной стороны, а также из того, что лицо, не принимавшее решения о совершении преступления, но внесшее определенный вклад в реализацию этого решения, также признается исполнителем, независимо от величины и значимости этого вклада.

В таком подходе нельзя не видеть проявлений известной немецкой доктрины «господства над деянием», в том числе «психического господства

над деянием» или «господства над деянием, объясняемым внутренним распределением полномочий принимать решения». Как пишет Г. Фристер, по общему правилу и за крайне редким исключением, всегда «собственноручное исполнение обеспечивает господство над деянием»; в иных же ситуациях, «тот, кто исполняет деяние не сам, является соисполнителем независимо от значительности вклада, если он в соответствии с общим планом участвовал в принятии решения о совершении деяния» [18, с. 555–558].

Важно лишь отметить, что в немецкой науке и практике эти правила разработаны безотносительно таких известных нашему праву форм соучастия, как организованная группа, группа лиц по сговору или без такового. Стоит также напомнить, что немецкое законодательство не знает такой фигуры среди соучастников как «организатор», в связи с чем разработки доктрины (особенно теория психического господства над деянием) призваны обосновать возможность возложения ответственности на лиц, которые принимают решения о совершении преступления, не участвуя непосредственно в его исполнении.

В нашем же законодательстве и практике иная ситуация. Прежде всего, мы располагаем обособленной, самостоятельной фигурой организатора преступления, который выполняет свои специфические функции, отличные от функций организатора, в том числе и функцию принятия решения о совершении преступления. В тоже время эта функция оценивается по-разному. Сегодня получается, руководитель организованной группы (или преступного сообщества) признается исполнителем преступления посредством использования доктрины «психического господства» над деянием (его полномочия по принятию решения); тогда как лицо, принявшее решение о совершении преступления в иных формах соучастия, – остается организатором, а не исполнителем, в силу требований объективной доктрины выполнения объективной стороны состава преступления исполнителем. Помимо этого, для признания рядовых участников организованной группы исполнителями используется объективное учение о выполнении объективной стороны, дополненное субъективной теорией принятия деяния как своего собственного; тогда как для всех иных лиц – сугубо объективное учение о непосредственном выполнении объективной стороны состава преступления.

Само наличие множества теорий, разумеется, не является проблемой. Проблема видится в том, что все они применяются одновременно в одном правовом пространстве. Это вносит рассогласованность в практику и порождает ряд непростых теоретических вопросов. В частности, возникает вопрос обоснования существующих различий в признании исполнителями преступления руководителей и участников группы лиц по предварительному сговору и организованной группы. Лицо, принявшее решение о совершении преступления в группе лиц по предварительному сговору и разработавшее его план, а равно лицо, выполнившее эти действия в «сложном соучастии», остается организатором, тогда как аналогичные же

действия в составе организованной группы расцениваются как исполнительские. Пособник в «сложном соучастии» и в группе лиц по предварительному сговору, воспринимающий преступление как свое собственное и действующий в собственном интересе, внесший наиболее существенный вклад в совершение преступления, остается все же пособником, тогда как в организованной группе аналогичные его действия будут квалифицированы как исполнительские. Как уже отмечалось, обосновать эти различия представлениями о повышенной опасности организованной группы нельзя; такое обоснование лишено собственно уголовно-правовых аргументов.

Выход из сложившейся противоречивой ситуации видится в установлении и последовательном соблюдении единых критериев признания лица исполнителем преступления.

Поскольку наше законодательство (в отличие, например, от немецкого) обособило фигуру организатора и определило круг выполняемых им действий, полагаем, что в российской практике отсутствует потребность в специальном обосновании ответственности организатора через использование конструкции исполнителя преступления, нет необходимости признавать организатора исполнителем. Это правило, которое признается безусловным для «сложного соучастия» и группы лиц по предварительному сговору, имеет единственное исключение – для оценки действий организаторов организованных преступных групп. Для последовательного соблюдения объективного подхода к вычленению фигуры исполнителя полагаем целесообразным и правильным отказаться от правила о признании организаторов организованных преступных групп исполнителями преступления. Такое решение не потребует изменения текста уголовного законодательства; для его практической реализации необходимо будет лишь внести изменения в соответствующие разъяснения Пленума Верховного Суда РФ.

Сказанное в полной мере следует распространить и на оценку действий рядовых участников организованных групп. Их следует признавать исполнителями преступления лишь в том случае, когда они непосредственно участвуют в совершении преступления, то есть участвуют в выполнении объективной стороны состава преступления. И здесь мы вплотную подходим к одному из важнейших вопросов теории исполнителя преступления – вопросу о том, что же собственно считать выполнением объективной стороны состава.

Не углубляясь в теорию состава преступления и учение об объективной стороне, заметим, что в рамках исследования проблем соучастия признак «выполнение объективной стороны» толкуется по-разному, что вызывает порой серьезные сложности в правоприменительной практике.

Для начала напомним, что объективная сторона преступления в ее классической интерпретации представляет собой «процесс общественно опасного и противоправного посягательства на охраняемые законом интересы, рассматриваемый с

его внешней стороны, с точки зрения последовательного развития тех событий и явлений, которые начинаются с преступного действия (бездействия) субъекта и заканчиваются наступлением преступного результата» [12, с. 9]. Очевидно, что участие исполнителя в этом процессе имеет определенные пространственно-временные ограничения. В частности, исполнитель (а равно иной соучастник) не властен над развитием причинной связи и процессом наступления последствий (оставляем вопросы деятельного раскаяния в стороне). Он в состоянии лишь выполнить деяние, образующее часть процесса посягательства.

Отмеченное соотношение объективной стороны преступления и деяния как его части порождает в науке различные суждения о сущности исполнительских действий. Так, если М.А. Саблина склоняется к тезису о том, что исполнитель полностью или частично выполняет объективную сторону состава преступления [14, с. 46], то О.Л. Цвиренко пишет, что исполнитель выполняет «деяние (действие или бездействие), образующее объективную сторону состава преступления, закрепленного в Особенной части УК РФ» [19, с. 22]. Представляется, что с точки зрения чистоты терминологии, точнее все же говорить о том, что исполнитель выполняет деяние, образующее элемент объективной стороны преступления. Тем более, что именно выполнение деяния признается законным основанием уголовной ответственности (ст. 8 УК РФ).

Однако этот тезис является не столько итогом, сколько исходной точкой рассуждений о том, что же признавать собственно деянием исполнителя. Основной точкой преткновения в данном случае выступает вопрос о том, можно ли считать деянием выполнение действий, прямо не указанных в диспозиции статьи Особенной части. Некоторые специалисты весьма категорично утверждают, что исполнителем преступления признается лицо, полностью или частично совершившее деяние действие (бездействие), предусмотренное статьей или частью статьи Особенной части УК РФ [5, с. 136]. Другие избегают такой категоричности, не делают оговорок относительно диспозиции или статьи Особенной части УК РФ и ограничиваются общим указанием на то, что исполнитель осуществляет общественно опасное деяние. Последний подход является более убедительным, хотя бы потому, что далеко не во всех диспозициях статей Особенной части УК РФ законодатель описывает конкретные действия. Как известно, законодатель может ограничиться указанием на последствие (в этом случае абсолютно любые действия, его причиняющие, могут составить элемент преступления), может при описании действия или бездействия сделать бланкетную ссылку, может дать примерное, неисчерпывающее описание действий, составляющих преступление. Во всех этих случаях диспозиция не содержит полного и точного описания конкретного действия или бездействия, которое совершает исполнитель; в ней в целом описывается деяние, запрещенное законом, конкретные характеристики которого могут быть установлены в том числе путем толкования закона. На связь содержания исполнительских действий с

особенностями диспозиции наука уже обратила внимание [13, с. 71–73].

В итоге, не сложно заметить, что вопрос о признании лица исполнителем во многом является вопросом толкования содержания и границ объективной стороны преступления. И здесь тоже возникает серьезная проблема, связанная с тем, что в состав общественно опасного деяния зачастую включаются действия, непосредственно не указанные в диспозиции либо не причинившие последствий, но лишь направленные на причинение вреда.

В приложении к проблематике соучастия и исполнительства в прикладном отношении она упирается в старый спор относительно того, признавать ли исполнителем кражи лицо, которое «стояло на стороже», не принимая непосредственного участия в изъятии имущества, но обеспечивая возможность его тайного хищения; признавать ли исполнителем убийства лицо, которое, не нанося смертельных ранений, лишь удерживало жертву в то время, как иные лица наносили смертельные раны. Известно, что судебная практика последовательно положительно отвечает на эти вопросы (что подтверждается и результатами опроса экспертов). В науке же они являются дискуссионными; хотя уже давно специалистами признается, что «исполнение охватывает не узкий круг действий, непосредственно причиняющих преступный результат (например, удар ножом при убийстве, похищение вещи при краже и т.п.), но и все те действия, которые связаны с этим причинением. Поэтому исполнителем будет и тот, кто держал жертву, пока другой наносил удар, и тот, кто, взломав дверь, открыл дорогу вору» [16, с. 104].

Такой подход доктрины и практики вполне определенно отражает известное старой англо-американской доктрине деление всех исполнителей на исполнителей первой степени (те, что непосредственно выполнили деяние, описанное в диспозиции статьи закона) и исполнителей второй степени [10, с. 206]. Однако надо учитывать, что такая градация соответствовала общепризнанному делению пособников на тех, кто оказывает помощь до, и кто оказывает помощь после совершения преступления. В связи с чем вполне закономерно, что пособник во время совершения преступления, не укладывающийся в это деление, был трансформирован судебной практикой и доктриной в исполнителя второй степени, дабы обеспечить неотвратимость его ответственности. В настоящее время в странах семьи общего права практически не встречаются исторически сложившееся деление соучастников на исполнителей первой степени и второй степени [7, с. 36], равно как и не проводится особых различий между иными соучастниками (подстрекателями и пособниками). В этой связи проблемы отграничения исполнителей второй степени от пособников для англо-американской доктрины несколько утратили свою актуальность, чего нельзя сказать о российской науке, тяготеющей к четкому обособлению исполнителей и пособников.

Применительно к нашей теме полагаем необходимым указать, что в российском праве «исполнитель второй степени», в отличие от пособника, непосредственно совершает преступление, а в отличие от «исполнителя первой степени», не совершает, но непосредственно участвует в совершении общественно опасного действия (бездействия), в том числе выполняет часть таких действий, оказывает непосредственное содействие в их совершении во время и на месте совершения преступления, выполняет технические операции в процессе исполнения деяния и т.д.

Подводя итог исследованию проблем, связанных с теоретическим определением понятия исполнителя преступления, можно в качестве вывода представить собственную дефиницию, учитывающую необходимость последовательного соблюдения требований объективной теории. В ней необходимо учесть два главных признака: исполнитель является обязательно одним из

соучастников преступления и именно он участвует в выполнении общественно опасного деяния. Признаки субъективной заинтересованности исполнителя в результатах преступления, психического господства лица над деянием и эффективного участия в принятии решения о преступлении не должны иметь значения при решении вопроса об отнесении лица к категории исполнителей. В равной степени не является решающим и признак, отражающий обладание исполнителем свойствами субъекта преступления, поскольку таковые имеют значение не для определения его роли в преступлении, а для решения вопроса о возможности привлечения лица к уголовной ответственности. Исполнитель, таким образом, есть соучастник преступления, который лично или совместно с иными соисполнителями или посредством использования лиц, не подлежащих уголовной ответственности, непосредственно совершает или участвует в совершении действия или бездействия, составляющего элемент объективной стороны преступления.

Литература:

1. *Балеев С.А.* Ответственность за организационную преступную деятельность по российскому уголовному праву : дис. ... канд. юрид. наук. Казань, 2000.
2. *Будзинский С.* Начала уголовного права. Варшава : Тип. И. Яворского, 1870.
3. *Бурчак Ф.Г.* Соучастие. Социальные, криминологические и правовые проблемы. Киев : Вища школа, 1986.
4. *Васюков В.В.* Виды соучастников в уголовном праве России : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. СПб., 2008.
5. *Гришаев П.И.* Соучастие по советскому уголовному праву / П.И. Гришаев, Г.А. Кригер. М. : Госюриздат, 1959.
6. *Дядькин Д.С.* Совершенствование уголовно-правового института соучастия в преступлении : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2002.
7. *Есаков Г.А.* Учение о преступлении в странах семьи общего права : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2007.
8. *Жиряев А.С.* О стечении нескольких преступников при одном и том же преступлении. Изд. 2-е. М. : ЛЕНАНД, 2017.
9. *Калмыков П.Д.* Учебник уголовного права. Часть Общая. СПб. : Тип.т-ва «Общественная польза», 1866.
10. *Козочкин И.Д.* Уголовное право США: успехи и проблемы реформирования. СПб. : Юрид. центр Пресс, 2007.
11. Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации : в 4 т. Общая часть / Под ред. В.М, Лебедева. М. : Юрайт, 2018. Т. 1.

Literature:

1. *Baleev S.A.* Responsibility for organizational criminal activity in Russian criminal law : dis. ... cand. faculty of law. Sciences. Kazan, 2000.
2. *Budzinsky S.* The Beginning of criminal law. Warsaw : I. Yavorsky Type, 1870.
3. *Burchak F.G.* Complicity. Social, criminological and legal problems. Kiev : Vyshcha SHKOLA, 1986.
4. *Vasyukov V.V.* Types of accomplices in the criminal Law of Russia : autoref. dis. ... cand. legal sciences. SPb., 2008.
5. *Grishaev P.I.* Complicity in Soviet criminal law / P.I. Grishaev, G.A. Krieger. M. : Gosyurizdat, 1959.
6. *Dyadkin D.S.* Improvement of the criminal law Institute of complicity in crime : autoref. dis. ... cand. legal sciences. M., 2002.
7. *Esakov G.A.* The doctrine of crime in the countries of the common Law family : autoref. dis. ... doctor of law, M., 2007.
8. *Zhiryaev A.S.* About the confluence of several criminals in the same crime. Ed. 2-e. M. : LENAND, 2017.
9. *Kalmykov P.D.* Textbook of criminal law. The General Part. SPb. : Type.t-VA «Public benefit», 1866.
10. *Kozochkin I.D.* Criminal Law of the USA: successes and problems of reform. SPb. : Yurid. center Press, 2007.
11. Commentary on the criminal code of the Russian Federation : in 4 vol. General part / Ed. by V. M, Lebedev. M. : yurayt, 2018. Vol. 1.

12. *Кудрявцев В.Н.* Объективная сторона преступления. М. : Юрид. лит., 1960.

13. *Пудовочкин Ю.Е.* Квалификация соучастия в преступлении. Судебная практика. М. : РГУП, 2017.

14. *Саблина М.А.* Исполнитель преступления в институте соучастия : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2016.

15. *Таганцев Н.С.* Русское уголовное право. Лекции. Часть Общая : в 2 т. М. : Наука, 1994. Т. 1.

16. *Трайнин А.Н.* Учение о соучастии. М. : Юрид. издат. НКЮ СССР, 1941.

17. *Фейербах П.А.* Уголовное право. СПб. : Медицинская тип., 1810.

18. *Фристер Г.* Уголовное право Германии. Общая часть. 5-е изд. / Г. Фристер; Пер. с нем. М. : Инфотропик Медиа, 2013.

19. *Цвиренко О.Л.* Исполнитель преступления как вид соучастника по уголовному праву Российской Федерации / О.Л. Цвиренко; Под ред. И.Я. Козаченко. Нижневартовск : Изд-во Нижневарт. гуманитар. ун-та, 2006.

12. *Kudryavtsev V.N.* The objective side of the crime. M. : Yurid. lit., 1960.

13. *Pudovochkin Yu.E.* Qualification of complicity in a crime. Judicial practice, M. : RSUP, 2017.

14. *Sablina M.A.* the Perpetrator of the crime in the Institute of complicity : autoref. dis. ... cand. legal sciences. M., 2016.

15. *Tagantsev N.S.* Russian criminal law. Lectures. Part Of The General : In 2 vol. M. : Nauka, 1994. Vol. 1.

16. *Traynin A.N.* The doctrine of complicity. M. : Yurid. Izdat. NKJU OF THE USSR, 1941.

17. *Feuerbach P.A.* Criminal law. SPb. : Meditsinskaya tip., 1810.

18. *Frister G.* German criminal law. General part. 5-e Izd / Ed. with it. M. : Infotropic Media, 2013.

19. *Tsvirenko O.L.* The perpetrator as a kind of accomplice in the criminal law of the Russian Federation / O.L. Tsvirenko; Under the editorship of I.Ya. Kozachenko. Nizhnevartovsk : publishing house of Signiert. humanit. un-ta, 2006.

Шаназарова Елена Витальевна

кандидат юридических наук,
доцент кафедры
публично-правовых дисциплин
факультета права и управления,
Владимирский юридический институт
Федеральной службы
исполнения наказаний России
Milena.555@mail.ru

Савельева Ольга Евгеньевна

доцент кафедры финансового права
и таможенной деятельности,
Владимирский
государственный университет имени
Александра Григорьевича
и Николая Григорьевича Столетовых
Milena.555@mail.ru

**ПРАВОВАЯ ПРИРОДА ДОГОВОРОВ
В СФЕРЕ ЗАКУПОК ТОВАРОВ,
РАБОТ, УСЛУГ ДЛЯ ОБЕСПЕЧЕНИЯ
ГОСУДАРСТВЕННЫХ
И МУНИЦИПАЛЬНЫХ НУЖД**

Аннотация. В современных условиях договор находится в центре механизма взаимодействия хозяйствующих субъектов. Наряду с тем, что договор играет роль юридического факта, из которого возникают отдельные правовые отношения, он выполняет регулятивные функции, является регулятором конкретных экономических отношений, которые складываются между хозяйствующими субъектами, заключающими договор, оформляет и структурирует их правовые отношения. Важнейшее значение договора, прежде всего, хозяйственного (предпринимательского) договора, единодушно признается в юридической литературе.

Ключевые слова: договор, государственные нужды, муниципальные нужды, государственный заказ, контракт.

Судебная практика при рассмотрении споров, связанных с договорами, исходит из принципа обязательной юридической силы договора для лиц, его заключивших. Попытки уйти от ответственности за неисполнение или ненадлежащее исполнение договорного обязательства путем подачи исков о признании договора незаключенным или недействительным, как правило, не поддерживаются судами [1].

Такие попытки могут квалифицироваться как злоупотребление правом – заведомо недобросовестное осуществление гражданских прав – с

Elena V. Shanazarova

Candidate of Legal Sciences,
Associate Professor of the Department
Public Law Disciplines
Faculty of Law and Management,
Vladimir Law Institute
Federal Service
Execution of Punishments in Russia
Milena.555@mail.ru

Olga E. Savelyeva

Associate Professor of the Department
of Financial Law and Customs,
Vladimir State University
named after Alexander Grigorievich
and Nikolai Grigorievich Stoletovs
Milena.555@mail.ru

**LEGAL NATURE OF CONTRACTS
IN THE FIELD OF PROCUREMENT
OF GOODS, WORKS, AND SERVICES
FOR STATE AND MUNICIPAL NEEDS**

Annotation. In modern conditions, the agreement is at the center of the mechanism of interaction of economic entities. Along with the fact that the contract plays the role of a legal fact, from which separate legal relations arise, it performs regulatory functions, is a regulator of specific economic relations that develop between economic entities that conclude the contract, forms and structures their legal relations. The most important value of the contract, first of all, the economic (business) contract, is unanimously recognized in the legal literature.

Keywords: contract, state needs, municipal needs, state order, contract.

применением положений пунктов 1 и 2 статьи 10 ГК РФ: «Пределы осуществления гражданских прав». На использование огромного потенциала договорного урегулирования хозяйственных связей и направлен Закон № 44-ФЗ [2].

В данном случае, законодатель назвал договор контрактом; это допустимо, так как термины «договор» и «контракт» – синонимы. Имея английское происхождение, слово «контракт» (contract) с незапамятных времен употребляется в русском языке как альтернатива терминам «договор», «соглашение» [3]. В юридической лексике

употребляются и производные от слова «контракт» сочетания, например, «контрактное право», «договор контракта» (ст. 535 ГК РФ).

В Законе № 44-ФЗ государственный и, соответственно, муниципальный контракт определяется через понятие «договор»: «Государственный контракт, муниципальный контракт – договор, заключенный от имени Российской Федерации, субъекта Российской Федерации (государственный контракт), муниципального образования (муниципальный контракт), государственным или муниципальным заказчиком для обеспечения соответственно государственных нужд, муниципальных нужд». То есть, государственный или муниципальный контракт – это договор, особая его разновидность, предназначенная для выполнения определенных социально-экономических задач в публично-правовой сфере.

Возникающие из государственного и муниципального контракта договорные отношения между заказчиком и исполнителем, имеют сложную – комплексную – правовую природу, охватывая публично-правовые и частноправовые аспекты, но, тем не менее, находятся в сфере действия общих и специальных норм ГК РФ. Законодательство о контрактной системе основывается, в том числе, и на положениях ГК РФ. Об этом прямо сказано в части 1 ст. 2 Закона № 44-ФЗ: «Законодательство Российской Федерации и иные нормативные правовые акты о контрактной системе в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд». В настоящее время в действующей редакции части второй ГК РФ имеются специальные структурные подразделения, посвященные государственным и муниципальным контрактам: в главе 30-ой «Купля-продажа» – §4. «Поставка товаров для государственных или муниципальных нужд», ст. 525–538, в главе 37-ой «Подряд» – §5. «Подрядные работы для государственных или муниципальных нужд», ст. 763–768. По логике должен быть аналогичный параграф в главе 39-ой «Возмездное оказание услуг» с нормами об оказании услуг для государственных и муниципальных нужд, но такой параграф отсутствует. Таким образом, соотношения ГК РФ и законодательства о госзакупках четко не установлены.

В ГК РФ проводится принцип приоритета норм Кодекса относительно норм других законодательных актов. Так, абз. 2 п. 2 ст. 525 ГК РФ гласит: «К отношениям по поставке товаров для государственных или муниципальных нужд в части, не урегулированной настоящим параграфом, применяются иные законы». Аналогичное по содержанию положение содержится в ст. 768 ГК РФ: «Правовое регулирование государственного или муниципального контракта».

После принятия в 2005 г. Закона № 94-ФЗ Федеральным законом от 2 февраля 2006 г. № 19-ФЗ «О внесении изменений в некоторые законодательные акты Российской Федерации и признании утратившими силу отдельных положений законодательных актов Российской Федерации в связи с принятием Федерального закона «О размещении заказов на поставки товаров,

выполнение работ, оказание услуг для государственных и муниципальных нужд» были внесены изменения и в §4 главы 30-ой, и в §5 главы 37-ой ГК РФ. Тем не менее, детализированность регулирования, представленная в Законе № 44-ФЗ, позволяет сделать вывод о том, что в соотношении с нормами §4 главы 30-ой, ст. 525-538, и §5 главы 37-ой, ст. 763-768 ГК РФ, нормы Закона № 44-ФЗ имеют приоритетное значение.

Но, во-первых, этот вывод приходится делать при отсутствии необходимого четкого решения вопроса в самом законодательстве. Во-вторых, нормы Закона № 44-ФЗ должны применяться на основе и с учетом норм ГК РФ, в том числе общих норм об обязательствах и договорах. По некоторым вопросам в Законе № 44-ФЗ делается не бланкетная (то есть, не содержащая ссылки на определенные статьи ГК РФ или другого закона) отсылка к гражданскому законодательству.

Например, в частях 8 и 9 ст. 95 Закона № 44-ФЗ говорится о возможности, при определенных условиях, одностороннего отказа стороны контракта от исполнения контракта и расторжения контракта (анализ этих положений дается ниже). Но и в тех конкретных случаях, когда подобных отсылок в положениях Закона № 44-ФЗ не содержится, взаимосвязи специальных норм Закона № 44-ФЗ с общими нормами ГК РФ и взаимодействие их объективно существуют.

Что касается норм части второй ГК РФ об отдельных видах обязательств, то, как нам представляется, допустимо их субсидиарное применение в тех случаях, когда выявляются какие-либо фрагменты отношений между заказчиком и исполнителем, которые не урегулированы нормами Закона № 44-ФЗ. Например, если заключен контракт на поставку товаров для государственных или муниципальных нужд и в отношениях между заказчиком и исполнителем возникла коллизия, которая не находит разрешения на основе положений Закона № 44-ФЗ, то в целях ее урегулирования возможно субсидиарное применение специальных норм ГК РФ в том числе по аналогии закона (ст. 6 ГК РФ: «Применение гражданского законодательства по аналогии»).

Название Закона № 44-ФЗ «О контрактной системе...» свидетельствует о том, что контракт (договор) является центральным элементом всей системы размещения заказов для обеспечения государственных и муниципальных нужд. Если представить весь цикл правоотношений по размещению госзаказа, то в составе этих правоотношений выделяются два больших этапа:

– первый этап – организационный, от принятия уполномоченным органом решения о размещении госзаказа за счет бюджетных ассигнований до заключения контракта;

– второй этап – исполнительский, от заключения контракта до прекращения его действия вследствие надлежащего исполнения.

Ввиду большого значения контракта, у органов и организаций, выступающих в качестве заказчиков, должны быть сотрудники, специально

подготовленные для ведения контрактной работы. Штаты, штатное расписание таких контрактных служб определяются самими организациями.

Несмотря на то, что в динамике развития правоотношений много различных юридических фактов, собственно обязательство по поставке товаров, выполнению работ или оказанию услуг для государственных нужд возникает непосредственно из контракта и должно исполняться в

Литература:

1. *Степанова И.Е.* Недействительность и незаключенность гражданско-правового договора: проблемы теории и практики. М. : Проспект, 2013. 208 с.
2. *Дубинчин А.А.* Английское контрактное право : практическое пособие для российского юриста: заключение договора. М. : Инфотропик Медиа, 2012.
3. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 23 июня 2015 г. № 25 «О применении судами некоторых положений раздела I части первой Гражданского кодекса Российской Федерации» // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2015. № 8. С. 2–3.

строгом соответствии с его условиями. Какой бы из предусмотренных Законом № 44-ФЗ способов размещения госзаказа ни был использован заказчиком, заключение контракта во всех случаях является обязательным; выполнение госзаказа без заключения контракта недопустимо. Работы, выполненные исполнителем без заключения контракта, не должны приниматься заказчиком и оплачены быть не могут.

Literature:

1. *Stepanova I.E.* Invalidity and non-conclusion of a civil law contract: problems of theory and practice. M. : Prospect, 2013. 208 p.
2. *Dubinchin A.A.* English contract law: a practical manual for a Russian lawyer : conclusion of a contract. M. : Infotropik Media, 2012.
3. Decision of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation of June 23, 2015 № 25 «On the application by courts of certain provisions of section I of part I of the first Civil Code of the Russian Federation» // Bulletin of the Supreme Court of the Russian Federation. 2015. № 8. P. 2–3.

Шерстюков Сергей Александрович
адъюнкт кафедры
уголовного права и криминологии,
Краснодарский университет МВД России
sherstyukov.s@bk.ru

Sergey A. Sherstyukov
Adjunct of the Department
Criminal Law and Criminology,
Krasnodar University of the Ministry
of internal Affairs of Russia
sherstyukov.s@bk.ru

СУЩНОСТЬ ЭКСТРЕМИСТСКОЙ НАПРАВЛЕННОСТИ ПРЕСТУПЛЕНИЙ

THE ESSENCE OF EXTREMIST CRIMES

Аннотация. В статье рассматриваются признаки, характеризующие экстремистскую направленность преступлений предусмотренных в статьях Особой части УК РФ. Автором исследуются особенности экстремистской мотивации в преступлениях против личности, общественного порядка, а также других общественно опасных посягательствах. Представлены результаты анализа судебной практики об учете квалифицирующих и конструктивных признаков преступлений экстремистской направленности и особенностях их юридического закрепления.

Ключевые слова: экстремизм, экстремистская деятельность, экстремистская направленность, квалификация преступления, конституционный строй.

Annotation. The article considers the features that characterize the extremist orientation of crimes provided for in the articles of the Special part of the criminal code of the Russian Federation. The article examines the features of extremist motivation in crimes against the individual, public order, and other socially dangerous attacks. The article presents the results of the analysis of judicial practice on taking into account the qualifying and constructive features of extremist crimes and the features of their legal consolidation.

Keywords: extremism, extremist activity, extremist orientation, qualification of crime, constitutional system.

Преобразования, происходящие в политической и общественной жизни современной России, повлияли на сложившиеся ранее форматы общественных отношений. Декларируемые нормами Конституции Российской Федерации свобода мысли и слова, право на демонстрации, шествия и пикетирования, обеспечивая позитивное развитие общества и государства, нередко используются в качестве инструмента разжигания вражды и ненависти между людьми.

Уголовное законодательство, реализуя поставленные перед ним задачи, обеспечивает охрану сложившихся общественных отношений в сфере нормального сосуществования гражданского населения государства, основанного на принципах равенства, уважения, недопущения расовой, национальной либо религиозной дискриминации.

Нагнетание разного рода конфронтаций между политическими партиями, религиозными объединениями, национальными сообществами зачастую используется для достижения политических, идеологических, корыстных и иных противоправных целей лицами, осуществляющими экстремистскую деятельность.

В настоящее время экстремизм представляет серьезную угрозу жизни и здоровья населения, препятствует нормальному функционированию государственных и общественных институтов.

Проблему противодействия экстремистской преступности актуализирует общее состояние преступности в стране, которое на фоне стабильного сокращения, впервые по итогам 2019 г. демонстрирует положительную динамику. Всего было зарегистрировано 2024337 преступных деяний (+1,6 % к 2018 г.). Очевидно, такие изменения показателей преступности находятся в рамках статистической погрешности и не являются признаком ухудшения криминальной ситуации [1].

На фоне общего роста преступности, парадоксальным видится значительное снижение числа преступлений экстремистской направленности (-53,8 %). В результате внесенных поправок в ст. 282 Уголовного кодекса Российской Федерации (далее УК РФ) [2], была установлена административная преюдиция, суть которой состоит в признании основанием уголовной ответственности повторно совершенное деяние лицом, в течение одного года, привлеченным к административной ответственности за возбуждение ненависти либо вражды, а равно унижение человеческого достоинства. Признание административным правонарушением деяния, совершенного впервые привело к сокращению таких преступлений в 2019 г. в 41 раз по сравнению с 2018 г. (с 780 до 19).

Очевидно, что сложившиеся обстоятельства не явились не столько успехами правоохранительных органов в противодействии экстремистской

деятельности, сколько изменениями действующего законодательства.

Экстремистская деятельность по-прежнему является одной из основных угроз основам конституционного строя. Уголовное законодательство рассматривает такие деяния, как посягательство на конституционную основу правового положения личности, которая выражена в равноправии и недопущении дискриминации. Отсутствие дискриминации и принцип равенства граждан является фундаментом правильных отношений людей с государством и взаимоотношения граждан друг с другом.

Содержание конституционного строя образуют общественные отношения в сфере обеспечения идеологического и политического многообразия, равенства общественных объединений, а также, свободы осуществления ими деятельности, за исключением запрещенной законом. Наряду с данными конституционными правами, важное значение образует запрет, сформулированный в ч. 5 ст. 13 Конституции РФ, на разжигание социальной, расовой, национальной и религиозной розни.

Несмотря на то, что большинство преступлений, предусматривающие экстремистскую деятельность в качестве конструктивных признаков составов (ст. 280, 280¹, 282–282³ УК РФ), предусмотрены в 29 главе Особенной части УК РФ, они не являются единственными.

Приняв за основу – признак основного объекта, образуемый совокупностью общественных отношений возникающих в связи с охраной основ конституционного строя и безопасности государства, законодатель определил виды экстремистских преступлений, установив, тем самым, ответственность за различные формы экстремистской деятельности. Законодательная локация данных преступлений была определена границами 29 главы Особенной части Уголовного кодекса Российской Федерации (далее – УК РФ).

Однако, сформулированное в примечании № 2 к ст. 282.1 УК РФ, определение преступлений экстремистской направленности, размывает содержание основного объекта экстремистских преступлений, фактически «распыляя» их по нескольким главам Особенной части УК РФ. Актуализирует проблему возможность признания экстремистской направленности, фактически, у любого преступления, совершенного по мотивам политической, идеологической, расовой, национальной или религиозной ненависти или вражды либо по мотивам ненависти или вражды в отношении какой-либо социальной группы, даже в тех случаях, если таковой субъективный признак законодательно не предусмотрен в соответствующем составе преступления. Так, например, неоказание помощи больному (ст. 124 УК РФ), воспрепятствование осуществлению избирательных прав или работе избирательных комиссий (ст. 141 УК РФ), нарушение права на свободу совести или свободу вероисповеданий (ст. 148 УК РФ), совершенные по мотивам политической,

идеологической, расовой, национальной или религиозной ненависти или вражды либо по мотивам ненависти или вражды в отношении какой-либо социальной группы, образуют экстремистскую направленность ввиду того, что данное обстоятельство учитывается судом при назначении наказания в качестве отягчающего обстоятельства, предусмотренного п. «е» ст. 63 УК РФ.

Экстремистскую направленность получили и отдельные преступления, посягающие на общественный порядок, так, например, совершенные по мотивам политической, идеологической, расовой, национальной или религиозной ненависти или вражды либо по мотивам ненависти или вражды в отношении какой-либо социальной группы хулиганство (п. «б» ч. 1 ст. 213 УК РФ) и вандализм (ч. 2 ст. 214 УК РФ).

Наиболее удачной видится классификация преступлений экстремистской направленности, данная К.В. Вишневецким, Н.Ш. Козаевым и Д.А. Рысовым [3]. По мнению авторов, классификация рассматриваемых преступлений должна осуществляться по признакам непосредственного объекта:

1. Преступления, посягающие на конституционный запрет разжигания расовой, национальной и религиозной розни (как одного из составляющих основы конституционного строя): публичные призывы к осуществлению экстремистской деятельности (ст. 280 УК РФ); возбуждение ненависти либо вражды, а равно унижение человеческого достоинства (ст. 282 УК РФ); организация экстремистского сообщества (ст. 282¹ УК РФ); организация деятельности экстремистской организации (ст. 282² УК РФ); финансирование экстремистской деятельности (ст. 282³ УК РФ).
2. Преступления против территориальной неприкосновенности Российской Федерации: публичные призывы к осуществлению действий, направленных на нарушение территориальной целостности Российской Федерации (ст. 280¹ УК РФ).
3. Общеуголовные преступления, в составах которых, экстремистский мотив предусмотрен в качестве конструктивного (ст.ст. 116, 213 УК РФ) либо квалифицирующего признака (п. «л» ч. 2 ст. 105, ч. 2 ст. 119, ч. 2 ст. 214 УК РФ).
4. Иные преступления, законодательно не определяющие экстремистский мотив в качестве признаков состава, однако, учитываемый судом при назначении наказания виновному, в качестве обстоятельства отягчающего наказания, предусмотренном п. «е» ст. 63 УК РФ (например, изнасилование потерпевшей (ст. 131 УК РФ), совершенное по мотиву ненависти к ней, как представителю определенной социальной группы, либо незаконное лишение свободы (ст. 127 УК РФ), совершенное по аналогичным мотивам).

Представленная классификация преступлений, образующих экстремистскую направленность, полностью соотносится с позицией, изложенной в постановлении Пленума Верховного Суда РФ «О

судебной практике по уголовным делам о преступлениях экстремистской направленности» [4].

Мы полагаем, что наряду с представленными основаниями классификации преступлений экстремистской направленности, обоснованной видится классификация, основанная на качественных признаках характеризующих рассматриваемые преступления:

По признакам объекта в результате осуществления экстремистской деятельности причиняется вред либо создается угроза его причинения общественным отношениям, возникающим в сферах, составляющих содержание основ конституционного строя государства (государственный суверенитет; личные права, свободы и законные интересы человека; нормальная организация деятельности государственной власти и органов местного самоуправления; мирное сосуществование гражданского населения государства, основанное на принципах равенства, уважения, недопущения расовой, национальной либо религиозной дискриминации и т.д.).

Потерпевшим от преступной экстремистской деятельности является не конкретно персонифицированное физическое лицо, а человек, обладающий как неотъемлемыми, так и приобретенными качественными признаками, отождествляющими его с определенной социальной группой (пол, национальность, раса, религиозные взгляды, род профессиональной деятельности, социальная позиция и т.д.). Признак, характеризующий потерпевшего от преступления экстремистской направленности, исключает личную неприязнь, основанную на бытовых либо иных коммуникационных конфликтах, возникающих между людьми в процессе их жизнедеятельности.

Мотивом преступной экстремистской деятельности является личная нетерпимость к людям, обладающим признаками, отождествляющими их с определенной социальной группой.

По степени общественной опасности экстремистскую деятельность образуют действия (бездействие), достаточные для возникновения угрозы нарушения мирного сосуществования гражданского населения государства, основанного на принципах равенства, уважения, недопущения расовой, национальной либо религиозной дискриминации.

Экстремистскую направленность образуют противоправные деяния, не обладающие признаком общественной опасности, ответственность за которые предусмотрена нормами законодательства об административных правонарушениях (ст. 20.3, 20.3.1 и др.).

Таким образом, преступная экстремистская деятельность представляет собой запрещенное уголовным законом действие (бездействие), направленное на причинение вреда либо дискриминацию человека, обладающего качественными признаками, отождествляющими его с определенной социальной группой, в результате которого возникает угроза мирному сосуществованию

гражданского населения государства, основанного на принципах равенства, уважения, недопущения расовой, национальной либо религиозной дискриминации.

Если рассматривать расизм как уголовное преступление, то под этим термином следует понимать агитацию расового превосходства или унижения представителей других рас. Расовый конфликт никоим образом не относится к территориальной принадлежности человека.

В криминологическом аспекте, рассматривающем экстремизм в социально-правовом аспекте, во внимание принимается сфера осуществления экстремистской деятельности. Проанализировав понятие «преступления экстремистской направленности», можно выделить три основных формы проявления экстремизма: политическую, национальную и религиозную.

Отечественная литература характеризует преступления экстремистской направленности политического характера, как совершение насильственных действий, направленных на изменение государственно-правового режима или политики страны. Политический экстремизм подкрепляется различными иллюзорными концепциями: от «вымышленных» переворотов до нацистских мятежей. Чаще всего, проявление беззакония против политической системы сопровождается совершением террористических актов, убийствами политических деятелей, расшатыванием порядка в государстве [5].

Под преступлениями экстремистской направленности национального характера имеется в виду учинение неправомерных поступков под девизом «охраны собственной нации, ее языка, законных интересов, моральных и иных ценностей» посредством подрыва конституционной безопасности представителям иных наций и народностей.

Сущность преступлений экстремистской направленности религиозного характера основана на непримиримости правонарушителей к представителям той же или иных религий.

Безусловно, такого рода разграничение преступлений экстремистской направленности, зачастую, является условным и проявление экстремизма только лишь по одной из рассматриваемых форм, в реальности, в «чистом» виде практически никогда не протекает [6].

Вместе с тем, можно выделить основные виды преступлений экстремистской направленности. Во-первых, коим выступает организационная экстремистская деятельность, подразумевающая координационную составляющую реализации рассматриваемых преступлений. Таким образом, данный вид преступлений предусматривает, скорее, подготовительный подход к совершению более широкомасштабных противоправных действий, то есть, например, формирование экстремистских структур, разработка плана действий и распределение «ролей» при совершении противоправных деяний, обеспечение беспрепятственного движения созданных экстремистских

объединений и так далее. Как правило, подобного рода преступления экстремистской направленности совершаются организованными экстремистскими группами или организациями.

Во-вторых, преступлением экстремистской направленности выступает информационно-пропагандистская деятельность открытого и скрытого характера, направленная на идеологическое и политическое обеспечение деятельности субъектов политического экстремизма, укрепление его социальной базы, подстрекательство к совершению экстремистских акций и тому подобное.

В-третьих, в качестве разновидности преступлений экстремистской направленности выступает публичное противоправное проявление насилия в отношении, например, к государственным

органам власти, влияющее на дестабилизацию деятельности политической системы государства и установленного порядка. Данный вид преступления осуществляется непосредственно путем совершения ряда противоправных деяний, таких как публичные призывы к «свержению» легитимной власти, осуществление массовых беспорядков и другие.

Таким образом, проанализировав законодательное определение понятия «преступления экстремистской направленности» и изучив с теоретической точки зрения виды и формы проявления указанных преступлений, можно сделать вывод о том, что достаточно большое количество преступных деяний относится к преступлениям экстремистской направленности.

Литература:

1. Комплексный анализ состояния преступности в Российской Федерации по итогам 2019 года и тенденции ее развития: Аналитический обзор. М. : ВНИИ МВД России, 2020. 88 с.
2. О внесении изменения в статью 282 Уголовного кодекса Российской Федерации: Федеральный закон от 27 декабря 2018 г. № 519-ФЗ // Собрании законодательства Российской Федерации от 31 декабря 2018 г. № 53 (ч. I). Ст. 8445
3. *Вишневецкий К.В.* Уголовно-правовая характеристика преступлений экстремистской направленности : учебное пособие / К.В. Вишневецкий, Н.Ш. Козаев, Д.А. Рясков. Краснодар : Краснодарский университет МВД России, 2020. С. 14
4. О судебной практике по уголовным делам о преступлениях экстремистской направленности: Постановление Пленума Верховного суда РФ от 28 июня 2011 г. № 11 (в ред. ППВС от 20 сентября 2018 г. № 32) // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2011. № 8.
5. *Тамаев Р.С.* Уголовно-правовое и криминологическое обеспечение противодействия экстремизму. М. : ЮНИТИ-ДАНА, 2017. С. 26.
6. *Верховский А.М.* Политический экстремизм в России / А.М. Верховский, А.А. Паап, В.В. Прибыловский. М. : Институт экспериментальной социологии, 2014. С. 24.

Literature:

1. A comprehensive analysis of the state of crime in the Russian Federation by the end of 2019 and trends : an Analytical review. M. : VNII MVD of Russia in 2020. 88 p
2. On amendments to article 282 of the Criminal code of the Russian Federation: Federal law № 519-FZ of December 27, 2018 // Collection of legislation of the Russian Federation № 53 (part I) of article 8445 of December 31, 2018
3. *Vishnevetsky K.V.* Criminal and legal characteristics of crimes of extremist orientation : textbook / K.V. Vishnevetsky, N.Sh. Kozayev, D.A. Ryasov. Krasnodar : Krasnodar University of the Ministry of internal Affairs of Russia, 2020. P. 14
4. On judicial practice in criminal cases of extremist crimes: resolution of the Plenum of the Supreme court of the Russian Federation № 11 of June 28, 2011 (ed. PPVS of September 20. 2018. № 32) // Bulletin of the Supreme Court of the Russian Federation, 2011. № 8.
5. *Tamaev R.S.* Criminal law and criminological support for countering extremism. M. : UNITY-DANA, 2017. P. 26.
6. *Verkhovsky A.M.* Political extremism in Russia / A.M. Verkhovsky, A.A. Paap, V.V. Pribylovsky. M. : Institute of experimental sociology, 2014. P. 24.

Яценко Ольга Васильевна

кандидат юридических наук,
доцент,
доцент кафедры теории
и истории государства и права,
Таганрогский институт
управления и экономики
o.yatsenko@tmei.ru

Борисова Анна Анатольевна

кандидат педагогических наук,
заведующая кафедрой гуманитарных
и естественнонаучных дисциплин,
Политехнический институт (филиал)
Донского государственного
технического университета, г. Таганрог
banet06020979@mail.ru

Сапожникова Екатерина Юрьевна

кандидат экономических наук,
доцент,
заведующая кафедрой коммерческого
и предпринимательского права,
Донской государственной
технической университет
sekunovak@mail.ru

**ОСНОВАНИЯ ПРАВА ЛИЧНОСТИ
НА ЗАЩИТУ КОНСТИТУЦИОННЫХ
ПРАВ И СВОБОД НА УРОВНЕ
МЕЖДУНАРОДНОГО ПРАВОСУДИЯ**

Аннотация. В статье отмечается, что на протяжении всего своего существования любое государство стремится к приведению в порядок внутреннее права и механизмы защиты прав и свобод человека и гражданина. Однако, рассматривая эти стремления и процессы относительно исторической эволюции государства и права, а также судебной практики, сложившейся на данный момент времени, авторы приходят к выводу о том, что механизмы судебной защиты прав и свобод человека оказываются неэффективными. В соответствии с положениями международных договоров, сложилась определенная система межгосударственных органов, наделенных функциями контроля над деятельностью государства в сфере защиты прав человека. Европейский Суд по правам человека занимает главенствующую роль в защите прав и свобод.

Ключевые слова: Европейский суд по правам человека, Конституционный Суд РФ, взаимодействие внутригосударственного и международного права, защита прав и свобод, рассмотрение жалоб, нарушение прав, Европейская Конвенция, государство, международное право.

Olga V. Yatsenko

Candidate of Legal Sciences,
Associate Professor,
Associate Professor of the Department
of Theory and History of State and Law,
Taganrog Institute
of Management and Economics
o.yatsenko@tmei.ru

Anna A. Borisova

Candidate of Pedagogical Sciences,
Head of the Department of Humanities
and Science, Polytechnic Institute (branch)
of Don State Technical University, Taganrog
banet06020979@mail.ru

Ekaterina Yu. Sapozhnikova

Candidate of Economic Sciences,
Associate Professor,
Head of the Department of Commercial
and Entrepreneurial Law,
Don State Technical University
sekunovak@mail.ru

**GROUNDS FOR THE INDIVIDUAL'S
RIGHT TO PROTECTION
OF CONSTITUTIONAL RIGHTS
AND FREEDOMS AT THE LEVEL
OF INTERNATIONAL JUSTICE**

Annotation. Throughout its existence, any State seeks to put in order internal law and mechanisms for the protection of human and citizen rights and freedoms. However, considering these aspirations and processes regarding the historical evolution of the State and the law, as well as the jurisprudence that has developed so far, we conclude that the mechanisms of judicial protection of human rights and freedoms are ineffective. In accordance with the provisions of international treaties, a certain system of inter-state bodies has been established with the functions of monitoring the state's activities in the field of human rights protection. The European Court of human rights plays a leading role in the protection of rights and freedoms.

Keywords: European court of human rights, constitutional Court of the Russian Federation, interaction of domestic and international law, protection of rights and freedoms, consideration of complaints, violation of rights, The European Convention, the state, international law.

На протяжении всего своего существования любое государство стремится к приведению в порядок внутреннее право и механизмы защиты прав и свобод человека и гражданина. Однако, рассматривая эти стремления и процессы относительно исторической эволюции государства и права, а также – судебной практики, сложившейся на данный момент времени, мы приходим к выводу о том, что механизмы судебной защиты прав и свобод человека оказываются неэффективными. В связи с этим, возникла необходимость существования не только внутригосударственных, но и международных средств защиты прав и свобод человека. Они призваны контролировать состояние защиты прав и свобод, а также, правомочны выносить обязательные к исполнению государствами – ответчиками, нарушающими право человека на защиту, решения.

В процессе становления национальной системы защиты прав и свобод человека и гражданина любое вмешательство извне и использование международных средств для защиты прав и свобод человека представлялось недопустимым [4, с. 412]. Несмотря на большое количество различных средств и способов защиты прав и свобод человека, презумпция исключительной национальной защиты нам представляется несостоятельной. Разумеется, по вполне понятным причинам, многие страны без особого желания восприняли идею обязательной юрисдикции международного органа правосудия, согласно которой они должны были взять на себя некоторые международные обязательства. В особенности, обязанность, что «Высокие Договаривающиеся Стороны обязуются никоим образом не препятствовать эффективному осуществлению» [1] права на подачу индивидуальной жалобы в Европейский суд по правам человека (ЕСПЧ).

Принятие Европейской конвенции по правам человека сразу же повлекло появление противников инкорпорации Конвенции в правовые системы стран, так как, согласно полномочиям созданного Страсбургского суда, он наделялся контрольными функциями за судопроизводством внутри страны, что влекло за собой вмешательство в суверенитет государства. В настоящее время, несмотря на принятие и ратификацию Конвенции, страны нередко оказывают давление на тех, кто подает жалобы в Европейский суд по правам человека, в особенности это распространено в отношении жалоб на грубые и распространенные нарушения прав человека. Несмотря на то, что существовали опасения не только в нарушении суверенитета государств, но и в возникновении неустранимых серьезных противоречий между положениями Конвенции и Конституций, практика склонна к абсолютно положительному результату в эффективности деятельности ЕСПЧ.

Устав Совета Европы, являющийся основополагающим документом в сфере закрепления и защиты прав и свобод человека, в своей преамбуле провозгласил положение, согласно которому «укрепление мира, основанного на справедливости и международном сотрудничестве, отвечает жизненной необходимости сохранения человеческого общества и цивилизации, вновь утверждая

свою приверженность духовным и моральным ценностям, которые являются общим достоянием их народов и подлинным источником принципов свободы личности, политической свободы и верховенства права, лежащего в основе любой истинной демократии, убежденные, что для поддержания и дальнейшего осуществления этих идеалов и в интересах социального и экономического прогресса, необходимо более тесное единство между всеми европейскими странами, разделяющими эти взгляды» [2]. Следовательно, необходимость защиты прав и свобод человека и гражданина – приоритетное направление деятельности не только отдельно взятых государств, но в целом всего мирового сообщества.

В части 4 статьи 15 Основного закона Российской Федерации отмечается, что «общепризнанные принципы и нормы международного права и международные договоры Российской Федерации являются составной частью правовой системы России» [3]. При этом данная статья устанавливает приоритет общепризнанных принципов и норм международного права и международных договоров РФ по отношению к национальному законодательству. Частью 3 статьи 46 Конституции каждому гарантируется право обратиться в различные межгосударственные органы, осуществляющие защиту прав и свобод, если иные, существующие в государстве способы защиты исчерпаны. Одним из основных, главенствующих оснований деятельности ЕСПЧ представляется практическое полное отсутствие противоречий между деятельностью по защите прав и свобод человека согласно Уставу Совета Европы и Европейской Конвенции по правам человека (ЕКПЧ) от 1950 года. Гарантией эффективной деятельности Страсбургского суда и действия Конвенции 1950 года является признание за каждым лицом возможности обращения в органы международного правосудия в случае если его спор о правах, гарантированных Конвенцией, не получил надлежащего разрешения внутри страны.

Некоторые правоведы считают ЕКПЧ самым совершенным и максимально эффективным договором в сфере защиты прав человека мирового масштаба. Реализация положений данного договора осуществляется посредством постоянной деятельности надгосударственного судебного органа, обладающего обязательной юрисдикцией, уполномоченного давать единообразное толкование и применять на практике нормы конвенции по вопросам защиты прав и свобод человека на международном уровне. Стоит отметить, что жителями РФ достаточно широко используется возможность обращения с жалобой о нарушении их прав в Европейский суд по правам человека. В 2019 году ЕСПЧ вынес 198 решений по жалобам из России. Отсутствие нарушений положений Европейской конвенции было установлено лишь в 5 делах, все остальные завершились выводом о наличии таких нарушений. Основная часть (90 решений) касается права на свободу. С большим отрывом следует 61 решение ЕСПЧ по праву на справедливый судебный процесс и 57 решений по праву на защиту от жестокого и унижающего достоинство видов обращения и наказания. Полагаем, что количество дел вызвано не

снижением количества обращений в суд, а ужесточением требований к их оформлению, поскольку в 2019 году по сравнению с прошлым годом на 84 % увеличилось число отказов в регистрации жалоб. Опираясь на статистику и судебную практику, можно уверенно говорить, что ЕСПЧ является доступным и эффективным механизмом защиты прав человека и гражданина на мировом уровне.

Права и свободы человека – это комплексный феномен, который включает в себя, с одной стороны, пакет конституционных прав, образующий правовой статус личности внутри государства, а с другой, обладает превалирующим общечеловеческим значением для механизма государства и всего мира. В аспекте общечеловеческого значения, права и свободы представляются первостепенной ценностью для национального и международного права. В конституциях, конституционных актах, основных законах разных стран закрепляются права и свободы граждан, которые являются неотъемлемыми и рассматриваются в качестве фундаментальных в национальных правовых системах. В настоящее время наряду с конституционными правами личности в качестве неотъемлемых прав рассматриваются и закрепленные на международном уровне права и свободы человека. Даже если какие-то из них не получили отражения в конституции государства, которое является участником международно-правовых отношений, то они как фактически, так и юридически применяются на территории данной страны и рассматриваются в качестве основных.

Нормы права, устанавливающие права и свободы человека, закреплены во многих основополагающих международных документах. Всеобщая Декларация прав человека 1948 года, Европейская Конвенция о защите прав человека и основных свобод 1950 года, Конвенция о ликвидации всех форм расовой дискриминации 1965 года, Международные пакты о правах человека 1966 года – преамбулы этих документов начинаются неизменно с формулировок, сводящихся к одному стремлению – признание равного достоинства и защиту прав человека вне дискриминационных признаков. Каждый международный документ, в котором содержатся права и свободы человека, по своему характеру является договорным, то есть, презюмируется, что при создании, разработке и принятии этих актов были учтены интересы всех стран-участниц. Кроме того, не стоит забывать о том, что в данных документах была предпринята попытка официально признать и закрепить непреходящие человеческие ценности,

Литература:

1. Конвенция о защите прав человека и основных свобод (Заклучена в г. Риме 04.11.1950) (с изм. от 13.05.2004) // Бюллетень международных договоров. 2001. № 3.
2. Устав Совета Европы. Лондон, 5 мая 1949 года // Бюллетень международных договоров. 1996. № 4.

цели и принципы их реализации, поэтому они являются основными источниками международного права и получили свое отражение не только в основах конституционного порядка современных государств, но и в различных отраслях законодательства.

Основной закон Российской Федерации является уникальным документом, который создавался с опорой и учетом положений международных актов. Проявление влияния международного права относительно прав человека на текст Конституции России 1993 года виден, особенно, в первых трех частях Основного закона. В нем также определены рамки, строение системы защиты прав и свобод человека и гражданина на национальном уровне. Так, 2 статья Конституции РФ гласит, что человек, его права и свободы являются высшей ценностью. Конституционный суд, в свою очередь, разъясняет, что «в силу статьи 18 Конституции РФ, согласно которой права и свободы человека и гражданина являются непосредственно действующими и определяют смысл, содержание и применение законов, деятельность законодательной и исполнительной власти, местного самоуправления и обеспечиваются правосудием, разрешение в процессе правоприменения коллизий между различными правовыми актами, должно осуществляться, исходя из того, какой из этих актов предусматривает больший объем прав и свобод граждан и устанавливает более широкие их гарантии...» [5].

Полагаем необходимым обратить внимание на «Стандарты Совета Европы в области прав человека применительно к положениям Конституции Российской Федерации», изданные в 2002 году и направленные на рассмотрение принципов правового положения личности, прав, свобод и обязанностей человека, которые закреплены в Основном законе России, с позиции Совета Европы. Каждое право здесь комплексно охарактеризовано с учетом различных конвенций и хартий, принятых Советом Европы, рекомендаций и резолюций, разработанных Комитетом Министров и Парламентской Ассамблеей. Особое внимание уделено положениям, закрепленным Конвенцией о защите прав человека и его основных свобод, и практике ЕСПЧ по вопросам ее толкования и применения. Европейская конвенция по правам человека является одним из немногих документов, который помимо материального закрепления норм на международном уровне, также создает механизм по контролю за соблюдением прав человека не только на международном, но и на национальном уровне.

Literature:

1. Convention for the protection of human rights and fundamental freedoms (Concluded in Rome on 04.11.1950) (as amended on 13.05.2004) // Bulletin of international treaties. 2001. № 3.
2. Charter Of The Council Of Europe. London, may 5, 1949 / / Bulletin of international treaties. 1996. № 4.

3. Конституция Российской Федерации принята всенародным голосованием 12.12.1993 // Собрание законодательства РФ. 04.08.2014. № 31. Ст. 4398.

4. *Мартенс Ф.Ф.* Современное международное право цивилизованных народов. М. : Зерцало-М, 2016.

5. Определение Конституционного суда РФ от 8.11.2005 г. № 439-О «По жалобе граждан С.В. Бородин, В.Н. Буробина, А.В. Быковского и других на нарушение их конституционных прав статьями 7, 29, 182 и 183 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации» // Вестник Конституционного Суда Российской Федерации. 2006. № 2.

3. The Constitution of the Russian Federation was adopted by popular vote on 12.12.1993 // Collection of legislation of the Russian Federation. 04.08.2014. № 31. Art. 4398.

4. *Martens F.F.* Modern international law of civilized peoples, Moscow: Zertsalo-M, 2016. P. 412–443.

5. Definition of the constitutional court of the Russian Federation of 8.11.2005 № 439-О «On the complaint of citizens S.V. Borodin, V.N. Burobin, A.V. Bykovsky and others on violation of their constitutional rights by articles 7, 29, 182 and 183 of the Criminal procedure code of the Russian Federation» // Bulletin of the constitutional Court of the Russian Federation. 2006. № 2.

ЭКОНОМИЧЕСКИЕ НАУКИ

Голикова Юлия Борисовна

кандидат экономических наук,
доцент,
кафедра теории
и организации управления,
Гжельский государственный университет
Leschinskaya@bsu.edu.ru

Мочалова Яна Викторовна

кандидат экономических наук,
доцент,
доцент кафедры прикладной экономики
и экономической безопасности,
Белгородский
государственный национальный
исследовательский университет
Leschinskaya@bsu.edu.ru

ИННОВАЦИОННЫЙ ПОТЕНЦИАЛ РЕГИОНОВ РФ: ТЕНДЕНЦИИ И ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ

Аннотация. Данная статья посвящена рассмотрению формирования и развития инновационного потенциала регионов РФ. Авторами представлен рейтинг инновационных округов (регионов) РФ и сделаны соответствующие выводы. Ими составлена объемная шкала ранжирования регионов РФ, позволяющая оценить инвестиционный потенциал регионов РФ, а также, разработана модель формирования инновационного потенциала регионов, которая обеспечивает комплексную взаимосвязку и оценку всех показателей развития и помогает создать наглядность всего осуществляемого инновационного процесса. Рассмотрены тенденции и перспективы развития регионов РФ. Большое значение в этом вопросе, по мнению авторов, играет финансирование регионов.

Ключевые слова: инновации, регион, тенденции, эффективность, активность, перспективы, рынок, модель.

Инновации уже давно прочно вошли в жизнь всего общества, отдельных регионов и государства, в целом. Основной задачей на сегодняшний день является формирование эффективной инновационной политики, как на уровне регионов РФ, так и на уровне всего государства по созданию инновационного потенциала, являющегося основой развития экономики. Это является, на наш взгляд, наиболее сложной задачей, так как стоит вопрос о взаимосвязке всех показателей инновационного процесса. Однако достижение поставленной цели будет способствовать модернизации всех экономических процессов, снижению инновационных рисков и обеспечению

Yulia B. Golikova

Candidate of Economic Sciences,
Associate Professor,
Department of Theory
and Management Organization,
Gzhel State University
Leschinskaya@bsu.edu.ru

Yana V. Mochalova

Candidate of Economic Sciences,
Associate Professor,
Associate Professor at the Department
of Applied Economics and economic security,
Belgorodsky State National
Research University
Leschinskaya@bsu.edu.ru

INNOVATIVE POTENTIAL OF RUSSIAN REGIONS: TRENDS AND PROSPECTS FOR DEVELOPMENT

Annotation. This article is devoted to the formation and development of the innovative potential of the regions of the Russian Federation. The author presents the rating of innovative districts (regions) of the Russian Federation and draws the appropriate conclusions. The volume scale of ranking of regions of the Russian Federation has been compiled, which allows assessing the investment potential of regions of the Russian Federation. The author has developed a model for forming the innovative potential of regions, which provides a comprehensive interconnection and assessment of all development indicators and helps to ensure the visibility of the entire innovation process. Trends and prospects of development of Russian regions are considered. Regional funding is very important in this regard.

Keywords: innovation, region, trends, efficiency, activity, prospects, market, model.

стимулирования самой инновационной деятельности на уровне регионов РФ [4].

На современном этапе Россию можно отнести к странам, в которых инвестиции в инновационное развитие предприятий составляют меньшую часть государственного бюджета. Трансформация результатов исследований и разработок в конечные продукты, пригодные для вывода на потребительские рынки, осуществляется крайне медленно и не выступает приоритетом в государственной политике страны, что усложняет развитие инновационных предприятий. Однако некоторые регионы добиваются существенных успехов.

Рассмотрим рейтинг инновационных округов (регионов) РФ, представленный в таблице 1. Данный

перечень регионов был составлен на основе случайной выборки.

Таблица 1

Рейтинг инновационных округов (регионов) РФ 2019 г.

Ранг	Регион	Балл	% от среднего
1	г. Санкт-Петербург	0,68	172,9 %
2	Северо-Западный ФО	0,67	169,6 %
3	Приволжский ФО	0,65	166,4 %
4	Центральный ФО	0,63	161,2 %
5	г. Москва	0,60	152,2 %
6	Сибирский ФО	0,58	148,6 %
7	Северо-Кавказский ФО	0,57	145,0 %
8	Южный ФО	0,55	140,8 %
9	Дальневосточный ФО	0,54	138,2 %
10	Уральский ФО	0,54	137,2 %

По итогам рейтинга инновационных округов России, которые были презентованы в рамках Гайдоровского форума, Санкт-Петербург занял первое место по итогам 2019 года. Звание лидера инновационного развития Северная столица удерживает второй год подряд. На втором месте

находится Северо-Западный Федеральный округ (ФО), город Москва находится на пятом месте. Для более подробного всестороннего анализа проведем оценку инновационного потенциала по объемной шкале ранжирования регионов РФ [3, с. 309].

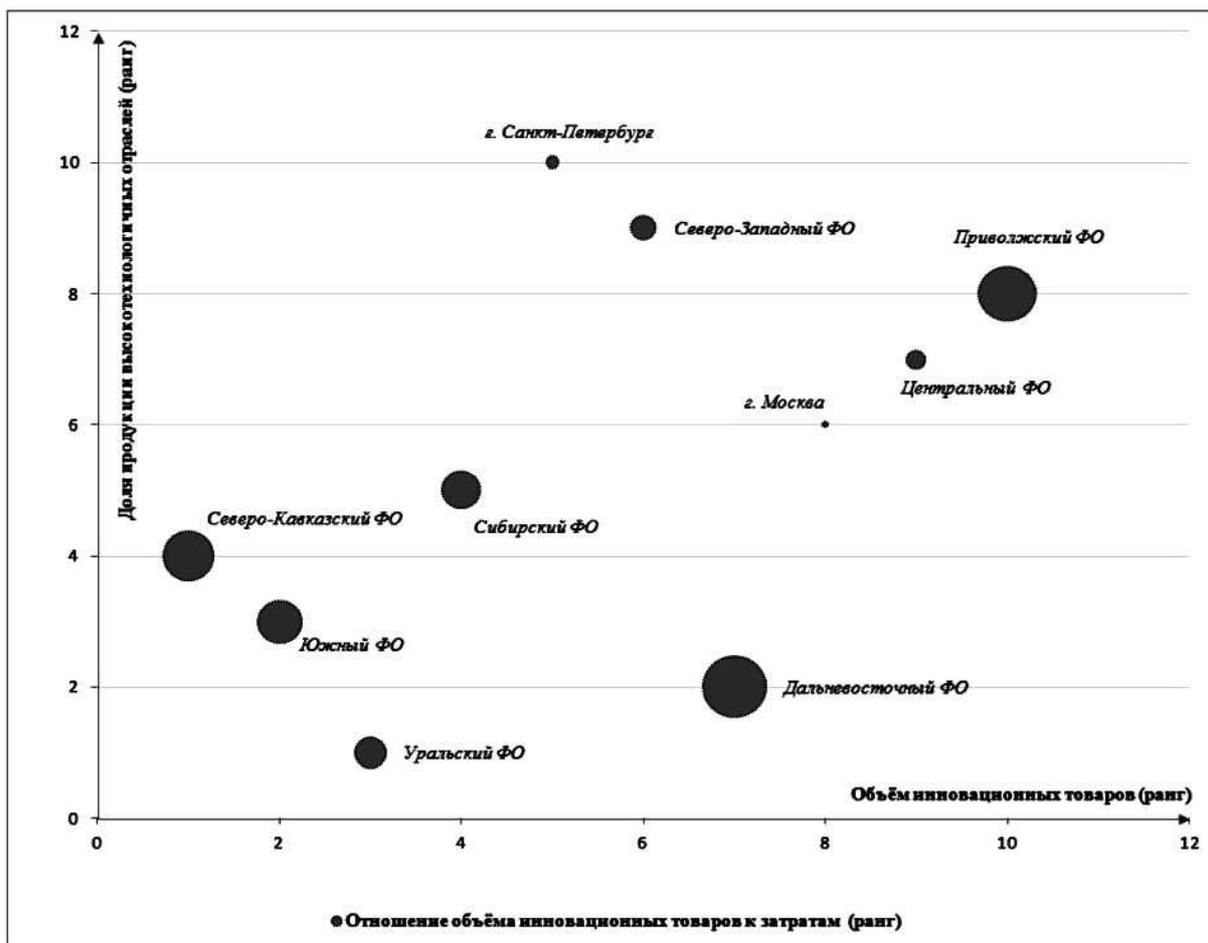

Рисунок 1 – Объемная шкала ранжирования регионов РФ

Заметим, что города федерального значения (Москва и Санкт-Петербург), Приволжский, Северо-Западный и Центральный ФО расположены в Северо-Восточном квадранте диаграммы и имеют наиболее высокий уровень развития

инновационной сферы (доля продукции высокотехнологичных отраслей и объем инновационных товаров). Однако уровень затрат, скажем, приходящихся на Москву, несопоставим с уровнем затрат, приходящихся на Приволжский ФО, поэтому

инвестиции для регионов, входящих в Приволжский ФО, не только целесообразны, а просто необходимы [1, с. 17].

В настоящее время для формирования инновационного потенциала регионов необходима четкая модель, учитывающая как внутренние

составляющие региона, так и внешние составляющие. По нашему мнению, модель, представленная на рисунке 2, обеспечивает комплексную взаимосвязку и оценку всех показателей развития регионов и помогает обеспечить наглядность всего осуществляемого инновационного процесса.

Рисунок 2 – Модель формирования инновационного потенциала регионов

По нашему мнению, перспективы развития российских регионов во многом будут зависеть от умения решать проблемы и задачи, сочетая при этом анализ использования ресурсного потенциала и эффективный менеджмент. Большое значение в этом вопросе играет финансирование регионов. Именно полноценное финансирование системы регионального развития позволяет достичь успехов в формировании инновационного потенциала регионов.

Современная экономика потребовала пересмотра всей системы финансирования, касающейся ее содержания и отдельных составляющих элементов. Следует отметить, что система финансирования на региональном уровне включает в себя два основных вида источника: централизованные и децентрализованные источники. Средства централизованного фонда в основном

направляются на развитие и поддержание фундаментальной науки, образования, культуры, медицины, и т.д. Данные расходы учитываются официальной статистикой. Децентрализованные источники образуются только на мировом уровне и в основном на добровольной основе. Децентрализованные источники включают себя средства населения, различных организаций и предприятий. Это финансирование досуга, отдыха семей, выплата пособий по безработице и временной нетрудоспособности.

Финансирование регионов РФ находится на среднем уровне и требует усиления внимания к его осуществлению. Следовательно, региональным органам власти необходимо провести корректировку основных источников поступления финансовых средств и их расходования в первую очередь по приоритетным направлениям.

Литература:

1. Гусятников В.Н. Анализ инновационной активности университетов России // Информационная безопасность регионов. 2019. № 1(26). С. 17–23.

Literature:

1. Gusyatinikov V.N. Analysis of innovative activity of universities of Russia/ / Information security of regions. 2019. № 1(26). P. 17–23.

2. *Гусятников В.Н.* Построение интегрального рейтинга инновационного развития регионов на базе двухэтапного иерархического анализа данных // Друкеровский вестник. 2018. № 6. С. 25–35.

3. *Максимов Д.А.* О приоритетной модели российской экономики / Д.А. Максимов, М.А. Халиков // Международный журнал прикладных и фундаментальных исследований. 2018. № 4-2. С. 309–310.

4. Федеральная служба государственной статистики. URL : http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/science_and_innovations/science/ (дата обращения 19.08.2020).

2. *Gusyatnikov V.N.* Building an integral rating for the innovative development of regions on the basis of two-stage hierarchical data analysis // Druker Bulletin. 2018. № 6. P. 25–35.

3. *Maksimov D.A.* On the priority model of the Russian economy / D.A. Maksimov, M.A. Khalikov // International Journal of Applied and Basic Research. 2018. № 4-2. P. 309–310.

4. Federal State Statistics Service. URL : http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/science_and_innovations/science/ (date of the application 19.08.2020).

Калинская Юлия Сергеевна
аспирантка,
департамент мировых финансов,
Финансовый университет
при Правительстве Российской Федерации
yulkal34@mail.ru

ВНЕШНЯЯ КРЕДИТНАЯ ПОЛИТИКА РОССИИ В НОВЫХ ГЕОЭКОНОМИЧЕСКИХ УСЛОВИЯХ

Аннотация. В данной статье уточняются теоретические аспекты внешней кредитной политики, а также анализируется ее современное состояние в новых геоэкономических условиях. В настоящее время возрастает роль международного кредита по сравнению с другими формами международного движения ссудного капитала как формы купирования рисков глобального финансового рынка на основе усиления связи с воспроизводственными процессами, что делает данную тему исследования еще более актуальной. Современные глобальные вызовы трансформируют международные кредитные отношения, что сказывается на необходимости учитывать и развивать геополитические амбиции национального капитала.

Ключевые слова: внешняя кредитная политика, новые геоэкономические условия, геополитические амбиции.

Традиционно международный кредитный рынок рассматривается лишь в качестве составной части международного рынка ссудного капитала, ограничиваясь денежным рынком и рынком капитала [1]. Однако целесообразно рассматривать международный кредитный рынок, учитывая международный рынок долговых ценных бумаг. Долговые ценные бумаги, как и кредит, дают гарантию возврата переданной суммы и уплаты зафиксированного процента. Таким образом, кредитование на международном кредитном рынке осуществляется как в форме классического заимствования, депонирования денежных средств, так и в форме размещения долговых ценных бумаг среди кредиторов различных стран: облигаций, векселей, депозитных сертификатов. Международный кредитный рынок охватывает денежный рынок (евровалют), рынок капиталов (еврокредитов) и финансовый рынок в части долговых ценных бумаг (еврооблигаций, евровекселей и др.).

Международное заимствование и кредитование стало результатом развития внутреннего кредитного рынка наиболее развитых стран мира, с одной стороны, и ответом на необходимость финансирования международной торговли, с другой. В

Yuliya S. Kalinskaya
Aspirant,
Financial University under the Government
of the Russian Federation,
Department of Finance
yulkal34@mail.ru

FOREIGN CREDIT POLICY OF RUSSIA IN THE NEW GEO-ECONOMIC CONDITIONS

Annotation. This article clarifies the theoretical aspects of foreign credit policy, and also analyzes its current state in the new geo-economic conditions. At present, the role of international credit is increasing in comparison with other forms of international capital flow as a form of coping with the risks of the global financial market based on strengthening the connection with reproduction processes, which makes this research topic even more relevant. Modern global challenges are transforming international credit relations, which affects the need to take into account and develop the geopolitical ambitions of national capital.

Keywords: new geo-economic conditions, foreign credit policy, geopolitical ambitions.

настоящее время также наблюдается деформация воспроизводственного процесса, заключающаяся в отставании реального сектора от финансового, что связано с бурным развитием финансовых технологий, появлением новых финансовых инструментов путем финансового инжиниринга, нарастанием операций с фиктивным капиталом. В условиях глобализации мировой экономики усиливается интернационализация процесса воспроизводства, что приводит к увеличению масштаба мировой торговли, международного движения капиталов и, вместе с тем, объемов кредитования. Темп роста мирового финансового рынка в несколько раз превышает темпы роста производства и внешней торговли. Одной из основных альтернатив кредиту на мировом рынке ссудных капиталов является привлечение финансирования путем приобретения долевых ценных бумаг, дающее, как правило, право участия в управлении, однако, не гарантирующее возврат денежных средств. Проанализировав структуру мирового финансового рынка, можно сделать вывод о том, что рынок долговых ценных бумаг превосходит по объему рынок долевых ценных бумаг на треть (в 2018 году более 102,8 трлн долл. США против 74,7 трлн долл. США). С точки зрения географического

распределения, преобладают развитые страны (США, страны ЕС, Япония), составляя 85 % на рынке облигаций и 76 % на рынке акций.

На международном рынке в зависимости от фазы экономического роста мы наблюдаем разницу в предпочтениях на рынке ссудного капитала между кредитом и долевыми инструментами. В кризисное нестабильное время экономические агенты проявляют интерес к более устойчивым и гарантирующим фиксированный доход инструментам. По данным БМР, мировой кредитный рынок и в 2020 году на фоне пандемии оказался намного более устойчивым по сравнению с рынком акций [2].

С точки зрения системной методологии, международный кредит вторичен по отношению к процессу общественного воспроизводства, но оказывает на него обратное влияние – позитивное или негативное.

Государственная внешняя кредитная политика представляет собой направление экономической политики государства, связанное с его деятельностью в качестве заемщика и кредитора на международном рынке в соответствии с текущими и стратегическими задачами социально-экономического развития страны и купирования внешних вызовов. Этим определяется необходимость ее ориентации на достижение внутреннего и внешнего экономического равновесия в целях реализации макроэкономической политики. Координация внешней кредитной политики заключается в формировании политики государственных заимствований, предоставления кредитов, установлении границ, выявления ключевых показателей, основных направлений.

Целью внешней кредитной политики как части внешней экономической политики является привлечение внешних ресурсов и размещение за рубежом финансовых активов в целях достижения устойчивого экономического роста и экспансии на международные рынки, а также, обеспечения финансовой стабильности на национальном рынке. Реализация координационных мер требует системного подхода со стороны государства и определяет многосторонний характер. Регулирование международного кредитного рынка представляет собой совокупность корректирующих механизмов в отношении участников рынка с целью поддержания их интересов, обеспечения развития МКО в соответствии с приоритетными направлениями.

Исходя из этого, регулирование международных кредитных отношений представляет собой совокупность рыночных и государственных методов воздействия на деятельность страны как международного заемщика и кредитора. Таким образом, происходит постепенный сдвиг от либерального подхода к регулированию рынка к смешанному с необходимым участием административных механизмов. Государственное регулирование внешних кредитных отношений осуществляется косвенными (нормы резервирования, субсидирование, изменение ставки рефинансирования) и прямыми методами (лицензирование профессиональной деятельности, нормативно-правовые ограничения, контроль предприятий путем выкупа доли).

Россия, будучи интегрированной в глобальные процессы реформирования принципов регулирования и надзора, ощущает усиление зависимости от внешних факторов. Последнее десятилетие демонстрирует существенный рост зависимости экономики России от мирохозяйственных процессов. По отдельным показателям международной финансовой деятельности, предоставляемым Всемирным банком, характеризующим вовлеченность России в глобальную финансовую систему, можно отметить рост в 2–3 раза по сравнению с началом 2000-х годов (активное усиление трансграничной деятельности российских банков, наращивание объемов эмиссии долговых ценных бумаг). Усиление турбулентности на мировых финансовых рынках выражается, прежде всего, в ухудшении условий рефинансирования для корпоративного сектора, а в некоторых случаях – и в ограничении доступа на международные рынки капитала, что в долгосрочной перспективе неизбежно отразится на инвестиционной и потребительской активности. Наглядным тому примером служит введение экономических санкций США и Евросоюза по отношению к России, а именно – второй этап (июль 2014 г.), ограничивающий доступ к глобальным финансовым рынкам крупнейшим российским компаниям и государственным банкам. Данные меры существенно сократили объемы заимствований российских компаний в форме долгового долгосрочного финансирования, что повысило стоимость внешних заимствований и усилило отток иностранных инвестиций. Период действия антироссийских санкций значительно сократил объем требований. Наибольшее снижение прослеживается у банков резидентов США почти вдвое с 31,1 до 16,5 млрд долл. США, Нидерландов – на 41 % с 18,7 до 11,0 млрд долл. США, Великобритании – на 38 % с 17,8 до 10,7 млрд долл. США [3]. В тот момент, когда санкции фактически изолировали российский финансовый рынок, закрыв возможность внешнего фондирования, российская экономика столкнулась с целым рядом значительных финансовых проблем. Однако взаимосвязь национальной и глобальной финансовой систем носила преимущественно односторонний характер импорта капитала. Внутренний рынок являлся площадкой для притока иностранных инвестиций, главным образом по линии корпоративных заимствований. В структуре международных финансовых потоков также виден постепенный сдвиг в сторону портфельных вложений, сократив степень участия в капитале. Таким образом, финансовые связи расширяются намного более быстрыми темпами, чем торговые, что характеризует отрыв финансовой системы от воспроизводственной основы, и представляет глобальный вызов деформации процесса общественного воспроизводства [4].

Другим вызовом является изменение модели регулирования мировой экономики. После цепочки экономических кризисов последнего десятилетия 20 века, особенно Азиатского финансового кризиса 1997–1998-х гг., вопрос встал о необходимости смены либеральной, саморегулирующейся модели, которая не справлялась с обеспечением устойчивого развития мировой экономической системы. В условиях изменившегося политического взаимодействия необходимо было разработать

новые реформы международного экономического порядка и создать новую модель управления глобальной экономикой. Начавшийся с финансовой сферы глобальный экономический кризис 2008 г., затем перекинувшийся на реальный сектор, вновь обратил внимание общественности на проблему модернизации существующих и создания новых регуляторных механизмов мировой экономики. В этой связи, особую популярность приобрела концепция более активного государственного вмешательства в экономические дела, как на национальном, так и на глобальном уровне. Таким образом, в целях устойчивого функционирования мировой экономики возникает необходимость сочетания государственного и частного регулирования, сочетая принципы относительного либерализма с кейнсианскими рекомендациями по усилению надзорной функции, регулирования и контроля международных кредитных отношений, что позволяет использовать все преимущества открытых рынков, но, то же время, и отстаивать национальные интересы различных отраслей.

Кроме того, в настоящее время мы наблюдаем активное развитие финансовых технологий. Динамичное развитие трансграничного P2P потребительского кредитования, P2P бизнес-кредитования, краудфандинговых площадок требует к себе особого внимания со стороны регулятора. По расчетам аналитиков группы BSG, рынок цифрового кредитования достигнет емкости 30 млрд долл. США к 2025 году. Это необходимо учитывать при разработке системного подхода к совершенствованию внешней кредитной политики, в

Литература:

1. Международные валютно-кредитные отношения : учебник для вузов / Авт. колл.; Под ред. Л.Н. Красавиной. М. : ЮРАЙТ, 2015.
2. BIS Quarterly Review, March 2020. URL : https://www.bis.org/publ/qtrpdf/r_qt2003.pdf (access date: 26/07/2020).
3. Официальный сайт Федеральной Службы Государственной Статистики. URL : <https://www.gks.ru/> (дата обращения 11/08/2020).
4. Всемирный Банк (World Development Indicators) Policies. URL : <https://databank.worldbank.org/source/world-development-indicators>
5. *Калинская Ю.С.* Новый взгляд на эволюцию международных кредитных отношений России: теория и практика // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. 2020. № 8.

том числе, путем повышения гибкости и адаптивности регулирования.

Учитывая исторический опыт внешней кредитной политики на протяжении последних 30 лет, а также, современные геэкономические условия, отмечается необходимость функционального расширения мер влияния на внешнюю кредитную политику России [5]. Представляется целесообразным прогнозирование внешнего долга и предоставления кредитов в соответствии с целевой мотивацией модернизации экономики и критериями их эффективности. Так, выпуск государственных и корпоративных ценных бумаг, в том числе, еврооблигаций, должен иметь целевой характер, осуществляться под реализацию конкретных программ, а не за счет покрытия совокупного дефицита. Также, возникает необходимость контроля объема и структуры внешних корпоративных заимствований и долговых требований корпоративным сектором в соответствии с экономическими показателями деятельности компании. Однако прямые административные методы регулирования должны применяться только в том случае, если экономические и альтернативные методы показали свою неэффективность на данном промежутке времени. В рамках регулирования внешних заимствований и внешних финансовых активов необходимо учитывать систему макропруденциального регулирования, устанавливая более высокие стандарты для системно-значимых институтов, рынков и инструментов, что могло бы сгладить негативное влияние внешних шоков.

Literature:

1. International monetary and credit relations: textbook for universities / Ed. call ed. L.N. Krasavina. M. : YURAYT, 2015.
2. BIS Quarterly Review, March 2020. URL : https://www.bis.org/publ/qtrpdf/r_qt2003.pdf (access date 26/07/2020).
3. The official website of the Federal State Statistics Service. URL : <https://www.gks.ru/> (date accessed 11/08/2020).
4. World Bank (World Development Indicators) Policies. URL : <https://databank.worldbank.org/source/world-development-indicators>
5. *Kalinskaya Yu.S.* A new look at the evolution of international credit relations in Russia: theory and practice // Humanities, socio-economic and social sciences. 2020. № 8.

Кирсанов Иван Андреевич
аспирант 3 года обучения,
ассистент кафедры финансов и кредита,
Ярославский государственный
университет имени П.Г. Демидова
kirsanov.ivan@rambler.ru

Парфенова Людмила Борисовна
доктор экономических наук,
профессор,
декан экономического факультета,
заведующий кафедрой
финансов и кредита,
Ярославский государственный
университет имени П.Г. Демидова
mila.pparfenova.2020@mail.ru

НАПРАВЛЕНИЯ СТАТИСТИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ ФИНАНСОВОГО СОСТОЯНИЯ ДОМАШНИХ ХОЗЯЙСТВ РФ

Аннотация. В кризисные периоды особенно важным становится предоставление государственным органам власти статистической информации для принятия оперативных решений. Кризис, вызванный распространением коронавирусной инфекции, показал неподготовленность системы обследования домашних хозяйств к решению подобных задач. В связи с этим, целью данной работы стало изучение особенности организации обследования бюджетов домашних хозяйств в РФ, ее недостатков и предложение путей модернизации.

В статье раскрываются современные вызовы, стоящие перед системой обследования домашних хозяйств. В статье анализируются два направления исследований бюджетов домашних хозяйств – баланс денежных доходов и расходов (БДДРН) и обследование бюджетов домашних хозяйств (ОБДХ). В статье раскрываются специфика каждого из данных видов. Авторами предложены варианты модернизации БДДРН через детализированное выделение отношений домашних хозяйств с каждым элементом финансовой системы. Особое внимание уделено характеристике ОБДХ, проблемам и возможным направлениям модернизации. Ключевым организационным блоком проблем является отсутствие современного комплекса программ для автоматизации сбора и обработки первичной информации. Именно с цифровизацией ОБДХ связано решение и других проблем.

Ключевые слова: домашние хозяйства, баланс денежных доходов и расходов, выборочной обследование бюджетов домашних хозяйств, государственная статистика.

Ivan A. Kirsanov
Postgraduate student of 3 years of study,
Assistant of the Department
of Finance and Credit,
Yaroslavl State University
named after P.G. Demidova
kirsanov.ivan@rambler.ru

Lyudmila B. Parfyonova
Doctor of Economic Sciences,
Professor,
Dean of the Faculty of Economics,
Head of the Department Finance and Credit,
Yaroslavl State University
named after P.G. Demidova
mila.pparfenova.2020@mail.ru

FINANCIAL STATISTIC DIRECTIONS OF HOUSEHOLDS IN THE RUSSIAN FEDERATION

Annotation. In times of crisis, it becomes especially important to provide state authorities with statistical information for making operational decisions. This coronavirus crisis showed that the household survey system was unprepared for solving such problems. Therefore, the purpose of this work was to study the features of household budgets survey in Russian, problems, ways of modernization.

The article reveals the modern challenges facing the household survey system. The article gives a detailed analysis of two areas of research on household budgets - the balance of cash income and expenditure and the survey of household budgets. The article reveals the specifics of each of these types. The authors propose option of modernizing the balance of income and expenditure of household budgets through a detailed identification of the household's relations with each element of the financial system. Special attention is paid to the characteristics of the survey of household budgets, problems and possible directions of modernization. The key problem is the low level of digitalization and automation in the collection and processing of primary information. The author comes to the conclusion that deep digitalization will be able to solve most of the problems of the household budget survey system.

Keywords: households, balance of income and expenditure, sample survey of household budgets, government statistics.

В 2020 году экономику Российской Федерации потрясли кризисные события, связанные с карантином из-за коронавируса COVID-19. Усугубили ситуацию падение цен на нефть и рост курса доллара по отношению к рублю. Ограничение деловой активности и передвижения сильно отличали этот кризис от предыдущих, проходивших примерно по одному сценарию (проблемы в мировой экономике – влияние на Российскую Федерацию – адаптация). В подобных условиях неопределенности граждане могут с повышенной вероятностью отклоняться от рациональной модели экономического поведения. Это значительно усложняет государственный контроль и помощь домашним хозяйствам страны¹.

Проявилась эта проблема в острый период карантина, в апреле-мае 2020 года, когда было необходимо быстро оценивать изменение финансового состояния домашних хозяйств для предоставления адресной поддержки. Существующая система государственной статистики в сфере домашних хозяйств не смогла предоставить оперативных данных, прежде всего региональным властям, для решения данной задачи.

Можно выделить следующие вызовы, которые стоят перед современной системой обследования бюджетов домашних хозяйств:

1. Цифровизация экономики. Количество потребителей цифровых товаров и услуг в мире ежегодно растет на 5–7 % и уже в 2020-ом году преодолеет 2 млрд человек. Цифровые сервисы пронизывают все аспекты повседневной жизни современного человека. Для статистики это означает, что необходимо разрабатывать новые подходы к объективному учету и сопоставлению цифровых товаров и услуг [9].

2. Трансграничный характер экономических связей. Эта особенность связана с предыдущей, т.к. в современной цифровой экономике практически стираются границы между странами, местами

производства и потребления цифровых товаров и услуг.

3. Главенствующая роль финансовых отношений. Хозяйственная деятельность большей части домашних хозяйств связана с финансовыми отношениями – кредиты, инвестиции, страхование и др.

4. Новые тренды потребительского поведения. Домашние хозяйства все больше ориентируются на удовлетворение сложных, более высоких по сравнению с базовыми, потребностей. Такими трендами является экологизация, эстетизация, увеличение значимости эмоционального подтекста потребления и др.

Описанные выше вызовы позволяют сделать следующий вывод: в последние годы быстро и кардинальным образом изменилась структура экономики, практические потребности общества в статистической информации. Поэтому система статистических показателей должна следовать новым трендам, адаптироваться к ним.

В связи с этим, цель данной работы – изучить особенности организации обследования бюджетов домашних хозяйств в РФ, выявить ее недостатки и предложить пути модернизации.

Приведенные в статье данные, касающиеся обследования бюджетов домашних хозяйств, в т.ч. основываются на итогах прохождения Кирсановым И.А. практики в отделе обследования домашних хозяйств территориального органа Федеральной службы государственной статистики по Ярославской области.

В Российской Федерации ключевыми источниками информации, характеризующими бюджеты домашних хозяйств, являются баланс денежных доходов расходов населения (БДДРН) и выборочные обследования бюджетов домашних хозяйств (ОБДХ) (рис. 1).

Таблица 1

Специфика баланс денежных доходов расходов населения (БДДРН) и выборочные обследования бюджетов домашних хозяйств (ОБДХ), [1, с. 38–39; 3, с. 74–75]

БДДРН	ОБДХ
Основа – документы статистической отчетности	Основывается на специальных опросах населения
Определяются доходы и расходы населения, в т.ч. косвенным путем скрытые доходы	Является статистической базой для расчета индекса потребительских цен, величины прожиточного минимума
Учитывается структура доходов, расходов, сбережений для всех групп населения	Сочетание стандартных статистических форм и интервьюирования респондентов
Составляется до отдельных территорий	Возможность получения дифференцированных данных о состоянии бюджетов домашних хозяйств
Оценка всех поступлений в денежной форме	Основа для составления счетов сектора домашних хозяйств в системе национальных счетов

Баланса денежных доходов и расходов населения рассматривается с нескольких позиций: с одной стороны как макроэкономический показатель, который отражает наличное денежное обращение населения и часть валового национального дохода (является промежуточным этапом для построения системы макроэкономических показателей); с

другой стороны, на микроуровне, данные баланса используются в качестве оценки объема и структуры денежных доходов, расходов и сбережений средне-статистического жителя конкретной территории.

Первичный источник данных для построения БДДРН выступают материалы ОБДХ. Помимо

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 19-310-90055.

этого, проводятся исследования дифференциации работающих граждан по величине заработной платы [4, с. 103–104].

Баланса денежных доходов и расходов населения можно представить в следующей форме (табл. 1).

Таблица 1

Показатели баланса денежных доходов и расходов населения, [4, с. 103; 8]

Доходы	Денежные расходы и сбережения
I. Доходы от предпринимательской деятельности	I. Покупка товаров и оплата услуг, в том числе: 1) покупка товаров; 2) оплата услуг, в том числе: 2.1) оплата жилья и коммунальных услуг; 2.2) оплата бытовых услуг; и др. 3) платежи за товары (работы, услуги) с использованием банковских карт.
II. Оплата труда наемных работников	II. Обязательные платежи и разнообразные взносы, в том числе: 1) налоги и сборы; 2) платежи по страхованию; 3) проценты, уплаченные за предоставленные кредиты; 4) страховые взносы в пенсионные фонды; и др.
III. Доходы наемных работников от предприятий и организаций, кроме оплаты труда	III. Сбережения во вкладах и ценных бумагах, в том числе: 1) прирост (уменьшение) вкладов в коммерческих банках; 2) прирост средств физических лиц на карточных счетах; 3) приобретение государственных и других ценных бумаг, изменение их стоимости
IV. Социальные трансферты, в том числе: 1) пенсии; 2) пособия и социальная помощь; 3) стипендии; 4) страховые возмещения; 5) возмещения расходов инвалидам; и др.	IV. Расходы на покупку недвижимости
V. Доходы от собственности, в том числе: 1) дивиденды; 2) проценты по депозитам; 3) выплата доходов по государственным и другим ценным бумагам; 4) доходы от продажи недвижимости; 5) единовременная выплата отдельным категориям граждан; 6) и др.	V. Приобретение иностранной валюты
VI. Доходы от продажи иностранной валюты	VI. Изменение средств на счетах индивидуальных предпринимателей
VII. Прочие доходы (от сдачи черных и цветных металлов)	VII. Изменение задолженности по кредитам
VIII. Деньги, полученные по переводам	VIII. Деньги, отосланные по переводам
IX. Другие доходы	IX. Покупка населением скота и птицы
Всего денежных доходов	Всего денежных расходов и сбережений
Превышение расходов над доходами	Превышение доходов над расходами
Баланс	Баланс

Баланс денежных доходов и расходов населения дает высокую степень абстракции и крайне важен для целей макроэкономического прогнозирования и управления экономикой страны. Однако, ученые выделяют ряд недостатков БДДРН.

Так, Елисеева И.И. выделяет следующие недостатки БДДРН: 1) данные достоверны, только если не искажаются первичные документы; 2) информация о теневых доходах населения является условной; 3) невозможно оценить дифференциацию населения по расходам, доходам и сбережениям; 4) не учитывается территориальное движение денежных средств; 5) не учитываются натуральные поступления [3, с. 74].

Анкудинова А.П. отмечает следующие недостатки: 1) расчет показателей БДДРН регламентируется набором федерального законода-

тельства и специальной методикой, при этом большинство из них не соответствуют современным социально-экономическим условиям; 2) неясный характер отнесения социальных трансфертов, доходов от имущества, дивидендов и др. статей к группам показателей; 3) представлены устаревшие статьи доходов и расходов; 4) узкое рассмотрение взносов за ЖКХ, обязательных платежей, сбережений и покупки недвижимости [2, с. 68–70].

По нашему мнению, ключевая проблема БДДРН состоит в дроблении финансовых отношений и отдельное выделение взаимоотношений с финансовой системой. Более логично выстроить показатели как потоки денежных средств между домашними хозяйствами и другими элементами финансовой системы – домашними хозяйствами и банками, страховыми компаниями, коммер-

ческими и некоммерческими организациями и др. (табл. 1).

Такой подход не будет нарушать логику дальнейшего построения системы статистических

показателей, сделает баланс более наглядным и ярко выделит зоны ответственности для других государственных ведомств. Однако, в таком случае баланс будет более объемным, чем сейчас из-за высокой степени детализации.

Таблица 1

Пример представления БДДРН с позиции взаимодействия с элементами финансовой системы страны

Доходы	Расходы
Консолидированный бюджет РФ (кроме внебюджетных фондов)	
Выплаты из бюджетов различных уровней бюджетной системы РФ	Налоги, пошлины, сборы и др. обязательные платежи в бюджеты различных уровней
Внебюджетные фонды	
Выплаты из ПФ РФ, ФСС РФ, ФФОМС РФ	Обязательные и добровольные взносы в фонды
Выплаты негосударственных пенсионных фондов	Добровольные взносы граждан в негосударственные пенсионные фонды
Рынок ценных бумаг	
Дивиденды, проценты по корпоративным облигациям, положительный результат от инвестирования и др.	Затраты на приобретение акций, корпоративных облигаций, отрицательный результат от инвестирования и др.
Купонные выплаты по государственным облигациям	Затраты на инвестирования в государственный долг
.....	

Далее перейдем к рассмотрению ОБДХ.

Выборочное обследование бюджетов домашних хозяйств проводить на добровольной основе во всех регионах Российской Федерации. Ежеквартально в нем принимают участие более 45 тыс. домашних хозяйств (около 2/3 – городское население, 1/3 – сельское). При этом, объемы выборки почти не изменился за последние 30 лет [3, с. 75; 5, с. 21; 6, с. 131].

На данный момент в Росстате обследование домашних хозяйств проводятся в нескольких формах:

1. В течение двух недель каждое домашние хозяйство ведет дневник, в который участники опроса должны самостоятельно записывать все ежедневные денежные расходы.
2. Помимо этого, домашние хозяйства ведут журнальные записи, в которых отражаются все денежные расходы, кроме средств потраченных на продукты питания, алкоголь и табак.
3. В конце квартала проводится опрос, затрагивающий демографические характеристики, социальное положение граждан, доступ к социальной защите.
4. В завершении года проводится опрос, который включает данные об уровне образования, жилищных условиях, наличии предметов длительного пользования, заготовках и подсобном хозяйстве. Кроме этого, домашние хозяйства записывают данные о запасах для учета в следующих периодах.

Для этого используются следующие бланки:

1. Дневник учета ежедневных расходов домашнего хозяйства.
2. Журнал учета домашним хозяйством покупок непродовольственных товаров и полученных услуг.

3. Опросный лист обследования бюджетов домашних хозяйств.

Обследование основывается на непосредственном опросе (интервьюировании) членов домашних хозяйств и ведении в домашнем хозяйстве записей о текущих расходах на потребление.

Учетный период обследования отдельно взятого домашнего хозяйства охватывает квартал. В течение трех месяцев установлены дифференцированные в зависимости от состава показателей процедуры сбора данных.

Каждое из обследуемых домашних хозяйств дважды в течение квартала (2 раза по одной неделе) ведет дневниковые записи, которые представляют собой подробный учет денежных средств, затраченных на покупку продуктов питания, непродовольственных товаров и оплату услуг. В дневниковых записях также фиксируется количество потребленных продуктов питания без оплаты (за счет поступлений продукции собственного производства, подарков, безвозмездной помощи из других источников) и количество продуктов питания, оплаченных, но не предназначенных для потребления членами домашнего хозяйства. Дополнительно в дневниковых записях ежедневно фиксируются расходы на питание вне дома (рестораны, кафе, столовые, уличные киоски и т.д.).

В промежутке между двумя дневниковыми обследованиями домашнее хозяйство ведет журнальные записи, которые представляют собой учет покупок непродовольственных товаров и средств, затраченных на оплату услуг. По окончании каждого месяца квартала с целью сбора дневниковых и журнальных записей посещаются все домашние хозяйства, подлежащие обследованию. При этом проводится промежуточный (месячный) опрос по программе опросного листа по обследованию бюджетов домашних хозяйств.

По окончании квартала осуществляется опрос всех домашних хозяйств, подлежащих

обследованию, по программе ежеквартального опроса.

По завершению годового цикла обследования проводится годовой опрос домашних хозяйств. Программа годового опроса включает в себя сбор данных о жилищных условиях домашних хозяйств, наличии в домашних хозяйствах предметов длительного пользования, обороте скота в личных подсобных хозяйствах, уровне образования членов домашних хозяйств [6, с. 135–137].

Процедура сбора данных по дневниковым и журнальным обследованиям организуется на принципах ротации домашних хозяйств в пределах одного участка наблюдения.

В этих целях совокупность домашних хозяйств, обследуемых каждым интервьюером, подразделяется на три ротационные подгруппы, группировочным признаком для формирования которых служит размер домашнего хозяйства.

Процедура обследования должна обеспечить порядок, в соответствии с которым каждая из групп домашних хозяйств в течение месяца должна попадать под разные типы сбора данных: ведение недельных дневниковых записей, 2–3-недельных и месячных журнальных записей [7].

Исправление и дополнение дневниковых и журнальных записей может производиться интервьюером при посещении им домашнего хозяйства только с согласия обследуемых.

Далее рассмотрим ключевые проблемы, пути их решения и возможные варианты модернизации ОБДХ.

1. Использование бумажных носителей для сбора данных и низкий уровень автоматизации. Домашним хозяйствам выдаются бумажные журналы, которые заполняются от руки. Заполненные журналы работники Росстата должны просмотреть и перенести данные в специальную программу. Кроме этого, необходимо для различных видов товаров и услуг выполнить проверку шифров. Конечно же, в процессе переноса данных возникают неточности из-за неаккуратного заполнения респондентами журналов: непонимание подчерка, исправления, ошибки в расчетах и др. Все это усложняет работу сотрудникам Росстата и требует значительного усилий для обработки [1, с. 43].

Безусловно, необходимо стараться переходить на электронный вариант заполнения этих журналов с помощью специального приложения для мобильных устройств. Однако, значительная часть респондентов – это пенсионеры, которым будет тяжело заполнять журналы в электронном виде.

Вопрос автоматизации сбора данных также, по нашему мнению, является важным для модернизации ОБДХ. Респонденты далеко не всегда заполняют журналы в день покупки, поэтому просто забывают о некоторых из приобретенных товаров и услугах или же заносят их неточно.

Решением этой проблемы может быть система распознавания бумажных чеков или же учета электронных, сканируя которые (QR-код) можно автоматически заносить данные обо всех товарах и услугах. Такой способ использует исследовательский холдинг Romir для составления потребительской панели.

2. Методология учета расходов домашних хозяйств не соответствует современным потребностям. Важно отметить, что журналы для городского и сельского населения не отличаются. Однако, в них значительное внимание уделяется получению благ в натуральной форме (сбор сельскохозяйственных товаров, дров, ягод и др.). По нашему мнению, разделение видов журналов вполне целесообразно и может предоставлять более объективные данные. Здесь важно отметить, что сотрудники отдела обследований бюджетов домашних хозяйств (где Кирсанов И.А. проходил стажировку) не согласны с такой позицией и считают унификацию журналов преимуществом.

Другой проблемой, по нашему мнению, является слишком пристальное внимание к социальным выплатам, трансфертам, полученным домашним хозяйствам за отчетный период. Не вполне понятна логика сбора этих данных, т.к. государственные органы власти имеют полную информацию о величине выплаченных населению трансфертов. Кроме этого, журналы составляются по расходам и выделение одного вида специфических доходов в них не логично. По нашему мнению, от этого блока данных можно отказаться и получать информацию о других органах власти.

Следующая проблема связана именно с базой исследования – это изучение расходов домашних хозяйств и почти полное игнорирование доходов. Решить ее пытались не раз, Росстат пытался проводить пробные исследования доходов домашних хозяйств, но результаты были неудовлетворительными. Респонденты отказываются разглашать информацию о своих доходах, даже если они полностью легальны. К сожалению, пока нет действительно удачных способов проведения исследований доходов домашних хозяйств. Поэтому, для этих целей используется описанный выше макроэкономический способ – БДДРН.

3. В ОБДХ отсутствует блок информации, характеризующий финансовое положение, сбережения, инвестиции. Повседневная жизнь современных людей неразрывно связана с финансовыми операциями различного рода – потребительские кредиты, ипотека, страхование, инвестиции в ценные бумаги и др. Данная информация не находит должного отражения в ОБДХ, хотя она могла бы дать лучшее понимание расходов домашних хозяйств по другим направлениям. Более того, для целей исследования важно получать не только информацию об абсолютной величине затрат на финансовую деятельность, но и качественную оценку самих членов домашнего хозяйства своего положения (например, оценка благоприятности инвестиций или получения кредита и др.).

4. В ОБДХ не исследуется уровень финансовой грамотности и потребительские ожидания домашних хозяйств. Финансовая грамотность – это не самый актуальный вопрос для ОБДХ, однако он может выступать в роли дополнительного блока информации, на основе которого можно классифицировать домашние хозяйства в выборке.

По нашему мнению, более важной задачей является включение в журналы раздела вопросов, касающихся потребительского настроения домашних хозяйств. Росстат проводит раз в квартал специальные исследования потребительских настроений. Комбинация этих исследований выглядит вполне логичным вариантом развития.

5. Вопросы репрезентативности выборки. Как уже отмечалось ранее, в ОБДХ принимают участие более 45 тыс. домашних хозяйств, из которых порядка 30 % – это пенсионеры (по данным первичных документов и утверждению работников Росстата). Для них ОБДХ выступает вариантом социальной коммуникации. Однако, в связи с этим возникает вопрос репрезентативности выборки, т.к. данная группа граждан имеет иные потребности, сильно отличающиеся, например, от молодой семьи с детьми.

Кроме этого, возникают вопросы к численности домашних хозяйств – обычно это не более 500 на субъект РФ.

По нашему мнению, для модернизации ОБДХ в этой части нужно привлекать к исследованию молодых людей, а для этого нужно решить первую проблему, связанную с переходом на цифровой сбор данных. Наличие удобных инструментов сбора данных привлечет новых участников ОБДХ и позволит увеличить выборку.

6. Временной лаг между проведенным исследованием и представлением данных. Большая часть данных, касающаяся бюджетов домашних хозяйств, публикуется ежеквартально. Такая периодичность выхода данных не может

обеспечить реализацию мер оперативной помощи населению.

Решением этой проблемы, опять же, может стать автоматизация и цифровизация процесса сбора информации. Это позволит экономить время на обработке информации и начать создание системы непрерывного анализа бюджетов домашних хозяйств.

7. Отсутствие связи и обмена с данными других ведомств. При обследовании бюджетов домашних хозяйств не используется информация других ведомств. Проверка и сопоставление данных также не проводится. Подобное взаимодействие могло бы сделать итоги ОБДХ более достоверными и в том числе, представить информацию о доверии домашних хозяйств государственным органам власти.

В заключении хотелось бы сделать вывод, что система официальной статистики домашних хозяйств в РФ является мощным инструментом получения информации для целей стратегического государственного управления. Однако, итоги составления БДДРН и проведения ОБДХ не смогли дать региональным властям оперативную информацию для помощи населению в острой фазе коронавирусного кризиса. Ключевыми проблемами стали макроэкономический характер данных БДДРН, тогда как нужна была информация для адресной помощи, и относительно редкая (раз в квартал) публикация итогов ОБДХ.

Безусловно, БДДРН и ОБДХ имеют целый ряд недостатков и, по нашему мнению, их можно модернизировать в различных направлениях. Однако, нужно проводить любые изменения предельно аккуратно, высоко и справедливо оценивая потенциал существующей системы, т.к. описанные выше варианты (автоматизация и цифровизация) требуют слишком масштабных изменений. Целесообразно выработать долгосрочную программу развития обследования бюджетов домашних хозяйств и начать с относительно простых мероприятий, связанных с модернизацией журналов ОБДХ.

Литература:

1. Айчепшева Р.П. Проблемы обследования бюджетов домашних хозяйств: региональный опыт // Вопросы статистики. 2019. № 26(10). С. 37–45.
2. Анкудинова А.П. Совершенствование Методики расчета Баланса денежных доходов и расходов населения в России // Управленец. 2013. № 6 (46). С. 64–72/
3. Елисеева И.И. Что происходит с российской государственной статистикой? // Экономическое возрождение России. 2019. № 2(60). С. 69–80.
4. Подвербных О.Е. Денежные доходы и расходы населения муниципальных образований: концепция составления и использования баланса / О.Е. Подвербных, И.А. Межова, Е.В. Шилова //

Literature:

1. Aichepsheva R.P. Problems of household budget survey: regional experience // Statistics. 2019. № 26 (10). P. 37–45.
2. Ankudinova A.P. Improving the methodology for calculating the balance of cash incomes and expenditures of the population in Russia // Manager. 2013. № 6(46). P. 64–72/
3. Eliseeva I.I. What is happening with Russian government statistics? // Economic revival of Russia. 2019. № 2(60). P. 69–80.
4. Podverbnykh O.E. Monetary incomes and expenditures of the population of municipalities: the concept of drawing up and using the balance / O.E. Podverbnykh, I.A. Mezхова, E.V. Shilova //

Вестник Томского государственного университета. Экономика. 2019. № 45. С. 101–119.

5. *Тельнова Н.* Статистическое наблюдение при обследовании бюджетов домашних хозяйств // Экономика сельского хозяйства России. 2004. № 9. С. 21.

6. *Элефтеров Д.П.* Обследование бюджетов домашних хозяйств в Российской Федерации // Социальная политика и социология. 2010. № 4(58). С. 130–144.

7. Организационные и методологические положения по обследованию домашних хозяйств // Федеральная служба государственной статистики. – URL : https://rosstat.gov.ru/bgd/free/B99_10/lsswww.exe/Stg/d000/i000180r.htm (дата обращения 24.08.2020).

8. Официальная статистика населения, уровень жизни // Федеральная служба государственной статистики. URL : <https://rosstat.gov.ru/folder/13397> (дата обращения 24.08.2020)

9. *Clement J.* Number of digital buyers worldwide from 2014 to 2021 // Statista. 2019. URL : <https://www.statista.com/statistics/251666/number-of-digital-buyers-worldwide/> (date of the application 24.08.2020).

Bulletin of the Tomsk State University. Economy. 2019. № 45. P. 101–119.

5. *Telnova N.* Statistical observation in the survey of household budgets // Economy of agriculture in Russia. 2004. № 9. P. 21.

6. *Elefterov D.P.* Survey of household budgets in the Russian Federation // Social policy and sociology. - 2010. № 4(58). P. 130–144

7. Organizational and methodological provisions for the survey of households // Federal State Statistics Service. URL : https://rosstat.gov.ru/bgd/free/B99_10/lssWWW.exe/Stg/d000/i000180r.htm (date of the application 08/24/2020).

8. Official statistics of the population, living standards // Federal State Statistics Service. URL : <https://rosstat.gov.ru/folder/13397> (date of treatment 08/24/2020).

9. *Clement J.* Number of digital buyers worldwide from 2014 to 2021 // Statista. 2019. URL : <https://www.statista.com/statistics/251666/number-of-digital-buyers-worldwide/> (date of the application 24.08.2020).

Коновалова Татьяна Вячеславовна

кандидат экономических наук,
заведующая кафедрой организации
перевозок и дорожного движения,
Кубанский государственный
технологический университет
sofi008008@yandex.ru

Надирян София Леоновна

старший преподаватель
кафедры организации перевозок
и дорожного движения,
Кубанский государственный
технологический университет
sofi008008@yandex.ru

Миронова Мария Петровна

ассистент кафедры организации
перевозок и дорожного движения,
Кубанский государственный
технологический университет
sofi008008@yandex.ru

**СОВЕРШЕНСТВОВАНИЕ
МЕТОДОВ ОПТИМИЗАЦИИ
ТРАНСПОРТНО-ЛОГИСТИЧЕСКИХ
ИЗДЕРЖЕК В ТОРГОВО-
ТРАНСПОРТНО-ЛОГИСТИЧЕСКИХ
СИСТЕМАХ**

Аннотация. Торгово-транспортно-логистический комплекс Краснодарского края обеспечивает реализацию внешнеполитических и экономических интересов региона и Российской Федерации. По обороту розничной торговли край занимает первое место в ЮФО и третье в стране. В данной статье авторами рассмотрены вопросы совершенствования методов оптимизации транспортно-логистических издержек в торгово-транспортно-логистических системах. Торгово-транспортно-логистический комплекс Краснодарского края обеспечивает реализацию внешнеполитических и экономических интересов региона и Российской Федерации.

Ключевые слова: логистика, кластеры, логистические издержки, транспортно-логистическая система, груз, пассажиры, транспорт.

Торгово-транспортно-логистический комплекс Краснодарского края обеспечивает реализацию внешнеполитических и экономических интересов региона и Российской Федерации. По обороту розничной торговли край занимает первое

Tatyana V. Konovalova

Candidate of Economic Sciences,
Head of the Department of Organization
Transportation and Road Traffic,
Kuban State University of Technology
sofi008008@yandex.ru

Sofia L. Nadiryan

Senior lecturer of the Department
of Transportation Organization
and Road Traffic,
Kuban State University of Technology
sofi008008@yandex.ru

Mariya P. Petrovna

Assistant of the Department
of Organization Transportation
and Road Traffic,
Kuban State University of Technology
sofi008008@yandex.ru

**IMPROVING METHODS
FOR OPTIMIZING TRANSPORT
AND LOGISTICS COSTS IN TRADE,
TRANSPORT AND LOGISTICS SYSTEMS**

Annotation. The Krasnodar Region's trade and transport and logistics complex ensures the realization of the foreign and economic interests of the region and the Russian Federation. In retail turnover, the region occupies the first place in the SFO and the third in the country. In this article, the authors consider the issues of improving methods for optimizing transport and logistics costs in trade, transport and logistics systems. The trade, transport and logistics complex of the Krasnodar territory ensures the implementation of the foreign policy and economic interests of the region and the Russian Federation.

Keywords: logistics, clusters, logistics costs, transport and logistics system, cargo, passengers, transport.

место в ЮФО и третье в стране. Стремительно развиваются крупные торговые сети краевого, федерального и даже мирового масштаба. Объектом исследования был выбран крупный сетевой торговый центр, расположенный в

г. Краснодаре. Оборот розничных торговых сетей превышает 20 процентов от общего объема оборота розничной торговли [1].

По объему выручки в Краснодарском крае лидирует торгово-транспортно-логистический комплекс (62,4 %), на втором месте – топливно-энергетический комплекс (14,7 %), на третьем – агропромышленный комплекс (9,9 %).

Наибольшую суммарную прибыль от продаж имеют также предприятия торгово-транспортно-логистического комплекса (164,9 млрд рублей), на втором месте – предприятия агропромышленного комплекса (56,2 млрд рублей), на третьем – предприятия топливно-энергетического комплекса (26,3 млрд рублей). Учитывая вышеизложенное, а также, исходя из анализа транспортно-логистической деятельности торговых организаций, целью исследования является совершенствование методов оптимизации транспортно-логистических издержек в торгово-транспортно-логистических системах.

Для достижения цели необходимо выполнить следующие задачи:

– дать характеристику предприятия;

– изучить логистическую систему предприятия;

– выявить проблемы в логистической системе, особенно влияющие на логистические издержки;

– предложить мероприятия по совершенствованию логистической деятельности для оптимизации логистических издержек.

Объект исследования – это мелкооптовый торговый центр, в котором есть отдел доставки «Депо», занимающийся приемом, обработкой, сборкой и доставкой заказов клиентам, которые зарегистрированы как юр. лица (ООО и ИП).

Предметом исследования является логистическая система данной организации и источники формирования издержек.

Торговый центр (ТЦ) имеет очень удобное расположение, так как доставка осуществляется не только по г. Краснодару, но и по всему краю (кроме черноморского побережья). Отдел доставки в ТЦ функционирует как отдельная организация, но тесно связанная и взаимодействующая с остальными отделами.

Рисунок 1 – Функциональная структура отдела Доставка

Клиент составляет заказ на отгрузку не позднее, чем за один день до доставки и размещает его на сайте через личный кабинет самостоятельно или через менеджера. Call-центр принимает и обрабатывает заказы, операторы ПК берут их в работу, приемщики-комплектовщики собирают заказы и отгружают их, а операторы занимаются выпуском путевой документации. Казалось бы, очень простая схема, но для того, чтобы она работала «правильно», необходимо соблюдать многие нюансы и работать над ошибками.

Для клиентов г. Краснодара минимальная сумма заказа составляет 8000 рублей, для иногородних клиентов минимальная сумма начинается от 10000 рублей до 100 км. Но если клиент

разместил заказ и уложился в минимальную сумму, то это не всегда значит, что заказ отгрузится полностью. Часть товара из заказа может просто отсутствовать в ТЦ или же иметь короткие сроки годности. Тогда часть прибыли будет утеряна и будет наблюдаться недовольство клиента. Обычно, чтобы избежать подобных ситуаций, менеджеры для своих клиентов осуществляют предзаказы. Тогда заказы отгружаются в полном объеме и в свежайшем виде.

Производительность всего отдела отображается через SL – Уровень сервиса. За основу берется общее количество позиций во всех заказах на определенный день и итоговое количество отобранных позиций. Идеальной нормой для отдела

доставки является 92 %, остальные 8 % даются для возвратов, если они есть. С помощью SL можно отследить, какие позиции не отгружены или отгружены не полностью, и, проанализировав ситуацию, можно пополнять стоки чаще или же заказывать в большем объеме товар для ТЦ.

Для того, чтобы сборка заказа осуществлялась быстро и качественно, в «Депо» есть собственный отдельный склад на территории ТЦ. Там находятся позиции, которые не относятся к скоропорту и ФРЕШ (приправы, консервы, макаронные изделия, вода, бытовая химия и пр). Благодаря своему складу, отдел доставки не опустошает полки в самом торговом зале, что экономит время работников зала, которые занимаются пополнение полок и стеллажей товаром. У каждого приемщика-комплектовщика есть сканнер, на который заливается заказ отдельного клиента. На нем можно сразу проверить стоки и узнать, где именно есть товар – на складе «Депо» или же придется идти в торговый зал, ведь стоки и ассортимент не идентичны в обоих местах. Это значительно экономит время комплектовщика, так как уже в первые минуты он сможет распланировать весь процесс сборки заказа [2].

Литература:

1. *Коновалова Т.В.* Основные направления оптимизации транспортно-логистических затрат предприятия торговли / Т.В. Коновалова, С.Л. Надирян // В сборнике: Научно-технические аспекты развития автотранспортного комплекса Материалы V международной научно-практической конференции. Горловка, 2019. С. 286–289.
2. *Коновалова Т.В.* Методы снижения транспортно-логистических затрат предприятия торговли / Т.В. Коновалова, С.Л. Надирян, М.А. Кузьмина // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. 2019. № 4. С. 217–220.

После сборки заказов товар консолидируется на зоне отгрузки. Она представляет собой погрузочные рампы с одной стороны и холодильные камеры для разных видов товаров с другой: камера глубокой заморозки, камера молочных изделий/деликатесов, камера рыбных изделий, камера мясо, камера птица и камера доставка, где может храниться уже собранный товар, требующий температурный режим. Удобное расположение значительно экономит время.

Диспетчер-логист по итогу, зная, каких клиентов запланировали отгрузить в конкретный день, планирует маршруты и заказывает транспорт, учитываются время приемки клиентов, расположение, подъезд к месту разгрузки, объем и вес заказов. В данном торговом центре доставка осуществляется за счет наемного транспорта. Используются рефрижераторы грузоподъемностью 1,5t, 3,5t, 5t и 10t. Для каждого транспорта определенной грузоподъемности своя тарифная ставка. И для того, чтобы окупить заказанный транспорт, процент транспортных расходов не должен превышать 3 %.

Literature:

1. *Konvalova T.V.* Main directions of optimization of transport and logistics costs of the trade enterprise / T.V. Konvalova, S.L. Nadiryan // In the collection: Scientific and technical aspects of the development of the transport complex Materials of the V international scientific and practical conference. Gorlovka, 2019. P. 286–289.
2. *Konvalova T.V.* Methods for reducing transport and logistics costs of a trade enterprise / T.V. Konvalova, S.L. Nadiryan, M.A. Kuzmina // Humanities, socio-economic and social Sciences. 2019. № 4. P. 217–220.

Мазин Георгий Евгеньевич
аспирант,
департамент корпоративных финансов
и корпоративного управления,
Финансовый университет
при Правительстве РФ
mail@georgymazin.ru

ВЫЯВЛЕНИЕ ПОТРЕБНОСТИ ПУБЛИЧНЫХ КОМПАНИЙ РОССИИ В ПРИМЕНЕНИИ ДЕРИВАТИВОВ ДЛЯ УПРАВЛЕНИЯ РИСКАМИ

Аннотация. Использование производных финансовых инструментов нефинансовыми публичными компаниями России существенно ниже, чем в развитых и многих сопоставимых развивающихся странах. В статье проводится анализ потребности российских компаний в деривативах как инструменте хеджирования операционных и финансовых рисков (валютных, ценовых, процентных). Исследование макроэкономических и корпоративных данных указывает на значительную подверженность денежных потоков перечисленным рыночным рискам, а значит – на потребность в применении деривативов как части рискованной политики российских добывающих, производственных и других предприятий.

Ключевые слова: деривативы, риск, публичные компании, хеджирование.

Анализ использования производных финансовых инструментов (ПФИ) нефинансовыми компаниями России выявляет существенно меньшую распространённость деривативов для хеджирования рисков по сравнению с развитыми и многими развивающимися странами [2, с. 83–95]. Только 25 % торгуемых компаний России участвуют в деривативных контрактах – на фоне 94 % у 500 крупнейших компаний США и 36 % – в Турции, где ВВП на душу населения сравним с российским [7].

Эта ситуация представляет практический интерес с точки зрения корпоративных финансов и управления риском. Согласно одной из выдвигаемых гипотез о причинах этого явления, российские компании не испытывают потребности в использовании деривативов в целях хеджирования. Для проверки этой гипотезы в данной работе рассмотрены факторы, которые могут ее верифицировать или опровергнуть.

Хеджирующий характер ПФИ проявляется в стабилизации денежных потоков, связанных с операционным или финансовым фактором деятельности предприятия, находящимся под риском, т.е., в

Georgy E. Mazin
Graduate student,
Corporate Finance Department
and Corporate Governance,
Financial University under the Government
of the Russian Federation
mail@georgymazin.ru

RUSSIAN COMPANIES' NEEDS FOR DERIVATIVES IN RISK MANAGEMENT STUDY

Annotation. The use of derivatives by non-financial public companies in Russia is significantly lower than in developed and comparable developing countries. The article analyzes the need of companies for derivatives as a hedging tool for operational and financial risks (currency, price, interest rate, etc.). The study of macroeconomic and corporate data indicates a significant exposure of cash flows to the listed risks, which means that there is a need to use derivatives as part of the risk policy of Russian mining, manufacturing, and other enterprises.

Keywords: derivatives, risks, public companies, hedging.

повышении предсказуемости существенных для компании детерминант, не имеющих однозначно прогнозируемого будущего значения. К ним относятся:

С операционной точки зрения – ценовые составляющие денежных потоков: реализационные цены на продукцию и стоимость сырья.

С финансовой точки зрения – валютные и процентные рыночные параметры, определяющие размер платежей по кредитам и займам.

Россия – активный участник международного рынка: в 2019 г., экспорт превысил \$354 млрд (+26 % к прошлому году), импорт – \$238 млрд (+24% г/г) [5]. Для сравнения – ВВП за тот же период составил \$1,5 трлн [6]. Т.е., 24 % результатов производства были экспортированы, а 21 % внутреннего потребления пришлось на импорт. Учитывая, что цены на внешнем рынке формируются в иностранной валюте, можно сделать вывод о подверженности значительной части доходов и расходов компаний РФ волатильности обменных курсов.

Согласно таблице 1, в течение 2012–2019 гг. в России наблюдалась значительная вариативность курса. Так, спред между крайними значениями в 2014 г. достигал уровня среднегодового курса, а на горизонте 8 лет составлял ~30 % (в Турции – 10 %, в Казахстане –16 %). Помимо

фундаментальных факторов, причинами такой волатильности являются ослабевающая, но существенная корреляция с нестабильной ценой на нефть и геополитические риски, реализующиеся в виде санкций [1].

Таблица 1

Внутригодовая вариативность курса USD/RUB в 2012–2019 гг.

	2012	2013	2014	2015	2016	2017	2018	2019
Среднегодовой курс USD/RUB	31	32	39	61	67	58	58	64
Курсовой спред	5	4	35	24	23	5	8	10

Источник: расчеты на основе данных по динамике курсов валют ЦБ РФ.

Кроме того, предприятия, предоставляющие покупателям отсрочку платежа, часто фиксируют по итогам сделок курсовые разницы, возникающие из-за временного разрыва между признанием доходов от сделки и фактическим поступлением средств. Согласно годовым отчетам компаний за 2019 г., на фоне значительной вариативности курсов валют курсовые убытки в размере составляли до 24 % от выручки.

Таким образом, первым значимым и потенциально хеджируемым риском российских предприятий выступает нестабильность курсов валют.

Вторым источником риска, смягчаемого инструментами хеджирования, является изменение стоимости факторов производства и конечных товаров. Сектора экономики, в себестоимости продукции которых преобладают затраты на природные ресурсы и энергию, существенно зависят от колебания цен на эти компоненты. Одновременно, компании с недиверсифицированным ассортиментом подвергаются риску изменения стоимости продукции.

В 2018 г. для некоторых видов товаров в России наблюдалась следующая волатильность цен: нефть марки Urals – 44 %, природный газ – 42 %, уголь – 31 %, сталь – до 28 %. Следовательно, существует потенциал для стабилизации денежных потоков российских компаний, связанных с вариативностью формирующихся на открытом мировом рынке (и проецирующихся на внутренний) цен на сырье и выходную продукцию.

Резюмируя блок хеджируемых рисков операционной деятельности, присущих российской экономике, можно определить 2 фактора, вносящих неопределенность в будущие денежные потоки: непостоянство обменного курса валют и волатильность цен на товарные ресурсы, которые для конкретной компании могут быть как сырьем, так и конечной продукцией.

Митигируемые риски, возникающие в финансовой деятельности организаций, в частности, в связи с оборотом долговых ценных бумаг, а также, с привлечением и обслуживанием кредитов, равно как и их предоставлением сторонним компаниям, происходят из двух источников:

Волатильность обменных курсов в отношении чистой валютной позиции по финансовым инструментам.

Изменение рыночных процентных ставок.

Риск курсовой волатильности возникает у компаний, имеющих долги в иностранной валюте или предоставляющих такое финансирование. Как следует из данных ЦБ РФ, в России нефинансовые организации на конец 2019 г. несли кредитные обязательства на 38 трлн руб. (+3 % к 2015 г.), хотя за последние 4 года произошло снижение доли валютных заимствований с 31 % до 19 %, она все еще существенна – пятая часть заимствований номинирована в долларах США, Евро и др. валютах.

Таким образом, финансовая деятельность публичных российских нефинансовых компаний, которая может быть захеджирована ПФИ, в основном, находится под риском ослабления или укрепления рубля.

Согласно сводному отраслевому анализу отчетностей публичных предприятий (табл. 2), в большинстве отраслей существует минимум один вид хеджируемого деривативами риска, то есть, предположение о том, что российские компании не испытывают потребности в использовании ПФИ в качестве метода хеджирования, не подтверждается.

Это означает, что организации не имеют возможности или не хотят ими пользоваться. Такие компании, даже крупные, обычно прямо признают в своей отчетности, что незахеджированные риски могут значительно повлиять на их состояние: «Группа регулярно проводит анализ возможных сценариев изменения цен на сырьевые товары <...> однако оценки руководства могут существенно отличаться от фактического влияния, которое такие изменения могут оказать в будущем на финансовое положение» (ГК «Татнефть», 2019 г.).

В то же время, многие компании предпочитают снижать риски без деривативов: «Группа стремится управлять валютным риском на комплексной основе, принимая во внимание анализ естественных инструментов хеджирования» (ГК «Алроса», 2019 г.). Под «естественным» понимается снижение рисков в процессе деятельности, без применения специальных инструментов. Это может включать получение дохода в другой стране и другой валюте при одновременном несении расходов в той же валюте. Однако естественное хеджирование имеет ряд ограничений и не позволяет в полной мере снизить волатильность денежных потоков.

Подверженность публичных компаний хеджируемым рискам

Отрасль	Валютный риск	Товарный риск	Процентный риск
Электроэнергетика	Средний	Низкий	Низкий
Обрабатывающая промышленность	Высокий	Средний	Низкий
Тяжелая промышленность	Высокий	Средний	Средний
Нефтегазодобыча и переработка	Высокий	Высокий	Средний
Производство продуктов питания	Низкий	Средний	Низкий
Промышленные и коммерческие услуги	Высокий	Средний	Низкий
Химическая промышленность	Средний	Средний	Низкий

Источник: анализ автора на основании отчетности 136 компаний за 2019 год.

Согласно годовым отчетам, при реализации рисков компании, преимущественно, настроены на пересмотр условий текущих соглашений, снижение затрат, использование резервов и даже уменьшение капитальных вложений. Таким

образом, несмотря на существующую потребность в управлении рисками при помощи деривативов, ряд проблем препятствует широкому проникновению подобных практик в российских компаниях.

Литература:

1. Лазарева Е.Е. Основные факторы, формирующие валютный курс российского рубля / Е.Е. Лазарева, И.М. Лысенко // Вестник. 2018. № 2(10). С. 76–81.
2. Мазин Г.Е. Оценка влияния управления рисками при помощи ПФИ на стоимость компаний РФ // Международный научный журнал. 2019. № 6.
3. Пискулов Д.Ю. Российский рынок деривативов в 2016 году: результаты исследования НФА // Деньги и кредит. 2017. Вып. № 3.
4. Савельев Н.А. Хеджирование рисков с помощью ПФИ / Н.А. Савельев, А.С. Долотенкова // Научный альманах. 2017. Вып. 4-1(30). С. 234–237.
5. Статистика внешней торговли товарами и услугами 1994–2019 // Центральный банк РФ [Электронный ресурс]. 2020.
6. Федеральная служба статистики [Электронный ресурс]. 2020.
7. World Economic Outlook Database [Электронный ресурс] // IMF. 2020.

Literature:

1. Lazareva E.E. The key factors shaping the exchange rate of the Russian ruble / E. Lazareva, I.M. Lysenko // Bulletin. 2018. № 2(10). P. 76–81.
2. Mazin G.E. The impact of derivatives in risk management on the public companies' valuation in Russia // International scientific journal. 2019. № 6.
3. Piskulov D.Yu Russian derivatives market in 2016: results of the NFA research // Money and credit journal. 2017. № 3.
4. Savelyev N.A. Hedging risks using derivatives / N.A. Savelyev, A.S. Dolotenkova // Scientific almanac, 2017. № 4-1(30). P. 234–237.
5. Foreign trade statistics // Central Bank [Electronic resource]. 2020.
6. Federal statistics service [Electronic resource]. 2020.
7. World Economic Outlook Database [Electronic resource] // IMF. 2020.

Маликова Азиза Хорисовна

доктор юридических наук,
профессор кафедры
теории права и философии,
Самарский государственный
экономический университет
malikova_ax@mail.ru

Куликов Евгений Игоревич

аспирант,
Самарский государственный
экономический университет
UdarNIK.93@mail.ru

ЗНАЧИМОСТЬ БЮДЖЕТНО-ФИНАНСОВОГО ОБЕСПЕЧЕНИЯ ОБРАЗОВАНИЯ

Аннотация. Актуальность исследуемой проблемы обусловлена важностью наличия адекватного, образованного общества для формирования сильного, экономически развитого, цивилизованного государства. Статья направлена на обоснование тезиса о том, что степень эффективности государственных инвестиций в человеческий капитал заключается, прежде всего, в обеспечении образования, влияет, в первую очередь, на развитие социально-экономического государства. Назревшее осмысление ограниченности природных ресурсов приводит к возрастанию потребности в развитии человеческого капитала. Государственное бюджетно-финансовое обеспечение играет в этом первостепенную роль.

Ключевые слова: государственные инвестиции, образование, финансирование, человеческий капитал.

За последние годы Россия, как указано в докладе Программы развития Организации объединенных наций о развитии человека, среди 189 государств расположена на 49 месте. Российская система образования может занять более достойное место на мировом рынке образовательных услуг путем их модернизации, при этом, одновременно сохраняя лучшие традиции советского образования, которое позволило Советскому Союзу стать научной цивилизацией мира.

Еще в XIX в. Лоренц фон Штейн – немецкий философ, экономист, правовед, автор концепции социального государства многократно выделял тезис о том, что основной, архиважной функцией государства по ликвидации бедности, нищеты, беспризорности является введение всеобщего, «хотя бы элементарного умственного образования» [4, с. 545, 566]. Сегодня не

Aziza Kh. Malikova

Doctor of Law,
Professor of the Department
Theory of Law and Philosophy,
Samara State University of Economics
malikova_ax@mail.ru

Evgenii I. Kulikov

Graduate student,
Samara State University of Economics
UdarNIK.93@mail.ru

THE IMPORTANCE OF BUDGETARY AND FINANCIAL SUPPORT OF EDUCATION

Annotation. The urgency of the problem under study is conditioned by the importance of having an adequate, well-educated society for forming a strong, economically developed, civilized state. In this connection, this article is aimed at substantiation of the thesis that the degree of efficiency of state investments into human capital, first of all, into provision of education, primarily affects the development of socio-economic state. The overdue understanding of the limited natural resources leads to an increasing need for human capital development. State budgetary and financial support plays a primary role in this.

Keywords: public investments, education, financing, human capital.

природные ресурсы и не физический капитал составляют богатство высокоразвитых стран. Определяющую роль в них играет человеческий капитал, а именно – знание, трудовые навыки, квалификация. Так, в некоторых странах Европы, Японии, являющимися сравнительно бедными на природные ресурсы и полезные ископаемые, высокий уровень внутригосударственного богатства обеспечен нематериальными ресурсами. Обусловлено это, прежде всего, высоким бюджетно-финансовым обеспечением, направленным на рост уровня развития человеческого капитала, основу которого составляет обязательность, доступность, обеспечение высокого качества образования. Великий немецкий ученый однозначно подчеркивал: «Не подлежит сомнению, что образование имеет самую высокую цену для всякого человека; оно есть вместе и условие, и последствие всякого преуспеяния; размер и глубина его

суть мера и стоимость всякого отдельного человека» [4, с. 126].

Лоренц фон Штейн писал: «Народу нужно быть высокообразованным, чтобы признать значение строя здоровья и осуществить свои требования» [4, с. 96]. Нынешние научные разработки также подтверждают этот тезис и доказывают, что здоровье человека определяется уровнем его образования. Уровень же жизни или статус в обществе влияют на степень здоровья в меньшей степени.

Степень эффективности государственных инвестиций в человеческий капитал, выражается, прежде всего, в обеспечении образования, влияет, первоочередным образом, на развитие социально-экономического государства, в целом. Учитывая, что функция государства по обеспечению образования обладает повышенной ценностью, государство закрепляет и гарантирует ее в соответствующих законодательных актах. Это, прежде всего, Конституция (ст. 43), Федеральный закон «Об образовании в Российской Федерации» от 29.12.2012 № 273-ФЗ, Федеральный закон «О науке и государственной научно-технической политике» от 23.08.1996 № 127-ФЗ, принимаемые в соответствии с ними другие законы и иные нормативные правовые акты Российской Федерации, множество нормативных правовых актов субъектов Российской Федерации в области образования, а также, ратифицированные Россией нормы международного права. К составляющим правовую систему Российской Федерации относят: Международный пакт об экономических, социальных и культурных правах, Декларация социального прогресса и развития, Европейская социальная хартия 1996 г. и др.

«Образованные, равнодушные люди всегда выступают генераторами идей, приносящих пользу не только для себя, но и для других, что позволяет формировать новые партнерские отношения в бизнесе, который и обеспечивает рост уровня качества жизни» [1]. Безусловно, государство, тратящее средства на научно-инновационные разработки и исследования, получает развитую экономику, высокий уровень достойной жизни своих граждан. Рост образованности общества способствует успешному развитию социально-экономического государства.

Сферу образования должно курировать, в значительной части, государство. Государственный патернализм в этой области очевиден. Платное, договорное образование – неизбежный атрибут сегодняшних реалий, но следует максимально изолировать образовательные отношения из сферы рыночных реформ. Обеспечение образования – это не та деятельность, на которой можно

получить сиюминутную выгоду. Она направлена на долгосрочную перспективу. Затраты на нее окупятся бесконечно многократно, поэтому расширение финансового обеспечения образования – политика дальновидного государства. Экономить в этой сфере недопустимо [2]. Для развития экономики, благополучия граждан и всего человечества отдавать в бесконечную власть рыночных отношений здравоохранение, искусство, культуру, образование, науку вредно.

Интеллектуальный потенциал общества – одна из основных социальных ценностей. Важно, чтобы образование всегда оставалось общедоступным. Цифровое, дистанционное образование, которое позволяет учиться везде, всему и у любого, может помочь в этом.

«Основа будущего образования заключается, в мало-по-малу, все более и более проявляющемся осознании того, что распоряжения и издержки на эти учреждения (образования) богато вознаграждаются, потому что посредством их уменьшатся источники бедности, недостаток порядка и образования, а, следовательно, уменьшится и налог в пользу бедных», – отмечал Л.фон Штейн [4, с. 545].

Инвестиции в человеческий капитал в настоящее время, без сомнения, включают и финансово-бюджетное обеспечение реализации научно-практических проектов. «Общественное развитие всегда было связано с достижениями науки» [3]. Страна, претворяющая в реальность результаты естественных и технических наук, создает передовые высокопроизводительные механизмы, нанотехнологии, современную инфраструктуру, обеспечивает экологическую безопасность страны и т.п. Реализуя государственно-правовые, научно-теоретические разработки, эта страна совершенствует собственную правовую систему, становясь сильным, высокоразвитым, цивилизованным государством.

В связи с изложенным, назрела потребность в принятии Кодекса «Об образовании в Российской Федерации», который вобрал бы в себя огромное количество правовых источников в сфере образовательных правоотношений, позволил бы, закрепленные в Основном законе, обязательные государственные стандарты образования, в том числе, возможности реализации права каждого человека на современное образование, осуществлять результативней. Единый, систематизированный правовой акт целесообразен для более эффективного бюджетно-финансового обеспечения государственного, доступного, качественного образования.

Литература:

1. *Александрова Н.Г.* Образование как главный фактор повышения качества жизни // Повышение уровня и качества жизни населения – стратегическое направление развития России на современном этапе: материалы Региональной научно-практ. конф. Балашов : [б. и.]. 2008. 101 с.

Literature:

1. *Alexandrova N.G.* Education as the main factor in improving the quality of life // Increasing the level and quality of life of the population is a strategic direction of development of Russia at the present stage: materials of the Regional Scientific and Practical Conference. Balashov : [b. and.], 2008. 101 p.

2. *Алферов Ж.И.* Роль образования и науки в укреплении государства и развитии экономики страны / Ж.И. Алферов, В.А. Садовничий; Под общ. ред. В.А.Садовничего // Образование, которое мы можем потерять. М., 2003. 363 с.

3. *Хабриева Т.Я.* Концепция развития законодательства о науке / Т.Я. Хабриева, В.А. Витушкин; Под ред.Т.Я. Хабриевой, Ю.А. Тихомирова // Концепция развития законодательства. Концепции развития российского законодательства. Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве РФ. М. : Эксмо, 2010. С. 387–398. 732 с.

4. *Штейн фон Лоренц.* (1884) Учение об управлении и право управления с сравнением литературы и законодательств Франции, Англии и Германии. Руководство, изданное Лоренцом Штейном, профессором Венского университета, как основание его лекций / Штейн фон Лоренц; Пер. с нем.; Под ред. И.Е.Андреевского, орд.профессора С.-Петербургского университета. Издание А.С.Гиероглифова. СПб. : Типография В.В. Пратц, 594 с.

2. *Alferov Zh.I.* The role of education and science in strengthening the state and developing the country's economy / Zh.I. Alferov, V.A. Sadovnichy; Ed. V.A. Sadovnichy // Education that we can lose. M., 2003. 363 p.

3. *Khabrieva T.Ya.* Concept of development of legislation on science / T.Ya. Khabrieva, V.A. Vitushkin; Ed. by T.Ya. Khabrieva, Yu.A. Tikhomirov // Concept of development of legislation. Concept of development of Russian legislation. Institute of Legislation and Comparative Law under the Government of the Russian Federation M. : Eksmo, 2010. P. 387–398. 732 p.

4. *Stein von Lorentz.* (1884) The doctrine of government and the law of government with a comparison of literature and legislation of France, England and Germany. A guide published by Lorenz Stein, professor at the University of Vienna, as the basis of his lectures / Stein von Lorentz; Transl. with him. ed. I.E. Andreevsky, Ord. Professor of St. Petersburg University. Edition of A.S. Gieroglyphov. SPb. : V.V. Pratz printing house, 594 p.

Нагорный Дмитрий Александрович
аспирант департамента
мировых финансов,
Финансовый университет
при Правительстве Российской Федерации
dmitryv999@gmail.com

ПРОЦЕСС ЦИФРОВОЙ ТРАНСФОРМАЦИИ НАЦИОНАЛЬНЫХ ЭКОНОМИК И ЕГО КОЛИЧЕСТВЕННОЕ ИЗМЕРЕНИЕ

Аннотация. Активное внедрение цифровых технологий трансформирует традиционные виды социальной и экономической деятельности. При сопоставлении достижений в этой сфере различных стран появляется необходимость в оценке степени и глубины данных изменений. Решение поставленной задачи связывается с построением различных индексов цифровизации. Существующие индексы диджитализации несовершенны и требуют определенной корректировки. Автор разработал собственный индекс цифровизации, который может более точно по сравнению с существующими аналогами отражать степень цифровизации национальных экономик. В статье описывается методология построения указанного индекса и приводятся основные результаты для 148 стран за определенный период.

Ключевые слова: цифровая трансформация, мировая экономика, индекс цифровизации, цифровая экономика, International Digital Economy and Society Index.

Существующие индексы цифровизации стран.

Быстрое распространение цифровых технологий влияет на трансформацию традиционных видов экономической и социальной деятельности [1]. Но чтобы сравнивать достижения различных стран, степень и глубину такой трансформации, необходимо измерить.

Для измерения уровня цифровизации требуется некий показатель. Несколько мировых институтов предпринимают попытки разработать **универсальный показатель**, отражающий качественную сторону данного явления. Подобный показатель можно назвать **индексом цифровизации**. Всемирный банк, например, предложил в качестве такого индекса **Digital Adoption Index (DAI)**, который позволяет измерить **глубину проникновения цифровизации** в жизнь общества.

При расчете значения индекса DAI рассматриваются следующие три актора:

1) население;

Dmitry A. Nagorny
Postgraduate student
of the Department World Finance,
Financial University under the Government
of the Russian Federation
dmitryv999@gmail.com

THE DIGITAL TRANSFORMATION PROCESS OF NATIONAL ECONOMIES AND ITS QUANTITATIVE MEASUREMENT

Annotation. The active adoption of digital technologies is transforming traditional types of social and economic activities. There is a necessary to assess the degree and depth of these changes in order to further compare the achievements of various countries in this area. The solution to this problem is associated with the construction of various digitalization indices. The existing digitalization indices are imperfect and require some adjustment. The author developed his own digitalization index, which can more accurately reflect the degree of digitalization of national economies compared to existing varieties of the index. This article describes the methodology for constructing the index and presents the main results of the digitalization index constructed by the author for 148 countries over a certain period.

Keywords: digital transformation, world economy, digitalization index, digital economy, International Digital Economy and Society Index.

2) государственные структуры;

3) бизнес.

DAI является среднеарифметическим результатом замеров по всем перечисленным элементам. Каждый элемент этой триады включает в себя технологии, необходимые в цифровую эпоху соответствующему агенту, чтобы способствовать развитию технологий, увеличению производительности, ускорению общего роста бизнеса, расширению возможностей и повышению благосостояния людей. Кроме того, цифровые технологии дают возможность усилить эффективность предоставления услуг со стороны правительства. Однако на наш взгляд, некоторые важные макроэкономические показатели не были включены в расчет индекса. Среди них, например:

– размеры инвестиций в НИОКР;

– степень использования интернет-банкинга;

– количество специалистов ИКТ-сектора и др. [2].

Другой вариант индекса цифровизации был разработан Oxford Economics совместно с Dentsu Aegis Network. Это **Индекс цифрового общества (The Digital Society Index)**, опирающейся на идею, что позицию каждой страны определяют или, точнее, ранжируют, исходя из таких измерений цифровой экономики, как **динамичность, инклюзивность и доверие**. Рассчитывать данный индекс сложно, поскольку он включает 53 показателя, информация по которым не обновляется ежегодно, к тому же доступ к ней затруднен. Охват стран для расчета The Digital Society Index невелик – всего 10 экономик. Этот момент ставит под сомнение его применимость данного индекса для целого ряда стран [3].

Как нам представляется, индекс, предложенный Европейской комиссией, наиболее адекватно отражают степень цифровизации стран. Мы говорим об **International Digital Economy and Society Index (I-DESI)**, который представляет собой сводный индекс, обобщающий определенные показатели цифровизации экономик государств – членов ЕС и еще 17 стран, в этот союз не входящих. Данный индекс, позволяющий отслеживать изменения конкурентоспособности стран в области цифровизации их экономик, включает 24 показателя и использует систему весов для ранжирования каждой страны по ее цифровым характеристикам, чтобы провести сравнительный анализ развития цифровой экономики и общества [4]. Недостатком же I-DESI является тот факт, что он применим лишь в отношении 45 стран, поэтому использовать его для проведения сравнительного анализа уровня цифровизации экономик, не входящих в число базовых, для расчета индекса стран нельзя.

Предложение по совершенствованию индекса цифровизации.

Автором была предпринята попытка скорректировать методологию индекса I-DESI и на основе нее сформировать отличный от описанных выше **индекс диджитализации**. Он был построен за 2013 и 2018 годы для 148 стран мира. Стоит сказать, что при его построении имеются определенные допущения.

К базовым индикаторам индекса I-DESI были добавлены **три новых индикатора**.

Первый из них – «**Расходы на НИОКР**». Затраты на разработку и исследования новых технологий

напрямую связаны с созданием новых технологий, что, в свою очередь, способствует появлению конкурентных преимуществ у страны.

Вторым из добавленных индикаторов является «**Количество заявок на патенты в области ИКТ (на 1 миллион человек)**». Безусловно, количество патентов свидетельствует о потенциально высокой возможности появления на рынке новых оригинальных продуктов, которые представляют собой результат коммерциализации изобретений. Однако при оценке уровня цифровизации экономики стран количество заявок на патенты необходимо увязать с численностью населения, поскольку между этими показателями имеется определенная связь.

Наконец, в качестве **третьего** индикатора была выбрана «**Рыночная капитализация компаний из отрасли ИКТ**». Очевидно, что деятельность технологических компаний вносит весьма существенный вклад в ВВП страны. По мнению экспертов, с течением времени данный вклад будет только увеличиваться.

С точки зрения методики составления индекса необходимо отметить, что часть индикаторов была исключена из расчетов в связи с отсутствием данных по многим странам. На качестве результатов это особо не сказалось, так как исключенные индикаторы сильно коррелировали с другими включенными в расчет переменными.

Пропущенные значения в наборах данных заменялись показателями за период максимально близким к анализируемому. Следует отметить, что если найти данные по тому или иному индикатору в какой-либо стране не представлялось возможным, то они приравнивались к нулю, что в определенном смысле «штрафовало» страну за недоступность информации. Количество таких случаев составило менее 1 %, что позволяет принять данную погрешность.

Использованные данные были нормализованы. Нормализация проходила посредством определения минимального и максимального значений в наборе данных по каждому индикатору.

В соответствии с методологией I-DESI, индикаторы были разбиты на пять групп. Для каждой группы и для каждого индикатора, входящего в ту или иную группу, были подобраны коэффициенты взвешивания (табл. 1).

Таблица 1

Итоговые индикаторы и их коэффициенты взвешивания

№ п/п	Название индикатора	Вес, %
1	2	3
Связь		25
1.	Фиксированные широкополосные подписки (% населения)	48
2.	Абоненты мобильной сотовой связи (на 100 человек)	37
3.	Покрытие мобильной сети (% населения)	37
Человеческий капитал		25
4.	Физические лица, использующие Интернет (% населения)	50
5.	Занятые в наукоемкой деятельности (% совокупной рабочей силы)	50
6.	Процент получивших высшее образование в области ИКТ (от всех выпускников)	50

1	2	3
Использование гражданами сети Интернет		15
7.	Степень использования социальных сетей	50
8.	Количество людей, отправляющих или получающих цифровые платежи в прошлом году, (% населения)	50
Интеграция бизнеса и технологий		20
9.	Степень доступности последних технологий	40
10.	Степень адаптации новых технологий бизнесом	40
11.	Проведение сделок между предприятиями с использованием ИКТ	40
12.	Защищенные интернет-серверы (на 1 миллион человек)	40
13.	Расходы на НИОКР в процентах от ВВП	40
14.	Количество заявок на патенты в области информационных и коммуникационных технологий	40
15.	Рыночная капитализация компаний из отрасли ИКТ (в долларах США)	40
Общественные услуги		15
16.	Индекс развития электронного правительства	100
17.	Индекс онлайн-услуг	100

Источник: Составлено автором.

Таким образом, итоговая оценка цифровизации страны вычислялась по следующей формуле:

$$D = 25 \% \times (п1 \times 48 \% + п2 \times 37 \% + п3 \times 37 \%) + 25 \% \times \\ \times (п4 \times 50 \% + п5 \times 50 \% + п6 \times 50 \%) + 15 \% \times (п7 \times 50 \% + п8 \times 50 \%) + 20 \% \times \\ \times (п9 \times 40 \% + п10 \times 40 \% + п11 \times 40 \% + п12 \times 40 \% + п13 \times 40 \% + п14 \times 40 \% + п15 \times 40 \%) + \\ + 15 \% \times (п16 \times 100 \% + п17 \times 100 \%), \quad (1)$$

где D – индекс цифровизации; пX – номер показателя из таблицы 1.

Переходя к результатам расчетов (табл. 2), необходимо отметить их высокую корреляцию с итоговыми значениями индекса I-DESI. Коэффициент

корреляции составил за 2013 год 95 % и за 2018 год – 91 %, что позволяет утверждать с большой долей уверенности, что значения модифицированного индекса дигитализации достоверны.

Таблица 2

Оценки цифровизации ряда стран

Ранг	2013		2018	
	Страна	Оценка	Страна	Оценка
1	Нидерланды	1,3422	Швеция	1,2695
2	Швеция	1,3393	Дания	1,2647
3	Финляндия	1,3326	Соединенные Штаты Америки	1,2469
4	Соединенные Штаты Америки	1,3164	Финляндия	1,2262
5	Дания	1,2916	Нидерланды	1,2054
6	Объединенное Королевство Великобритании	1,2786	Норвегия	1,1874
7	Норвегия	1,26	Япония	1,182
8	Люксембург	1,2375	Объединенное Королевство Великобритании	1,1776
9	Швейцария	1,2287	Швейцария	1,1762
10	Сингапур	1,218	Люксембург	1,174
...
36	Италия	0,8893	Российская Федерация	0,9123
37	Российская Федерация	0,8863	Словацкая Республика	0,9057
...
60	Турция	0,7142	Китай	0,8001
70	Китай	0,6705	Панама	0,7398
...
147	Чад	0,1743	Бурунди	0,2027
148	Мьянма	0,1375	Чад	0,166

Источник: Составлено автором.

Лидерами по уровню цифровизации экономики являются Нидерланды (в 2013 г.) и Швеция (в

2018 г.). Начальные позиции по цифровизации занимают также США и Великобритания.

Интересно, что в верхнюю часть таблицы попал Люксембург, но это объясняется его высокими значениями индикаторов, поскольку у этой страны небольшая территория и малое количество населения. Китай обосновался в середине таблицы ниже России (табл. 2). Стоит также отметить, что в Топ-10 присутствуют скандинавские страны – Швеция, Финляндия, Дания и Норвегия. Наблюдается некоторое снижение разрыва между высокоцифровизированными и отстающими странами, но в то же время очевидно, что степень цифровизации связана с уровнем доходов стран.

Причины лидерства скандинавских стран в цифровизации.

Из приведенных данных (табл. 2) следует, что скандинавские страны получили очень высокие оценки относительно цифровизации страны. Исследованием факторов, благоприятствующих развитию цифровизации в странах, занималась Бостонская консалтинговая группа (БКС) [5], сотрудники которой пришли к выводу, что в указанных странах уже сложились благоприятные условия для цифровизации, в том числе:

1. Обширная цифровая инфраструктура, которая объединяет скандинавские страны. Их население имеет четкую цифровую ориентацию, о чем говорят показатели использования Интернета, различных гаджетов и смартфонов, высокая доля совершаемых покупок в интернет-магазинах и применения других интернет-сервисов – они являются одними из самых высоких в мире.

Литература:

1. Эскиндаров М.А. Направления развития фин-тех в России: экспертное мнение Финансового университета / М.А. Эскиндаров, М.А. Абрамова, В.В. Масленников [и др.] // Мир новой экономики. 2018. № 2. С. 6–23.

2. Measuring the Global Spread of Digital Technologies: World Development Report 2016; Background Note / Digital Dividends; WDR 2016. Team. [Washington]: World Bank Group, 2016. 5 p.

3. The Digital Society Index // Oxford Economics : сайт. URL : <https://www.oxfordeconomics.com/press-releases/the-digital-society-index-2018> (date of the application 10.02.2020)

4. International Digital Economy and Society Index 2018. Smart 2017/0052: Final Report / Paul Foley, David Sutton, Ian Wiseman and others; A study prepared for the European Commission DG Communications Networks, Content & Technology by Tech 4i2. Luxembourg : Publications Office of the European Union, 2018. 78 p.

5. Kirvelä S. *Bigger*. The Digital Agenda for Nordic Companies / Santeri Kirvelä, Tatu Heikkilä, Fredrik Lind. Boston: The Boston Consulting Group, Inc., 2017. 29 p.

2. Благодаря бесплатному высококачественному образованию и сильным институтам рыночной экономики, скандинавские страны занимают высокие позиции по уровню образования населения, удельному весу расходов на образование в ВВП. Высокий уровень образования, как правило, коррелирует с выработкой цифровых компетенций у населения страны.

3. Скандинавские компании, как правило, занимают устойчивое финансовое положение, что позволяет инвестировать достаточно средств в цифровые инициативы.

4. Крупнейшие скандинавские компании получают своеобразную «интеллектуальную подпитку» от опыта этих стран в области инноваций. Имеется в виду не только Ikea, Nokia, но и такие компании, как Spotify, Supercell и Klarna;

5. Скандинавские страны извлекают выгоду от присутствия глобальных цифровых лидеров, таких как Google и Facebook, которые несоразмерно велики в северных странах, потому что их климат хорошо подходит для размещения центров обработки данных.

В скандинавских странах, как подчеркивают все исследователи, основным драйвером цифровизации является бизнес. Большинство скандинавских компаний разработали надежную стратегию развития цифровизации и цифровых инициатив как в рамках бизнес-подразделений, так и в масштабах всей компании. Топ-менеджмент компаний проявляет большую заинтересованность в активизации процессов цифровизации.

Literature:

1. *Eskindarov M.A.* Fin-tech development directions in Russia: expert opinion of the Financial University / M.A. Eskindarov, M.A. Abramova, V.V. Maslennikov [et al.] // The world of the new economy. 2018. № 2. P. 6–23.

2. Measuring the Global Spread of Digital Technologies: World Development Report 2016; Background Note / Digital Dividends; WDR 2016. Team. [Washington]: World Bank Group, 2016. 5 p.

3. The Digital Society Index // Oxford Economics : сайт. URL : <https://www.oxfordeconomics.com/press-releases/the-digital-society-index-2018> (date of the application 10.02.2020)

4. International Digital Economy and Society Index 2018. Smart 2017/0052: Final Report / Paul Foley, David Sutton, Ian Wiseman and others; A study prepared for the European Commission DG Communications Networks, Content & Technology by Tech 4i2. Luxembourg : Publications Office of the European Union, 2018. 78 p.

5. *Kirvelä S. Bigger*. The Digital Agenda for Nordic Companies / Santeri Kirvelä, Tatu Heikkilä, Fredrik Lind. Boston: The Boston Consulting Group, Inc., 2017. 29 p.

6. Value Creation and Capture: Implications for Developing Countries : Digital economy report 2019 / United Nations Conference on Trade and Development; United Nations. New-York : United Nations publication, 2019. 194 p.

7. Amazon, Microsoft, Google and Alibaba Strengthen their Grip on the Public Cloud Market // Synergy. URL : <https://www.srgresearch.com/articles/amazon-microsoft-google-and-alibaba-strengthen-their-grip-public-cloud-market> (publication date 29.10.2019).

8. *Elliott J.K.* Why some countries are building «walls» in the worldwide web // Global News. URL : <https://globalnews.ca/news/4987866/internet-censorship-china-india-russia/amp/> (publication date 23.02.2019).

6. Value Creation and Capture: Implications for Developing Countries : Digital economy report 2019 / United Nations Conference on Trade and Development; United Nations. New-York : United Nations publication, 2019. 194 p.

7. Amazon, Microsoft, Google and Alibaba Strengthen their Grip on the Public Cloud Market // Synergy. URL : <https://www.srgresearch.com/articles/amazon-microsoft-google-and-alibaba-strengthen-their-grip-public-cloud-market> (publication date 29.10.2019).

8. *Elliott J.K.* Why some countries are building «walls» in the worldwide web // Global News. URL : <https://globalnews.ca/news/4987866/internet-censorship-china-india-russia/amp/> (publication date 23.02.2019).

Овчинников Алексей Павлович
кандидат экономических наук,
доцент кафедры экономической теории
и менеджмента,
Российский университет транспорта
alexovchinnikov@mail.ru

СОВРЕМЕННЫЕ ПРОБЛЕМЫ ИМПОРТОЗАМЕЩЕНИЯ В РФ

Аннотация. Импортозамещение – это процесс замещения импортных товаров отечественными. В России курс на импортозамещение был взят в 2014 году; основным методом было выбрано стимулирование собственного производства и поддержка отечественных производителей. Толчком к реализации программы импортозамещения послужили санкции западных стран в отношении нашей страны, политическая нестабильность и девальвация рубля. В статье автор рассматривает плюсы и минусы, связанные с проведением политики импортозамещения в стране, и выделяет основные современные проблемы импортозамещения в России.

Ключевые слова: импортозамещение, экспорт, отечественные товары, отечественный производитель, внутренний рынок.

Импортозамещение – это процесс замещения импортных товаров отечественными. В России курс на импортозамещение был взят в 2014 году, основным методом было выбрано стимулирование собственного производства и поддержка отечественных производителей. Данная проблема созрела давно, экономика России долгое время держится на сырьевой политике, что ведет к импортозависимости в промышленности, торговле и других областях. Экономика страны, которая сильно зависит от импорта товаров, очень чувствительна к колебаниям мировых цен на нефть, к изменению курса рубля по отношению к доллару и евро. Толчком к реализации программы импортозамещения послужили санкции западных стран в отношении нашей страны, политическая нестабильность и девальвация рубля. В 2014 году была разработана государственная программа № 328 «Развитие промышленности и повышение ее конкурентоспособности», с реализацией до 2020 года. Финансирование производится либо напрямую через субсидии, гранты и преференции либо косвенно – через увеличение кредитной линии, предоставляемой банками на льготных условиях.

Из наиболее нуждающихся к импортозамещению отраслей в России можно отнести: станкостроение (более 90 %); тяжелое машиностроение (60–80 %); фармацевтику и медицинскую

Aleksey P. Ovchinnikov
Candidate of Economic Sciences,
Associate Professor at the Department
of Economic Theory and Management,
Russian University of Transport
alexovchinnikov@mail.ru

MODERN PROBLEMS OF IMPORT SUBSTITUTION IN THE RUSSIAN FEDERATION

Annotation. Import substitution is the process of replacing imported goods with domestic ones. In Russia, the course of import substitution was taken in 2014, the main method was chosen to stimulate its own production and support domestic producers. The impetus for the implementation of the import substitution program was the sanctions of Western countries against our country, political instability and the devaluation of the ruble. In the article, the author examines the pros and cons associated with the implementation of the import substitution policy in the country. Highlights the main modern problems of import substitution in Russia.

Keywords: import substitution, export, domestic goods, domestic manufacturer, domestic market.

промышленность (70–80 %); легкую промышленность (70–90 %); радиоэлектронику (80–90 %).

Результатом хорошо продуманной политики импортозамещения является увеличение конкурентоспособности отечественной продукции; происходит это за счет модернизации производства, увеличения его эффективности производства новых видов продукции, конкурентных на рынке с высокой добавленной стоимостью [2]. Основным в этом вопросе является выпуск продукции, а основными критериями импортозамещения являются целесообразность и обеспечение устойчивости внешнеторгового сальдо. Одного политического решения недостаточно для осуществления стратегии импортозамещения, она означает переход от простых товаров к высоко технологичным и наукоемким за счет повышения качества производства, технологий, не забывая про соответствующую подготовку широких слоев населения [1]. Стратегия импортозамещения должна основываться на повышении качества производимого товара, технологий, которые применяются на производстве, развитие инновационных технологий. Особенно все это актуально для России, так как уровень ее производственных отраслей отстает от уровня взаимодействующих государств. Технологически Россия по отдельным направлениям и технологиям отстает от мировой экономики на многие десятки лет. Целесообразно

применять импортозамещение в тех случаях, когда оно создает толчок и предпосылки для нормального функционирования национальной экономики, давая возможность отечественным производителям укреплять свои позиции на внутреннем рынке. Импортозамещение необходимо

развивать в тех отраслях в первую очередь, которые имеют экономико-производственные предпосылки и потенциал и способны развиваться не только самостоятельно, но и укреплять национальную экономику [3].

Таблица 1

Плюсы и минусы, связанные с проведением политики импортозамещения

Минусы, связанные с политикой импортозамещения	Плюсы, связанные с политикой импортозамещения
Увеличение нагрузки на бюджет	Укрепление военной и экономической безопасности страны
Отсутствуют сведения о возможностях российских поставщиков в плане технологий и производства	Повышение спроса на товары отечественного производства, что в свою очередь стимулирует экономику страны и повышает производственную мощность
Низкое качество бизнес-планов в плане технического и экономического обоснования у проектов по импортозамещению	Валютная выручка сохраняется внутри страны, как следствие растет валютнорезервный фонд страны
Дорогое сырье, которое используется в производстве импортозамещающей продукции и как следствие дороговизна цен	Растет занятость населения, за счет увеличения рабочих мест, как следствие снижается безработица и растет благосостояние населения
Понижается конкурентоспособность (особенно это видно в IT-индустрии) за счет отсутствия конкуренции с зарубежными поставщиками	Повышается уровень научно-технического прогресса и как следствие увеличивается уровень образования населения
Проблемы в плане финансов на стадии подготовки производства и обеспечения производителей капиталом	
Нехватка промышленных площадок, имеющих необходимую инфраструктуру	
Недостаток информации о возможностях в плане технологии и производства	
Не проработанность таможенной сферы в плане импорта сырья и готовой продукции, что приводит к появлению контрабанды, контрафактов и т.д.	
Экономика страны в целом теряет свою эффективность в случае, когда импортозамещение товаров уступает по качеству зарубежным товарам	

Проблема импортозамещения имеет довольно давнюю историю, особенно это касается оборонно-промышленного комплекса. В этой отрасли разрабатывалось много программ, часть их была реализована, например, в космической отрасли или в производстве ракетного оружия, однако, большая часть столкнулась с финансовыми трудностями реализации. Для подъема уровня промышленной базы в стране нет средств, однако, даже из открытых источников можно узнать о хищении средств при выполнении государственных заказов на очень большие суммы. Недостающих денег вполне бы хватило на модернизацию и создание новой экономики в стране.

Большие проблемы коснулись и системы народного хозяйства, особенно остро это стало видно после событий на Украине и введения санкций со стороны западных стран. Государственная программа до 2020 года подразумевает организацию оптово-логистических центров, выращиваю овощей и фруктов, производство молочной продукции, ликвидацию отставания в этой отрасли в целом. По некоторым отраслям Россия добавила хороших результатов, например, в импортозамещении в производстве мяса. Российские производители не только наполнили внутренний рынок, но и начали выходить на внешний (Китая, Корея). Но пока результаты, в основном, касаются только производств с коротким производственным циклом. Высокотехнологическая продукция требует

длительных сроков реализации. Многие проекты стоят под угрозой срыва в связи с ростом цен на наиболее популярные удобрения и снижением покупательской способности населения, падение курса рубля привело к снижению реальных доходов россиян.

По статистическим данным Министерства сельского хозяйства, Минздрава, Министерства коммуникации и связи, Россельхознадзора, Минпромторга можно наглядно увидеть, как поменялась доля импорта за 5 лет реализации программы импортозамещения. Приведем ниже соответствующие графики (зеленым цветом представлена доля импорта в процентах в 2015 г., красным – в 2020 г.).

Основным препятствием на пути реализации отраслевых программ импортозамещения можно назвать два фактора: рост цен на заграничные комплектующие и расходные материалы; большая зависимость от иностранных технологий.

Рассмотрим проблему импортозамещения на примере. Национальные компании разрабатывают проекты по созданию аналогов персональных компьютеров, ноутбуков, планшетов и различного сетевого оборудования отечественного производства. Однако на такую продукцию прогнозируется низкий спрос из-за высокой цены на комплектующие, покупаемые за рубежом.

Покупатель скорее потратит деньги на импортную продукцию, которая уже зарекомендовала себя и имеет «имя» и проверенное качество, чем на продукцию отечественного производителя, имеющего такую же цену. Чтобы повысить покупательную стоимость отечественных аналогов, надо работать над понижением цены на товар.

Второй фактор – зависимость от зарубежных технологий наиболее ярко отражается в нефтегазовой отрасли. Данная отрасль требует длительного цикла для реализации инвестиций и в связи с этим медленно движется по пути замены импортного оборудования отечественными наработками; быстрых результатов в этой отрасли ждать не получится.

В завершении статьи выделим основные проблемы для экспорта, роста конкурентоспособности отечественных предприятий и импортозамещения:

- трудно получить меры государственной поддержки, предприятия недостаточно подготовлены;
- трудности в получении кредита на производство товаров на экспорт, противоречия в государственной политике о кредитовании секторов экономики;
- нет полного осознания важности использования патентов, защиты авторских прав при экспорте товаров, слабое стимулирование предприятий научной и инновационной сферы;

– не хватает сотрудников высокого класса, имеющих профессиональные знания и навыки в различных сферах, подготовка которых занимает продолжительное время;

– недостаточная активность в увеличении экспортируемой продукции на рынки стран Азии, Африки и Латинской Америки;

– отсутствие государственной поддержки относительно создания проектов для экспорта, что приводит к малоэффективности и недостаточному производству товаров для экспорта и импорта;

– нехватка опыта у большинства предприятий в области машиностроения в сфере внешних экономической деятельности, чрезмерна формаль-

ность таможенных процедур и неспособность получить необходимую информацию.

2020 год является заключительным в программе по импортозамещению, к сожалению, на данный момент это не привело к значимому росту

Литература:

1. *Ведев А.* Некоторые количественные оценки воздействия институциональных ограничений на экономический рост в России / А. Ведев, А. Косарев // *Экономическая политика*. 2012. № 1. С. 50–65.

2. *Казыкина В.М.* Стратегия импортозамещения в экономике России // *Электронный научный журнал «Международный научный вестник»*. URL : <http://www.scienceforum.ru/2015/953/8557> (дата обращения 21.09.2020).

3. *Рыбаков А.* Инструменты импортозамещения надо искать на микроуровне. URL : <http://www.akkor.ru/statya/790-instrumenty-importozameshcheniya-nado-iskat-na-mikrourovne.html> (дата обращения 21.09.2020).

производства промышленных товаров. Еще предстоит оценить эффективность результатов относительно поставленных приоритетов. Есть предложение от Минпромторга продлить реализацию этих программ до 2024 года.

Literature:

1. *Vedev A.* Some quantitative estimates of the impact of institutional restrictions on economic growth in Russia / A. Vedev, A. Kosarev // *Economic policy*. 2012. № 1. P. 50–65.

2. *Kazykina V.M.* Import substitution strategy in the Russian economy // *Electronic scientific journal «International scientific Bulletin»*. URL : <http://www.scienceforum.ru/2015/953/8557> (date of the application 21.09.2020).

3. *Rybakov A.* import substitution tools should be sought at the micro level. URL : <http://www.akkor.ru/statya/790-instrumenty-importozameshcheniya-nado-iskat-na-mikrourovne.html> (date of the application 21.09.2020).

Сугрובה Лаура Аслановна
аспирантка департамента
общественных финансов,
Финансовый университет
при Правительстве Российской Федерации
lgubzheva@gmail.com

УПРАВЛЕНИЕ РИСКАМИ ЦЕЛЕВОГО КАПИТАЛА НЕКОММЕРЧЕСКИХ ОРГАНИЗАЦИЙ

Аннотация. Актуальность темы обусловлена необходимостью развития теории целевого капитала в России. Использование данного инструмента аккумуляции финансовых ресурсов не осуществляется в полной мере на данный момент, что наталкивает на изучение различных вопросов, затрагивающих механизм формирования и использования целевого капитала некоммерческих организаций. В статье проанализированы вопросы становления и управления рисками целевого капитала некоммерческих организаций России. Выделены классификация и способы управления рисками эндаумент-фондов за рубежом, на основании которых возможно выстраивание теории управления рисками целевого капитала в России.

Ключевые слова: целевой капитал, эндаумент-фонд, риски, некоммерческие организации.

Определение рисков механизма формирования и использования целевого капитала некоммерческих организаций выступает достаточно остро, так как в научной литературе практически отсутствует анализ данного вопроса. Учитывая специфику, представляется необходимым отметить и выделить подходы к анализу рисков и составить классификацию рисков целевых капиталов некоммерческих организаций.

В широком смысле, риск можно определить как любую проблему, которая может повлиять на способность организации выполнять свои задачи. Таким образом, можно заключить, что речь идет о предотвращении возникновения неблагоприятных обстоятельств для осуществления успешной деятельности организации.

В целом, вопросам рисков коммерческих и некоммерческих организаций посвящено множество исследований в отечественной и зарубежной научной литературе. Чаще всего, в литературе риски разбиваются по группам, связанными с определенной сферой экономических отношений, например: бюджетные, налоговые, социальные, политические и т.д. [1] Далее они разделяются:

– на внешние и внутренние в зависимости от источников возникновения;

Laura A. Sugrobova
Postgraduate student
of the Department Public Finance,
Financial University under the Government
of the Russian Federation
lgubzheva@gmail.com

ENDOWMENT RISK MANAGEMENT OF NON-PROFIT ORGANIZATIONS

Annotation. The relevance of the topic is due to the need to develop the theory of endowment in Russia. The use of this tool for the accumulation of financial resources is not fully implemented, which prompts the study of various issues affecting the mechanism for the formation and use of endowment capital of non-profit organizations. The article analyzes the issues of formation and risk management of endowment of non-profit organizations in Russia. The classification and methods of risk management of endowment funds abroad are highlighted, based on which it is possible to build a theory of risk management of endowment in Russia.

Keywords: endowment, non-profit organization, risks.

– прогнозируемые и непрогнозируемые, в зависимости от возможности определения проявлений;

– на постоянные и переменные, в зависимости от характера возникновения и т.д. [1; 2]

При организации деятельности по управлению рисками целевого капитала необходимо учитывать поэтапное возникновение данной экономической категории, так как управление финансовыми ресурсами осуществляется на трех основных этапах: формирования, управления и использования целевого капитала. Необходимо риски целевого капитала группировать и представлять в виде отчетов, таблиц или матриц, для удобства анализа и возможности заключения определенных выводов на основе составленной информации. Нам представляется обоснованным непрерывно оценивать и анализировать причины возникновения рисков, и разрабатывать стратегии по устранению, либо уменьшению влияния рисков при функционировании целевого капитала некоммерческой организации.

За рубежом проводится постоянное исследование и мероприятия управления рисками эндаумент-фондов, на мониторинг которых тратятся большие средства. Так как после кризиса в 2008 году, рынок показал необходимость постоянного анализа, управляющие компании эндаумент-

фондов разрабатывают тактики управления рисками, организуют работу целых отделов во главе с опытными специалистами. Крупнейшие университеты (Гарвардский университет, Стэнфордский университет и Мичиганский университет) нанимают профессиональных риск-менеджеров, которым платят большие деньги для управления рисками. Например, Дэвид Свенсен одним из первых разработал инвестиционную модель в Йельском университете, которая отражала риски активов эндаумент-фонда [4].

Ежегодно управляющие компании эндаумент-фондов университетов обнаруживают результаты

деятельности по управлению рисками организации механизма формирования и управления финансовыми ресурсами. Обязательным пунктом отражаются результаты прогнозирования рискованной политики эндаумент-фонда, и при успешных результатах акцентируют на положительных итогах деятельности, либо разрабатываются планы по улучшению и развитию тактики на следующий год при отрицательных результатах. В итоге, в большинстве управляющих компаний эндаумент-фондов сформирован надежный процесс управления рисками, с определенной классификацией, отраженной в таблице 1 [3; 4].

Таблица 1

Классификация процесса управления рисками эндаумент-фондов

Риски	Управление
Риск отсутствия ликвидности	Влияние мобильности формирования и управления средствами эндаумент-фонда
Риск инвестирования	Управление инвестиционной стратегией
Риск недостаточной доходности	Влияние управления финансовыми вложениями на доходность от управления средствами эндаумент-фонда
Риски отчетности	Недостоверность информации, ошибки в отчетности
Стратегический риск	Потенциальное влияние на долгосрочную стратегию организации и инвестиционную политику изменений внешних факторов
Риск снижения объема пожертвований	Влияние активности доноров

Источник: составлено автором.

Для эффективного управления рисками эндаумент-фондов используется несколько способов, которые можно обобщить в следующие:

– «снизу вверх» – способ управления рисками с детализацией действий на каждом уровне с разбивкой по особенностям функционирования организации;

– «сверху вниз» – способ управления рисками, при котором координационные решения принимаются высшими должностными лицами;

– общий, многоуровневый надзор – комплексное управление рисками с учетом всех факторов, которые могут оказать влияние на деятельность организации.

Развитие теории управления рисками эндаумент-фондов позволяет наиболее эффективно осуществлять деятельность по формированию и управлению пожертвованными финансовыми ресурсами. Например, на сайте Кембриджского университета опубликованы материалы по управлению рисками эндаумент-фонда и инвестиционной стратегии, которые отражают достаточно сбалансированную политику управления ресурсами фонда. В соответствии с данными документами, необходимо согласование с контрольными отделами управляющей компании пороговых значений рисков для осуществления любой деятельности, а также, установлены ограничения по вложениям по одному из видов инвестиций, которые не могут занимать более одной десятой общей стоимости активов [5].

В зарубежной практике осуществляется комплексное изучение и составление рискованной

политики эндаумент-фондов, что свидетельствует о необходимости внедрения данной практики в отечественные реалии.

В Федеральном законе от 30.12.2006 № 275-ФЗ «О порядке формирования и использования целевого капитала некоммерческих организаций» (далее – Закон № 275-ФЗ) нет норм и положений устанавливающих и определяющих риски механизма целевого капитала некоммерческих организаций. Но на практике данный вопрос является одним из важнейших и требует доработок. Косвенно глава 3 Закона № 275-ФЗ устанавливает ограничения для управляющих компаний при совершении операций с имуществом, составляющим целевой капитал, что существенно сокращает риски потерь. Можно констатировать, что риски неудачного размещения имущества целевого капитала минимизированы, так как средства целевого капитала передаются управляющим компаниям – профессионалам в области инвестирования, которые диверсифицируют финансовые ресурсы.

Для более эффективного управления рисками целевого капитала нам представляется необходимым построение матрицы рисков функционирования целевого капитала, представленную в таблице 2.

В таблице выделены группы рисков функционирования целевого капитала, такие, как маловероятные, низко-вероятные, средне-вероятные и высоковероятные и уровень вероятного ущерба от реализации рисков. В соответствии с данной матрицей, необходимо осуществлять управление рисками разных групп, разными участниками механизма формирования и управления целевого

капитала некоммерческих организаций (руководители, сотрудники некоммерческих организаций – собственников целевого капитала; сотрудники управляющих компаний и т.д.) в соответствии с полномочиями. Данная матрица может стать

опорным инструментом для анализа рисков и может способствовать принятию управленческих решений при осуществлении деятельности некоммерческими организациями.

Таблица 2

Форма матрицы рисков функционирования целевого капитала

		Уровень ущерба от реализации риска				
		Несуществен.	Низкий	Средний	Существен.	Катастрофич.
Вероятность наступления риска	Крайне маловероятно	1	1	2	2	2
	Маловероятно	1	2	2	2	2
	Возможно	2	2	2	2	3
	Вероятно	2	2	2	3	3
	Весьма вероятно	2	2	3	3	3

Источник: составлено автором.

Введение и организация стратегии управления рисками целевого капитала некоммерческих организаций в российскую практику формирования

и использования пожертвованных финансовых ресурсов необходимо для успешного и эффективного развития данной отрасли.

Литература:

1. *Вяткин В.Н.* Риск-менеджмент: учебник. 2-е изд., перераб. и доп. // В.Н. Вяткин, В.А. Гамза, Ф.В. Маевский. М. : Издательство Юрайт, 2017. 365 с. Серия : Авторский учебник.
2. *Радина Н.К.* Риск-менеджмент для неправительственных некоммерческих организаций // Журнал исследований социальной политики. 2008. Т. 7. № 4. С. 503–518.
3. *Bennet D.* How David Swenswen Made Yale Fabulously Rich. Bloomberg Bussinesweek / D. Bennet, J. Lorin and M. McDonald. 2019. URL : <https://www.bloomberg.com/news/features/2019-09-11/david-swensen-made-yale-fabulously-rich-and-changed-endowments>
4. *Martin L. Leibowitz.* The Endowment Model of Investing : Return, Risk, and Diversification Hardcover / Martin L. Leibowitz, Anthony Bova, 2010. P. 327.
5. Управляющая компания инвестициями Кембриджа. URL : <https://www.cambridgeinvestmentmanagement.co.uk/risk-management>

Literature:

1. *Vyatkin V.N.* Risk-managment: book // V. N. Vyatkin, V.A. Gamza, F.V. Maevskiy. 2-e izd., dop. M. : Izdatelstvo Urait, 2017. 365 p. Seria : Avtorskiy uchebnik.
2. *Radina N.K.* Risk-managment dlya nepravitelstvennih nekomercheskih organizacij // Jurnal issledovaniy socialnoy politiki. 2008. Vol. 7. № 4. P. 503–518.
3. *Bennet D.* How David Swenswen Made Yale Fabulously Rich. Bloomberg Bussinesweek / D. Bennet, J. Lorin and M. McDonald. 2019. URL : <https://www.bloomberg.com/news/features/2019-09-11/david-swensen-made-yale-fabulously-rich-and-changed-endowments>
4. *Martin L. Leibowitz.* The Endowment Model of Investing : Return, Risk, and Diversification Hardcover / Martin L. Leibowitz, Anthony Bova, 2010. P. 327.
5. Cambridge Investment Management Limited. URL : <https://www.cambridgeinvestmentmanagement.co.uk/risk-management>

Яковлев Егор Олегович
аспирант,
магистр финансовых наук,
Департамент корпоративных финансов
и корпоративного управления, финансов,
денежного обращения и кредита,
Финансовый университет
при Правительстве Российской Федерации
lakovlev.Master@yandex.ru

Egor O. Iakovlev
Graduate student,
Master of Financial Sciences,
Corporate Finance Department
and Corporate Governance, finance,
Money Circulation and Credit,
Financial University under the Government
of the Russian Federation
lakovlev.Master@yandex.ru

МЕСТО И РОЛЬ ВЫСОКОТЕХНОЛОГИЧНЫХ ИННОВАЦИОННЫХ КОМПАНИЙ НА РОССИЙСКОМ И ЗАРУБЕЖНОМ РЫНКАХ

THE ROLE OF HIGH-TECH AND INNOVATIVE COMPANIES IN RUSSIAN AND FOREIGN MARKETS

Аннотация. В данной статье автор описывает связь, существующую между финансовыми циклами и ростом инвестиций в инновационные компании. Автор также освещает такие темы как: роль кредитов и банков в финансировании инноваций; способы финансирования инноваций. В статье описана целесообразность вложений в инновации на примере корпорации Kodak, Apple и Google и их инновационной активности: размер и количество инвестиций в перспективные разработки, а также эффект инноваций на их бизнес. Автор также расскажет о модели финансирования, которая позволяет корпорациям оставаться жизнеспособными.

Annotation. In this article author describes the connection between the financial cycles and the growth of investments to high-tech companies. Author elaborates on the topics of: the role of credit and banking in the innovations financing; methods of innovations financing. In this article the investments reasonability to start-ups at the example of Apple, Kodak and Google corporations will be described: the size and the quantity of investments to innovations and R&D; and how those investments impact their business. Author shows the model for corporate innovations, which helps corporates survive in modern business reality.

Ключевые слова: инновации, стартапы, финансы, корпоративные инновации, венчур.

Keywords: innovations, start-ups, finance, corporate innovations, venture.

Джозеф Шумпетер впервые установил тесную связь, существующую между инновационной эффективностью экономики и функционированием финансовых рынков [4]. В своей работе 1942 года он выделяет способ финансирования инноваций в качестве фактора, который дифференцирует разные степени развития капитализма [4]. В капиталистическом мире: «Кредит – это создание покупательской способности для последующей передачи предпринимателю» [5]. В этом случае кредит – продукт, а банкиры выступают в роли инспекторов и администраторов данной системы.

– взаимодополняемости между ними;

– различных видов доступа к финансовым рынкам для финансирования бизнес-экспериментов и проверки гипотез.

Таким образом, инновации требуют системы кредитов, и система кредитов – один из результатов потребности общества в инновациях.

Традиционные банки, нацеленные на максимизацию прибыли, боятся фундаментальной неопределенности, лежащей в основе инноваций. Именно поэтому инновации вынуждены привлекать альтернативные источники капитала: венчурный капитал, финансы бизнес-ангелов или государственные деньги: государственные инвестиционные банки или фонды.

Применительно к анализу современной экономики теория Д. Шумпетера о финансах и инновациях переводятся в ряд важных вопросов, касающихся:

Финансирование различается не только между секторами, жизненным циклом отрасли, но и фазой технологической революции. Работа Переса в исторической динамике показывает изменение роли финансов в ходе технологических революций [1]. В периоды бурного роста, когда производственный капитал задействован в текущих бизнес-процессах и находится в статусе-кво – существует потребность в привлечении «смелого» финансирования. Перес утверждает, что именно

– роли стартапов и состоявшихся компаний в инновационном процессе;

финансовый капитал играет фундаментальную роль в распространении технологических революций, потому что каждая технологическая революция сталкивается с консервативной средой, мешающей инновациям. Перес отмечает, что технические изменения происходят путем последовательных революций с лагом в несколько десятилетий между ними, подтверждая точку зрения Шумпетера на кластеризацию предпринимательства в определенные периоды. Скопление инновационных технологий приводит к тому, что «смелые» инвесторы оказывают им поддержку. Таким образом, Перес интерпретирует крупные финансовые пузыри как процессы создания кредитного капитала для внедрения достижений новой

технологической революции. Получается, что инновации случаются волнами.

Новые фирмы создают и коммерциализуют новые технологии, которые впоследствии оказывают положительный эффект на экономику. Эти находки были подтверждены в исследованиях Ховита, Фостера и Сиверсона [2], а также Викарс [6].

Покупателями новых технологий выступают корпорации. На рисунке 1 и рисунке 2 представлены количество приобретенных компаний и их добавленная стоимость к головной компании.

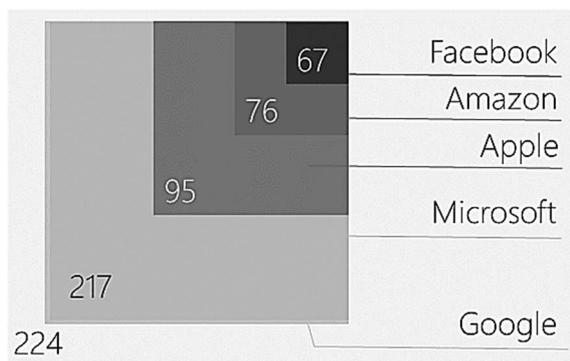

Рисунок 1 – Количество компаний, купленных индустриальными гигантами, на момент 2018 года, штук

Источник: составлено автором на основе данных из Bloomberg.

Однако нельзя сказать, что Motorola, Nokia, Kodak и многие другие «сбитые летчики» тратили мало, но они не увидели или не придали значения зарождавшимся «подрывающим» технологиям, что привело к утере их лидирующих позиций. Зачастую, компании с существенно меньшими

бюджетами побеждают гигантов за счет быстрой реакции на запросы рынка и верного фокуса на перспективные разработки. Понимая это, многие компании (Google, Cisco...) делают ставку не только на собственные разработки, но и на покупку перспективных технологий и решений.

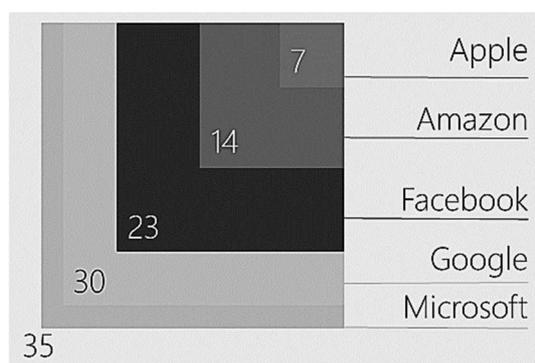

Рисунок 2 – Стоимость компаний, купленных индустриальными гигантами, на момент 2018 года, млрд рублей

Источник: составлено автором на основе данных из Bloomberg.

Кропф и Нанда в 2012 году [3] также показали, что постоянные инвестиции в новые технологии меняют общие настроения в обществе: инвесторы более склонны экспериментировать и вкладывать в рискованные проекты.

Экономическая активность смелых предпринимателей исторически поддерживалась, поддержи-

вается и будет поддерживаться в будущем. Именно смелые предприниматели создают компании, меняющие «статус-кво» через инновации и новые технологии. Большое скопление таких технологий приводит к технологическим революциям и отмиранию консервативных индустрий, и соответственно банкротству корпораций. Например, так произошло с компанией «Кодак».

Корпорации поняли целесообразность вложений в инновационные бизнесы и решили работать на опережение: создавать свои венчурные фонды

Литература:

1. *Avnimelech G.* Venture capital start-up co-evolution and the emergence & development of Israel's new high tech cluster: Part 1: Macro-background and industry analysis / G. Avnimelech, M. Teubal // *Economics of innovation and new technology*. 2004. Vol. 13. №. 1. P. 33–60.
2. *Foster L.* Reallocation, firm turnover, and efficiency: Selection on productivity or profitability? / L. Foster, J. Haltiwanger, C. Syverson // *American Economic Review*. 2008. Vol. 98. №. 1. P. 394–425.
3. *Nanda R.* Investment cycles and startup innovation / R. Nanda, Rhodes-Kropf M. // *Journal of Financial Economics*. 2013. Vol. 110. №. 2. P. 403–418.
4. *Croitoru A.* Schumpeter, JA, 1934 (2008), The theory of economic development: An inquiry into profits, capital, credit, interest and the business cycle / Croitoru A. et al. // *Journal of comparative research in anthropology and sociology*. 2012. Vol. 3. № 02. P. 137–148.
5. *Fisher F.M.* Returns to scale in research and development: What does the Schumpeterian hypothesis imply? / F.M. Fisher, P. Temin // *Journal of Political Economy*. 1973. Vol. 81. №. 1. P. 56–70.
6. *Vickers K.* Creation of an entrepreneurial university culture, the University of Arkansas as a case study / Vickers K. et al. // *Journal of Engineering Education*. 2001. Vol. 90. №. 4. P. 617–622.

для продвижения инноваций внутри компании и их дальнейшего масштабирования.

Literature:

1. *Avnimelech G.* Venture capital start-up co-evolution and the emergence & development of Israel's new high tech cluster: Part 1: Macro-background and industry analysis / G. Avnimelech, M. Teubal // *Economics of innovation and new technology*. 2004. Vol. 13. №. 1. P. 33–60.
2. *Foster L.* Reallocation, firm turnover, and efficiency: Selection on productivity or profitability? / L. Foster, J. Haltiwanger, C. Syverson // *American Economic Review*. 2008. Vol. 98. №. 1. P. 394–425.
3. *Nanda R.* Investment cycles and startup innovation / R. Nanda, Rhodes-Kropf M. // *Journal of Financial Economics*. 2013. Vol. 110. №. 2. P. 403–418.
4. *Croitoru A.* Schumpeter, JA, 1934 (2008), The theory of economic development: An inquiry into profits, capital, credit, interest and the business cycle / Croitoru A. et al. // *Journal of comparative research in anthropology and sociology*. 2012. Vol. 3. № 02. P. 137–148.
5. *Fisher F.M.* Returns to scale in research and development: What does the Schumpeterian hypothesis imply? / F.M. Fisher, P. Temin // *Journal of Political Economy*. 1973. Vol. 81. №. 1. P. 56–70.
6. *Vickers K.* Creation of an entrepreneurial university culture, the University of Arkansas as a case study / Vickers K. et al. // *Journal of Engineering Education*. 2001. Vol. 90. №. 4. P. 617–622.

НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ

ГУМАНИТАРНЫЕ, СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИЕ И ОБЩЕСТВЕННЫЕ НАУКИ

Корректор: Попов М.Ю.
Оригинал-макет: Шелкова Е.А.

Сдано в набор 17.09.2020
Подписано в печать 21.09.2020
Формат 60x84^{1/8}. Бумага типографская № 18
Печать riso. Уч.-изд. л. 11,7
Тираж 550 экз.

Отпечатано ИП Фоменко О.Я.
Тел. +7(918) 41-50-571

Заказ № 51

e-mail: [id.yug2016@gmail.com](mailto: id.yug2016@gmail.com)